

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПЕРЕВОДАХ
XIII

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Tan & Sloan

ТАМАШ КРАУС

СУДЬБА ИДЕЙ

В ИСТОРИИ СССР

И ПОСЛЕ...

2020

УДК 93–94
ББК 63.3
К 78

*Издание осуществлено
в рамках исследовательского проекта (№ 20-59-23001 РЯиК)
«Россия и Венгрия в прошлом и настоящем: кросскультурный диалог»,
поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований и
Фондом «За русский язык и культуру в Венгрии»*

КРАУС, Тамаш. СУДЬБА ИДЕЙ В ИСТОРИИ СССР И ПОСЛЕ.../
Под общей редакцией М.С. Петровой — М.: Аквилон, 2020. —
332 с. (Гуманитарные науки в исследованиях и переводах
[Т. XIII]; изд. с 2010 г. / Отв. ред. серии — М.С. Петрова)

Былой исторический опыт, политика, рефлексии самозащиты и нужды политической власти почти погребли под собой историческую науку, идеи и идеалы социальной эмансипации... но все же не смогли полностью уничтожить эти идеалы. За прошедшие пять десятилетий автора этих строк занимала именно история этого важнейшего противоречия, волновала судьба идей и идеалов в истории СССР и далеко за его границей. Исследования, собранные в этой книге, фокусируются на этой проблеме с самых разных точек зрения. В них обсуждаются биографии политиков — от Ленина до Ельцина; решения, определяющие пути развития страны и оказавшие серьезное влияние на советскую историю, крупные судьбоносные переломы, важнейшие исторические альтернативы — от Октябрьской революции 1917 года до смены общественного строя в 1989–1993 годы.

ISBN 978–5–906578–67–9

© Тамаш КРАУС, 2020
© М.С. Петрова, общая редакция, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОНЯТИЯ И ПОДХОДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
1917 год: сто лет, сто заветов.....	15
Своеобразие русского исторического процесса: О дискуссии Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского.....	41
Lenin on Global History and the Global Historiography on Lenin.....	62
Ahistorical political economics: debate with János Kornai.....	81
Deutscher, Lenin and the East-European Perspectives: On the History of the Theory of Socialism.....	102

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЙНА И ГЕНОЦИД

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Отношения между историографией и политикой памяти: об оценке советско-германского пакта о ненападении (Кто несет ответственность за войну?).....	129
Отождествима ли нацистская Германия с СССР? Или как переписывают историю Великой Отечественной войны представители мейнстрима венгерской исторической науки?.....	180

Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза (<i>В соавторстве с д-ром ВАРГОЙ, Евой Марией</i>).....	184
ГУЛАГ и Освенцим: смысл и функция сравнительного исследования.....	216

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СМЫСЛ ПЕРЕСТРОЙКИ
КОНЕЦ СССР

О венгерских рабочих советах 1956 года.....	243
1968 — многообразие исторического наследия: Восточноевропейский «случай».....	253
Перестройка и передел собственности в Советском Союзе и после: политические трактовки и исторические свидетельства.....	264
Размышления о советском человеке (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ).....	316
Источники ПУБЛИКАЦИЙ.....	330

CONTENTS

PART ONE

CONCEPTS AND APPROACHES

PREFACE.....	9
1917: one hundred years, one hundred messages.....	15
Particular character of the Russian historical processes: about L.D. Trotsky's and M.N. Pokrovsky's debate.....	41
Lenin on global history and the global historiography on Lenin.....	62
Ahistorical political economics: debate with János Kornai.....	81
Deutscher, Lenin and the East-European perspectives: on the history of the theory of Socialism.....	102

PART TWO

WAR AND GENOCIDE

HISTORICAL FACTS AND POLITICS OF MEMORY

On the relationship between historiography and politics of memory: about the evaluation of Soviet-German non-aggression pact (Who is responsible for the war?).....	129
Can Nazi Germany be identified with the Soviet Union? Or how the history of the Great Patriotic War is re-written by Hungarian mainstream historians?.....	180

Silenced Genocide: Hungarian occupying troops on the territory of the Soviet Union (<i>Co-authored with Dr. VARGA, Eva Maria</i>).....	184
The Gulag and Auschwitz: the sense and function of comparative research.....	216

PART THREE

THE MEANING OF PERESTROIKA

THE END OF THE USSR

On the Hungarian Workers' Councils of 1956.....	243
1968 — a diverse historical legacy: East-European “case”.....	253
Perestroika and the redistribution of property in the USSR and after: political interpretations and historical lessons.....	264
Thoughts about “the Soviet Man” (INSTEAD OF A CONCLUSION).....	316
SOURCES OF PUBLICATIONS.....	330

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важнейшая роль идей и идеалов в истории была ясна великим мыслителям уже с самых давних времен. Еще Аристотель в «Большой этике» сформулировал в философской плоскости проблему *равенства и справедливости*, значительно позднее в творчестве гуманиста Томаса Мора получил духовное оформление и идеал *социального равенства*, и от утопического социализма оставался лишь «один шаг», 300 лет до Маркса, основателя научного социализма, который, продолжая традицию французского Просвещения, перенес идею и теорию *социальной эмансипации* на более высокий уровень. От него они достались в наследство Ленину и российской революции, которые могут считаться исходными точками истории Советского Союза. Однако в своеобразных исторических условиях политика, самозащитные рефлексy и нужды политической власти почти погребли под собой, но все же не смогли полностью уничтожить эти идеалы. За прошедшие полстолетия автора этих строк занимала именно история этого важнейшего противоречия и волновала судьба упомянутых идей и идеалов¹. Практически статьи, собранные в настоящей книге, с различных точек зрения реагируют на этот главный вопрос. В изучении этой проблематики может быть и есть много уровней и точек зрения, но, будучи историком и приняв во внимание инструкции редактора серии, я выбрал для публикации те статьи, в которых анализ указанной проблематики ведется в рамках исторического подхода, с помощью исторического метода, в контексте определенной исторической эпохи.

¹ «История судьбы» этих идей и идеалов отразилась в двух моих книгах, вышедших в свет и на русском языке: «Советский Термидор» (Будапешт, 1997) и «Ленин. Социально-теоретическая реконструкция» (Москва, 2011).

Собранные в настоящей книге статьи печатаются по тексту их первой публикации. Незначительные изменения, сделанные в ходе редактирования, не затрагивают сути этих работ.

За прошедшие пять десятилетий меня многое занимало, от историографии до истории идей, очень интересовали биографии и определяющие пути развития решения политиков, оказавших серьезное влияние на советскую историю, от Ленина до Ельцина, крупные судьбоносные переломы и важнейшие исторические альтернативы, от Октябрьской революции 1917 г. до смены общественного строя в 1989–1993 гг.

Еще будучи студентами, мы получили от профессоров Дебреценского университета, прежде всего от двух крупных историков, академиков Эмиля Нидерхаузера и Дёрдя Ранки, практическое наставление относительно того, что даже советским историкам нелегко заниматься советской историей, поскольку архивные материалы им приходилось добывать по каплям, а что уж говорить об иностранцах... Как ни странно, это не только не отпугнуло, а скорее лишь сильнее влекло нас к советской тематике — СССР представлял собой совершенно уникальный комплексный феномен среди различных регионов мировой системы.

В самом начале 70-х гг. я начал с национального вопроса и истории большевизма, потом занялся изучением деятельности В.И. Ленина, М.Н. Покровского и Л.Д. Троцкого. Статья, ставшая моей первой русскоязычной научной публикацией (кроме нашей книги о Сталине, 1988), появилась в историографическом сборнике 1997 г., редакторами которого были известные академические историки того времени, Г.Д. Алексеева, А.Н. Сахаров и Л.А. Сидорова². А первым знаменитым советским историком, с которым я, хотя и лишь мимоходом, познакомился на конференции в будапештском Институте истории партии, был И.И. Минц, особая фигура в советской исторической науке. Это был легендарный ис-

² Краус, Тамаш. Своеобразие русского исторического процесса: О дискуссии Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского // Историческая наука России в XX веке [Сб. статей] / РАН. Ин-т российской истории / Редкол.: Г.Д. Алексеева, А.Н. Сахаров, Л.А. Сидорова / Отв. ред. Г.Д. Алексеева / Предисл. Г.Д. Алексеевой. М.: Скрипторий, 1997. С. 200-216 — см. ниже, с. 41-61.

торик, карьера которого на самом деле была связана со Сталиным и Кратким курсом, в окончательном редактировании которого принимал участие и сам Иосиф Виссарионович. Это подтверждается документами. Конечно, легенды всегда правдивы, но только наполовину. Минц действительно был легендарной личностью, но его нельзя было назвать наиболее склонным к новаторству советским историком, с которым мне довелось повстречаться. Позже я познакомился со многими советскими историками, в основном из академической и в меньшей степени из университетской среды. В 70-80-х годах наиболее популярным в Венгрии советским историком был, вероятно, Тофик Исламов, председатель советско-венгерской совместной комиссии историков, который оказал поддержку многим венгерским историкам в их исследовательской работе в СССР. Уважал я и Турока-Попова, понимавшего проблемы нашего региона, и его жену, Коку Александровну, занимавшуюся историей Индии. И помню много других российских коллег, от которых не малому научился.

Свой опыт я смог бы коротко обобщить, выделив четыре характерных момента, которые в том или ином смысле повлияли на меня, пролили свет на определенные отличительные черты истории советской исторической науки. Во-первых, в 70-80-х годах я никогда не слышал, чтобы советский историк излагал на официальных мероприятиях расистские взгляды. Во-вторых, я очень скоро научился различать два основных направления, которые, конечно, на официальном уровне «объединялись» в форме компромисса, — «западническое» и «государственническое». В-третьих, характерной чертой почти всех советских историков была «осмотрительность», осторожность как в политических, так и в острых профессиональных вопросах, а если выразиться резче, — приспособление к меняющимся идеологическим партийным требованиям, конечно, если им удавалось предвидеть частую смену политических курсов. Мне вспоминается кишиневская конференция 1984 года, на которой Виктор Иосифович Миллер и ныне уже отпраздновавший свое 92-летие замечательный историк, Генрих Зиновьевич Иоффе просветили меня относительно того, где и при каких обстоятельствах можно и имеет смысл демонстрировать мой исследовательский интерес к Троцкому. В их советах еще не уга-

дывалось приближение хаотичной атмосферы перестройки. Историком «западнического» направления считалась и Наталья Георгиевна Думова, которая стремилась нарисовать объективную картину буржуазного развития России, но никогда не доходила до того, чтобы интерпретировать Первую мировую войну как «справедливую национальную войну», как это сделали некоторые в недалеком прошлом.

Четвертым моментом было то, как советские историки уже с конца 20-х гг. часто подменяли понятие теории легитимационной идеологией, которую называли «марксизмом-ленинизмом». Конечно, «виноваты» были не историки, это был недостаток самой системы: советская система напрасно ссыалась на *марксизм*, не возникало и не могло возникнуть влиятельной марксистской системной критики. В Советском Союзе никогда не публиковали работ самого знаменитого западного историка-марксиста Эрика Хобсбаума. Те, кто желал системной критики, вынуждены были в своих критических выступлениях удовлетвориться ссылками на Ленина.

Все это изменилось после смены общественного строя в 1989–1993 гг., но лишь для того, чтобы многое другое осталось неизменным. Мои авторитетные российские коллеги, многих из которых я могу назвать своими друзьями, снова выстроились по обе стороны арены политической борьбы, хотя, конечно, уже с иными по содержанию взглядами, с иными качествами и профессиональными целями. Бывшие «западники» во многих случаях превратились в либералов западнического толка, а государственники — в национал-государственников со своего рода имперским мировоззрением.

С начала 80-х гг. у меня складывалось методологическое убеждение, философские основы которого еще в 30-х гг. разработал работавший в эмиграции, в московском Институте философии Дёрдь Лукач вместе с Михаилом Лифшицем. Это — *tertium datur*, идея третьего пути, позволяющего избегать неверных политических решений и / или осуществлять анализ альтернативности исторического развития. А именно при изучении истории СССР методологическая поддержка научного анализа была особенно полезна, давая возможность последнему вырваться из порочных кругов политики. Применимость этого метода демонстрируется многими

мыслями о советской истории из грандиозной работы Дёрдя Лукача «К онтологии общественного бытия», которая осталась незавершенной из-за смерти Лукача в 1971 г.

Об этом говорится прежде всего в первой главе книги, посвященной историческому подходу к развитию Советского Союза, методологическими аспектами интерпретаций, рассмотрению в определенной перспективе (всемирно)исторического влияния российской революции и развития советской страны. Во второй главе я, не отворачиваясь от вызовов войн памяти, но и не намереваясь плыть по течению, занимаюсь главным образом «переосмыслением» Великой Отечественной войны в Восточной Европе, в том числе венгерскими и российскими аспектами этой проблемы. Мне хотелось бы осмыслить и объяснить, каким образом политика опять переделывает по своему образу и подобию нашу науку, историю, прежде всего в отношении событий XX в.

В третьей главе содержатся статьи, в которых реконструируются процессы распада СССР. Как и почему «развалился» социалистический эксперимент и его первая историческая форма — Советский Союз? При этом я, конечно, уже около четверти века знаю, что объяснить, почему победила российская революция, и как сумел Советский Союз окрепнуть и продержаться в течение семи десятилетий, труднее и сложнее, нежели ответить на вопрос о причинах его распада.

Надеюсь, что российские читатели не отнесутся к настоящей книге как к документу «умствования иностранца». Хотелось бы, чтобы она была воспринята, — если выразиться несколько высокопарно, — в качестве посильного вклада в совместные усилия. Как писал Марк Блок, исследователь прошлого, «которому неинтересно смотреть вокруг себя на людей, на вещи и события, вероятно, заслуживает, чтобы его, как сказал Пиренн, назвали антикварным орудием. Ему лучше отказаться от звания историка». Следовательно, без идеалов никак не обойтись... Блок также отмечал, что уже в освобождении рабов действовал первобытно-коммунистический идеал «равенства во Христе»³, от которого че-

³³ Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 28 — Bloch M. A történelem védelmében. Budapest, 1974. 116-117.

ловечество никогда не отказывалось полностью, ведь он до наших дней присутствует как во всех религиях, от иудаизма до ислама, так и в гуманистической науке.

И в заключение. Я очень признателен редактору серии, замечательному ученому Майе Петровой за предоставленную мне возможность предложить читателям настоящую книгу. Здесь нужно сказать огромное спасибо Еве Надь за ту огромную помощь, которую она мне оказала в подготовке этих материалов. Виктор Сабо помог мне реконструировать несколько текстов в формате Word.

Мое многолетнее общение с российскими читателями не состоялось бы без моего давнего коллеги по кафедре русистики нашего университета историка Сергея Филиппова, который оказал мне большую помощь в качестве переводчика большинства моих книг и статей. Пользуясь случаем, хочу выразить ему свою благодарность.

Будапешт, 1 мая 2020 г.

Тамаш Краус

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОНЯТИЯ И ПОДХОДЫ

1917 ГОД
СТО ЛЕТ, СТО ЗАВЕТОВ*

НА ГРАНИЦЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПОЛИТИКИ

Историю революций нельзя писать бесстрастно, даже самый хладнокровный ученый рано или поздно окажется по ту или иную сторону баррикад. Первая крупная, быть может, до сих пор наиболее значительная классическая история русской революции 1917 г. была написана одним из вождей этой революции, Львом Давидовичем Троцким, с тем революционным пылом, с которым писал только он. По сей день с нее порой «списывают» даже историки, занимающие противоположную по отношению к автору позицию. Страстными полемическими работами, написанными с позиции анархистов, были книги «Два Октября» Петра Аршинова, опубликованная в 1927 г. в Париже, и знаменитая книга Пола Аврича «The Anarchists in the Russian Revolution», вышедшая в 1973 г. в Нью-Йорке. Страстностью характеризовались и первые чисто теоретические обобщающие работы, появившиеся после революции, например, труды марксиста Дьердя Лукача и религиозного философа Николая Бердяева. Первые, написанные с большой эрудицией работы, рассказывающие об истории русской революции, как правило, выходили из-под пера просоветски настроенных, марксистских или близких к марксизму авторов. Кто не слышал о грандиозной двухтомной книге Уильяма Генри Чемберлена «Русская революция 1917–1921 гг.» или о «коллекции реликвий» ушедшего из жизни в прошлом году Дэвида Кинга «Red star over Russia: a visual history of the Soviet Union from 1917 to the death of

* Первая публикация в России — 2017 г.

Stalin: posters, photographs and graphics»? Работы И. Дойчера или Э.Х. Карра, ознаменовавшие смену вех и до сих пор высоко оцениваемые историками, уже были пронизаны скорее пафосом откровения, исторического исследования.

Конечно, революционным (или контрреволюционным) пылом были проникнуты не только история или философия, но и искусство. Нужно быть узким специалистом, замкнувшимся в своей области науки, чтобы не заметить аутентичные «истории революции», отмеченные художественной страстностью и превращающие познание в эстетическое наслаждение. Среди таких произведений можно упомянуть, например, «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Конармию» Исаака Бабеля, «Голый год» Бориса Пильняка, «Россию, кровью умытую» Артема Веселого, «Чевенгур» Андрея Платонова, «Белую гвардию» Михаила Булгакова, «Железный поток» Александра Серафимовича, творчество Максима Горького, поэзию Александра Блока, Сергея Есенина или Владимира Маяковского, фильмы Сергея Эйзенштейна или Дзиги Вертова, картины Марка Шагала, Натальи Гончаровой или Кузьмы Петрова-Водкина. Искренней «классовой страстью» руководствовались и сторонники контрреволюционного подхода, а позже — так называемой концепции тоталитаризма, выдвинутой в годы холодной войны. Вершиной этого направления стала «неототалитаристская» книга наиболее влиятельного сторонника этой позиции Ричарда Пайпса «Русская революция», опубликованная в 1990 г. Этой книге также свойственна «страсть разоблачения», имеющая непосредственную политическую подоплеку: автор ставит под сомнение буквально все основные тезисы, методы и результаты так называемой ревизионистской и марксистской исторической науки. Несмотря на то, что Советского Союза нет уже четверть столетия, эта страстность понятна, ведь история великих революций рассказывает о возможности и невозможности изменить мир. Неслучайно историков можно найти и среди действующих лиц русской революции, причем в первых рядах воюющих сторон. Один из вождей либералов, министр иностранных дел Временного правительства Павел Миллюков, был по профессии историком, и написанные им история русской культуры и история революции до сих пор не потеряли своего значения. Представитель другого лагеря, революционер-большевик Михаил Покровский, основатель советской историче-

ской науки, также был в начале XX в. выпускником историко-филологического факультета Московского университета. Однако послевоенное поколение повсеместно в Восточной Европе выросло на официозных марксистско-ленинистских трудах 1960–1970-х годов, в которых даже в постсталинскую эпоху было множество белых пятен: в них отсутствовали имена многих лидеров революции, а если эти имена и упоминались, то сопровождаемые бранными характеристиками. Первые «бунтари» в 1970-х гг. вступили в борьбу как раз за уничтожение этих «белых пятен», опираясь при этом на первичные источники, а также на работы уже упомянутых западных историков, прежде всего Александра Рабиновича¹. Если не в Москве, то, например, в Будапеште эти работы были доступны ученым, имевшим официальный статус. В то же время нельзя не вспомнить советских ученых, которые в Москве познакомили молодых венгерских и других восточноевропейских исследователей с особенностями устной истории, и самиздата. По личному опыту я хотел бы упомянуть уже покойных Владимира Турок-Попова и Виктора Иосифовича Миллера, приближающегося к 90-летнему юбилею Генриха Зиновьевича Иоффе или уже перешедшего 90-летний рубеж Роя Александровича Медведева, которых я и сегодня вспоминаю с глубокой благодарностью. Что же касается первых попыток работать в московских архивах, то о них и о связанных с ними фантастических ситуациях интересно рассказано в недавно вышедших в свет, наполненных жизнью мемуарах Шейлы Фитцпатрик². Несмотря на то, что по-прежнему существуют связанные с историей революции личные фонды, закрытые для изучения, в целом доступ к источникам уже открыт, однако по каким-то причинам за последнее время как в России, так и в Восточной Европе было опубликовано очень немного работ по истории революции. Конечно, за последние десятилетия (параллельно с возможно-

¹ Среди попыток уничтожения «белых пятен» я упомяну и свою небольшую книгу «A cártól a komisszárokig. Az 1917-es oroszországi forradalmak történetéből» (Kossuth, 1987), в которой в списке использованной литературы «мирно соседствовали» работы Э. Бурджалова и А. Рабиновича, венгра И. Долмвнёша, а также Т.Х. Ригби, Г. Йоффе и Н. Думовой, Б. Николаевского и П. Аврича.

² См.: *Fitzpatrick, S. A spy in the archives: a memoir of Cold War Russia*. London - New York: I.B. Tauris, 2014.

стью работать в архивах) в трудах по истории снова появились имена Троцкого и Бухарина, Зиновьева и Каменева, а то и Махно, но это не приносит большого удовлетворения. История русской революции, как и многое другое, стала частью легитимационной идеологии нового господствующего порядка и повсеместно — от Москвы до Киева, от Вильнюса до Варшавы и Будапешта — попала в плен старых предрассудков. При посредничестве «неототалитаристской школы» со свалки истории были принесены казавшиеся безвозвратно устаревшими заблуждения, более того, лживые утверждения и забытые сплетни, получившие статус объяснительных «теорий». Создается впечатление, будто бы уже не существует достижений так называемой ревизионистской школы, казавшейся победительницей в нашем регионе в 1980-х гг. В этом выразились идеологические послышки, характерные для интеллектуального климата в странах Восточной Европы, сложившегося после смены общественного строя, в котором, несколько упрощая, можно выделить, с одной стороны, либеральную русофобию, а с другой стороны — имперский государственный национализм или этнонационализм. Явная цель подобной переоценки истории русской революции состоит в том, чтобы очернить ее участников, ее цели, ценности, надежды и реальные результаты, поставить под сомнение сам факт Октябрьской революции. На сотом году после русской революции наибольшей популярностью, быть может, пользуется интерпретация октябрьских событий как путча. Эта интерпретация распространилась в Восточной Европе по многим каналам от мейнстрима пропаганды до книг по истории. Ныне 90-летний историк революции А. Рабинович, который провел свое детство в США среди русских эмигрантов, принадлежавших к самым разным политическим направлениям, и слышал рассказы именитых гостей об октябрьских событиях, так говорит об истоках этой трактовки: за длинными обедами и ужинами Керенский и Набоков или меньшевистские руководители, Церетели и Николаевский, убеждали себя и своих слушателей в том, что октябрьское восстание было всего лишь военным путчем, организованным бандой заговорщиков во главе с Лениным на деньги германских разведслужб или, по другой версии, «инородцев», еврейских банкиров. (Между тем, ученым давно известно, что в 1917 г. великороссы составляли немногим более половины 145-

миллионного населения империи и в то же время приблизительно две трети партии большевиков. Согласно любым статистическим данным, «инородцы», евреи, составляли менее 2% населения и 9% членов партии). Исследовательская деятельность маститого историка может отчасти рассматриваться как своеобразный ответ на этот «тезис»³. Вряд ли можно было предположить, что спустя семь десятилетий «криминализация» истории революции и абсолютизация нарратива насилия и террора превратятся, можно сказать, в официальную доктрину в обширном регионе Европы и прежде всего в той стране, где произошла эта революция. Сопредседатель Российского исторического общества академик Александр Чубарьян прямо вывел насилие из революции, а отнюдь не наоборот⁴.

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ

В наши дни даже историки иногда задают наивный вопрос: почему же революционеры не слушались «умеренных» либералов, которым будущее России виделось в движении по западноевропейскому пути развития под знаком буржуазной или подобной ей республики или буржуазной монархии? С другой стороны, возникает и такой вопрос: как случилось, что почти все эти «умеренные» либералы позже оказались в лагере белогвардейской офицерской диктатуры? Системный кризис, который взорвал в 1917 г. монархию и традиционное русское общество, разразился не случайно. Либералы и марксисты, Плеханов и Милюков, Ключевский и Покровский, Ленин и Струве, Троцкий и Рязанов много лет вели полемику о связи между кризисом самодержавия и «своеобразием исторического развития России». Это «своеобразие» вырвалось на поверхность в 1905 г. Немногочисленный, но сконцентрированный в нескольких крупных городах пролетариат с его советами и десятки миллионов безземельных крестьян, захватывавших землю,

³ См.: Russia's century of revolutions: parties, people, places // Studies presented in honor of Alexander Rabinowitch / Ed. by M.S. Melancon, D.J. Raleigh. Bloomington, Indiana: Slavica, cop. 2012.

⁴ См.: Александр Чубарьян об уроках революции 1917 года // Новости Сибирской науки. — <http://www.sib-science.info/ru/ras/god-ne-dolzhen-2401-2017> (08.05.2017).

показали в 1905 г. всему миру, что судьба царского самодержавия теперь зависит в первую очередь от них. Не все поняли уроки истории 1905 г. Однако русское общественное мнение, начиная с сосланных революционеров и кончая авторами сборника «Вехи», осознало, что ни кровавый террор, ни царская «конституция», ни осуществленные «наполовину» столыпинские аграрные реформы не только не смягчили, но, напротив, обострили внутренние противоречия самодержавного режима, социальную напряженность в стране. В России сложилась такая «многоукладная», «полупериферийная» форма развития, которая являлась переходной между капитализмом евроамериканского ядра и «досовременным» колониальным регионом. Таким образом, в иерархической мировой экономике Россия зависела от этого ядра, от иностранного капитала, и в то же время сама была своеобразной колониальной державой в соответствии с понятием «внутренняя колонизация». Докapиталистические формы постепенно превратились в функцию формы капиталистической, что к большой радости отечественного и иностранного капитала сделало процесс воспроизводства, накопления капиталов на «полупериферии» повышенно ориентированным на получение прибыли. Самодержавию удавалось сдерживать волнения неграмотной, дешевой, но недовольной условиями жизни «рабочей силы» лишь путем применения жестоких форм насилия. В Западной Европе в то время уже существовали гораздо более утонченные средства эксплуатации. В России эта социальная масса, промышленный пролетариат, составляла перед Первой мировой войной уже около 10 миллионов человек⁵. При царском самодержавии не сложилось третье сословие, хотя экономически и политически самостоятельной демократической буржуазии не было даже в XX веке. Значительная часть русской революционной социал-демократии, особенно большевики, сделали из этого вывод, что без демократической буржуазии западная либеральная буржуазная демократия невозможна. Поэтому социалистическое рабочее движение пришло к необходимости «интегрировать» в себя «досовременные» движения безземельного крестьянства (ра-

⁵ См.: *Воейков М.И.* Материальные и социально-экономические предпосылки Русской революции // Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Современная гуманитарная акад., Фонд Розы Люксембург, Фонд «Альтернативы» / Под общ. ред. А.А. Сорокина. М.: URSS, 2008. С. 62-90.

бочекрестьянский союз), что было опробовано в ходе «генеральной репетиции», пролетарской революции 1905 г., а затем осуществлено во время Революции 1917 г. и Гражданской войны. Большая часть меньшевиков выступала не за союз с «консервативным крестьянством», а за сотрудничество с либеральной буржуазией, а позже — с Учредительным собранием. Это противоречие очень рано проявилось в политическом противостоянии Плеханова и Ленина.

Развитие глобализации, которую в российском и международном рабочем движении называли в то время империализмом и колониализмом, означало не только экономическую и политическую экспансию капитала и великих держав. Новые формы развития капитала и война привели к эрозии империй, возникли национальные движения, были обрисованы контуры новых национальных государств с присущими им новыми противоречиями. Царь и властные институты не только не знали решения этих проблем, но и не понимали всей тяжести и сути большинства из них. После поражения первой русской революции «модернизация самодержавия» двинулась по «прусскому пути» развития капитализма. Эти обстоятельства снова заставили многих задуматься о перспективах буржуазной эволюции, заманив в трясины иллюзий даже часть социал-демократов. Несмотря на правительственный гнет, накопленное в XIX в. революционное наследие продолжало увеличиваться как в интеллектуальном, так и в социальном отношении⁶. В соответствии с особенностями социального развития России, российское рабочее движение и Российская социал-демократическая рабочая партия формировались на интеллигентской основе. Как много лет назад отметил Эрик Хобсбаум, чем дальше мы движемся с запада на восток Европы, тем большую роль играет интеллигенция в рабочем движении. В документах II съезда РСДРП (1903) отражается характерная черта русской революционной тра-

⁶ Во время холодной войны эта тематика привлекла внимание историков в США. Одной из первых книг по этой теме была работа: *Haimson, L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1955.* Первая серьезная работа в эмиграции принадлежала Федору Дану: *Дан Ф.И. Происхождение большевизма: К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк: Новая демократия, 1946.*

диции — неспособность к бюрократическим компромиссам и устремленность к конечным целям, пролетарской революции, диктатуре пролетариата и социализму (коммунизму), к ликвидации социально-экономического неравенства. Историки давно выяснили, что российская социал-демократия и рабочее движение ведут свою «родословную» прежде всего от русского якобинства (ткачевизма), бакунизма (анархизма), народничества, «Народной воли» и так называемых революционных демократов — Герцена, Добролюбова и Чернышевского. Составные части этого «наследия» в разных пропорциях были представлены в различных революционных интеллектуально-политических течениях. Марксизм пустил прочные корни уже в начале века только среди социал-демократов во главе с «патриархом» движения Плехановым. Отечественное революционное наследие было оплодотворено французским Просвещением и французским социализмом, а также немецкой социал-демократией на базе интегрирующего влияния Маркса и марксизма. Уже в знаменитом письме к Вере Засулич Маркс писал, что в России возможна социалистическая революция. Ленин очень рано, еще до революции 1905 г., понял, что эпицентр революционного движения переместился в Россию. На основании работ Маркса Ленин представлял себе русскую революцию в качестве исходной точки революции европейской. В письме к Засулич говорится, что, если русская революция не останется в одиночестве, и рабочее движение Запада не примирится с капиталистическим строем, то победа революции и социализма в России с ее крестьянской общинной традицией будет обеспечена. В противном случае русская революция как революция коммунистическая будет обречена на провал⁷.

В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 г. Маркс и Энгельс связывали воедино вопросы о местной и всемирной революции. Они рассматривали русскую общину и возможность русской революции в свете различия в развитии России и стран ядра.

Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения

⁷ См.: Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1961. С. 250-251.

землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития⁸.

Собственно говоря, с этого пункта Ленин и продолжил ход мысли Маркса. Русская революция произошла не по представлениям Маркса и Энгельса. Плеханов и Ленин уже в самом начале XX в. считали, что капитализм безвозвратно «подорвал» общину, и ее разложение — необратимый процесс. Ленинская революционная альтернатива, нацеленная на «смену цивилизации», получила свою окончательную теоретическую форму во время Первой мировой войны, когда Ленин сформулировал закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Он писал, что в рамках этого закона Россия является «слабым звеном империализма», где будет легче всего пробить стену капитализма. И хотя Ленин преувеличивал антикапиталистический потенциал антиколониальных движений, он понимал, что антиколониальные и национальные движения могут быть очень разными с исторической и классовой точек зрения. Критерием его оценки была направленность этих движений к «Средневековью» или к «Новому времени». Порвав с господствовавшим тогда и у «левых» Запада «евроцентризмом», Ленин искал возможности глобального сопротивления. Однако революционный кризис и глобальное распространение революционной борьбы в конечном итоге были ускорены мировой войной, напоминающей о русско-японской войне, «ответственной» за начало первой русской революции. Позиции революционных течений в противовес позициям сил, стоящих за реформирование царизма, укреплялись благодаря тому, что возможности реформирования самодержавия иссякли, а главное — благодаря мировой империалистической войне с ее апокалиптическими последствиями.

⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1961. С. 305.

ми. Таким образом, Первая мировая война была непосредственной «предысторией», можно сказать, «колыбелью» революции. В 1916 г. разразился непростой продовольственный кризис, недееспособной стала вся система производства, что выразилось и в военных поражениях. Сразу после революции в результате наступившего кризиса был закрыт целый ряд промышленных предприятий. Как пишет известный специалист по этой тематике, даже частный капитал не слишком доверял новому Временному правительству, хотя оно было «своим» с классово-экономической точки зрения. Это фатальное недоверие нашло однозначное выражение в массовом закрытии частных предприятий. К октябрю промышленное производство сократилось на 40% по сравнению с предыдущим, 1916 годом⁹. Таким образом, хаос, насилие, вспыхнувшие эпидемии и голод были следствиями не революции, а мировой войны и краха царского режима. На некоторых предприятиях заработная плата рабочих сократилась наполовину по сравнению с предвоенным временем. Октябрьская революция, как и всякая революция, поначалу не могла похвастаться успехами в организации производства. Несмотря на все усилия, «советская смена общественного строя» не улучшила положения на производстве, в области борьбы с голодом и безработицей. Типичными явлениями повседневной жизни стали грабеж, опустошение продовольственных складов и массовое бегство от голода в деревни. Подавляющее большинство русского рабочего класса и крестьянства, пусть с недовольством и волнениями, но все же пошли на жертвы, за которыми стоял союз «консервативного» крестьянского и современного пролетарского антикапитализма.

ПУТЧИСТ ЛЕНИН?

В дни Февральской революции, сокрушившей самодержавие, большевики были еще едва известны общественному мнению России и казались маленькой, незначительной партией среди множе-

⁹ См.: Чураков Д.О. Революция и социально-экономическое положение рабочих (конец 1917–1918 гг.) // Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Современная гуманитарная акад., Фонд Розы Люксембург, Фонд «Альтернативы» / Под общ. ред. А.А. Сорокина. М.: URSS, 2008. С. 213-214.

ства других партий и течений, немедленно появившихся в условиях беспредельной февральской свободы. Значительная часть большевистской партии, насчитывавшей несколько тысяч человек, находилась в ссылке или в эмиграции. Зато разложение армии играло на руку большевикам, поскольку только их партия требовала немедленного завершения войны, безусловного заключения мира и «объединения пролетариев всех стран» в борьбе против капитала. Мировая война своей разрушительной силой указала всей Европе конечные границы капиталистического накопления и тем самым поставила перед спонтанным выбором. «Ответ» русских большевиков подготавливался путем многолетней методичной революционной деятельности. После Февральской революции именно они первыми поняли, что историю, революцию делают не они, а быстро расширяющееся спонтанное народное движение, но что именно они должны будут возглавить это движение в результате «перманентного» развития революции. Следовательно, неслучайно, что к октябрю большевики из партии «профессиональных революционеров» численностью в несколько тысяч человек превратились в массовую партию, насчитывавшую около 300 тысяч членов. Другие политические течения вовсе не стремились к пролетарской революции, в этом смысле у большевиков не было настоящих конкурентов в революционном лагере. Разобщенная и гетерогенная партия эсеров, имевшая летом 1917 г. более полумиллиона членов, не выдвинула ясных целей, которые показали бы четкую перспективу революционизированным, возбужденным массам. Премьер-министр Временного правительства эсер Керенский не хотел и не мог выйти из войны, а также не инициировал раздел земли. Этот гордиев узел был разрублен лишь в октябре 1917 г.

Еще задолго до Октябрьской революции Ленин смотрел на Парижскую коммуну как на возможную и естественную «предысторию» русской социалистической революции, о чем подробно писал в брошюре «Государство и революция»¹⁰. Изучив функционирование буржуазного государства, Ленин пришел к выводу, что бедность и нищета практически не дают возможности использовать правовую базу демократии. Дело не только в том, что у бед-

¹⁰ См.: Краус Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция. М.: Наука, 2011. С. 191-227.

няков нет возможности «купить» демократию, но и в том, что они «остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им “не до демократии”, “не до политики”, что при обычном мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено»¹¹. Уничтожение «государства-паразита» рассматривается в качестве политической предпосылки «экономического освобождения труда», больше того, государство и свобода интерпретируются как диаметрально противоположные понятия, противоречие между которыми может быть разрешено только революцией. Ленин и в этом отношении ссылается на Маркса, который предложил удалить из социалистической программы слово «государство» и заменить его словом «община»¹². При этом Ленин замечает:

«Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: “община”, из которых Энгельс выбрал такое, которое не означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово “коммуна”, хотя это тоже имеет свои неудобства»¹³.

В конце концов, Ленин отдал предпочтение слову *commune*, которое вошло в русский язык в форме *коммуна*. Возможно, впервые оно фигурировало в заметке Ленина от 14 (1) ноября 1917 г., которую он набросал на заседании петроградского парткомитета.

Создание такого общинного строя (социализма) можно считать содержанием и целью революции. Таким образом, революция является одновременно экономическим, социальным и политическим деянием наемных рабочих.

Может ли быть революция путчем? Это взаимоисключающие друг друга линии развития, ведь путч представляет собой фракционную борьбу внутри правящего класса, применение насилия для захвата власти. В Октябрьской революции все усилия и конспиративные приемы большевиков, направленные на захват власти, бы-

¹¹ См.: Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 86 [1-120].

¹² Там же. С. 64.

¹³ Там же. С. 65-66.

ли частью, точнее, лишь одним из элементов начавшегося в феврале революционного процесса. В этом смысле вооруженное восстание, террор и насилие нельзя вырвать из этого процесса как часть из целого. Ленин в течение десятилетий критиковал обособленный от народа «акционизм» декабристов, русских якобинцев и террористов, подчеркивая, что само по себе «элитистское» вооруженное восстание, опирающееся на конспирацию, заранее обречено на провал.

Непосредственно перед Февральской революцией в центре теоретической и организационной деятельности Ленина стояло изучение социального влияния и возможных последствий мировой войны. Это отразилось в классической работе «Военная программа пролетарской революции», в которой он однозначно указал на исторический опыт, который подтверждают «все великие революции» и который вскоре был подтвержден и историей русской революции и Гражданской войны: исходя из логики классовой борьбы, революции в гражданской войне необходимо вести борьбу с получившими военную организацию силами, стремящимися к реставрации старого режима. Поскольку мировая война до предела обострила классовые противоречия, стало невозможно прекратить «реакционную, рабовладельческую и преступную войну» с помощью одного пацифистского лозунга разоружения, и поэтому предоставляется возможность превратить антиимпериалистическую национальную войну в войну гражданскую¹⁴. Следовательно, ленинский анализ показывает, что любой путч, пытающийся подменить собой национальное восстание революционных масс, не может иметь никаких шансов на успех, ведь в конечном итоге путч — это не что иное, как средство «урегулирования» конфликтов внутри правящего класса. Ленин хорошо знал историю Европы, особенно историю революций. Странники теории путча замалчивают именно то, что «путчистский элемент» является частым атрибутом революций, поскольку, как наглядно показывают буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции и других странах, насилие сопутствует всем революциям, не говоря уже о

¹⁴ См.: Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. М.: Изд-во полит. литературы, 1973. С. 132-133 [130-143].

том, что отмена рабства в США повлекла за собой самую кровопролитную гражданскую войну XIX в. Нельзя забывать и о том, что степень насильственности революций, помимо прочих факторов, зависит и от степени сопротивления контрреволюционных сил.

В своем выступлении на собрании рабочей молодежи в цюрихском Народном доме в годовщину революции 1905 г., 9 января 1917 г., за пару недель до Февральской революции, Ленин в качестве важнейшего урока подчеркнул именно народный характер первой русской революции, значение массовой стачки, всеобщей забастовки, «революционных масс», самоорганизации народа: «Слово “забастовщик” приобрело у крестьян совершенно новое значение: оно обозначало что-то вроде бунтовщика, революционера, что раньше выражалось словом “студент”». Но, поскольку «студент» принадлежал к среднему сословию, к «ученым», к «господам», он был чужд народу. Наоборот, «забастовщик» сам вышел из народа. Стремление ложно интерпретировать смысл революции и представить ее путчем — очень старый товар на политическом рынке. Такая интерпретация появилась уже в 1905 г. по поводу рабочего восстания в Москве. В этой связи Ленин опроверг мнение уже тогда известного социолога Макса Вебера, считавшего московское вооруженное восстание 1905 г. «путчем». Роза Люксембург, напротив, увидела в революции 1905 г. активную, сознательную и концентрированную деятельность народных масс и подчеркивала всемирно-историческое значение всеобщей стачки и советов. И действительно, если не «ограничивать» революцию одним днем или одной ночью, то уже и на стадии ее подготовки станет виден народный, массовый характер, следует лишь обратить внимание на самое существенное — на миллионы самоорганизованных людей, которые пойдут за большевиками и в период Гражданской войны. Без этого крупного массового движения едва ли удалось бы победить белую контрреволюцию, пользовавшуюся финансовой и военной поддержкой Запада, не говоря уже о международной империалистической интервенции, направленной против Советской России.

Плохие историки-презентисты не считают настоящее результатом истории, а проецируют его в прошлое. Уже Троцкий в свое время подчеркивал в связи с историей русской революции, что ре-

волюции, в отличие от путчей, «делаются не по заказу», как бы ни старались позже историки доказать противное. Наступление революционных событий зависит, с одной стороны, от действий внезапно и быстро революционизирующихся масс и их партий, а с другой стороны — от множества непредсказуемых действий властей. Ленин и большевики, участь у массовых движений, постепенно, ценой внутренней борьбы, выстрадали навыки, позволившие им в решающий исторический момент встать во главе вооруженного восстания, в то время как старые царские и буржуазные структуры власти (Дума) разрушились под влиянием продолжающейся войны и народной нищеты. Следовательно, главный вопрос не в том, можно ли было избежать революции. На него со всей решительностью следует дать отрицательный ответ. Главный вопрос в том, какие политические силы дали форму и направление народному движению и какие именно направление и форму они ему дали. В этом смысле никто не мог предсказать дату начала революции, в том числе и Ленин, ставший ее ведущим деятелем. Даже в конце 1916 г. Ленин еще гадал, доживет ли он вообще до решающих сражений русской революции. Он говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»¹⁵. Это признание также показывает, что революция действительно не «делалась по заказу», однако, как выяснилось позже, большевики лучше других подготовились к тому, чтобы в конечном итоге задать в интеллектуальном и политическом смысле нужное им направление развития революции.

В связи с этим решающее значение имели два момента: к осени 1917 г. большевики почти везде получили большинство в советах. Другой момент, на который *expressis verbis* указал Ленин, состоял в убеждении, что «восстание — это искусство», и история очень редко допускает создание таких «произведений искусства». Неслучайно Троцкий в августе 1917 г. вступил в большевистскую партию, поскольку считал, что это единственная партия, способная возглавить революционные массы, руководить ими, направлять их деятельность. Понадобилась многолетняя работа, чтобы понять,

¹⁵ См.: Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. М.: Изд-во полит. литературы, 1973. С. 328 [306-328].

что буржуазная революция была лишь эпизодом в русском революционном процессе.

Эти дни, вдохновившие на деятельность миллионы людей, можно рассматривать с разных точек зрения. Западноевропейская пресса того времени, как правило, ничего не понимала в происходящем. Ее представители видели или, скорее, показывали буянивших, пьяных матросов, рассказывали о жаждущих мести, натравленных на богачей разбойниках. В номере парижской газеты «*Journal de Débats*» от 10 ноября 1917 г. говорилось о «бесновании дефетистов», «предателей-космополитов», которые «не представляют общественного мнения страны», здесь же содержался призыв к «повторению» восстания Корнилова, но в «еще больших масштабах». Пусть русская кровь льется на фронтах войны... Нельзя сказать, что в дни революции в столицах не увеличилось число грабежей и убийств, ведь массовые выступления привлекают любителей ловить рыбу в мутной воде. Однако лондонская «*The Times*» 19 ноября 1917 г. более объективно писала об утверждении порядка, о восстановлении трамвайного движения в Петрограде, о множестве людей, в хорошем настроении посещающих кинематографы и театры: «Если продовольственное снабжение удовлетворительно, город остается спокойным. Говорят, что запасов продовольствия хватит на 10 дней. Преступления практически прекратились в результате установления контроля над радикалами». В своей гениальной книге «Десять дней, которые потрясли мир» Джон Рид описывает события не в духе буржуазных газет, он передает настроение революционных масс, вследствие чего восстание предстает перед нами творением самого народа.

В октябрьские дни в самоорганизованных советах и в других организациях населения сплотилось гораздо больше 10 миллионов человек. Именно эти организации миллионов людей, разочаровавшихся в войне и измученных войной, прежде всего различные рабочие, солдатские и крестьянские советы, военно-революционные и фабрично-заводские комитеты, профессиональные и вооруженные самооборонные организации, ставшие рыхлыми структурами народной мобилизации, производства, раздела земли и отправления власти, стихийно и с огромной изобретательностью гнали вперед революцию. Продуктом этой деятельности стал и принятый на II Всероссийском съезде Советов декрет о земле. В нем одновре-

менно выразились нужда крестьян в земле и их жажда социального равенства. Земля перешла к крестьянам таким образом, что сначала она была национализирована, чтобы не допустить ее купли-продажи, иначе говоря, земля была изъята из сферы рыночных отношений и накопления частных капиталов, а затем передана крестьянским комитетам под лозунгом «земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает». Далеко ли отсюда до продрозверстки военного коммунизма? И далеко, и близко.

«Призраки коммунизма» с ураганной быстротой смели почти все учреждения старого режима, старых господствующих классов. В горячие дни революции массам казалось, что свободное от эксплуатации общество уже близко, на расстоянии протянутой руки, что уже «бьет час капиталистической частной собственности»¹⁶. Общество будущего революционеры называли иностранным словом социализм. Это слово распространялось быстрее, чем в эпоху интернета. Эти народные организации выросли одновременно из самых современных и самых архаических отношений. Размещавшийся прежде всего в Петербурге и в Москве немногочисленный современный промышленный пролетариат был социальным слоем, «социализовавшимся» в социал-демократических и профессиональных организациях и впитавшим их идеологию, однако и он сохранил традиции общинного прошлого, состоял из «полурабочих-полукрестьян»¹⁷, Троцкий даже в Ленине увидел крестьянское происхождение, хотя, как известно, его отец и мать были интеллигентами.

Отличающиеся друг от друга особенности пролетарской, солдатской и крестьянской революций указывали на различные социально-политические и ментальные тенденции и в отношении целей и средств. Так, самым многочисленным слоем «революционного лагеря» было связанное с прошлым, «консервативное», но «антикапиталистическое» по своим ценностям и обычаям, стремящееся к

¹⁶ См.: См.: Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1961.

¹⁷ Чураков Д.О. Революция и социально-экономическое положение рабочих (конец 1917–1918 гг.) // Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Современная гуманитарная акад., Фонд Розы Люксембург, Фонд «Альтернативы» / Под общ. ред. А.А. Сорокина. М.: URSS, 2008.

разделу земли общинное крестьянство. Наконец, третьим важнейшим социальным «слоем» революции были солдатские массы, имевшие в основном крестьянское происхождение, но «повидавшие свет», вооруженные, но стремившиеся выйти из войны. Их интересы с наибольшей силой и эффективностью также выражались Лениным и большевиками с присущим им «антипатриотизмом». В этом крестьянском смысле революция была своего рода возвращением к традиции, неслучайно так много различных партий смогли признать революцию и защитить ее на фронтах Гражданской войны. Эти слои, участвовавшие в революции, были пронизаны духом «пугачевщины», всепоглощающего анархистского бунта¹⁸, который сочетался с современными организационными особенностями и символами европейского рабочего движения. Но революция создала собственную культуру: на сторону революции встала или прибилась к ней часть русской интеллигенции и образованных, но немногочисленных средних слоев общества. Позже, под влиянием трудностей Гражданской войны, большинство из этих последних встало на сторону традиционных господствующих классов, и сотни тысяч человек остались в эмиграции.

Антикапиталистические, гнавшие вперед советскую революцию восставшие массы с пробудившимся политическим самосознанием были «невосприимчивы» к буржуазно-демократической альтернативе, чуждому им миру буржуазной республики. Они не понимали сути и обычаев буржуазной демократии, регулирующей системы рыночного хозяйства, хотя идея созыва учредительного собрания пользовалась определенной популярностью в общественном мнении. Однако лозунги и приоритеты масс имели не политическую и правовую, а социальную природу («земля, хлеб, свобода», «долой министров-капиталистов», «вся власть Советам» и т. д.).

¹⁸ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.

БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ДИКТАТУРА И «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ»

История революций (1848–1849, 1917–1921) всегда включает в себя и историю контрреволюций. Кажется, что русская революция легко победила, в феврале 1917 г. многовековое здание самодержавия развалилось подобно карточному домику, Зимний дворец был занят восставшими практически без единого выстрела... Однако поддерживавшие самодержавие общественные классы сделали всё возможное, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

В этом отношении русская революция оказалась одновременно перед двумя вызовами. Одним из них была офицерская контрреволюция, стремившаяся спасти старый режим и старые господствующие классы, военные диктатуры, возглавлявшиеся генералами. Как известно, в августе 1917 г. путчист генерал Корнилов (достойными последователями которого стали генералы Деникин, Юденич, Колчак и Врангель) был первым, кто путем военной контрреволюции попытался вернуть историческое время в привычные рамки. Однако «легкость» октябрьского захвата власти показала слабость русской «военной контрреволюции», распад армии и степень присоединения масс к революционным силам¹⁹.

Шансы на возрождение контрреволюции увеличились благодаря вмешательству западных великих держав. Они оказали финансовую и военную поддержку пригодным для военной мобилизации силам контрреволюции. Однако великие державы начали военную интервенцию против Советской России в первую очередь не по идеологическим причинам. Они продолжали кровопролитие в борьбе за стратегическое влияние, за источники сырья, в интересах «возвращения» прежних капиталовложений, в надежде на раздел распавшейся России. В этой борьбе их лучшими союзниками могли стать офицерские диктатуры, даже несмотря на то, что белые генералы стремились восстановить какую-либо форму старого режима на основании монархистских традиций, под лозунгом «единой и неделимой России». Еще не было никаких признаков

¹⁹ См., напр.: *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983.

гражданской войны, когда 9 марта 1918 г. в районе Мурманска на берег высадились британцы, а летом 1918 г. в Архангельске появились французские, американские и канадские отряды. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились японцы, а позже американцы. В августе 1918 г. британцы уже намеревались наложить руки на бакинскую нефтедобычу, а немцы в марте заняли почти всю Украину. Появление турок в Закавказье и позже беспорядки, устроенные в России организованным Антантой контрреволюционным чехословацким корпусом, уже с мая 1918 г. свидетельствовали о том, что значительные территории Советской России от Балтийского до Черного моря и от Кавказа до побережья Тихого океана оказались под контролем иностранных войск. В 1920 г. в результате наступления Пилсудского и в основном при поддержке французов в руки поляков попали Западная Украина и Западная Белоруссия. По всей Европе прошла кампания «Руки прочь от Советской России!», организованная в рамках рабочего движения, и несколько тысяч военнопленных различной национальности остались в России, чтобы оказать вооруженную поддержку революции. Всё это указывает на прочную международную «укорененность» как революции, так и контрреволюции, но всё же русская революция в основном своими силами сумела победить различные генеральские диктатуры военной контрреволюции. Только централизованная власть, опирающаяся на широчайшее народное сопротивление, могла победоносно завершить гражданскую войну на необъятных просторах России. О «притягательной силе» революции свидетельствует то, что 44% командного состава Красной армии составляли бывшие царские офицеры.

Несмотря на лишавшие крестьян продовольствия распоряжения эпохи военного коммунизма, беднейшие слои крестьянства, хотя и не без колебаний, нашли дорогу в Красную армию, правда, многие из них прошли и через армии белых, но в вопросе о земле царские генералы не могли превзойти советскую власть. Этот судьбоносный исторический факт прекрасно символизирует судьба Григория Мелехова из «Тихого Дона» М. Шолохова.

Другую тенденцию контрреволюции представляли силы, стремившиеся вернуться к Учредительному собранию и желавшие «буржуазным путем» смирить революцию и ввести ее обратно в рамки частнособственнического строя. Однако, как известно, у

баррикад гражданской войны есть только две стороны. И это особенно справедливо для России после 1917 г.

Учредительное собрание, большинство в котором принадлежало эсерам, выбрало другой путь, пошло по пути буржуазной легитимности. Однодневная история Учредительного собрания, несомненно, многое говорит о его перспективах (6 января 1918 г. по приказу большевиков караул Таврического дворца закрыл собрание). После Февральской революции сложилось положение, когда шла борьба между двумя сторонами так называемого двоевластия, буржуазным Временным правительством и Советами, после октября 1917 г. эта борьба поднялась на новый уровень. Роспуск Учредительного собрания, которое официально было созвано по указанию Центрального исполнительного комитета Советов, свидетельствовал о том, что революционная власть не признает над собой другой власти, что на языке той эпохи формулировалось так: «Революционный пролетариат не отдаст власть контрреволюционной буржуазии». Это подтвердилось тем фактом, что основные силы русского либерализма в конечном итоге оказались в лагере белогвардейской контрреволюции, что органически следовало из особенностей русского исторического развития.

Уральско-сибирские и дальневосточные события лучше всего показали, что если бы большевики не разогнали неорганизованные и слабые силы Учредительного собрания, то это сделал бы Колчак, который «похода» расправился с «остатками» Собрания радикальнее большевиков, уничтожил их физически. В Советской России сложилась властная структура, способная одержать военную победу даже над самой дикой генеральской диктатурой. Власть концентрировалась в руках руководства в соответствии с нуждами войны и условиями «военного коммунизма», по мере побед на фронтах Гражданской войны. Это, конечно, противоречило конечным целям революции, которые Ленин наметил еще в сентябре 1917 г. в брошюре «Государство и революция». Но это противоречие заключалось уже в том факте, что большевики не желали вступить в правительственную коалицию с не согласными с их антикапиталистической программой социалистическими и социал-демократическими партиями для последовательного ведения политической классовой борьбы.

В связи с этим военный контрреволюционный режим оказал большое влияние на все общество и на самих революционеров, которые стремились к созданию такой власти, которая в любое время могла бы справиться даже и с вооруженным выступлением внутренних и внешних врагов. Эти обстоятельства и унаследованные исторические условия образовали ту почву, из которой легко вырос советский тип авторитарного правления, который, однако, в начале 1920-х гг. был еще далек от сталинской личной диктатуры.

Возникает вопрос: почему диктатура большевистской партии не рухнула уже в начале или середине 1918 г.? Современные «догматики» немедленно называют главной причиной насилие и принуждение, красный террор. Между тем этого не утверждал и сам Милуков, больше того, он видел главную причину господства советов не в силе большевиков, а скорее в слабости их противников из антибольшевистского лагеря²⁰. В свою очередь, левые противники большевиков (меньшевики, эсеры, анархисты) часто говорят о том, что российский рабочий класс (а также, наверное, и другие слои общества) тянулись не только к пугачевщине, но и к авторитарному правлению, при этом они упоминают о его неорганизованности, низком уровне сознательности и культуры. Многие меньшевики (например, Мартов и Дан), эсеры и анархисты видели свои слабые места и вместо реального исторического выбора они пришли к «надисторической» позиции, к идее буржуазно-демократической республики. Но и они знали, что отсутствуют социальные движущие силы, способные утвердить такую республику.

Колоссальная роль большевистской партии состояла в том, что она взялась заменить собой эти «отсутствующие движущие силы». В обстановке хаоса и распада она сама приступила к государственному строительству и организации производства. В конечном счете революция не удержалась в рамках самоорганизации и самоуправления не из-за каких-то субъективных ошибок, а по указанным выше многочисленным историческим, политическим, экономическим, ментальным и психологическим причинам.

²⁰ См.: Милуков П.Н. Россия на переломе: большевистский период русской революции: в 2 т. Париж: [б.и.], 1927.

РЕВОЛЮЦИЯ НА ВЕСАХ ИСТОРИИ —
КОНЕЧНЫЕ ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ

С весны 1917 г. постепенно установился рабочий контроль на заводах крупных городов. На капиталистических предприятиях рабочий контроль резко ограничивал выработку прибыли, поскольку рабочие внесли в производственный процесс социальные соображения. К тому же во многих местах капиталисты не желали платить даже условленную заработную плату, как показывали получившие известность харьковские и екатеринбургские события²¹. Эта ситуация привела к удержанию предпринимателями денежных средств, а позже к национализации предприятий, не обязательно означавшей огосударствление. Во многих местах еще существовали новые организационные формы рабочего контроля, рабочий совет или фабрично-заводской комитет непосредственно пользовались правами собственника, хотя со всё более узким кругом полномочий.

Дольше всего общественное, коллективное самоуправление сохранилось там, куда позже протянулась длинная рука политики, государственной власти, прежде всего — в сельскохозяйственном производстве. Производственные и потребительские кооперативы и сообщества, которые Ленин называл «островками социализма», по существу не пережили сталинского перелома в конце 1920-х гг.

Подводя итоги, можно сказать, что вскоре после победы Октябрьской революции, в противоположность целям, изложенным Лениным в «Государстве и революции», отмирать начало не государство, а советское самоуправление. Гражданская война и голод, кадровый голод в аппаратах власти и эпидемии практически уничтожили главную движущую силу предполагаемого «перехода» к социализму, российский рабочий класс, «пролетарско-социалистическую составную часть» революции. В действительности советское государство поддерживало самоуправление лишь до тех пор, пока оно не мешало военным усилиям и объединению экономических ресурсов.

Данные исторические условия и «одинокость» революции поставили советский режим и советское государство, а также большевистскую партию в такое положение, которое не мог пре-

²¹ См.: Ленин В.И. Примечания к тому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. М.: Изд-во полит. литературы, 1970. С. 405–408.

дугадать ни один революционер. В течение семи десятилетий в различных формах и с различными особенностями шло строительство «социализма в одной стране», ставшее опытом создания «новой, социалистической цивилизации». Понятийное описание строя, разрушенного в 1989–1991 гг., вызывает споры²².

Ленин уже в «Государстве и революции» вел полемику против смещения понятий «капитализм» и «государственный социализм».

Слово «капитализм» приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное²³.

И как далеки еще были тогда большевики от сталинского осуществления «государственного социализма», который в то время не представлялся им даже в страшных снах!

Позже, после завершения Гражданской войны, Ленин многократно касался этого вопроса, представлявшего интерес как с точки зрения практики, так и с точки зрения теории формаций, и писал, что в России необходимо «несколько переходных периодов», пока на основе многоукладной смешанной экономики не обозначатся контуры нового «социального формирования», низшей степени коммунизма — социализма, который «нельзя ввести», «ибо мы безграмотны»²⁴.

К концу 1920-х гг. все более широкие слои общества стали понимать, что Октябрьская социалистическая революция «замерзла»²⁵. Доказательством этого могут служить и многие литературные произведения, достаточно вспомнить «Двенадцать стульев»

²² См., напр.: Államszocializmus. Értelmezések-viták-tanulmányok / Szerk.: T. Krausz, P. Szigeti. Budapest: L'Harmattan, 2007; Краус Т. Перестройка и перелом собственности в Советском Союзе: политические трактовки и исторические свидетельства // Научно-просветительский журнал «Скепсис». — http://scepsis.net/library/id_2612.html (08.05.2017).

²³ См. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 68 [1-120].

²⁴ Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. литературы, 1970. С. 377.

²⁵ Троцкий описал это понятием «сталинский термидор», который в конечном итоге породил новую социальную форму, *государственный социализм*.

Ильфа и Петрова. Советская революция «одомашнилась», «озверела», «исказилась» или просто «трансформировалась» в «модернизационную революцию» или «бюрократическую контрреволюцию». За разными формулировками, определениями скрываются или могут скрываться различные убеждения, теории и концепции. Быть может, Николай Устрялов, бывший руководитель колчаковской пропаганды, был первым, кто восславил Ленина как героя «модернизационной революции», поместил его в «Пантеон национальной истории», поскольку Ленин перебрал Россию из Средневековья в Новое время. Для Устрялова Ленин одновременно воплощает в себе Петра Великого и Наполеона, Мирабо и Дантона, Пугачева и Робеспьера²⁶. Несмотря на признание роли Ленина и все похвалы, Устрялов замалчивает именно то действительно оригинальное наследие, которое Ленин и Октябрьская революция оставили потомкам — социалистический аспект революции. Устрялов как бы предвещал типичного историка или идеолога наших дней, который в лучшем случае помещает все цели Октября в область утопий, а в худшем случае вешает на революцию даже ответственность за нацизм. Важнейшим и наиболее прочным доказательством сохранения в истории социалистического аспекта является советская гуманистическая культура, никогда не разрывавшая связи с революцией. Этот аспект был особенно важен для международного левого движения, которое с этих позиций формулировало свою критику искажившейся структуры развития СССР, ГУЛАГа и бюрократического беспредела.

Прежде всего, русская революция вырвала из царства утопий чаяния низших социальных слоев во многих странах мира. К числу этих чаяний принадлежали ликвидация безграмотности, безработицы, экстремального социального неравенства, введение бесплатного образования и здравоохранения, освобождение женщин от средневекового угнетения и т.д. В одно историческое мгновение возникла конкретная возможность убедить миллионы людей в том, что они способны создать более гуманную цивилизацию, в которой было бы возможно осуществление общества без угнетения, социальная самоорганизация и освобождение наемного труда.

²⁶ См.: Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. С. 372-376.

Гуманистические ценности революции, социальная свобода и равенство и кооперативно-коллективное хозяйствование и поныне владеют фантазией и душами людей в любой точке планеты. Октябрьская революция, родившись как методология коллективистского преобразования мира, пережила крах (государственного) социализма как практического эксперимента. Но ее всемирное влияние, ее исторический опыт дали сильные импульсы национально-освободительным движениям и всей антиколониальной борьбе в целом, окончательный исход которой был предопределен победой в Великой Отечественной войне. Все это не должно отвлечь нашего внимания от основной дилеммы, возникшей после революции. Вслед за Ключевским Ленин писал, что Петр Великий боролся с варварством варварскими средствами. Думаю, что унаследованный потомками вопрос ныне нужно ставить так: можно ли бороться с варварством не варварскими средствами? Я не знаю ответа на этот вопрос. Но я убежден в том, что в структурном смысле объективные предпосылки новой революции в различных формах и с разной степенью зрелости постоянно присутствуют во многих регионах мировой системы. И это не безусловно оптимистическое заключение. Когда мы плывем между Сциллой (утопией) и Харибдой (так называемой реальной политикой), то, как известно, несомненно лишь одно: плавать необходимо.

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

О ДИСКУССИИ

Л.Д. ТРОЦКОГО И М.Н. ПОКРОВСКОГО*

Дискуссия о своеобразии российского исторического развития сегодня уже имеет историографическое значение как составная часть тех политических и идеологических сражений, в которых была решена судьба альтернативного развития Советской России. Предмет историографической дискуссии уже в 1927 г. имел значительное, более чем 50-летнее прошлое¹, а в разные периоды он выполнял разные функции в духовной жизни страны. Имманентным свойством истории этой проблемы является то, что историографический анализ не мог оторваться от идеологических процессов вплоть до сегодняшних дней².

Своеобразие развития России как самостоятельный вопрос был поставлен уже во второй половине XIX в. дворянской и либеральной историографией и славянофильского и западнического толка. Были сформулированы основные исторические проблемы: особая функция и структура русского государства, происхождение самодержавия и исторические корни общины, отсутствие сословий европейского типа, холопство, специфика возникновения и развития русского капитализма и др.

* Публикация в России — 1997. Hungarian publication — 1980.

¹ *Krausz, Tamás.* Pártviták és történettudomány. Viták «az orosz történelmi fejlődés sajátzserégeiről» különös tekintettel a 20-as évekre (Партийные дебаты и историческая наука. Дискуссии «о своеобразиях российского исторического развития» в 20-е годы. Вр., 1991).

² О развитии советской историографии кроме советских книг см.: *Barber, J.* Soviet Historians in Crisis, 1928-1932. The Macvillan Press Ltd (Unio of Birmingham), 1981. *Shtepa, K.F.* Russian Historians and the Soviet State. Rutgers University Press, New Jersey, 1962.

Великий русский историк В.О.Ключевский в 80-е годы XIX в. писал о том, что начало влияния Запада на Россию можно проследить с XVI в. Но Россия была не способна ответить на западные технические, экономические и политические «вызовы», ее отсталость не уменьшалась, а наоборот, в XVII в. возросла. Но это влияние было поверхностным, углубление этого процесса более или менее можно наблюдать только с восемнадцатого столетия, когда в России появились «западные обычаи, понятия и взгляды»³. Это влияние и вообще отношения между Западом и Россией нашли ясное идеологическое и политическое выражение в противоречиях и полемике славянофильства и западничества⁴. Собственно говоря, западное теоретическое мышление раньше русского зарегистрировало «русскую специфику» в первой половине XIX в. Гегель говорил «о третьей, северо-восточной части Европы, которая осуществила отношение с Азией, главным образом идет речь о России и Польше». Он «мерил» эту специфику, в первую очередь, отношением к морю⁵. Уже тогда Россия воспринималась как (в современной терминологии) своеобразная периферия западноевропейского центра. Соглашаясь с этим мнением, Маркс и Энгельс подошли к концепции «промежуточного развития» России со значительным влиянием «азиатского момента», «татарского господства», «восточного деспотизма», для которой община служила «естественной» основой. Они рассматривали российское развитие в последней трети XIX века как «запоздалую» часть капитализма в общей мировой системе⁶. Маркс и Энгельс подчеркивали в разви-

³ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. Курс Русской истории. М., 1958. С. 257-259.

⁴ Вопреки всем различиям славянофильских и западнических концепций, методологически ни те, ни другие одинаково не могли отойти от противопоставления национального и мирового развитий. Схематично говоря, революционное славянофильство хотело порвать с отсталостью, т.е. самодержавием, через крестьянскую революцию, а западничество хотело сделать то же самое путем постепенного заимствования достижений западной цивилизации. Оба направления состояли из многих течений.

⁵ Гегель. Лекции о мировой истории. Будапешт, 1966. С. 189-190.

⁶ Маркс, К. Die Geschichte der Geheimdiplomatie des 18 Jahrhunderts. Verlag Olle und Wolter, Westberlin, 1977. Т. 46; Энгельс, Ф. Эмигрантская литература. М. - Л., 1961. Т. 18. В советской историографии см., например, Конюшая Р.П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975 или

тии России значение «внешнего толчка», который «сдвинет» Россию со структур традиционной специфической формы сельскохозяйственного труда, и, по исследованиям М.М. Ковалевского, анализировали общину и ее перспективы как явление мировой истории⁷. Вся эта проблема в славянофильской и западнической литературе всегда воспринималась как проблема отношений России и Запада, т.е. можно ли и стоит ли догонять Запад или Россия может и должна развиваться только по собственному пути. Российская «исключительность», «русская душа», «самобытные способности» и др. у Киреевских, Аксакова и Кошелева противопоставлялись западному буржуазному развитию как органически отличному от русского.

Ученик Ключевского, «государственник» Павел Милоков признал славянофильское учение об особенностях развития «самодовлеющего» русского государства, которое само «создало» общественные классы, в котором верхи защищались от низов государством и наоборот⁸. В этой патерналистической концепции либерального толка правильно отражалась связь между экономической отсталостью (община, холопство, «отсутствие» западных институтов и общественно-экономических основ политической демократии) и огромной ролью государства. Но как западник он должен был прийти к выводу: в России все-таки налицо те характерные черты развития, благодаря которым страна «догонит» западный капитализм⁹.

В начале века марксисты — от Г. Плеханова до В. Ленина, от Н. Маслова до Л. Троцкого — верили в возможность развития капитализма в России, но считали его полуазиатским-полуевропейским. Если Плеханов преувеличивал азиатские элементы развития («азиатский способ производства»), то Ленин преувеличивал развитие капитализма в России. Ленин критиковал Плеханова на Стокгольм-

см.: *Александров В.А.* Сельская община в России начала XVII - 1-ой пол. XIX вв. Л., 1981 и др.

⁷ См.: *Ковалевский М.М.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Кампус, Франкфурт - Нью-Йорк, 1979.

⁸ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 3-е изд. СПб., 1898. С. 86-87, 115-118.

⁹ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры // *Лайош Меньхарт.* Вопросы парламентаризма в публицистике П.Н. Милокова. Egyetemes Történeti Tanulmányok X. Debrecen, 1976.

ском съезде партии в 1906 г. за то, что последний в борьбе против преувеличения влияния государства на политическую жизнь страны использовал понятие «азиатского способа производства» выступил против национализации земли с целью утверждения идеи муниципализации. Эта «политизация» исторического анализа позднее укоренилась в мышлении российских марксистов.

Плеханов, вопреки своей концепции «азиатского способа производства», анализировал возникновение капитализма в России по западной модели. После революции 1905-1907 гг. Плеханову и меньшевикам путь российского развития виделся по образцу западного капитализма, а Ленин и большевики подчеркивали русский, специфический характер капитализма, в котором консервативный, «октябристский» («хуже прусского юнкера») и либеральный капиталы подчинены монархии.

Эта, лишь схематично изложенная нами, теоретическая и политическая дискуссия произошла на 5 съезде РСДРП в 1907 г. в Лондоне. Из «западничества» меньшевиков вытекал реформистский путь политической стратегии, а из «славянофильства» большевиков прямо следовала революционная политика, курс на новую революцию, в которой буржуазный этап перерастет в социалистический (в надежде на европейскую революцию). Не случайно — представители этих двух направлений российской социал-демократии больше никогда не собирались на общий съезд, это был второй и окончательный раскол в РСДРП¹⁰. Уничтожение «исторических особенностей», т.е. «отсталости» «правым» меньшевикам представлялось результатом развития по пути капиталистической цивилизации, а большевикам — итогом социалистической европейской революции. Они гораздо позже пришли к «отключению» от мировой системы под влиянием изоляции Советской России.

Развитая идеологическая формула этого «отключения» была зафиксирована в тезисе Сталина «социализм в одной стране» в декабре 1924 года. Таким образом, анализ особенностей российского исторического процесса неотделим от политических концепций и обсуждений реальных перспектив России. Один из источников дискуссии М.Н. Покровского и Л.Д. Троцкого непосредственно уходит — не считая вышеупомянутые исторические традиции — в

¹⁰ См. об этом: *Kraus, T.* OSZDMP második szakadása // Второй раскол российской социал-демократии // *Századok*. Будапешт. Вып. 3. 1983.

полемику Д. Рязанова, В. Ленина, В. Воровского, М. Ольминского, М. Покровского, Г. Плеханова, Н. Маслова и других о классовом и социальном характере царского самодержавного государства после поражения первой русской революции. В России начала XX в. не было такого серьезного политического направления, которое не выработало бы концепцию, отражавшую основные проблемы российского прошлого¹¹. Другая ветвь дискуссии («в контрреволюционном лагере») была поднята «веховцами», главным образом, Петром Струве. В чем состоит историографический интерес этих концептуальных постановок? Собака была зарыта, конечно, в проблеме государства, но «веховцы» исходили из собственных политических соображений, которые были неотделимы от их оценок «смены режима» после контрреволюции 1907 г.

Первая «школа» (В. Ленин против М. Ольминского, Д. Рязанов против К. Маркса и т.д.) полемизировала о том, стоит ли принимать в расчет после первой русской революции специфический характер русского государства как самодовлеющую организацию самодержавно-бюрократических сил («шаг к буржуазной монархии») или надо признать его непосредственно дворянский классовый характер¹². Для марксиста Рязанова даже Маркс оказался «антирусским либералом», который будто бы преувеличивал специфические «неевропейские» особенности русского общественного и государственного развития¹³.

В структуральном смысле полемика Ленина и Воровского против Ольминского о природе абсолютизма в 1911-1912 гг. содержала ту же самую методологическую и историческую проблематику¹⁴. На основе этих фактов можно заключить, что экономический материализм Ольминского и Рязанова, упрощенное

¹¹ Пожалуй, самым объемистым экспериментом в этой области является труд меньшевистских авторов: *Общественное движение в начале XX века*. Т. 1-2. СПб., 1909.

¹² См.: *Александров М.* Абсолютизм, государство и бюрократия. М., 1910; *Ленин В.И.* Собр. соч. Т. 21. С. 29-30, 55-56 (венг. изд.). Об Ольминском и его деятельности была опубликована книга еще в 70-е гг. См.: *Лезжава О. Нелидов Н. М.С.* Ольминский. Жизнь и деятельность. М., 1973.

¹³ См.: *Рязанов Д.* Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. (Историкокритический этюд) Пг., 1918.

¹⁴ См. об истории этой полемики книгу: «Партийные дебаты и историческая наука» (С. 63-65).

понимание проблемы отношений экономической, социальной сферы с государством, с «надстройкой», абсолютизировал единство развития мировой системы. В этом отношении разногласия Плеханова и Ленина кажутся второстепенными. Другая «школа» — направление веховцев, прежде всего концепция «нового государственника» Петра Струве, которая тоже возникла как реакция на поражение революции. Струве воспринял революцию как ослабление государства, отчуждение интеллигенции от государства, «отщепенство» интеллигенции, движение «антигосударственных сил»¹⁵. «Идейные формы отщепенства» якобы подрывали основы государства, которое, по Струве, даже в самодержавном варианте абстрактно выражало национальное единение и интересы русского народа во имя величия Российской империи. Эта великодержавная «бесклассовая» концепция государства стимулировала не научный поиск, а идейную борьбу, которая выполняла боевую функцию: государство и революция радикально противопоставлялись друг другу. «Государственный патриотизм» Струве, конечно, был сродни воззрениям Милюкова и Бердяева, но «великая Россия» Струве стояла ближе к апологии монархии, хотя сам он думал об эволюции в перспективе государственного национализма по западному типу¹⁶. Западная экономическая основа и российская «надстройка» не могли бы соединиться органически. Однако эту проблему Струве был не в состоянии понять даже впоследствии. Об этом свидетельствует его полемика против национал-большевизма Устрялова во время гражданской войны¹⁷.

До Первой мировой войны вульгарно-экономический материализм уже завоевал огромный авторитет, что проявилось в полной мере в работах историка М.Н. Покровского¹⁸. Покровский, как и

¹⁵ Струве П. Интеллигенция и революция // Вехи / Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 156-161.

¹⁶ Струве П. Великая Россия. Патриотика. Политика, культура, религия, социализм / Сборник статей за пять лет (1905-1910). СПб., 1911.

¹⁷ См. об этом подробнее: Краус, Т. Советский Термидор. К истории самосознания русской революции. Будапешт, 1997.

¹⁸ См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен в 5-ти томах. 1910-1914; Он же. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Первые труды о Покровском были опубликованы в 60-е годы. Напр.: Найденов Е.М. М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. Кн. 3.

Милуков, был студентом Ключевского. Милуков же выработал самую влиятельную либеральную концепцию русского исторического процесса. Покровский старался дать марксистский ответ на вызов Милукова. Схема Покровского исходила из проблемы возникновения капитализма в России, и он уже тогда заметил, что этот вопрос являлся, пожалуй, самым важным для российской истории, хотя, конечно, даже он не догадывался, что советские историки будут спорить об этом до и даже после ликвидации Советского Союза.

Покровский убедительно опровергал милуковское представление о надстроечном, государственном происхождении русского капитализма, который он сам «нашел» в XVI в. Он даже второе издание крепостничества воспринял как капиталистическое явление, как осуществление «образца» западноевропейского развития, прежде всего, английского варианта. По Покровскому, торговая форма капитала русского средневековья являлась продуктом первоначального накопления капитала¹⁹. В конечном счете, Покровский отрывал происхождение капитализма в России от экономических процессов мировой системы. Начало интеграции России в мировой рынок, ввоз иностранного капитала в Россию являлся фактом второй половины XIX в. Но по Покровскому, этот период — новая фаза развития капитализма. Эта идея самозарождения капитализма в России стала одной из ведущих среди русских марксистов, хотя ни Плеханов, ни Ленин ничего подобного не утверждали. Но соединение русского метафизического материализма и французского рационализма эпохи Просвещения в начале XX в. повлияло на представление, согласно которому историческая наука может развиваться по аналогии с естествознанием. Ответ на вопрос: почему эта теория так широко распространилась, дает дискуссия Покровского и Троцкого.

Эта «историческая» дискуссия была подготовлена политически. С одной стороны, еще в 1921 г. М.Ольминский хотел возобновить старые эмигрантские диспуты фракционного типа и, в связи с публикацией «произведения», попросил Троцкого отдать ему письма, содержавшие грубую критику, в том числе Ленина. Ольминский преследовал цель дискредитировать Троцкого. Но последний отказался выполнить эту просьбу, сославшись на ненуж-

¹⁹ См.: *Покровский М.Н.* Очерк истории... 4. 1. С. 61-91.

ность лишних склок и «политических трудностей»²⁰. Намерения же Ольминского становятся очевидными из книги «Ленин о Троцком и троцкизме» (М., 1925). С другой стороны, велась борьба по поводу интерпретации вопроса о возможности революции до 1917 г. Многие протестовали против утверждения Троцкого относительно того, что большевистская партия «первооружилась после Февраля». Все эти диспуты переплелись с начальным этапом историографического анализа.

Сразу после октябрьской революции 1917 года стали создаваться — сначала спонтанно, потом организованно — исторические объяснения причин победы революции в России (и причины ее «временного» поражения в международном масштабе). Неслучайно в новой ситуации возобновились старые эмигрантские споры.

Историческая концепция, изложенная в новом виде в книге Л. Троцкого «1905 год», не стала сама по себе объектом этой известной историографической дискуссии, поскольку эта книга была основана на идее «перманентной революции»: социалистическая революция не отделялась от буржуазной фазы, утверждалась на основе рабочей революции, в которой крестьянство в своей массе не считалось революционной силой. Все это противоречило и процессам изоляции Советской России, и политике смычки, т.е. рабоче-крестьянскому союзу. К тому же, эти политические разногласия переплелись с личными склоками и схватками за политическое влияние, за власть. Сама книга, как историческое произведение (статьи Троцкого 1905-1909 гг.) была воспринята критиками, в частности Покровским, положительно. Но сутью первой статьи против Троцкого была «ликвидация» предисловия Троцкого, которое, по Покровскому, носило либеральный характер, т.е. не дистанцировалось от «внеклассовой теории государства»²¹.

Стоит процитировать те мысли Троцкого, которые оказались «грешными» в глазах Покровского. В предисловии к книге «Социальное развитие России и царизм» Троцкий недвусмысленно вы-

²⁰ Письмо Троцкого Ольминскому (декабрь 1921 г.) освещает эти события. См. *Trotsky, L. Papers 1917-1922* / Ed. V.M. Meisner. Mouton: The Hague - Paris. Vol. II, 1971. P. 642-644.

²¹ См.: *Покровский М.Н.* Правда ли, что в России абсолютизм существовал наперекор общественному развитию. Красная Новь, 1922. Кн. 3. С. 144-146 и сл.

сказался о том, что революция по своей функции «убила самобытность», что «она показала, что история не создала для нас исключительных законов»²². По Троцкому, экономическая слабость и отсталость ставили Россию в зависимое положение от Запада. Правда, Троцкий не подчеркивал, что эта зависимость вытекает из аккумуляционных процессов капитала. Однако он отмечал другой аспект влияния Запада на Россию: «межгосударственные, военные отношения (от Золотой Орды до британской армии)». Второй тезис Троцкого — отсталая экономическая основа не могла содержать известные общественные группы паразитических социальных элементов. После реформ 1861 года государственный аппарат самодержавия постепенно попал в полную зависимость от Ротшильда и Мендельсона. По данным Троцкого, в 1908 г. расходы на армию и флот с процентами по уплате государственных долгов составляли 40,5% всего госбюджета²³. Троцкий отвергал милюковскую концепцию о том, что на Западе сословия создали государство, а в России государство создало сословия в своих интересах. Он подчеркивал: «не равновесие экономически господствующих классов, как на Западе, а их социальная слабость и политическое ничтожество создали из бюрократического самодержавия самодовлеющую организацию». Троцкий указывал, что Россия между западноевропейским абсолютизмом и восточным деспотизмом стояла ближе к последнему, «европейская техника и европейский капитал вооружили эту организацию всеми средствами европейской великой державы... Но абсолютизм разбил себе голову о капитализм, который он сам так ревностно насаждал». Так, влияние Запада на Россию усилилось в то время, «когда денежный капитал стал носителем нового хозяйства, когда абсолютизм, борясь за самосохранение, сделался пособником европейского капитализма, — тогда положение изменилось совершенно»²⁴. Троцкий, по существу понимая историческое значение российского государства, упрекал «критических социалистов» в том, что они «перестали понимать значение государственной власти для социалистического переворота, могли бы убедиться на примере бессильной и варварской деятельности русского самодержавия, какую огромную роль может играть государствен-

²² Троцкий Л.Д. 1905. М., 1922. С. 15.

²³ Там же. С. 17-18.

²⁴ Там же. С. 19-20.

ная власть в чисто хозяйственной области, когда она в общем работает в направлении исторического развития». Троцкий подчеркнул, что либерализм не заметил, что самодержавие существовало «наперекор общественному развитию», и именно этот факт не исключал революцию, а, «наоборот, делал революцию единственным выходом»²⁵. В главах «Русский капитализм» и «Крестьянство и аграрный вопрос» Троцкий конкретизировал свою позицию. Не будучи историком, Троцкий, тем не менее был, разумеется, знаком с трудами известных в то время историков. Его теоретическая схема была так серьезна, что последние (не только марксисты) немедленно откликнулись на нее.

В упомянутой выше статье Покровский одним из первых раскритиковал Троцкого. Он защищал не только свою старую историческую концепцию, но и «правильное» историческое обоснование революции. Излишне реконструировать все детали этой действительно разветвленной дискуссии. Но полностью обойти вниманием идеологические мотивы того времени невозможно²⁶. Здесь основную роль играла идея «своеобразия» исторического развития России, потому что, ссылаясь на него можно было «доказать» периферийное значение, «азиатский» характер Октябрьской революции. Сам Плеханов еще в начале 1918 г. сформулировал тезис, по которому революция была возвращением к азиатским традициям, «реставрацией азиатчины» и т.д.²⁷. Позже оригинальная концепция Пле-

²⁵ Там же. С. 22.

²⁶ Историографическая изнанка этих процессов и предпосылки рождения советской историографии подробно анализировались в книгах. См.: Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука 1917-1923. М., 1968; Алексеева Г.Д., Желтова Т.Н. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений. Ташкент, 1977. См. также: *Shteppa, K.F.* Russian Historians and the Soviet State. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1962.

²⁷ См.: Плеханов Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим // *Д. Анин.* Революция 1917 года глазами ее руководителей. Roma: Edizione Aurora, 1971. С. 412 и др. Эта мысль вернется гораздо позже, в 50-е годы, в связи с дискуссией об азиатском способе производства у Витфогеля в контексте «холодной» войны. См. об этом: *Wittfogel, K.A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. Yale Univ., - London: Ulmen, 1959. *The Science of Society. Toward an Understanding of Life and Work of Karl August Wittfogel.* Mouton: The Hague – Paris – N. Y., 1978.

ханова, которая была изложена еще в «Истории общественной мысли в России», стала источником плодотворного обсуждения азиатского способа производства во второй половине 20-х гг.²⁸

Нельзя забывать, что научное значение дискуссии не было столь заметно, как ее политические импликации. О характере революции и о перманентной революции велись длинные споры, «драки», в которых была выстрадана новая официальная идеология. Исторические, идеологические и политические дискуссии переплетались. Никто не знал, где кончается научный анализ и начинается политическая борьба. Когда спорили о перманентной революции, всегда срабатывала спонтанная и сознательная систематизация идей²⁹. Что касается нашего предмета, историческая концепция Покровского стала флагом официального большевизма, а концепция Троцкого интерпретировалась как оппозиционная, как историческое оправдание теории перманентной революции. Но судьба исторических концепций, как я подчеркнул раньше, зависит не только от их авторов.

Концепция, отражавшая особенности развития России, оказалась «меньшевиствующей» и «контрреволюционной» не только Покровскому. Последний, по существу, отождествлял ее, по политической логике с плехановской и милоковской позицией и резко критиковал «надклассовую теорию государства», в глубине которой, по мнению Покровского, крылась недооценка роли буржуазии как составной части политической власти³⁰. Покровский не сумел преодолеть идеологические рамки борьбы против буржуазного либерализма. Он стремился доказать, что русская буржуазия играет ту же роль в политической жизни, что и западноевропейская. Историю московского самодержавия в XVI в. Покровский связал с возникновением капитализма, точнее его первой, торговой, формой. Так вы-

²⁸ См.: *Газганов Е.М.* Исторические взгляды Г.В. Плеханова. Опыт характеристики // Историк-марксист. Кн. 7. 1928. С. 69-115. Позже, как известно, эта дискуссия закончится прямой ликвидацией инакомыслящих.

²⁹ Об этом процессе мной подробно написано в соавторстве с М. Мештерхази, в связи с критикой молодого Георга Лукача большевиками. См.: *Mű és történelem*. Будапешт, 1985.

³⁰ *Покровский М.Н.* Правда ли, что в России абсолютизм существовал наперекор общественному развитию // Красная Новь. 1922. Кн. 3. С. 146 и сл.

глядит история московского государства XVI в. в описании Покровского: «Если царские приближенные были акционерами, то сам царь годился в директора акционерной компании... Дело не в отсталости, а в том, что это была новая страна, захваченная развитием торгового капитализма и что ей приходилось отбивать себе место на солнышке у более старых, прочно укоренившихся конкурентов. Для этого пришлось выработать настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры и было московское самодержавие»³¹. Из этого утверждения становится ясен метод Покровского: он явно проецирует настоящее в прошлое, историческую науку воспринимает как непосредственное «продолжение» политического мышления своей эпохи. Даже не-историк Троцкий вынужден был выступить в защиту историчности от историка Покровского, подчеркнув, что самодержавие не дается раз и навсегда, оно проходит свой, определенный путь, и в результате становится главным препятствием на пути прогресса. Взгляд на самодержавие XVI в. как на капиталистическое явление был для Троцкого абсурдным.

Эти старые дискуссии в старые времена идеологически подготовили вторую русскую революцию, но те люди, которые не поняли «огромную независимость» государственных структур и, в связи с этим, ту «легкость, с которой революция победила», после гражданской войны должны были бы понять эту проблему, ведь рабочее самоуправление быстро передало свои функции новым централизованным государственным институтам. В конце концов, были налицо признаки того, что не революция победила государство, а наоборот, государство — революцию. В рассуждениях Троцкого было понимание того факта, что революционная Россия не должна и не может следовать Западу, что вытекает и из исторических особенностей России. Для Покровского отсталость страны являлась не более чем либеральным мифом, ведь суть, по его мнению, не в отсталости, а в том, что Россия как «новая страна» занимала свое место среди держав-конкурентов, что она была охвачена «торговым капитализмом»³².

Троцкий воспринял критическое выступление Покровского очень серьезно и ответил на него в «Правде» статьей» об особен-

³¹ Там же. С. 151.

³² Там же.

ностях исторического развития России». Политическая ориентация дискуссии была ясно обозначена Троцким: политическая власть была разделена между разными классами (разные слои дворянства и буржуазии) и элитарно-бюрократическими группами. Противоречие между самодержавием и буржуазией выявилось в ходе Февральской революции, когда буржуазия попробовала захватить всю полноту власти, но благодаря специфическим особенностям русского развития вся власть перешла в руки организаций и институтов рабочего и солдатского движений. Те же самые исторические особенности могут в частности объяснить, почему в России не были налицо материальные предпосылки нового порядка, который назывался социализмом. Но об этом создается ясное представление спустя два-три года в ходе дискуссии о возможности построения «социализма в одной стране»³³.

Во второй части своей статьи Троцкий правильно указал на те методологические проблемы, из-за которых вся дискуссия могла зайти в тупик. Троцкий подчеркнул, что вся концепция Покровского исходила из сферы «оборота», абсолютизировалась роль торговли, стирались грани между разными историческими формами торговли. Троцкий искал критерии экономического развития в производстве, в технике, в общественной организации труда и показал основные различия в развитии городов русского и западноевропейского типа, отсутствие реформации и цехового развития в России и т.д. Царизм защищал «интересы собственнических классов в международной борьбе, но поддерживался более примитивными экономическими основами, чем его враги и союзники... и проглотил гораздо больший процент национальной стоимости, чем крупные враги и союзники»³⁴. Дальнейшие споры на страницах «Правды» не принесли новых серьезных аргументов³⁵. Позже, в 1923 г. Покровский вновь вступил в полемику с Троцким, и вынес на читательский суд теорию о том, что страны Западной Европы XVI в. не стояли на более высо-

³³ См.: *Троцкий Л.Д.* Об особенностях исторического развития в России. Ч. I // Правда. 1922. 1 июля.

³⁴ *Троцкий Л.Д.* Об особенностях исторического развития в России. Ч. II // Правда. 2 июля 1922.

³⁵ См.: *Покровский М.Н.* Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма // Правда. 5 июля 1922; *Троцкий Л.Д.* Пароход не пароход, а баржа // Там же; *Покровский М.Н.* Кончаю // Правда. 13 июля 1922.

ком уровне развития, по сравнению с Россией³⁶. Эта дискуссия со своим специальным предметом со страниц «Правды» постепенно переместилась на научные форумы. Так, например, ее обсуждали в Научном обществе марксистов Петрограда³⁷.

Конечно, важнее этого была историческая литература, главным образом, исторические журналы, где дискуссия продолжалась до конца 20-х гг. Впоследствии логика развития изменилась, но это относится уже к другой теме. Первое время студенты Покровского писали критические замечания, рецензии на книги о концепции учителя. Известная книга Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (1920) переиздавалась почти каждый год. Она вызвала куда больший резонанс, чем его «Очерки по истории революционного движения в России XIX-XX вв.» (Курс лекций. 1923). Но критики вначале только исправляли его концепции, как, например, молодая М.В. Нечкина или слушатель Института Красной Профессуры и редактор журнала «Большевик» А.Н. Слепков³⁸. По Слепкову, Покровский от Ивана Грозного до Столыпина рассматривает все политические тенденции и личности как агентов торгового капитала, он констатировал, что Покровский схематично оценил социальную суть самодержавия³⁹. Резкая критика вызвала ответ со стороны Покровского, он называл сторонниками Троцкого тех, кто отрицал его идею о том, что «самодержавие — это политически организованный торговый капитал»⁴⁰.

Хотя Слепков в своем ответе и согласился с тем, что торговый капитал — это самостоятельный класс, он все-таки указал на то,

³⁶ Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория самодержавия // Вестник Социалистической Академии. Кн. 4. 1923. С. 27.

³⁷ См. об этом: Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука. С. 243.

³⁸ Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Историографический очерк. Казань, 1922. Слепков А.Н. Покровский М.Н.

³⁹ Очерки по истории революционного движения // Большевик. Кн. 5. 1924; Слепков А.Н. // Там же. С. 114-115.

⁴⁰ Покровский М.Н. О пользе критике, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и прочем. Посвящается т. А.Н.Слепкову // Под знаменем марксизма. № 12. 1924. С. 251-252.

что у Покровского социальное содержание царизма не меняется⁴¹. В это время Покровский написал серию статей, направленных против Троцкого, дискредитировав его как политика.

В начале 1925 г. полным ходом шла идеологическая кампания в защиту «социализма в одной стране», в январе Троцкий был снят с поста комиссара военных дел. Антитроцкистская кампания была перенесена в историческую науку Покровским, который назвал концепцию Троцкого «теорией перманентной революции»⁴². Эта дискуссия вызвала коминтерновскую кампанию, организованную против Троцкого. В начале 1925 г. Покровский опубликовал статью в журнале «Коммунистический Интернационал». В ней он определил альтернативу иначе, утверждая, что Троцкий отрицал роль торгового капитала для того, чтобы на его место поставить «всемогущество государства». Под влиянием критики Покровский постарался объяснить особенности развития по аналогии. То есть отсутствие первоначального накопления в России, с точки зрения Покровского, компенсировалось в форме закрепощения крестьян (по Энгельсу, «второе издание крепостничества») как общая особенность не только российского, но и всего восточноевропейского развития. Покровский имел в виду, что оба процесса вели к обезземеливанию. Историки были поражены этой аналогией, так как первоначальное накопление капитала в действительности дало толчок капиталистическому развитию, в то время как закрепощение закрывало дорогу к капитализму. Покровский по своей логике должен был интерпретировать все важные исторические события в России как продвижение вперед к высшей стадии капитализма. (Например, холопские фабрики Петра I изображены как капиталистические предприятия⁴³). Покровский сделал следующий вывод из своей теории: «если возникновение абсолютизма не связано с капитализмом, тогда абсолютизм должен был создаваться на пустой почве, или мы дойдем до концепции Троцкого». Если так, то, конечно, можно было бы назвать абсолютизм общественным про-

⁴¹ Слепков А.Н. Не согласны (Ответ т. Покровскому) // Большевик. № 5-6. 1925. С. 65-68.

⁴² Покровский М.Н. К вопросу об особенностях исторического развития России // Под знаменем марксизма. 1925. Кн. 4. С. 124-125.

⁴³ Покровский М.Н. Троцкизм и «особенности исторического развития» // Коммунистический Интернационал. 1925. Кн. 3. С. 21, 25-26.

грессом даже при его феодальном характере. Но дело в том, что Покровский не видел существенной разницы между XVI и XX веками. Если так, то значит, что нужно всерьез признать тезис об «отсталости России», который по своей функции был «вредным» для Покровского⁴⁴.

Сама проблема отсталости России, конечно, не была выдуманной Троцкого или Милюкова, ведь вопросами «отсталости» занимались такие известные историки, как Тарле, Рожков, хотя они писали об этом более детально и более дифференциально, чем Троцкий⁴⁵. А Рожков одним из первых осознал значение сравнительно-исторического метода, без которого было трудно анализировать разные национальные пути развития. Вопрос об отсталости напрашивался сам собой. Рожков прямо утверждал, возражая М. Балабанову, что Россия в XVIII-XIX вв. в экономическом и политическом отношениях была более отсталой страной, чем, например, та же Пруссия⁴⁶. Не только Рожков, но и ученики Покровского выступали против Меерсона, который в пугачевщине искал конфликты «двух исторических типов первоначального накопления капитала». Томсинский опровергал идею о «буржуазном характере пугачевского восстания», вместе с этим он подчеркивал «отсталость России»⁴⁷.

В этот период уже было ясно, что участники дискуссии «о социализме в одной стране» осознавали, с одной стороны, изоляцию и, с другой, независимость России от Запада. Сегодня они сказали бы словами Самира Амина «отключение»⁴⁸. Покровский, который одновременно излагал упрощенную концепцию классовой борьбы и недооценивал значение национального вопроса в духе абстрактного интернационализма, защищал провозглашенный Сталиным в декабре 1924 года лозунг «Социализм в одной стране». Но здесь уже ис-

⁴⁴ Покровский М.Н. К вопросу... С. 128.

⁴⁵ Тарле Е.В. Запад и Россия. Пг., 1918.

⁴⁶ См.: Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении // Основы социальной динамики. Т. 11. М., 1925. С. 394, 397, 403-404.

⁴⁷ Томсинский С. О характере пугачевщины // Историк-марксист. 1927. Кн. 6. С. 478.

⁴⁸ См. об истории этой дискуссии: Самир Амин. 30 лет критики советской системы (1960-1990) // Есмелет. Будапешт. Кн. 15-16. 1992. С. 193-224; Белади И., Краус Т. Сталин. М., 1989. С. 120-149.

торическая аргументация и политические потребности вступали в противоречие. Из исторической концепции Покровского логически вытекает идея о том, что социализм, как общественный строй, может быть продуктом только мировой системы, всей европейской культуры. Но вместо этого он своей политической концепцией служил лозунгу Сталина «социализм в одной стране». И, наоборот, из теории «своеобразия» Троцкого следовала политическая поддержка сталинской концепции «своеобразного» российского социализма. Но Троцкий боролся за уничтожение своеобразия российского исторического развития и в этом плане он отказался от теории самозарождения социализма в России, потому что для него социализм по существу остался не-государственным обществом⁴⁹.

«Отсталость» России как самостоятельная проблема в дальнейшем использовалась для дискредитации альтернативных концепций, прежде всего, «троцкизма». Покровский прямо говорил, выступая против Троцкого, что все концепции, говорящие о своеобразии российского исторического развития, неразрывно связаны «меньшевистским тезисом о русской отсталости», который служил, так сказать, поддержкой идеи перманентной революции. Покровский, ликвидируя различия между политическими и научными дискуссиями, связал появление «правого уклона» и троцкистской оппозиции на основе того, что историческая концепция у них по существу общая: «Примитивная экономическая основа» является фундаментом всех тезисов Троцкого. С другой стороны, в этом направлении развивалось утверждение Бухарина о том, что революция взорвалась раньше всех в России, потому что она была самой неразвитой капиталистической страной, «слабейшим звеном». Троцкий на этой основе утверждал, что в России нельзя говорить «о переходе к социализму без поддержки западноевропейского пролетариата, который владеет властью...» Покровский критически указал на «скептицизм Бухарина в вопросах строительства социализма»⁵⁰. Но в действительности, такой непосредственной связи не существовало. Наоборот, аргументация Троцкого противоречила меньшевистскому представлению: он выработал свою концепцию «о законе комбинированного развития», которой придал

⁴⁹ См. об этом подробнее: Краус, Т. Партийные дебаты...

⁵⁰ Покровский М.Н. О русском феодализме... С. 492; Борьба классов. № 2. 1931.

законченную форму уже в эмиграции. Троцкий в своей известной «Истории русской революции» говорил именно об этом: «Октябрьский переворот мы свели в конечном счете не к факту отсталости России, а к закону комбинированного развития. Историческая диалектика не знает голой отсталости... все дело в конкретных соотношениях... Россию из ее отсталости и азиатчины выбило мировое развитие. Вне переплетения его путей не может быть понята и ее дальнейшая судьба»⁵¹.

Основы исторической концепции Троцкого остались почти неизменными в принципиальном смысле слова. Эти мысли были впервые изложены Троцким еще в период первой русской революции, до его знакомства с Парвусом. Победа Октябрьской революции и сталинский «великий перелом» одновременно подтвердили правоту Троцкого и то, что объективное отсутствие либеральной альтернативы неизбежно ставит на повестку дня самоуправленческий социализм при «правильной политике» коммунистической партии. В действительности, отсутствие либеральной альтернативы и провал революционного эксперимента самоуправленческого социализма коренились в той проблеме, которая содержалась в кругу вопросов «исторической отсталости России» и мирового характера развития, о котором сам Троцкий писал, что «крах русского капитализма явился местным обвалом универсальной общественной формации»⁵².

Тот факт, что сталинский перелом уничтожил не только капитализм, но и возможность не-государственного социализма, доказал: промышленная модернизация и система рабочей демократии в данных условиях были несовместимы. Политические цели, «ожидания» Троцкого противоречили его историческим наблюдениям, по которым в возникновении российского капитализма ведущую роль играл иностранный капитал, без которого самодержавная Россия не обошлась, и новая — социалистическая Россия без него не владела бы экономической стратегией в период новой экономической политики. Другой важный вопрос — отношение иностранного капитала к Советской России. И Троцкий, и Ленин, и Покровский переоценивали возможность ограничения «частичной

⁵¹ *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Берлин, 1933. Ч. 2. С. 416-417.

⁵² *Там же.* С. 416.

реставрации капитализма», как Ленин назвал НЭП. Из историко-экономического анализа трудов этих авторов вытекает один вывод: универсальный характер капитализма выражается и в развитии России. Большевики не подготовились до 1921 г. к «местному» развитию социализма, и, в этом смысле слова, суть НЭПа была в возвращении в мировую экономическую систему капитализма, хотя субъективно, конечно, шла речь «о сохранении социалистической альтернативы развития».

В рамках изоляции, против которой так упорно и так малоэффективно боролся Троцкий, «русский характер» развития не мог быть преодолен. Постольку НЭП сохранял элементы реформы рыночного хозяйства старого режима, поскольку без иностранного капитала следовать «модели» рыночного хозяйства было невозможно. Эта историческая ситуация представляла собой возможность интеграции в мировую экономическую систему. Троцкий в этом отношении ясно видел сложность исторической проблемы, характер тех исторических противоречий, которые накопились за последние двести-триста лет в европейской истории: «Россия не имела возможности сложиться в формах Востока, потому что ей всегда приходилось приспосабливаться к военному и экономическому давлению Запада. Существование феодальных отношений в России, отрицавшееся прежними историками, можно считать позднейшими исследователями безусловно доказанным. Более того: основные элементы русского феодализма были те же, что и на Западе». Но Троцкий отмечал «недоношенность русского феодализма», с другой стороны, то, что «отсталая страна ассимилирует материальные и идейные завоевания передовых стран... Капитализм подготовил и, в некотором смысле, осуществил универсальность и перманентность развития человечества. Этим самым исключена возможность повторяемости форм развития отдельных наций... Дикари сменяют лук сразу на винтовку, не проделывая пути, который пролегал между этими орудиями в прошлом... Развитие исторически запоздалой нации ведет, по необходимости, к своеобразному сочетанию разных стадий исторического процесса. Орбита в целом получает не планетарный, сложный «комбинированный характер»⁵³.

⁵³ Там же. Ч. 1. С. 20-21.

Троцкий осознал ошибку Покровского, который анализировал историю как развитие повторяющихся явлений, структур и стадий, но Троцкий в то же время и очень рано понял природу мировой системы, в которую «включиться» и из которой «отключиться» не так просто. Он правильно заметил, что «европеизация» Петра Великого не включила Россию в капиталистическую систему, а, наоборот, западная техника, военная и мануфактурная, «привела к усугублению крепостного права, как основной формы организации труда». В начале XX в. западные элементы и орудия капиталистической цивилизации временно укрепили основные институты⁵⁴.

Первая мировая война была развалом определенной исторической формы капитализма, из которого Троцкий сделал выводы, вновь отказавшись от теории «местного коммунизма», тогда как Покровский вместе со Сталиным вернулся к «славянофильскому» лозунгу «социализм в одной стране», которому явно противоречила историческая концепция Покровского. В политическом выражении Троцкого, хотя сам он это не заметил, ясно выражалась объективная основа сталинского «поворота» и в целом, государственного социализма. Но все это уже выходит за границы настоящей статьи. И Троцкий, и Покровский вышли из моды вместе со всей проблематикой своеобразия русского исторического развития. Дискуссия об азиатском способе производства в Ленинграде в феврале 1931 г. показала, что все теории и концепции, которые не соответствовали примитивной схеме сталинской теории общественных формаций, были исключены из научного оборота, как например, научная позиция венгерского ученого Лайоша Мадьяра и др. Теория азиатского способа производства, отрицая феодализм раннего Китая, была объявлена антисоветской, поскольку бюрократия могла появиться как «новый класс» при системе господства государственной собственности, что могло отождествляться с самим Советским Союзом⁵⁵.

Официальный отказ по политической причине от теории азиатского способа производства был связан со стремлением оправдать Сталинский вариант развития общим светом социализма. В этот период сталинизм уже отождествлялся с социализмом без

⁵⁴ Там же. Ч. 1. С. 22.

⁵⁵ Дискуссия об азиатском способе производства. М. - Л., 1931. См. об этом: Барбер Й. Цит. соч. Современную интерпретацию вопроса дает венгерский синолог и философ Ференц Токеи.

различий между огосударствлением и обобществлением, что не вытекало из исторических концепций большевиков 20-х гг. Эта сталинистская традиция отождествления разных форм собственности продолжает жить в современных неоконсервативных и неолиберальных исторических подходах, которые выступают против государственной собственности исключительно с точки зрения частной собственности, отождествляя по политическим причинам огосударствление с обобществлением.

Когда М.Н. Покровский умер, Троцкий в своей «Истории...» отдал должное масштабу и историко-политическому значению произведений Михаила Николаевича. Но через семь лет ученики Покровского предали своего учителя: труды Покровского были заклеены как антирусские, чуть ли не профашистские. Авторитеты уничтожались и в области исторической науки, чтобы дать место одному общему авторитету — Сталину⁵⁶. В конце концов, ни историческое наследие Троцкого, ни Покровского не смогло бы стать идеологическим стимулом «местного коммунизма». Понимание своеобразия российского исторического развития не было преодолено на новейшей стадии развития. Российский регион мировой системы в определенном смысле только реставрировал раннюю степень «своеобразия» (специфическое возникновение капитализма), хотя по форме снова идет речь о преодолении всякого своеобразия и возможности догнать центр мировой системы. Актуальность исторической дискуссии Покровского и Троцкого — *mutatis mutandis* — очевидна. В этом плане она не закончилась, а в 60-е гг. возобновилась и, как мы сегодня видим, стала составной частью идеологических и научных предпосылок той системы, в возникновении которой тоже сыграла свою роль.

⁵⁶ См.: Против исторической концепции М.Н. Покровского / Сб. статей. М. - Л., 1939. Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М. - Л., 1940.

LENIN ON GLOBAL HISTORY AND THE GLOBAL HISTORIOGRAPHY ON LENIN*

TODAY'S INTELLECTUAL CLIMATE AND HISTORIOGRAPHY: LENIN'S PERSPECTIVES

Today's intellectual climate in Eastern Europe is unfavourable for balanced analysis. For instance, mainstream liberal historiography denies or simply ignores the existence of Marxist or critical historiography even in the past, for example in Hungary, which had a strong Marxist school well known also in the West at that time¹. Considering that, what is one to say about the ethno-nationalist historiography which has become dominant almost everywhere in the region? Also in Hungary, many historians are busy legitimizing the authoritarian neo-Horthyst *régime* that has been built up in recent years. Still, we shall remember that Marxist-oriented historiography, as Georges Duby underlined at the beginning of the 1980s, was a source of inspiration in France even for non-Marxist historians and thinkers, from Marc Bloch to Lucien Febvre, and so on².

* First publication — 2020. Keynote lecture at the Fifth European Congress on World and Global History (European Congress European Network in Unversal and Global History) (ENIUGH), 31 August 2017, Corvinus University, Budapest.

¹ KRAUSZ, Tamás, “A magyar történetírás és a marxizmus — Megjegyzések a „kelet-európaiság” problémájához [Hungarian historiography and Marxism: Comments on the problem of “East Europeanness”]”, *Eszmélet*, no. 94. (Summer 2012) Melléklet [Supplement]. See online: http://www.eszmelet.hu/wp-content/uploads/2018/08/EPA01739_eszmelet_2012_94_nyar_182-244.pdf (Accessed June 25, 2019).

² GEORGE, Duby; GUI, Lardreau, *Párbeszéd a történelemről* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993), 108-110 [Original edition: *Dialogue about history* (Paris: Dialogues, 1980)].

Also we remember that in the 1960s the new current in the historiography of global history, world-systems theory listed Lenin as one of its early intellectual sources, its “ancestor”, even though later many of them seemed to have forgotten this inspiration. Today, a historical presentism mixes Lenin’s Marxist-based, historically relevant analysis with the legitimacy providing ideology of state socialism, and in many cases, even Stalinism — and this is often done by scholars who never studied deeply Lenin’s historical views. This brutal re-politicization of historiography, which from the 1980s, 1990s, weighs heavily on history as a science as “the politics of memory”, has swept away anything that is Soviet, including first and foremost, Lenin. Recently even Immanuel Wallerstein painted quite a one-sided, “national” picture of Lenin on the occasion of the publication of his book in Moscow³.

And still: nobody can deny that Lenin greatly influenced historical thinking and in a narrower sense, historiography in large parts of the world in the 20th century⁴. Lenin was not a professional historian and some of his statements have been disproved by scientists. Nonetheless his views, theoretical and methodological convictions have influenced history and have been integrated into historical analyses. But we can rightly underline that Lenin’s historical writings, notes and comments had the overt political intention to clarify the historical conditions of the practical roads to the revolution and to show the possibility of a historical change, development, which goes beyond the “capital-system” (István Mészáros)⁵. In line with this intellectual project, Lenin goes back to Marx

³ Wallerstein referred to Lenin as a Russian „national hero”. See online: <http://left.by/archives/939> (Accessed June 15, 2019).

⁴ БЫСТРЯНСКИЙ, В.А. *Ленин — историк. Историзм в ленинизме* (Ленинград: Гос. изд-во, 1925). Lenin as a historian was first interpreted in Soviet Russia in 1925, by a party historian Vadim Bystransky. Even though the study complied with the general spirit of that times in the celebration of Lenin. The 35-page-long pamphlet underlines the global spread of the revolutionary movements and the universal historical aspects of the successful revolutions in Lenin’s work, namely the perspective and method that he “inherited” from Marx and Engels.

⁵ How much Lenin needed historical analysis as one condition of the determination of the “right political strategy” is best shown by his comment: *On the caricature of Marxism*, Vol. 30, 52. Starting from the specificities of the universal historical development, he argues precisely that the “pure” socialist revolution is impossible (See the foreword to the volume XIII).

both in methodology and theory, whom he regarded as his “master teacher”⁶. It means Lenin went beyond the normative and value system, and also the terminology of the capitalist society, and thus, he tried to adapt Marx’s scholarship to the conditions of the early 20th century.

Lenin’s scholarly analysis set off first and foremost with the theory of social formations in order to understand and interpret global history. On this basis he “re-created” this theory, explicitly concentrating on the history of Russian capitalism and the relationship between Russian capitalism and global historical development⁷. However, in spite of the rich heritage of critical historiography on this subject⁸, the Lenin-literature seems to have fallen “victim” to the Eastern European regime changes even in the West. The liberal and conservative historiographies have one thing in common, namely, the way they approach Lenin’s thinking about historical development: both decompose, disconnect and “deconstruct” Lenin’s “legacy”, and both neglect — while some historians directly falsify — the original historical and intellectual context of Lenin’s objectives, analyses and intellectual heritage. Approached in this way Lenin’s views and analyses of history lose their original significance and are presented as a mere rationalization of his direct political goals and interests of power⁹. The falsification of the actual context pushes Lenin

⁶ ЛОГИНОВ, В.Т., *Владимир Ленин. Выбор пути: Биография* (Москва: Республика, 2005), 100 (between the lines) 103.

⁷ See: ЧАГИН, Б.А. (ред.), *Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века* (Ленинград: Наука, 1978), 393-395. In his work published in Russian (vol. 25, 44) Lenin already observed that the abstention from theory expresses an overall restraint in the bourgeois sociology and historical science, they are afraid of the consequences of the laws of historical development in science, which could and would lead to the radical critique of the bourgeois social development and the elaboration of a (more) human alternative. See also: ПЛИМАК, Е.Г., *Политика переходной эпохи. Опыт Ленина* (Москва: Весь Мир, 2004).

⁸ We must stress here that there has been a rich intellectual accumulation in this field: from Perry Anderson to the Hungarian Marxist historical school, from Braudel to Hobsbawm, from Marc Bloch to André Gunder Frank, from Arrighi to Wallerstein.

⁹ See the overview in my book: KRAUSZ, Tamás, *Reconstructing Lenin: An Intellectual Biography* (New York: Monthly Review Press, 2015), 9-20; for a critique of the post-1989 literature see also: ЛИН, Lars T., *Lenin Rediscovered: What Is To Be Done? In Context* (Chicago: Haymarket Books, 2008) and ЛОГИНОВ, Владимир Ленин. *Выбор пути: Биография*.

into the narratives of “violence” and “thirst for power” as an “omnipotent leader of the world proletariat.” It has become general historical practice to interpret Lenin and his views in terms of very simple antitheses: even so-called “benchmark” works such as the recent studies for instance Christopher Read lock Lenin into the double intellectual prison of ultra-democratic, utopian illusions and being an authoritarian-dogmatic Marxist¹⁰. This is a triumph of ideology against history — wiping out a specific “narrative” from contemporary historical discourses.

INSPIRATIONS AND CONCEPTS: RUSSIAN CAPITALISM AS A PART OF GLOBAL CAPITALISM

In the 1890s Lenin’s break with Narodism and Liberalism was a break with the old science, with positivism, politically conformist empiricism and nationalism. Lenin in his “*Friends of the People*” published in 1894 emphasized in opposition to positivist sociology¹¹ that the mere “collection of material” and the mere “description of phenomena” belong to the worst legacies of an outdated approach to science (even whilst Vladimir Ilyich Ulyanov himself was a meticulous researcher and seasoned analyst of sources).

The great Hungarian poet, Endre Ady wrote in 1909 about the intellectual climate at the time: “Everything Whole is now broken, every fire flickers in fragments”, and how to restore this “whole” in the thinking about local and global “histories”? That was the question for Lenin.

The question closest to the heart of the new conception of science — in Lenin’s interpretation — was how the commodity system of the social economy develops, how it then develops into the capitalist machinery, and how Russian agriculture becomes subordinated to the capitalist local and global market system. Ulyanov outlined the basic

¹⁰ See the review of LE BLANC, Paul, *Lenin and his biographers*. See online: <https://isreview.org/issue/86/lenin-and-his-biographers> (Accessed June 19, 2019).

¹¹ “It is obvious that Marx’s basic idea that the development of the social-economic formations is a process of natural history cuts at the very root of this childish morality which lays claim to the title of sociology”. LENIN, V.I., *Collected Works* (later see as: *LCW*) Vol. 1 (Moscow: Progress Publishers, 1964–1970), 136-141.

concepts of the Marxian theory of social formations, modes of production, relations of production and property, etc., emphasizing the economic basis of social structure¹².

Lenin regarded the social and economic differentiation of the peasantry, as directly associated with the spread of rural wage labour, as the greatest economic and social problem, from both a theoretical and specialized scientific perspective. It is in the course of his studies on the causes of peasant sub-differentiation that he arrives at his considerations with regard to the market, the question of the market economy: “The fundamental cause of the struggle of economic interests arising among the peasantry is the existence of a system under which the market is the regulator of social production”¹³. He combined the problem of peasant differentiation and the formation of the market (economy) in his second important work: *On the So-Called Market Question*, published in 1893¹⁴.

The first main sources of inspiration for Lenin apart from Marx and Engels, i.e. Plehanov and Kautsky were also integrated in the development of his historical and political thought. Since his university years when he read Marx’s *Capital*, Lenin’s concept of history and his historical views focused on three interrelated fundamental historical questions, which are difficult to separate. According to Radek as a witness, Marx’s *Capital* “opened up a new world” for Lenin but “he had not yet found there answers to the specific Russian questions”¹⁵ to intellectually “solve” the problem of Russian capitalism and “the specifici-

¹² “The analysis of material social relations (i.e., of those that take shape without passing through man’s consciousness: when exchanging products men enter into production relations without even realizing that there is a social relation of production here) — the analysis of material social relations at once made it possible to observe recurrence and regularity and to generalize the systems of the various countries in the single fundamental concept: *social formation*”. Ibid., 140.

¹³ Ibid., 73.

¹⁴ Before writing this study, he presented it at a self-training debate (related to G.B. Krasin’s lecture on *The Market Question*). Lenin expressed his views as a follow up to Krasin’s lecture. Lenin wrote the study in the autumn of 1893, and it was first published in 1937. ГОЛИКОВ, Н.Г. (ред.), *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника*. Т. II. (Москва: Политиздат, 1970), 80-81; *LCW*. Vol. 1. 75-128.

¹⁵ ЛОГИНОВ, *Владимир Ленин. Выбор пути*, 103.

ties of the Russian historical development” as compared to Western development¹⁶.

The collision of modern and archaic features were reflected even in the famous discussion on the Asiatic mode of production in 1902¹⁷ of the first party program written by Plekhanov. Lenin had held its author responsible for the same striking Plekhanovian contradiction: “Plekhanov only spoke about capitalism in general terms”, and left the question of a “specifically Russian form of capitalism” in the dark¹⁸. As discussed earlier, these early methodological-theoretical differences between Lenin and Plekhanov were reflected in their assessment of the question of *Asiatic mode of production*. Plekhanov did not relinquish his earlier position, which focused on the struggle of “Asianness” and “Europeanness” in Russian history, even fitting February and October 1917 into this scheme, an interpretation that finds followers even today. Unlike Lenin or later Trotsky, Plekhanov did not base his approach on a peculiar combination or accumulation of the two trends of historical development. In fact, the idea that the February Revolution fitted into the political “Europeanization” of Russia, whilst October reinstated the “Eastern”, “Asiatic,” or “peculiarly Russian”, has once again become fashionable since the collapse of the Soviet Union¹⁹.

¹⁶ The debate continues to the present. See: KRAUSZ, Tamás, *Az orosz történelmi fejlődés ideológiáiról* [On the ideologies of the Russian historical development]. See online: <http://www.c3.hu/scripta/scripta0/replika/1920/12/krau.htm> (Accessed June 19, 2019).

¹⁷ See Plekhanov’s philosophical-historical fundamentals on Russia, in which he describes the characteristics of the swing between *Western and Asian development*, in his famous “Introduction” in ПЛЕХАНОВ, Г.В. *Сочинения в 24-х томах*. Т. XX (Москва: Гос. изд-во, 1925), 11-22.

¹⁸ See on this the investigations of one of the outstanding figures of the first generation of Soviet party historians in the 1920s, in БУБНОВ, А.С., «Развития роли Ленина в истории русского марксизма», в *Основные вопросы истории РКП: Сборник статей* (Москва – Ленинград: Гос. изд-во, 1925), 113-133.

¹⁹ See: KRAUSZ, Tamás, *Pártviták és történettudomány. Viták „az orosz történelmi fejlődés sajátosságairól”, különös tekintettel az 1920-as évekre* [Party debates and history as science. Debates about the specific features of Russian development particularly regarding the 1920s] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991), 76-77. The comparative analysis of the Lenin and Plekhanov’s conceptual approach to revolution was completed by Tyutyukin [Тютюкин] in

Pavel Milyukov — the leading Russian liberal historian (belonging to the school of Klyuchevsky) at the end of 1870s — regarded first and foremost the British development to be a role of model for Russia. This concept entailed the possibility of a so called catching-up development. Mikhail Pokrovsky, the leading Bolshevik historian²⁰ conceived of the development of Russian and Western capitalism as identical since he located the “birth” of the capitalist system with the commercial capital of the 16th century, and put the emphasis on global development instead of the Russian specificity. This was the concept of the “hagamogenesis of capitalism” in Russia, which is clearly reminiscent of similar debates today on the birth of global capitalism as inspired by Pomerantz. Lenin did not mix up the modern forms of capital with its antediluvian forms. In his approach the capitalist system is a market-based social system in which the capital relation, value added production, the maximization of profit, the accumulation of capital are the dominant and complex social organisms, all on the basis of private ownership of capital and the capitalist state²¹.

It was clear to Lenin that the history of “modern society” should be interpreted as that of a global “world system” as the concrete framework of the capitalist mode of production. In his famous book, *The Development of Capitalism in Russia* published in 1902, which is to be read as a truly historical analysis, he approached the specificities of Russian capitalism²² from the perspective of the “suction effect”²³ of

the Soviet period, taking Lenin’s perspective on the unfolding events of course, but framed generally in objective analysis, in ТЮТЮКИН, С.В. *Первая российская революция и Г.В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905–1907 гг.* (Москва: Наука, 1981).

²⁰ Pavel Milyukov (1859–1943) or the Bolshevik Pokrovsky (both were the disciples of Klyuchevsky at the University of Moscow, and later became famous historians) became the leading historians of liberals and of Bolsheviks.

²¹ ПЛИМАК, *Политика переходной эпохи*, 69-70. In relation to this subject he was studying Engels’ “The Origin of the Family, Private Property and the State” at the same time, the spring of 1974. See: ГОЛИКОВ (ред.), *Биографическая хроника*. Т. I, 87. He accounted of this system, which he already interpreted as a world system at a young age, in a great variety of historical forms.

²² We speak of well-known Russian characteristics: a politically insignificant bourgeoisie, also economically at the mercy of the state bureaucratic autocracy, state-sponsored industrialization based on foreign capital, the domi-

modern Western societies as a relatively new historical phenomenon²⁴. Bolshevik historians (Pokrovsky, Olminsky) — opposed to Lenin — interpreted economic development exclusively on the basis of the Western European scheme²⁵.

Meanwhile Lenin could not have known a number of rather important works by Marx, such as the *Grundrisse*, which was discovered by David Ryazanov — the director of the Marx-Engels Institute in Moscow working on the first edition of the collected works of Marx and Engels — only in 1923. The famous *Introduction* was found by Kautsky²⁶. Thus, it

nance of the large estates and landed aristocracy, the role of the obshchina and the absence of peasant land and capital property in general, etc.

²³ Since Lenin this suction effect has been a subject of several analyses but its most extensive and clear elaboration was manifest in the world-system theory, first and foremost, in the work of Immanuel Wallerstein.

²⁴ *LCW*. Vol. 1, 12-13. Ulyanov “complemented” his investigations in economic history with approaches in general theory and political economy to place the nature and system of relation in peasant farming within the context of the flourishing system of capital as a whole, to capture the essence of capitalism conceptually.

²⁵ Current mainstream literature in (economic) history reaches a conclusion not far removed from that of Lenin’s, with regard to the basic structure of Russian capitalism, but does take a class conscious view of armed revolutionary uprising, speaks not of “the conflict between the seat of power and society,” but views it in terms of “the opposition between power and the extremist leftist social movements.” See САХАРОВ, А.Н., «Введение. Россия в начале XX века: народ, власть, общество» [Introduction. Russia at the beginning of the 20th century: people, power, society], *Россия в начале XX века*, ред. А.Н. ЯКОВЛЕВ (Москва: Новый Хронограф, 2002), 52-53. The viewpoint of economic history is also shifting, as reflected in the final balance drawn under the pre-First-World-War decade of economic development drawn by Yu. A. Petrov [Ю.А. Петров] in the quoted book: “At the beginning of the twentieth century Russia remained a country with a backward economy by the standards of the developed nations, but entered the sphere of healthy economic growth within the framework of the market model”. See: ПЕТРОВ, Ю.А., «Российская экономика в начале XX в.», *Россия в начале XX века*, 219.

²⁶ See: MUSTO, Marcello, *Dissemination and Reception of the Grundrisse in the World. A Contribution to the History of Marxism*. Manuscript, available online: <https://www.marcellomusto.org/dissemination-and-reception-of-the-grundrisse-in-the-world-introduction/317> (Accessed June 30, 2019).

is a different question, to what extent he could — or he was able — to grasp the Marxian *oeuvre* in the strict academic sense of the word.

But for Lenin it was clear that without a creative adaptation of Marx' theory we have no means left to explain the globality of world history. Thus, long before the revolution he was engaged with the question of how the “modern centre” of capitalism integrates and conquers other, non-“modern” parts of the world through this “suction effect”. His solution lacked a lot of historical material we know now today after more than a century of scholarly discovery and development, but the important thing is that he posed the right question.

The image of Russia, which is located between East and West, has appeared in various interpretations by famous Russian historians (Klyuchevsky, Kovalevsky, etc.). In the case of Lenin this also meant a place “in between” the “developed” Western core countries — with modern terminology—and the Eastern colonies (China, India) and Turkey. Comparing its development with core countries Lenin elaborated two — coherent — theoretical inventions, which were developed in the course of this debate²⁷ on the Russian development: 1. the problem of uneven development. 2. the hierarchical stratification of the capitalist world system, colonialism and its consequences, and the historical problem of the global accumulation of capital²⁸. These inventions can be regarded very important insights into global history of key relevance today.

The insight that in the contemporary world of Lenin nearly all important contradictions of global development accumulated and concentrated in “one place,” namely Russia, is inseparable from Lenin's historical analysis²⁹: for him, Russian history is global history. Even though Lenin overemphasized the development of capitalism in the Russian agriculture, he did not subscribe to the misleading perspective of a significant group of Soviet historians in the 1920s, and then again in 1970s and 1980s, who “repeated” Pokrovsky's arguments about the

²⁷ See: KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány*, esp. 60-62.

²⁸ Lenin proved already in his *The Development of Capitalism in Russia* that the Russian village community, the obshchinas belongs to the historical past in spite of the fact that two decades earlier Marx had written a letter to Vera Zasulich, in which he argued that the obshchina had certain opportunities and a role in the future development of Russia.

²⁹ Many historians emphasize this, from Christopher Hill to Hobsbawm and Плимак [Плимак].

specific features of Russian development. Other Soviet historians also referred to Lenin but they more convincingly stressed Russia's different economic development from the core countries, and they discussed the survival of feudal characteristics, and the concept of various intersecting social formations in Lenin's theory³⁰. In other words: under capitalism as a global system the particular and the general forms of development are interconnected and they are determined by each other³¹. Lenin's "neo-Marxism" thus in the longer run generated a radical shift in how the development of Russia would and could be conceptualized as an integral part of world capitalism or "world history".

For Lenin the notions of "maturity" and "backwardness" became problematic only later, in his theory of imperialism. It was only after the experience of the World War I that he would revise his ideas and speak about modern capitalism as imperialism, the theory of which he summed up in five well-known theses.

The methodological shortcoming of Lenin's theoretical opponents at the time were rooted in their efforts to understand Russian development within the conceptual straitjacket of the structural forms of the Western model. Another problem is that the schematic "Westernizer"'s concept of history has been unable to grasp the specificities of economic, labour and social history in Russian development and the great diversity of political, social, and class conflicts³². To the present day the

³⁰ On the history of these debates see: KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány* and ПЛИМАК, *Политика переходной эпохи*, 28-29.

³¹ "The development of capitalism certainly needs an extensive home market; but the ruin of the peasantry undermines this market, threatens to close it altogether and make the organization of the capitalist order impossible. True, it is said that, by transforming the natural economy of our direct producers into a commodity economy, capitalism is creating a market for itself; but is it conceivable that the miserable remnants of the natural economy of indigent peasants can form the basis for the development in our country of the mighty capitalist production that we see in the West?" In *LCW*. Vol. 1, 79.

³² The "over-determination" of the social-political-economic contradictions within the Russian empire has a great literature in the contemporary and old Marxist historiography, from Perry Anderson to Emil Niederhauser, and we should also add the philosophers, who "specialized" in this topic: Lukács, Gramsci, Althusser, etc. On the history of these historiographical debates see: KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány* and ПЛИМАК, *Политика переходной эпохи*.

westernizers interpreted and interpret economic development exclusively on the basis of the Western European scheme³³. For instance, Yu. Petrov in his much quoted study published in 2002 claims: “At the beginning of the twentieth century Russia remained a country with a backward economy by the standards of the developed nations, but entered the sphere of healthy economic growth within the framework of the market model”³⁴.

IMPERIALISM AS LOCAL AND GLOBAL HISTORY

In Lenin’s interpretation — quoting Arrighi — the “semi-peripheral integration” of Russia into the world market entailed an economic subordination to the Western great powers. Related developments can be explained through the contemporary system of the international division of labour. In light of the experience of the Great War Lenin recognized that the role of the state had fundamentally increased in comparison with earlier development, indicating the beginning of a new era. As generally acknowledged, apart from Hobson, Hilferding had the biggest influence on Lenin’s theory of imperialism, but it would be a mistake to overestimate their role. Lenin had already demonstrated — alongside Trotsky or Maslov — that the Tsar as the first, top capitalist entrepreneur, could participate — even in a subordinated position — in the struggle for the economic and geographical “division and re-distribution of the world”. Russia — as Lenin himself interpreted it — was a relatively independent region, which had its own “modern centre” and periphery. Lenin described the formation of this periphery as the “internal colonization” pursued by tsarism³⁵.

³³ See: САХАРОВ, А.Н. «Введение. Россия в начале XX века: народ, власть, общество», *Россия в начале XX века*, 52-53. See also: ПЕТРОВ, Ю.А., «Российская экономика в начале XX в.», *Россия в начале XX века*, 219.

³⁴ “Россия в начале XX в., по меркам развитых стран, оставалась страной с отсталой экономикой, но она вышла на траекторию здорового экономического роста в рамках рыночной модели”. — ПЕТРОВ, «Российская экономика в начале XX в.», *Россия в начале XX века*, 219.

³⁵ On this KRAUSZ, *Reconstructing Lenin*.

In spite of its medieval-style imperial structure, Russia was a subimperial factor of the international economic and political struggles³⁶. The concept of sub-imperialism in itself was very important from the perspective of later analyses of the global economy and culture from an Eastern European perspective. It appears in the analysis of imperialism, and it continues to be very important in the debates of the post-colonial critical literature, mainly in connection with Eastern European history.

In his work entitled *Once More on the Theory of Realisation*, in 1899 Lenin captured the issue at stake as a matter of realization, conceiving of the problem of the market as a question of the *world economy*, the *world system*: “Do not stop — he claimed — at the traditional separation of the home and foreign markets when analyzing the question of capitalism. This distinction, groundless from a strictly theoretical point of view, is of particularly little use for such countries as Russia”³⁷.

Lenin did come back to this question much later, underlining (in his book on imperialism) that imperialism itself was a new epoch of modern global history that incorporated the accumulation processes of previous historical epochs. He annotated and commented on Rosa Luxemburg’s *The Accumulation of Capital* at extraordinary length in the year of its publication (it came out in January 1913), while living in Pormin³⁸. Luxemburg’s accumulation theory posed the problem of the

³⁶ See: GÖNCÖL, György, “Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében” [Rosa Luxemburg’s place in the evolution history of Marxism], “Utószó” [Afterword], in ROSA LUXEMBURG, *A tőkefelhalmozás* [The accumulation of capital] (Budapest: Kossuth Kiadó, 1979), 510-511.

³⁷ GÖNCÖL, “Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében”, “Utószó”, *Ibid.*; and *LCW*. Vol. 4, 91. Göncöl gave an accurate account of the development of Lenin’s views in other terms as well, when he pointed out that in Lenin’s earlier quoted text on the “market question” he shared Adam Smith’s thesis on the causal and linear connection between labor distribution and the market and explains capital’s tendency for growth basically with technological advance alone, while in his later study (“Once More on the Theory of Realization”) he writes about the “horizontal” and “vertical” tendencies involved in the spread of capitalism, as well as its universal and local bearings “in the creation of colonies, drawing wild tribes into the whirlpool of world capitalism.” *Ibid.*, 77-78.

³⁸ АДОРАТСКИЙ, В.В.; СОРИН, Г.В. (ред.), *Ленинский сборник* [Lenin miscellany], Т. XXII (Москва: Партийное издательство, 1933), 343-390,

realization of surplus value in the new stage of the development of capitalism in an original way. Yet Lenin shifted the emphasis to the question of recapitalization of the realized surplus value, which would become the fundamental problem of the “period of imperialism” because this question was deeply intertwined with “the central issue of international exploitation in the world system of imperialism”³⁹. Here Lenin and Luxemburg are in agreement in that the industrialization of the “backward countries and regions” itself subjugates, “colonizes” these territories through the “mediation” of loans⁴⁰. Lenin’s main issue with Luxemburg’s theory of capital accumulation was that in his opinion, as widely known, there was no need for non-capitalist “sectors” and regions for necessarily to be there for capital accumulation or realization of value to be possible.

Finally, Lenin came to correlate the factors of the world market — today it would be called globalization — and the demise of the Russian and Indian traditional forms of village community, making a reference, by way of example, to the cheap grain from the Northern American prairies and the Argentinean Pampas that flooded the market. The Indian and Russian peasant had proved powerless in the face of such competition, with the result of “industrial scale grain production” forcing patriarchal agriculture out of further vast tracts of land⁴¹. One basic

translated for the *Lenin Internet Archive* (2010) by Steve Palmer. See online: <http://www.marxists.org/archive/lenin/works/1913/apr/rl-acc-capital-notes.htm> (Accessed June 30, 2019) His chief issue with Luxemburg’s theory of capital accumulation was that in his opinion, as widely known, there is no need necessarily for non-capitalist “sectors” and regions for there to be capital accumulation or realization of value.

³⁹ GÖNCÖL, “Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében”, 513.

⁴⁰ The speed of falling in debt “in the case of backward regions surpasses the tempo of growth as a mathematical rule.” See: GÖNCÖL, “Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében”, *Ibid.*; and more current literature in Hungarian, BERNEK, Ágnes; FARKAS, Péter (eds.), *Globalizáció, tőkekonzentráció, térszerkezet* [Globalization, capital concentration and structured space] (Budapest: MTA Világgazdasági Kutatóintézet, 2006); FARKAS, Péter, *A globalizáció és fenyegetései. A világgazdaság és a gazdaságelméletek zavarai* [Globalization and its dangers. Disturbances in global economy and economic theory] (Budapest: Aula Kiadó, 2002).

⁴¹ *LCW*. Vol. 3, 329.

conclusion that could be drawn from Lenin's analysis was that overcoming the remains of patriarchal conditions of slavery itself manifests the expansion of capitalism. At the same time, while history forecloses any return to any traditional form of society, the more obstinate remnants of the forms that have become obsolete will often fuse with the modern system, as would be demonstrated later on by a vast number of eminent historians. The most modern capitalism entails the "colonial" and slave relations (not only in the peripheries), which penetrate several areas of both production and service⁴². These "pre-capitalist forms" were overlapping in the capitalist shell but the capitalist production and property relations as the "moment of overriding importance" (Lukács) determined the relations between the alternative "sectors" of social life as a whole.

Lenin in his book on imperialism⁴³ demonstrated how in the process of generating extra-profit the hierarchized world system is repro-

⁴² For contemporary debates on the concept and theory of capitalism see: KOCKA, Jürgen, "A kapitalizmus fogalmának újrafelfedezése" [Rediscovering the concept of capitalism], *Eszmélet*, no. 113 (Spring 2017): 37-46. See online: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00098/pdf/EPA01739_eszmelet_113_037-046.pdf (Accessed June 11, 2019); VAN DER LINDEN, Marcel "Miért él tovább a kapitalizmus fogalma?" [Why does the concept of capitalism live on?], *Eszmélet*, no. 113 (Spring 2017), 47-59. See online: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00098/pdf/EPA01739_eszmelet_113_047-059.pdf (Accessed June 11, 2019); SZIGETI, Péter, "Kapitalizmus-fogalmak és a tőkés termelési mód elmélete" [Notions of capitalism. Theory of capitalistic mode of production], *Eszmélet*, no. 115 (Autumn 2017), Melléklet [Supplement]. See online: http://www.eszmelet.hu/wp-content/uploads/2018/08/EPA01739_eszmelet_115_melleklet.pdf (Accessed June 11, 2019).

⁴³ In the literature of history a fact that is often not properly considered is that in writing his pamphlet on imperialism Lenin brought an incredible force of scientific studies, statistical work to i. Only his notes and research "cards" filled two whole volumes, which came to fill 400 and 500 pages respectively in print. See: *Ленинский сборник*, Т. [Vol.] XXII (1933), and Т. [Vol.] XXVII (1934), 489. With the name index in volume in print alone coming to 470 items, whose majority comprises economists, historians, philosophers, sociologists, statisticians and of course, politicians. From Carnegie to Sombart, R. Hoeniger to E. Théry and J. Lescure to the Japanese Hishida, or J. Patouillet to Riesser the works of these annotated authors and the related data or commentary lines these sheets. See: *LCW*. Vol. 39.

duced, in close connection with „uneven and combined development”. Its internal mechanisms like the internationalization of global economic relations, financial control, labour migration etc. became new forms of exploitation. The relevance of this perspective will be demonstrated, I am sure, as we will discuss the past and present of labour relation in quite a number of panels here at the conference.

Finance capital, Lenin argued “becomes very strong, [and] so does the state”. In his introduction to Buharin’s analysis of imperialism in December 1915 Lenin remarked that the chain of mutual dependence and global inequalities is generated by a fundamental global hierarchy⁴⁴.

At a later stage, it must be noted, Lenin and Rosa Luxemburg were perhaps first amongst Marxists and non-Marxists to outline in a clear theoretical form that in the age of traditional, so to say “free” enterprise, capitalism the colonies had been drawn into commodity exchange but not into capitalist production. This changed in the age of imperialism. Imperialism is, among other things, the export of capital. Capitalist production was transplanted to the colonies at an ever-increasing rate. This colonial capitalist production extricated itself from dependence on European finance capital. These insights also are important today. From the military standpoint, as well as from the standpoint of expansion, the separation of the colonies is practicable, as a general rule, only “beyond capital”; under capitalism it is practicable only by way of exception or at the cost of a series of revolts and revolutions both in the colonies and the metropolitan countries⁴⁵.

These investigations led Lenin to a discovery the significance of which simply cannot be overestimated. He summed up this discovery in the thesis of Russia as “the weak link in the chain of imperialism” and the “strong chain”, i.e. the West as a stronghold of capitalism (Gramsci)⁴⁶. This idea inferred the recognition that the chance for an anti-capitalist revolution to happen was present above all in the semi-

⁴⁴ See online: <https://www.marxists.org/archive/bukharin/works/1917/imperial/intro.htm> (Accessed June 28, 2019). “Preface to N. Bukharin’s Pamphlet *Imperialism and the World Economy*”, *LCW*. Vol. 22, 240.

⁴⁵ *LCW*. Vol. 22, 337-338.

⁴⁶ For a historical background to this see: KRAUSZ, Tamás, *A Szovjetunió története* [The history of the Soviet Union] (Budapest: Kossuth Kiadó, 2008), I. fejezet: A „gyenge láncszem” — a cári önkényuralom bukása [Chapter 1. The weak link. The fall of tsarist autocracy].

periphery, and the imperialist butchery of World War I generated the historical chance for revolution—became an inevitable historical chance for mankind in order to get rid of this world order. Russia would only start the revolution that would take a social formation worldwide... This “story” is well known to all of us.

EURO-CENTRISM AND CATCHING UP

In Hungary, the sinologist and philosopher Ferenc Tőkei, and Georg Lukács⁴⁷ were continuing the theoretical and methodological traditions outlined so far in the 1960s. Tőkei rediscovered many writings and analyses of Marx and Lenin on Asia. Lukács in his *Ontology* describes Tőkei’s reconstruction of the Marxian concept of the “Asiatic mode of production” as an important contribution to the Marxist theory of history.

So Lenin’s thinking had the potential to generate a more differentiated anti-colonialist way of thinking, since it questions the whole logic of the Euro-centric approach to old and modern global history.

In 1920, Lenin declared in his famous anti-colonialist document:

“With the aid of the proletariat of the advanced countries, the backward countries can pass over to the Soviet system and, through definite stages of development, to communism, without going through the capitalist stage... [We]... should and will support bourgeois liberation movements in the colonies only when they are genuinely revolutionary, and when their exponents do not hinder our work of educating and organizing the peasantry and the broad mass of the exploited in a revolutionary spirit”⁴⁸.

⁴⁷ Lukács described the work of Ferenc Tőkei with the following terms: “Only one work has appeared recently on the Asiatic mode of production, which the Stalinist period wanted to eliminate from Marxism, to be replaced by a vacuous, artificial, so called, ‘Asiatic feudalism’, unfortunately only in Hungarian, an excellent Marxist monograph by the sinologist Tőkei Ferenc, *Az ázsiai termelési mód kérdéséhez* [On the issue of the Asiatic mode of production] (Budapest: Kossuth Kiadó, 1965)”. It should be noted that Tőkei’s work appeared in a number of languages in later years.

⁴⁸ See online: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1920/jul/x03.htm> [On national and colonial question by Lenin] (Accessed June 28, 2019).

In addition, very interesting his remark on Russia before the revolution, he argued this way:

“But what of Russia? Its peculiarity lies precisely in the fact that the difference between ‘*our*’ ‘colonies’ and ‘our’ oppressed nations is not clear, not concrete and not vitally felt! ... The sheer absurdity of trying to discover some serious difference between oppressed nations and colonies in the case of Russia should be especially clear to a Russian socialist who wants not simply to *repeat*, but to *think*”⁴⁹.

The neoconservative currents of 1980s have “swept out” of Eastern Europe all “great theories” including first and foremost the theory of social formations alongside the old state-legitimizing ideologies. The systemic changes in Eastern Europe and in the Soviet Union, have restored the old “order”. Marxism was delegitimized exactly at the time when the question of property and property relations became a fundamental historical issue in Eastern European everyday life in the course of privatization and the transfer of property as the concrete realization of the “primitive accumulation of capital”. The mainstream liberal and nationalist historiographies of the changes of regimes in Eastern Europe produced whole ideologies in order to prove that the new political system would follow a project of “catching-up style development” and the realization of bourgeois democracy, and the region would soon catch up with Western Europe. Jürgen Habermas was just one of those who got lost “between three pine trees” as a Russian proverb says. At the time the typical narrative explained the events of ’89 as a “rectifying revolution” — this is Habermas’s term — which carries the people back from an illusion to the world of the western type of democracy, as if our societies had been at the gates of a new stage of development in order to catch up with the West⁵⁰.

Yet the anti-capitalist traditions of thinking on global history from Eastern Europe described in this presentation enabled a group of historians even in a small country like Hungary, and some of their colleagues in other Eastern European countries to predict already in the early 1990s that the *restorative changes of regimes* of 1989–91 would not lead to

⁴⁹ *LCW*. Vol. 23, 55-56.

⁵⁰ See also: HABERMAS, Jürgen, “What Does Socialism Mean Today? The Rectifying Revolution and the Need for New Thinking on the Left”, *New Left Review* 1/183 (September – October 1990).

the celebrated catching-up style development⁵¹. In a large part of the Eastern European region, including Poland and Hungary, “catching-up” and the whole project of a western bourgeois democracy was doomed to failure from the very beginning. We argued early in the 1990s that the new, oligarchic capitalism can only function through the help of an authoritarian regime in line with the Eastern European-Russian traditions in national cloth — even under Western European and later on European Union patronage⁵².

In the Russia of 1917, and again 1991, the social and economic preconditions for a bourgeois democratic transformation had been similarly lacking, and no such regime would be established in the quarter of a century that has passed since 1991. It was evident for us even in 1989 that it is impossible to build a bourgeois democracy since a democratic bourgeoisie cannot be built from above, by the state. After 1989 we have seen “transitology”, so-called modernization theory, the various concepts of totalitarianism⁵³, and more recently the increasing preva-

⁵¹ Already at the beginning of the 1990s we can document a left-wing critique of “catching-up style development” and the theories, which explained the “backwardness” of Eastern Europe through the idea of socialism. See: ZIMMERMANN, Susan, “Delinking and catching up in East and West”, *Links*, no. 3, 1994; and NIEDERHAUSER, Emil: “Előhang 1989 Kelet-Európájához” [Foreword to the Eastern Europe of 1989], *Eszmélet*, no. 5 (Spring 1990): 24-42. See online: http://www.eszmelet.hu/niederhauser_emil-elohang-1989-kelet-europajahoz/ (Accessed June 28, 2019).

⁵² See also: KRAUSZ, Tamás, *Megélt rendszerváltás* [The change of regimes as I experienced it] (Budapest: Cégér Könyvkiadó, 1994).

⁵³ On the “promotion” of totalitarianism in the Anglo-Saxon sovietology see: FITZPATRICK, Sheila, “Revisionism in Soviet History”, *History and Theory* 46, 4 (2007), 77-91. DOI: 10.1111/j.1468-2303.2007.00429; LYNNE, Viola, “The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union”, *The Russian Review* 61, 1 (2002), 25-34. DOI: 10.1111/1467-9434.00203. For a critical discussion of totalitarianism see also: FITZPATRICK, Sheila; GEYERB Michael (eds.), *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared* (New York: Cambridge University Press, 2009). See also: KRAUSZ, Tamás, “A GULAG aktualitása” [The actuality of the Gulag], in *GULAG. A szovjet táborrendszer története* [Gulag - History of the Soviet Network of Forced-Labour Camps], eds. KRAUSZ Tamás, BARTHA Eszter (Budapest: Pannonica Kiadó, 2001), 13-26; BARTHA, Eszter, “A sztálinizmus a régi és új historiográfiában: A jelenség meghatározásának elméleti és

lence of a lukewarm resistance to large-scale critical social theory of global capitalism, or to just any theory, as the characteristic modes of thinking about Eastern Europe in global history. All of these modes of knowledge production simply implicate several old and new characteristics of subordination and oppression of Eastern Europe and in Eastern Europe. By contrast, if they just incorporated critically and constructively, extant Eastern European traditions of thinking on global history, historians would not and could not be surprised at the formation of authoritarian regimes within the region. The intellectual “return” of these present day Eastern European regimes themselves to a historical thinking that directly builds on the nationalist and racist theories of history of the interwar era is not accidental either. By contrast, at the beginning of the 20th century, critical historiography could not imagine “catching-up” on a capitalist basis. Lenin repeatedly underlined the plundering and parasitic character of modern capitalist accumulation. “The epoch of imperialism”, he wrote, “is an epoch in which the world is divided among the great privileged nations which oppress all the others”; and it went without saying for a Marxist theoretician such as Lenin that the local ruling classes and privileged groups of the peripheries were also interested in the maintenance of this world order. None of these great problems of capitalism in its semi-peripheral regions has been solved during the past 100 years, all the great economic and social changes which have characterized this past century notwithstanding. I think a historian who deals with global history cannot avoid these questions. Historical research that is reluctant to recognize this fact, lacks moral credibility, which is or should be an essential part of an academia that serves the public.

módszertani problémái” [Stalinism in the old and new historiography: The theoretical and methodological problems of defining the phenomenon], in *A sztálinizmus hétköznapijai. Tanulmányok és dokumentumok a sztálinizmus történetéből* [The Everyday Life of Stalinism. Essays and Documents from the History of Stalinism], ed. KRAUSZ Tamás (Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2003), 15-39.

AHISTORICAL POLITICAL ECONOMICS*

DEBATE WITH JÁNOS KORNAI

METHODS AND DEFINITIONS

Janos Kornai, the famous and internationally acknowledged economics theoretician and leader of Hungarian liberal economics, has appeared before the national and international scientific public with a recently published comprehensive critique of socialism. His work *Socialist System* deserves more general attention since it is not a specialised traditional economic analysis. The author has ventured to do nothing less than to write *critical political economics*, according to the Hungarian subtitle, conceived in the spirit of “objective scientific ideals”, so to speak. The author’s main goal also boosts our interest: he looks for the answer to the question, “What was the social formation which we lived in for so long?”.

Kornai’s work was written with the claim to be a textbook for university students of economics both in Hungary and abroad. Since the textbook touches upon quite a few basic problems of the history of the group of phenomena called socialism (movement, ideology, structure for production etc.), and since various chapters and parts of the work are of historical rather than economic nature, it is worth examining such an interdisciplinary work in the light of the most recent results of historiography. Kornai’s work is the first general comprehensive work on *the economy of the change of regime*.

Naturally I do not wish to compare Kornai’s experiment with the demands of a specialised historical work. What I wish to examine is whether his theoretical conclusions are consistent with consensus

* Review Article of Janos Kornai’s book, *Socialist System*, 1996. Hungarian publication — 1994.

based results of historiography¹, or in contradiction with them. I do not wish to deal with purely ideological questions since the ideological foundation of the work, as stated by Kornai himself in the foreword of the Hungarian version, is that “the author considers the socialist structure to be history's dead end”², an allegation he strives to prove throughout the work. In an interview given by Kornai in May 1993, his opinion was that socialism failed because it tried to surpass capitalism: “The kind of socialism which finally materialised became distorted and failed because it tried to avoid three fundamental social institutions: pluralist democracy, private ownership, and the market”³.

In the Hungarian foreword it becomes obvious that the author offers purely “conceptual models” and that the true experiences of various countries are mentioned in order to “provide illustrations”⁴. These “models”, however, are not too convincing in the light of recent research, as we shall see. Sterile “models” stripped of concrete historical foundations are conceptual constructions which draw mainly “tried” commonplaces and interpret them using quite varied theoretical and methodological sources.

János Kornai defines his theoretical method as *eclectic* in the foreword of the English version, in that he experiments with the “synthesis” of representatives of radically differing scientific and contemplative trends such as Marx, Schumpeter, Keynes, and Hayek. Yet concerning historiographic methodology, Kornai has no such defined “sources”. His usage of quotes from various historiographic works, with which he tries to replace the actual historiographic approach, is often arbitrary and fortuitous.

From a historical perspective, however, the most basic methodological deficiency of Kornai’s work is not of a technical nature, but rather the fact that he does not view the world economy as a structured and unified whole in which the ruling structure factors were

¹ A work published in Japan entitled *Facing Up to the Past. Soviet Historiography Under Perestroika* (Saporo, 1989), gives a good overview of the historiography of Soviet development. The amount of historiographic research published in the Soviet Union and its successor states after 1989 deserves a separate essay.

² KORNAI, János, *A szocialista rendszer* (The Socialist System) (Budapest: 1993), p. 20.

³ *Heti Világgazdaság* (World Economy Weekly), 22 May 1993, p. 39.

⁴ KORNAI, János, op. cit., p. 20.

formed on a historical basis (for example, the structure of relations connecting countries of the centrum, semi-periphery and periphery, the structure of the division of labour, relations between exclusion and exploitation, unequal trade and political power relations, etc.). As a result, historical regions which “lend colour” to the development of the world disappear and historical development is depicted as a colourless process with no alternatives⁵. Great ideologies descend from the heights of “the Concept” to materialise on earth. The realm of the “good” and the “bad” appear as a battle of the two basic principles in the work: economic reality, pure market logic on the one hand, and irrational state exploitation on the other. History has been transformed into a teleological process once again. The myth of an attainable capitalist paradise, a “democratic market economy” steps in the place of the “realisation” of world socialism, and aside of the elimination of socialism practically nothing stands in its way.

Kornai makes an effort to place the concept of the book’s central category, *Socialism*, in the context of the history of theory, which in our anti-theoretical world of “micro-economics”, seems quite “pre-modern”. In this aspect the work is not a fashionable one. On the other hand, the essence of the work is determined by the fact that the concept of socialism remains undifferentiated and without structure, merely an “ideology”. Axiological relationships and the concrete historical weave of the transformation of the concept therefore remain unexplored. The mentioned dimensions of the concept all but disappear. Only one remains, the propaganda thesis of the Stalinist power apparatus: Socialism is that which developed in the Soviet Union under Stalin, under the leadership of the party and its apparatus.

In the light of the past few years it is not surprising that a *liberal thinker accepts Stalinist logic*, ideologically reversed of course. What is surprising is that the author refers to “Stalinist socialism” as “classic socialism”. We can be sure that the analogy was inspired by the Marxist concept of “classic capitalism”. Even the disintegration of socialism is interpreted in the spirit of the reversed Marxist theo-

⁵ This attitude takes us back to conditions preceding the 1960’s, for the world-system approach was present in Hungarian historiography from the end of the 1960s, for example in the works of Zsigmond Pach, Iván T. Berend and György Ránki.

ry. Paraphrasing Marx and Lenin, Kornai writes the following about the conclusion of the historical course of socialism: “Sooner or later truly revolutionary changes will take place which will eliminate the socialist system and lead it into a capitalist market economy”⁶. To act as though this were the most obvious conclusion in 1991 or 1993 is incompatible even with Kornai’s earlier works, to say the least. (Although Kornai may like the Marx he has transformed into his own likeness, he cannot be spared a historical analysis.) He cannot settle the question of the eastern European restoration of capitalism based on the analogy of the concepts of western capitalism, if for no other reason than that there are only two years’ worth of experience preceding the writing of the work. (The foreword of the first publication was published in April 1991, in English, and the situation has not improved since...) In the Eastern European region instead of a “democratic economy” the unique characteristics of a semi-periphery surfaced: poverty, economic decline, a restructuring of the job market resulting in unprecedented unemployment, and social marginalisation. On its foundations national populism and ethnic wars long thought to be forgotten are renascent.

Kornai’s analogical method slips into exaggerations elsewhere as well, for example when he defines the “pure” form of socialism as that which existed in its Stalinist, Rákosi-ist form attributing all types of reform as being part of the precursor to a “democratic capitalism”. Once again the mediation between theory and practice disappears, as if we were in the 1950s once again. An important difference, of course, is that Kornai’s point of departure is the thesis that the superiority of a (highly developed) capitalism over a state socialism has without a doubt been proven. This is an absurd “discovery”, since this superiority was not disputed by either Lenin or Stalin, not even by Khrushchev or Kornai. They would never have declared the concept of “catching up”, however utopistic and unattainable it was, had it been otherwise. As a matter of fact, based on data of the past six years we can safely say that we have not come close to 1988, the last “year of peace”, with respect to any important economic or social indicator. Strangely enough Kornai

⁶ KORNAI, p. 29.

draws this comparison concerning only the most developed countries, at least on an economic level, but does not compare the state-socialist countries to their own past. If he would, it would become evident before him that there was no chance of catching up in the eighteenth or nineteenth centuries, or even at the turn of this one⁷.

A shift did take place in the 1950s - 1970s, but then the utopia became exposed once again. It is yet unproven whether socialism was at fault in this respect. Naturally all this cannot be brought up as an argument by ideologists of state-socialism in defence of the old regime; that has collapsed and from it (and of course from the given state of the world-system) this new, semi-peripheral form of capitalism has sprung forth, which is difficult to discuss in an optimistic tone considering either Russian, Ukrainian, or even Hungarian developments. It seems that Eastern Europe's specified forms are enduring. This is why the concept of socialism and a comparative historical analysis of circumstances of the existence of a historically developed state socialist system is conditioned upon a more concrete and historical comparison of the centrum and the periphery.

Kornai completely disregards a considerable amount of international literature, not only Marxist but liberal and conservative as well, which provides a more differentiated approach to the concept of socialism. Given that it is a textbook one tends to accept simplifications, but after a certain point this superficial schematising undermines the scientific authenticity of his own ideology. He is not exempt from this obligation by the fact that old textbooks are just as oversimplified and superficial concern-

⁷ This has a considerable amount of historical literature dating far back, which is mirrored in Hungarian historiography through the works of such authors as Emil Niederhauser, Iván T. Berend, György Ránki, László Katus and others, for example see: BAIROCH, Paul "Europe's Gross National Product, 1800-1975", *The Journal of European Economic History*, Vol. 5, No. 2 (1976). On the background of the theoretical history of "catching up" and "underdevelopment" see: KRAUSZ, Tamás, "Pártviták és történettudomány. Viták az oroszországi történelmi fejlődés sajátosságairól a 20-as években" (Party Debates and History. Arguments on the 'Characteristics of Russian Historical Development' in the 1920s), *Értekezések a történettudomány köréből* (Budapest: Akadémia, 1991).

ing this question. They approached prevailing practices in the light of theoretical generalisations of the concept of socialism. These books also tried to prove that practice is equivalent to theory. In this respect Kornai was not able to break with the concepts and methods of the old textbooks.

However, Kornai did not “make a mistake”. The situation is worse than that: he does not possess theoretical and empirical knowledge accumulated by historical research which could serve as a prerequisite to a truly comprehensive analysis of *socialism*.

EMPIRICISM CONTRA THEORY

Kornai himself considers the *range* of socialism to be an extensive and varied phenomenon and rightfully so-yet he refuses to “discuss it systematically”⁸. As a result all those theories which are not suitable for trying to fit “Stalinism” into the concept of socialism as a form of production, are all but nonexistent. Kornai views “true” socialism as a theoretical abstraction, a utopia. For example he mentions the “new left wing’s” concept of socialism only in relation to certain topics and as an utopistic theory of good intent, but does not illustrate it with a single serious reference. We do not find references to either authors of the new left wing, or to thinkers who can be considered as belonging to this category, or to what their true scientific importance is. There is no analysis, not even a mention of their reasoning or critique of capitalism. *An absurd situation emerges: the authentic theorists of socialism are all but missing from the processed literature.* Kornai’s work does not acknowledge either Gramsci, Mandel, Wallerstein, Arrighi, Andre Gunder Frank, or writers of the *New Left Review* or *Telos*. Even György Lukács himself is mentioned only incidentally, whereas third-rate Hungarian political scientists and economists are referred to as serious authorities. Kornai brushes aside this objective by stating that he deals only with the system, not the ideology, the theory⁹. At the same time he attributes decisive historical importance to the ideological component and derives the System itself from ideological and organisational facts.

⁸ See KORNAI, János, op. cit., p. 41.

⁹ Ibid., p. 42.

If a few ideologists of a given system declare their country socialist, then Kornai accepts this and considers the country a socialist one. Based on this criterion states referred to as “countries of socialist orientation” by “chance” ideologists are plucked from the capitalist economic system and deposited in the “socialist camp”. Although I also think that the question of what to call a country is in itself not decisive, to handle it as merely a problem of semantics as Kornai does, hardly fulfils scientific criteria¹⁰. This approach raises political empiricism not the rank of theoretical truth. As if these countries “ripped” themselves out of the world system by their own free will, as if socialism experienced by Third World countries was not a result but a reason...

However, another problem also arises, even on the level of logic, when Kornai tries to “collect” the criteria on the basis of which he “designates” countries socialist. There is only one factor he can cite in support of the afore mentioned ideological criteria, and that is the leading role of the communist parties: “In this book the concept of a socialist system refers strictly to the system of countries governed by communist parties”¹¹. As a result Hungary and Benin, Yugoslavia and Afghanistan are all members of the socialist “camp”. Subsequently, we can hardly be surprised that Kornai declares the Sandinistas of Nicaragua, communists. Though Kornai groups these countries together on a solely political basis the reader is still surprised by the almost unbelievable procedure by which he does not provide any economic criteria whatsoever when labelling countries socialist. No economic factor counts: neither economic structure, nor ownership forms. After realising this we are not surprised by anything: according to Kornai the communist party ruled in both Hungary and Benin... Of course if we deem all single party powers socialist and describe all economic forms of society according to the single factor of a single ruling party which vies either China or the Soviet Union as its role model (changing on a yearly basis), then of course Zimbabwe, South Yemen, and East Germany can all be grouped into a single category. But if we took Kornai’s criteria seri-

¹⁰ Ibid., p. 42.

¹¹ Ibid., p. 43.

ously, the problems that would arise would also be serious. In Zimbabwe and South Yemen communist parties were not in power, at least according to their leaders and members. It seems that it is criteria enough if Kornai considers them communist.

THE “ORIGINS” AND DIVISION OF SOCIALISM

Therefore, the specificities of the “operation” of the world system, economic structures and ownership structures, are all third-rate questions. As a matter of fact Kornai goes even further: the communist party is itself the *deus ex machina* and the “*Prime Mover*” all at the same time. In Kornai’s interpretation the party seized socialist ideology (or rather the ideology seized the party) based on state ownership and a one-party system from the beginning, and existed, seized power and almost became a hegemony as the organisational structure of these two ideological basics¹². The basic importance of state ownership and a one-party system, the “dictatorship of the proletariat”, emerges as a consequence of the ideology. This interpretation of history is absurd even for a political-economic text book. However, the list of problems is far from complete.

Second, in my opinion, very basic circumstances are missing from Kornai’s examination which belong to the conceptual part of the textbook. The first is the introduction or explanation, even if only on the level of a mention, of the historical tradition which initiated *state ownership* as a basic phenomenon of “state socialism” in the twentieth century. State ownership cannot be derived from socialist-communist ideology not only because the ideology itself is preconditioned by material, economic and social pre-requisites, but also because, according to Marx’s theory, socialism is not a state-type system but the “free association of free producers”¹³. I would also like to mention that throughout Kornai’s work important thoughts

¹² Ibid., p. 72-73.

¹³ László Tütő’s reconstruction, available in Hungarian, attests to the antistatist character of the Marxist concept of socialism. The “first period of communist society” in Marx’s theory in KAPITÁNY, Á.; KAPITÁNY, G. (eds.), *Egy remény változatai. I. Elmélet és realizáció* (Variations on a Hope. I. Theory and Realisation) (Budapest: Magvető, 1990), p. 56-99.

are not quoted where their topic thematically arises, but in completely different relations, as in the case of the “antistatism” of Marxist theory. When he needs socialism to be derived from the doctrine of state ownership, he either makes no difference between state and collective ownership, or renders it relative¹⁴. As a result, or at least in connection with this, Kornai considers the Stalinist system to be socialist following Stalin. It is thereby understandable that with the help of the “*concept of totalitarianism*” he implies a direct linear development from 1917 up to Gorbachev since this is the only way he can leave out periods, phenomena, or structures of Soviet history which do not coincide with his scheme¹⁵.

Kornai doesn't have an answer to the question of why the New Economic Policy preceded the period he refers to as “classic socialism”. According to Kornai's logic NEP with its characteristics of a market economy was a period of “dissolution” and “reforms”, “a transition”. Again: if something does not fit into the scheme Kornai has set up he averts the analysis of historical facts and instead turns the phenomenon into a “transition”. He does the same with the Khrushchev era. Historical literature, however, has convincingly proven that the NEP was not simply a victim of Stalin and his circle: the historical conditions of its dissolution developed much earlier. It is no wonder that the truly limited Stolipin reforms of the market economy were not very lucky). The liquidation of the NEP began when Stalin was one of its most eager supporters¹⁶: in order to protect the NEP the elimination of the industrial-agrarian scissors in 1923 was to be carried out by price measures imposed by the state. In all actuality this is already the era of state intervention. We must not forget that the modern banking system was as of yet non-existent as was a peasant population “trained” in capitalism and

¹⁴ See for example KORNAI, János, op. cit., p. 59.

¹⁵ Several works of political literature have demonstrated that the Soviet institutional system of the 1920-30s went through quite radical changes. Periodical developments are easily separable between the 20's and 30's. See the works of fine authors such as: GILL, Graeme, “The Origins of the Stalinist Political System”, *Soviet and East-European Studies* (Cambridge University Press, 1990), p. 71.

¹⁶ It is interesting to read Stalin's private letters to Molotov on this topic. “J.V. Stalin's Letters to V.M. Molotov”, *Izvestia CK KPSS*, Vol. 9 (1990), p. 184.

market economy. The bourgeois ethos of the Siberian peasant should not be exaggerated, not to mention the very European Russia¹⁷.

Therefore the “revolutionary system”, the “classic system”, and the “reform system” are all a result of Kornai’s periodic division. They may respond to a subsequent game of logic but *do not correspond with actual historical processes*, not to mention the fact that they don’t even follow each other chronologically. The famous American historian and Sovietologist Robert C. Tucker explained in detail two decades ago that distinct economic-structural and political-ideological differences can be found between the revolution and the tum of 1929¹⁸.

The important fact that the left-wing opposition and the democratic centralists’ of the 1920s formulated their theoretical and political standpoint against the identification of state ownership with socialism, and against Stalinist rule, is completely forgotten. Exiled by the time of their debates with Trotsky and his followers in 1928, their arguments mirror that against all odds there really *did exist* a movement opposing Stalinism as a political-ideological trend and which, in a renewed form, represented *alternative socialist* concepts in subsequent decades. Debates held on the forums of the OKP in the 1920s already tied ownership problems to theories of social forms first and foremost in connection with the Asian mode of production¹⁹. Until the end of the 1920s the OKP’s “official” interpretation of common property was an antistatist one (although some opposition circles, like the Zinovyev group, defined state ownership as nothing less than a form of state capitalism). Without these intellectual and political preconditions neither the Hungarian workers’ councils of 1956, nor the Polish Solidarity movement of 1980-81 would have been

¹⁷ For correct historical data see: HUGHES, James, “Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy”, *Soviet and East European Studies* (Cambridge University Press, 1991), p. 81.

¹⁸ TUCKER, L.R., *Stalin as a Revolutionary 1879-1929. A Study in History and Personality* (New York: W.W. Norton and Co., 1973), p. 330-395. A revised edition of this work was published in Russian in 1990 in Moscow. We have added a few observations to the literary debate of this topic in earlier years, see KRAUSZ, Tamás and co-author, *Stalin* (Moscow, 1989).

¹⁹ For a more detailed description see: KRAUSZ, T., *Pártviták és történettudomány* (Party Debates and History) (Budapest: Akadémia Kiadó, 1991).

able to adopt the very slogans which, embodied in documents, preserve the proof of an alternative historical development. Without these neither Khrushchev nor the very “market-socialism” Kornai himself elaborates at length on, would have existed²⁰.

While Kornai works with a static concept of socialism from Lenin to Gorbachev, concrete historical reality paints a completely different picture. The fact is that between 1917 and 1923 even Lenin made major modifications on his interpretation of socialism at least three times²¹. But that’s not the only point. Within the communist party, which Kornai implies is of basic importance, basic transformations have taken place during its seven decades in the interpretation, ideology, theory and of course the practice of socialism. The party programme of 1919 which set the realisation of a self-governing society and self-directing workers as its goal, is forgotten about by the end of the 1920s, and the Stalinist form of a state socialism becomes the determinant ideology. This basic difference is even more apparent in the area of agriculture. The agricultural *artelys* and communes seemed to be the embodiment of the Bolshevik agrarian programme in the 1920s. After 1929 these co-operative forms began to disintegrate and the Stalinist solution, the collectives, took their place. However, *collectivisation* in this state-bureaucratic form was never a part of Bolshevik concepts. Kornai has either forgotten about this, or didn’t know about it.

Since Kornai derives the creation of socialism from ideological and power-political factors he has to either evade or push the historical role of social interest battles into the background. Unbelievable as it may seem Kornai does not acknowledge the fact that in February 1917, there were barely a village full of Bolshevik party members in Russian. He

²⁰ Kornai did not examine Alec Nove’s quite significant work on this problem, which is available in Hungarian, despite the fact that he does mention the author. See NOVE, Alec, *Feasible Socialism* (Unwin, 1983).

²¹ See TŰTŐ, László; KRAUSZ, Tamás, “Lenin a szocializmusba való politikai átmenet időszakáról” (Lenin on the Political Transition into Socialism), *Társadalmi Szemle*, Vol. 7-8 (1984), p. 109-116. Kornai does not mention the work of László Szamuely in relation to this topic, although he does mention the author, SZAMUELY, László, *Az első szocialista gazdasági mechanizmusok* (The First Socialist Economic Mechanisms) (Budapest: 1971), and LIEBMAN, Marcel, *Leninism Under Lenin* (London: Jonathan Cape, 1975).

does not understand, or does not want to understand, the importance of the fact that it is not communism or revolutionaries which “make” a revolution, but a revolution which “makes” revolutionaries, communists, anarchists, social revolutionaries, etc.

It is just as were an offense against history if we were to think that the Bolsheviks chose the perspective of isolation of their own accord. The “Stalinist ideological inheritance” itself, however, is to a large extent the product of international historical conditions of isolation. It is no accident that this ideology became questionable during a period of abatement of this isolation. This took place during the Khrushchev era, when at the XXII Congress of 1961 there is a return to the self-governing concept of socialism. After the failure of the Khrushchev reforms, during the Breznev era the ideology of a state-socialism is the undivided governing concept of the party and the Soviet Union (not so in the minds of the people). During the first years of Gorbachev’s rule, the self-governing tradition of socialism has its renaissance until 1988–1989, when experiments. For the social control of state property were *ad acta* and a return to privatisation, “catastrojka”-politics (A. Zinovjev), was taken on the intellectual basis of which every trend of socialism was declared a utopia or historical dead-end. These changes are not important according Kornai’s logic because, as in the case of liberal thinking in general, he is not able to interpret the concept of democracy in the process of production and in the area of economic decisions. He does not give up the dichotomy of the “market or state” in this relation either.

Due to the exaggerated interpretation of ideology Kornai doesn’t even notice that the differences or similarities between the programmes of the Soviet Communist Party and any Third World country of “socialist orientation” are completely unimportant compared to the differences apparent in the divergent development of general economic development, social structure, educational level of the working class, life-style etc. Since Kornai does *not* think in terms of a *world system* the problem never arises of why the — let’s say — East European state socialisms are to be considered a “dead-end” and why the developments of India, which tried to domesticate British-style democratic institutions, are not declared as such. To Kornai the downfall of a power-political system is analogous with the downfall of a mode of production — as if

“socialism” in Benin fell because of ideological and institutional factors and not because of the inadequacy of historical conditions. As if Benin or Afghanistan had the alternative to choose between capitalism or socialism... History did not offer the possibility of realising a bourgeois-democratic market economy in any Third World country declared socialist, which is the author’s point of origin. Unfortunately, Kornai makes up “solutions” of a party-political and ideological nature when he touches upon problems of economic and social history.

The avoidance of history in the author’s famous work is most apparent when he attempts to *periodicise* the development of socialist systems and to fill these periods with historical and economic content. We never find out why these periods follow each other without ever passing over into capitalism. These “passages” cannot be explained with “thought models” since the operation of the world system, which even the countries in question remained a part of despite their isolation, would have to be connected to the explanation in this relation as well. It is obvious, without him stating so, that Kornai’s standpoint is that within the world system the individual nations had free passage to the “democratic countries”, so to speak. Not anywhere in the long-long work is there a serious mention of the centrum’s “activity” of excluding poorer regions, even though this is more of an economic question than an ideological one²².

We are not better off concerning the examination of the “revolutionary period”. Since Kornai quotes from historical literature mainly of the 1970s which deals mainly with developments of the Soviet Union (and China) he neglects the works of Rabinovich and S. Cohen, along with the works of the school of socio-historical Sovietology, leaving the reader with an unfortunately customary, schematic caricature. It is grave one-sidedness to view the essence of this period only in the light of revolutionary terror and the robbing of the rich, not to mention the fact that modern historical literature has

²² See one of the freshest and thorough explanations of this problem: ARRIGHI, G., “A fejlődés illúziója. A félperiféria koncepciójának megújítása” (The Illusion of Development. The Revitalisation of the Semi-Periphery Concept), *Eszmélet*, Vol. 15-16, p. 145-80.

refuted this thesis years ago based on detailed archive research²³. Contrary to the allegations of the author²⁴ war communistic “redistribution” does not exhaust the revolutionary period of transition. This military redistribution is not solely the authentic result of the revolutionary period, but a product of “state-capitalist reforms” of the world war and “Russian tradition”. Revolutionary traditions do exist here which touch upon the essence of the new mode of production: new production structures were developed along with forms of social self organisation not known or barely known about before, in which the communists, at that time still antistatist, saw the first islands of the new socialist mode of production.

The scientific works mentioned earlier have accumulated a vast amount of historical material on how the production process was organised without direct producers or capitalists, or by exerting control over the capitalists. In my opinion these revolutionary experiments aimed at reforming or trying to reform the traditional structure of the division of labour were either aborted due to the lack of adequate historical conditions, or suppressed by the Stalinist turn; but to pretend that they never even existed cannot (should not) be explained using any kind of didactic reasoning or “thought models”.

If Kornai had really examined documents of the revolutionary period available in Hungarian then it would have been obvious to him that the basic categories of the conceptual group of the era were: workers’ council, production self-management, co-operative unions, communes and *artyels*, independent activity and community, democratic production and unions, etc. The practice of “socialism within a single country” tied to Stalin’s name was by nature about something completely different: state planned economy, unequal trade, forced industrialisation, collectivisation, catching up, etc. These categories did not mean the same thing in the late 1920s as they did in the 1930s. According to Immanuel Wallerstein’s appropriate phrasing, the “*mercantile strategy of catching up*” was the essence of this

²³ Compare to for example DANIELS, R., *Red October: The Bolshevik Revolution of 1917* (New York, 1967), and SMITH, A., *Red Petrograd-Revolution in the Factories 1917-1918* (Cambridge University Press, 1985), etc.

²⁴ See KORNAI, János, *op. cit.*, p. 58-61.

practice. Using this strategy the socialist or communist parties that came into power undertook the historical duties of the bourgeoisie such as doing away with the remnants of feudalism, and the complete transformation of the original accumulation of capital and of producing enterprises into producers for the market. It is “a fact of the twentieth century that communist parties in power in socialist countries did as much in the interest of spreading the rule of the law of value as did transnational corporations”²⁵.

Whatever our opinion of this approach may be, the questions themselves cannot be silenced or avoided. Yet Kornai did not accept the problematics of *socialism* itself: for example he mentions the fact that *co-operative ownership*²⁶ really did exist only in connection with a completely different topic. He registers this phenomenon in a solely “positivistic” tendency without analysing its true importance or embedding it into the theoretical traditions and practical history of socialism.

THE “CLASSIC SYSTEM”

The question of the creation of the “classic system”, as I have referred to previously, did not really have an affect on Kornai. This is rather unfortunate, since this happens to be the question of questions. For all practical purposes Kornai has nothing *concrete* to say about the universal plan which, according to him, ordered the introduction of “classic socialism”. However, this is really nothing to be surprised about, since *there was no such plan*. It is no accident, therefore, that Kornai was not able to quote documents that set the founding of a “Stalinist system” as a goal. There have been quite a few researchers who spent years looking for traces of some kind of theory of official doctrine on the basis of which the Stalinist system was introduced. The point of origin for all documents up until 1927, even those signed by Stalin himself, is the defence of the NEP. Today historical literature considers it evident that not even Trotsky wanted to do away with the NEP²⁷. It should finally be

²⁵ See WALLERSTEIN, Immanuel, *The Politics of the World Economy* (New York: Cambridge University Press, 1984), p. 93.

²⁶ KORNAL, János, op. cit., p. 109.

²⁷ On this see the study of Judith Shapiro, “Trotsky o NEP-e”, paper presented at the International Sovietology Conference in Moscow, 1989, manuscript.

acknowledged that Stalinism had no theory²⁸. So be it, János Kornai will *fabricate* one, or so we think.

It is in this spirit that Kornai begins the “anatomy of the classic system” with the statement: “The key to understanding the *Socialist System* is the examination of the structure of power”. Even the textbook author feels there is a need for some kind of explanation²⁹. Unfortunately, however, the author does not begin with a recapitulation of the conditions of the “big jump”, which would have helped the students understand the essence of the *Stalinist change of regime* of 1927–29. This would not have brought about the results Kornai wants. For it was this turn which pointed the “classic system” in the right direction, not the revolution of October...

If the activation of history as a science does not provide results then what remains is *political science* with its static schemes and categories bearing a distinct resemblance to the “system formation” of old scientific socialism. So much the worse for facts. If we wish to derive and understand “classic socialism” from its power structure it makes us think whether or not we could apply the same reasoning to capitalist systems. Did transformations of capitalist power institutions leave the economic systems untouched anywhere in the world? Didn't the English and French political revolutions play a decisive role in the creation of local-national capitalism? While he sees that, for example, collectivisation itself, in essence, took place for reasons of a political-power nature, he does not see the historical causes and processes behind the alternative. If he would, the *Stalinism versus socialism* problem, as a living historical problem, would not have fallen through the holes of the sieve of the analysis³⁰.

²⁸ This fact-or so we think-is so evident that István Hermann stresses it in 1970 after György Lukács in his work entitled “A szocialista kultúra problémái” (Problems of Socialist Culture).

²⁹ KORNAI, János, op. cit., p. 65.

³⁰ This stretching of the truth is the precondition of Kornai's basic thesis: Stalinism is equivalent to socialism. The circumstance that “classic socialism” based on Marx and Lenin cannot be portrayed according to the basics of the “socialist mode of production”, only those of “state socialism” or “political socialism” (for this see quoted works and SZABÓ, Gy. A., “Marx és az államszocializmus” (Marx and State Socialism), *Eszmélet*, Vol. 4, p. 103-114, and SZIGETI, P.,

In Kornai's work the aforementioned methodological confusion appears to an increased degree at the evaluation of "socialist systems". He alternates between evaluating in an immanent fashion and according to the value system of the given capitalism's developed centrum. He does "not notice" that the essential advantages of socialism which he himself names (existential security, complete employment, free education, advantages provided to the poorer strata of society, primarily the working class, as a result of the acquirement of education and cultural life, etc.) would not be possible after the reinstatement of the rule of private ownership.

It is therefore no accident that Kornai is unable to explain the circumstances of the development of "classic socialism". Since he is unable to tackle this problem he reverts to deriving the System from the existence of "ideology and organisation" over and over again. The party carries "classic socialism" within its system as some sort of ONS molecule. Kornai sticks to this explanation even when the party obviously carries within itself the total opposite.

In subsequent chapters Kornai of course does discuss important and basic problems but there they are isolated and out of their realistic historical context. (This is how he discusses the problem of ownership as well: separated from the birth of the system and avoiding the basic fact that the essence of [private] ownership is in its adaptation of foreign work. Only on page 99 does the concept of interest arise, of course only in connection with the operation of the developed form of the system.) When analysing the forms of ownership Kornai describes the stockholders, the council of owners as those whom the managers depend on. But he fails to raise the question which was all but obligatory for every socialist to raise from Marx to Lenin precisely in the interest of avoiding "state socialism": *if the management can depend on a council of delinquent stockholders, then why couldn't it depend on the councils of company workers, factory workers, producers, etc.? This problem leads to the isolated power of bureaucracy and its role in state socialism.*

Kornai still owes us the original answer, for he really could have mentioned the problems of worker ownership and worker control during his analysis of the concept of bureaucracy, but this would have

"A szociáldemokráciáról" (On Social Democracy), *Eszmélet*, Vol. 20-21, does not keep Kornai from lifting the Stalinist era into the "classic sphere".

questioned his whole concept. Kornai's interpretation of bureaucracy stands close to that of Max Weber and Lev Trotsky in that he describes it as a "unified social formation in socialism"³¹. In this way he does not paint a more detailed, differentiated picture of bureaucracy. According to the textbook's concept the System is motivated by the self-interest of bureaucracy. Evidently bureaucracy has such independent interests that all other interests of society remain practically inarticulate. Kornai analyses the concept of bureaucracy only on the level of political science (party, union, military, police etc. bureaucracy). This is why he has no answer to the question why despite this irrationality, the Soviet Union became such a super power and why it is still a decisive factor after its disintegration, not only in Europe, in the form of the Commonwealth of Independent States.

REFORM SOCIALISM AND PRIVATE OWNERSHIP

Kornai's point of departure is the unproven thesis according to which private ownership, *ab ovo*, makes for a more efficient economy than state ownership. Since the thesis is yet unproven, the author must return again and again to the beneficial role of private ownership. The examples he cites naturally always pertain to highly developed centrum countries, never to other regions of the world economy where capitalist conditions prevail. (According to E. Hobsbawn's of quoted conclusion the capitalist world system of today "produces" a higher ratio of people living below the subsistence level than at the turn of the century. Approximately fifty-million people starve to death in the world yearly with an almost negligible amount of that number coming from highly developed centrum countries.)

In his textbook Kornai explains the victory of socialism over private ownership with the motif that the liquidation of private ownership is originally connected to the rule of the communist party and bureaucratic state collectivisation. And once again we arrive at the same problems of methodology and theory-history upon which Kornai's whole concept tails. Although in theoretical literature it has long been considered evident that neither Marx nor Lenin gave parties or isolated bureaucratic oppressive apparatuses a role in socialism as a developed

³¹ KORNAL, János, op. cit., p. 107.

mode of production³², Kornai still stipulates that this is the alpha and omega of socialism³³.

We know this. We saw, for example how Kornai analyses private ownership as a solely economic category closing his eyes to decisive universal, regional and national power relations it always integrates. As the concept of capital always integrates the concept of the world market, the concept of capitalistic private ownership integrates the concept of universal power relations. The first practical criticism of these relations was the downfall of the state socialist experiment. However, it is not absolutely necessary to “idealise” the true nature of private ownership as an explanation. Kornai goes as far as to criticise the inequalities of state socialism, correctly and decently, while justifying the much more striking and universal inequalities of capitalism³⁴. But if we are in favour of “idealising”, “refining” private ownership then we have no choice but to either consider all antistatist and anti-capitalist criticism of socialism a utopia, or to arrive at the conclusion that any kind of practical criticism unavoidably leads straight into capitalism, strengthens it, and justifies it³⁵. Kornai devotes complete chapters to the verification of this thought making it possibly the most important element of the basic function of the work.

Kornai never asks the question why capitalism never worked in Eastern Europe in the decades preceding state socialism, as it did in Western Europe. Nor does he seriously examine how it happened that while in 1913 Czarist Russia produced hardly 6 per cent of the USA’s industrial production, by 1938 Soviet production reached 45 per cent of American industrial production. This is also a historical question which cannot be scientifically eradicated using either ideological evidence or that of economic theory, much less by reasoning that a transformed version of the system failed a half a century later. At the same token the col-

³² See the work of János Kis written together with György Bence, not at all mentioned by Kornai, and originally published under the name of Rakovsky in Hungarian in Paris: “A szovjet típusú társadalom marxista szemmel” (Soviet Society in the Eyes of a Marxist), *Magyar Füzetek Könyvei* 6 (Paris, 1983).

³³ KORNAL, p. 120-21.

³⁴ KORNAL, p. 583-584.

³⁵ To evaluate the reforms of the Khrushchev and Gorbachev eras as merely structures of the mind (disregarding concrete historical alternatives) is a scientifically highly questionable venture.

lapse of the system cannot be disconnected from the fact that it could no longer satisfy needs as it had advertised for decades in its legitimising ideology. Kornai stresses this quite a few times, yet does not take the question seriously, nor never even asks why legitimising ideology can be expelled from legal political publicity only at the cost of overthrowing the system, yet the population's millions refuse to forget it. If he would raise this question then he would examine experiments at reforming the “classic system” not only from the viewpoint of which reforms aided the reinstatement of capitalism and to what extent, but also what role the interests and activities of those social forces played in overthrowing state socialism which collaborated with international financial organisations, the political elite, and large multinational societies.

Who were those social forces who executed this transformation within national limits? Since no popular movements demanding capitalism played a role in the transformation we must raise the question of whether bureaucracy, the social group Kornai criticises the most, played the most important role. Did bureaucracy, all of a sudden, forget about communist ideology and switched over to capitalism? Obviously the answer is something other than what Kornai offers. The privileged class of society he so often condemns (partly intellectuals and partly bureaucrats from circles of the old and new elite) wished to keep their privileges and obtain new ones. The international economic and political background for this was increasingly favourable from the mid-1970s (debt crisis etc.), and at the same time unfavourable for the system. Even those had withdrawn their support from the system who otherwise did not believe in the positive effects of the reinstatement of private ownership. It was not in the interests of the old privileged class to subject their subsistence to the control of society. The millions of workers who believed in the possibility of a better chance didn't really realise that, for example, privatisation is not the means for kicking out privileged groups and the elite, but that with its new type of power-political institutional structure, it “promotes” the development of an uncontrolled, 'wild-capitalistic' restoration. Parties were created as political interest protection groups for the elite that had an interest in privatisation. Of course to a large extent this restoration was conceived in the womb of the old system, but the process could never have developed without being embedded in “favourable” international conditions. By the time the population realised this, it was too late.

Of course from the perspective of 1989 the collapse did not have a socialist alternative, but the restoration of capitalism was not the only alternative of either the fall of the Yugoslavian self-government, 1956, 1968, or 1980-1981... To retroactively eliminate the alternatives from history is not the “presentation of harmless thought models”, but the closing off of some specific alternatives of the historical process and the amplifying of others. This is one of the sad experiences of history, which Kornai, not accidentally, does not quote from György Lukács, one of the few thinkers he does quote from. He just forgot to mention that Lukács was the one who raised the issue of historical alternativity within Marxism. At the same time it was also Lukács who saw ahead the possibility of a bourgeois restoration as one of the definite alternatives to “1968”... (which did ensue after 1989)³⁶. There’s something symbolic in that this work of Lukács was only published when the capitalistic degeneration of the socialism he still considered rescuable reached its final stage. But this fact hardly deems the theoretical inheritance of György Lukács *ad acta*, the *tertium datur* concept that Kornai passionately argues against through almost 700 pages.

The change of regime is the most outstanding proof that socialism cannot be reformed further in a bourgeois-market direction, because it turns into capitalism. No other theoretical perspective exists than either finding a new road towards the socialism of self-government and free association, or the justification of the existing world system, of capitalism.

³⁶ GYÖRGY, Lukács, *Democratisierung Heute und Morgen* (Budapest: , Magvető, 1988).

DEUTSCHER, LENIN AND THE EAST-EUROPEAN PERSPECTIVES

ON THE HISTORY OF THE THEORY OF SOCIALISM*

I would like to express many thanks to the Deutscher Memorial Prize Committee for this great award. This is a great honour. But, of course, I know that the honour does not simply fall to me but to all of those friends, and comrade-friends in the circles around the journal *Eszmélet*, who supported me, helped me, shared their thoughts and their works with me, with whom we tend together to the culture of Marxist thought in Hungary and across borders. Thanks to those of you who have come here. Thanks are due for the support of family members as well, “without their unpaid labour” not a single scientific work would be completed. Another thank-you goes to the translator of the book.

DEUTSCHER ARRIVES IN HUNGARY

Isaac Deutscher, or more concretely his œuvre in its entirety, arrived in Hungary only with the change of regimes in 1989, though the reception had already begun many years earlier. In fact, along with his reception there were also immediate efforts — which would have hardly surprised him — to discredit him. Foremost among those who wanted to defame him were the now liberal, “subdued”, ex-Stalinists who tried to incriminate him as a Stalinist¹. Many in the West find it

* Hungarian publication — 2016. The first English publication — 2017. Эта лекция была прочитана в Лондоне по поводу вручения ее автору премии Исаака Дайтчера в ноябре 2016-го года (KRAUSZ, Tamás, *Reconstructing Lenin: An Intellectual Biography*, translated by Balint BETHLEN-FALVY with Mario FENYO (New York: Monthly Review Press, 2015).

¹ Of particular interest, and typical in this regard, is the Postscript written for Deutscher’s book on Stalin by Miklós Kun (grandson of the leader of the Hungarian Soviet of 1919) — a former Communist hardliner, who first joined

hard to understand that in the eyes of the new elites of the regimes of 1989, Marxism in general became the scapegoat, while its followers were simply the lepers of the new age. It follows from the above that, for Marxists, the work of Isaac Deutscher is an intellectual achievement particularly worthy of appreciation today.

It is important to note that Deutscher's *Stalin* had already appeared in Hungarian in 1990². We Marxist intellectuals were aided in our "discovery" of Deutscher by his Central-eastern European cultural origins. This "common home", the sub-region of Central-eastern Europe within Eastern Europe, is an area in which a very specific conjunction of semi-peripheral, gentry capitalism, and autocratic traditions occurs: it reaches from the Baltic region, through Poland and Hungary, down to Croatia. This "belt" is clearly delineated from the three other sub-regions of Eastern Europe: the Russian-Ukrainian-Belorussian, the Balkan, and at the end the Czech and Slovenian, most "Western East-European", most-embourgeoisied region.

No-one could have spoken more authentically of Deutscher's origins than he himself. Not long before his death, in a famous TV interview (*Germany and Marxism*) he made the following point:

"I really acquired my lively interest in the German question in my parents' house. I spent my childhood and early years in and around Cracow, in the so-called Three Emperors' Corner of Poland. On one side there was Russian Poland, on the other German Poland, and we lived in Austrian Poland — Jews and Poles, among Czechs and Hungarians. A multi-coloured corner of our part of Europe".

This was where the first socialist revolutionaries of the early days came from, but so too did the Horthyists, the white terrorists, the Pilsudskis, and later the "forest brothers" and Ustashas.

the liberals and then Fidesz — which reflects the psychology of the 'converts' well. Of course, this phenomenon is well-known Europe-wide, one only need think of a few French historians! The case of David Horowitz is a classic example of the swing from one extreme to the other, which would undoubtedly have surprised Isaac Deutscher himself, notwithstanding his own radicalism.

² DEUTSCHER, Isaac, *Stalin: A Political Biography* (London: Oxford University Press, 1967); in Hungarian: DEUTSCHER, Isaac, *Sztálin. Politikai életrajz* (Budapest: Európa Könyvk Kiadó, 1990). The author of the present study was able to use Deutscher's book in his similarly-titled Hungarian volume, published in 1988, and also the Russian edition of the work.

The “Russian phenomenon” played a special role in the lives of the revolutionaries. Trotsky himself recalled in his memoirs the “gravitational effect” of great Russian culture that rallied insurgent intellectuals from all around the empire, and even beyond its borders to its centre. Deutscher soon came to think of his own “calling” in the larger scheme of things as the interpreter of the revolution, or rather, to be exact, revolutions. At a very young age, he was greatly influenced by the October Revolution, emphasising later that it was “the greatest event of our century”, and he stood by it all his life. His interest and work came to focus on Lenin, Trotsky, Stalin and Soviet development in an obvious, natural way³.

As he said:

“After I finally left home at the age of eighteen and came to Warsaw, I associated with a circle of much older people, who were steeped in Russian literature and under the influence of Russian thinkers and revolutionaries”⁴.

Many Hungarian revolutionaries — though each of different social background — had a similar cultural background, among them Ervin Szabó and George Lukács, Ervin Sinkó and Jenő Varga, to mention only the most renowned Hungarian Marxists, though one might also mention Karl Polányi⁵, who found popularity in England. This generation of East-European revolutionaries shared a similar fate: the whole trajectory of their work was bound up with the Russian Revolution — as a shared point of reference — and its consequences, fate, radical system of values, Stalinism and de-Stalinisation, antifascist resistance, and the “Marxist renaissance” of the period that followed it. This generation of revolutionaries — as Deutscher emphasised with regard to himself in a paper devoted specifically to the matter — did not become committed

³ As he himself said towards the end of his life, he had an ‘unfinished two-volume study on Lenin and Leninism’, referring to his great plan of writing a Lenin biography. The first chapter was completed, and published as “Lenin’s Childhood”. See DEUTSCHER, Isaac, *Lenin’s Childhood* (London: Oxford University Press, 1970).

⁴ DEUTSCHER, Isaac, “Germany and Marxism”, *New Left Review* I/47 (1968), p. 61-69.

⁵ Here we may mention Gareth Dale’s recently published book on Polányi. See DALE, Gareth, *Reconstructing Karl Polanyi: Excavation and Critique* (London: Pluto Press, 2016).

to Marxism for sentimental reasons, but because without it they could not have understood the world around them and its history⁶. Also typical of his Marxist commitment, another statement he made — seeming to evaluate the subjective elements of 1989 and the process and consequences of regime change — is rather illuminating: ‘I am a Marxist, of course. Those critics who call me “unrepentant”, or say that I “will never learn”, are for the most part people who once allowed themselves to be well taught by Stalin, and who later became anticommunists’⁷.

We might say, with some malice, that Deutscher could not see the history of regime change in 1989 in advance, when “betrayal” would come to mean something commonplace. In our parts, the “Horowitz phenomenon”⁸ seems like a law of nature. Yet still, the turn of ’89 “legalised” Deutscher himself and his work in the region. As a “system-critical Trotskyist” he practically remained on the blacklist in virtually all of the state-socialist countries during his lifetime, and for about two decades after his death, along with Marxist theorists such as István Mészáros, who emigrated in 1956 and remains to this day George Lukács’s only faithful (though critical) pupil.

As we shall see, it is no coincidence that the first legal publications by and about Deutscher as a historian should have already appeared in Hungary in 1985⁹. In fact his *The Unfinished Revolution* had actually

⁶ *Marxism in Our Time*, first published as an edited transcript of a lecture given in February 1965 at the London School of Economics. See DEUTSCHER, Isaac, “Marxism in Our Time”, in *Marxism in Our Time*, edited by Tamara DEUTSCHER (Berkeley: The Ramparts Press, 1971).

⁷ Ibid.

⁸ This concerns David Horowitz, a Deutscher biographer, who fell back upon the kind support of a liberal propaganda foundation in the USA.

⁹ DEUTSCHER, Isaac, “Az orosz forradalom és a zsidókérdés [The Russian Revolution and the Jewish Problem]”, in *Zsidókérdés Kelet- és Közép-Európában. Fejlődés-Tanulmányok [The Jewish Question in East-Central Europe: Studies on Developments]* (Budapest: ELTE, ÁJTK Department of Social Sciences, 1985). English original: DEUTSCHER, Isaac, “The Russian Revolution and the Jewish Problem”, in *The Non-Jewish Jew and Other Essays*, edited by Tamara DEUTSCHER (London: Oxford University Press, 1968); Bánfalvi 1985, first published in Hungarian in a (stencilled) samizdat publication of 1983 — see: BÁNFALVI, Csaba, “Isaac Deutscher portréjához [Towards a Portrait of Isaac Deutscher]”, *Filozófiai Figyelő*, 4 (1985), p. 55-64; DEUTSCHER, Isaac, “Korabeli krónika Sztálin halálától Malenkov bukásáig

been published at the end of the sixties in a private edition accessible only to the cadre of the Hungarian Socialist Workers' Party, and marked confidential¹⁰. As a result, in the Hungary of the mid-eighties it was possible to read, in no less than the official journal of the Centre for Further Training of Teachers of Philosophy, that Isaac Deutscher's methodologically fruitful approach to history, as demonstrated in both his book *Stalin* and his *Trotsky* trilogy, follows and reinvents the best in the Marxist tradition of historiography. Meanwhile nothing of note appeared either by Deutscher or about Deutscher in the Soviet Union or Poland until 1991, not even in samizdat publications¹¹. The reasons can be found in the specific differences in national development that will be discussed below. Looking back, Isaac Deutscher's main historical works belong — in a particular sense — to the build-up of the Eastern-European Marxist renaissance of the 1960s.

As I was working on biographies of the Bolshevik leaders in the period of regime-change, the ethical purity and clarity of Deutscher's work had an especially powerful impact on me. When outlining the figure of Lenin he expressly emphasised the separation of the "legacy" of Lenin and Stalin, highlighting the importance of moral motives in that separation. Not in the sense of abstract, officious moralising however. To him the body of work accomplished by Lenin was not a collection of abstract principles that stand above history (in the sense it is given by myth-making, personality-cult building, or the character-assassination practised in our own day), but inherent components of actual socio-political tasks and economic actions. In his last work dealing with Lenin, Deutscher invoked Lenin's self-criticism in regard to how the Soviet Union was built.

1953–1966", in *Adalékok Kelet-Európa történetéhez [More on the History of Eastern Europe]*, Volume II (Budapest: Független Kiadó, 1983).

¹⁰ DEUTSCHER, Isaac, *A befejezetlen forradalom [The Unfinished Revolution]* (Budapest: Kossuth Kiadó, 1968).

¹¹ According to the Polish samizdat database, nothing was published by him between 1976 and 1989; however, five of his books were published in Polish between 2007 and 2010, all at the Faculty of Philosophy, Warsaw University (my gratitude to Miklós Mitrovits for this information). No Deutscher works were published in the Russian samizdat either, with Yulia Petrova, scholar of samizdat publications not finding any Deutscher texts from before 1991, not to mention the fact that also nothing appeared on him. Many of his most important works are now available in Russian.

Here Lenin disparaged the acts of bureaucratic repression, Great Russian chauvinism, and himself for not having done the most he could against this social malaise. Deutscher first quotes, then explains: “ ‘I am, it seems, strongly guilty before the workers of Russia’: in his ability to utter such words lay an essential part of Lenin’s moral greatness”¹².

Overall, Isaac Deutscher was an influential author for my generation, awakening intellectually in the sixties in three senses:

1. Deutscher was fresh evidence that a Marxism with an “Eastern European” imprint was not only possible, but thrived in the West, and moreover that it had matured beyond the stage of legitimating ideology¹³. This was a rather important insight, since it invigorated critical Hungarian Marxist thought, just as would be the case later in the context of István Mészáros, “bringing him back home” to Hungary.
2. Deutscher’s work extracted in a credible way the personal history of the Russian Revolution and its commanding staff from the canon of official Soviet historical justification. Deutscher’s *Stalin* served as a fundamental point of reference and building-block for the biography of Stalin that László Béládi and I published in Hungary in 1988, which was translated into Russian in 1989¹⁴. This increased the moral impact of the book.
3. Deutscher’s *Stalin* and *Trotsky* trilogy offered a critical alternative as compared to both the Stalinist, and the Western bourgeois worldview and approach to history, already at a time when Stalin was still alive.

¹² DEUTSCHER, Isaac, “Lenin’s Last Dilemma”, *The American Socialist*, April: 5–7 (1959), available at: https://www.marxists.org/history/etol/news-pape/ame_rsocialist/deutscher02.htm (September, 2020).

¹³ And this remain true even if I quote my dear teacher and colleague, academic Emil Niederhauser’s legendary *bon mot*: “Oh, please, it is easy to be a Marxist in the West”.

¹⁴ BÉLÁDI, László; KRAUSZ, Tamás, *Sztálin. Történelmi vázlat [Stalin: A Historical Outline]* (Budapest: Láng, 1988); and in Russian translation: BÉLÁDI, László; KRAUSZ, Tamás, *Stalin* (Moscow: Politizdat, 1989).

As I indicated earlier, the Hungarian reception of Deutscher soon switched to rejection. It is more than symbolic that the ahistorical works of General Volkogonov, a Trotsky interpretation penned first after '89 by a “party hardliner” turned “democrat” (who had been head of the Chief Political Department of the Soviet Army and Navy) was followed later by Robert Service’s “revised” portrayal of Lenin and then Trotsky¹⁵. These works provided the tone of the mainstream all over Eastern Europe, as a number of critical reflections have pointed out since¹⁶.

Attempts to “correct” Deutscher in the aftermath of the opening-up of the Soviet archives do not cast a shadow on Deutscher’s Trotsky trilogy: his whole intellectual legacy is a vital, active inheritance read even today¹⁷. Numerous lessons of importance for the present, and exciting approaches to questions are to be found in a current reading of his works, and of these I — naturally — deal with only a few in this talk. Foremost among them are the issues that have inspired Marxist thought in Hungary and, perhaps, in all of the East-European region, and continue to do so up to the present day.

THE HISTORICAL ALTERNATIVE PAST AND PRESENT

The Deutscher reception began in Hungary in the mid-1980s, stimulating alternative interpretations of Soviet development that were

¹⁵ SERVICE, Robert, *Trotsky: A Biography* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011).

¹⁶ FITZPATRICK, Sheila, “The Old Man”, *London Review of Books*, 22 April: 27–9 (2010), available at: <http://www.lrb.co.uk/v32/n08/sheila-fitzpatrick/the-old-man> (September, 2020); and also Tariq Ali’s review: ALI, Tariq, “The Life and Death of Trotsky”, *The Guardian*, 31 October (2009), available at: <https://www.theguardian.com/books/2009/oct/31/trotsky-stalin-service-patenaude> (September, 2020). Note that Service’s book was also discredited by *The American Historical Review*.

¹⁷ In this sense Rjurik Davidson’s review of the book by Deutscher is a well-written and pertinent piece. See DAVIDSON, Rjurik, “On Rereading Isaac Deutscher”, *Overland*, 27 November (2012), available at: <https://overland.org.au/2012/11/on-rereading-isaac-deutscher/> (September, 2020). The younger generation of Russians reads Deutscher similarly: see Scepcis. — <http://scepcis.net/search/search2.php?searchid=2076566&text=Исаак%20дойчер&web=0> (September, 2020).

opposed to the official one. Under the influence of R.G. Collingwood, amongst others¹⁸, Deutscher had broken with the ideological approach which saw history as a mechanical product of blind necessity, and bound interpretation of history within the confines of abstract theoretical models. This was an important development both in terms of the theory and historiography of Soviet history¹⁹. We may add that Deutscher, along with E.H. Carr, was among the Marxist historians who first established the history of Bolshevism and the Soviet Union on actual scientific foundations in scientific and methodological terms.

One of the main issues of debate in historical theory concerns the *alternative nature* of historical development²⁰. Practically ahead of all others, Deutscher raised the fundamental historical question regarding Soviet development, that of the “great breakthrough”, the “second revolution”: was there any alternative to it²¹? The question was especially current in Eastern Europe at the time, because it seemed as if the 1960s would come up with some radical alternatives. Later, at the time of Perestroika, it was only natural that the same question arose once again. Within the scope of this discussion I allude only to the unfolding central-East-European experiments in economic and political reform, the philosophical and cultural revival, the “renaissance of Marxism” etc., with the Twentieth and Twenty-Second Congresses of the Communist Party of the Soviet Union. From the perspective of our subject, the new Third Party Programme (accepted at the Twenty-Second Party Congress in 1961) is important, since it defined “communist society as the system

¹⁸ See EBEL, John n.d., “Forging History: Isaac Deutscher and E.H. Carr”, available at: https://www.academia.edu/4091635/Forging_History_Isaac_Deutscher_and_E.H._Carr (September, 2020).

¹⁹ In 1985, a young Hungarian author saw a highly important methodological advantage to be drawn from the message of Deutscher’s works on history: “Unlike some of Collingwood’s pupils however, Deutscher rejects the subjectification of history. The chance elements of history cannot be ignored when historical events are under examination, he says in his critique of Carr’s volume, *History of Soviet Russia*. To pretend that history is only furthered by the great necessities is equivalent to squeezing history into abstract theoretical models rather than observing it impartially in its animate flow”. BÁNFALVI (1985), p. 64.

²⁰ See EBEL n.d.

²¹ This issue in historiography was also addressed immediately after the change of regimes by the Moscow historian and sociologist Vadim Rogovin. See ROGOVIN, Vadim, *Byla li alternativa?: Trotskizm, vzgliad cherez gody* (Moscow: Terra, 1996).

of social self-organisation". Though Khrushchev's reforms were out of sync with the theory, they nevertheless opened up the possibility of socialist thought engaging with more abstract and philosophical issues. I refer particularly to the theoretical groundwork for the concept of the "alternative" in Lukács's *Ontology*.

Lukács based his argument on Marx's well-known thought, "Men make their own history, but they do not make it as they please; they do not make it under self-selected circumstances", proceeding to add: "For there are no alternatives that are not concrete ones; they can never be separated from their *hic et nunc*"²². So the alternatives "give rise to causal chains", while the actors in every concrete historical situation have to consider the options concretely. As we know, alternatives are not simply in existence but rather are brought into being.

Lukács — just like Deutscher — illustrated this with Lenin's role in the Revolution of 1917. An intrinsic factor in which the solution will "resolve" a particular historical situation is the degree to which individuals — and society itself — are able to recognise the possibility of alternatives.

Deutscher examined Stalin and Trotsky in this light, as embodiments of historical alternatives. Through the main historical personalities, we see the interweaving alternatives surface, then fall apart, and finally the formation of something new in the framework of the complex historical process that actually comes to pass. The historian's charge is (relatively speaking!) simple when describing Stalin's crimes and denouncing them, but it is a far greater task to reconstruct the complicated processes by which the situation came about in the light of available documents and sources. Lukács draws attention to an important consideration for the methodological approach to this historical reconstruction: a type of "false antinomy" has come about in the history of thought, "historical relativism on the one hand, logical and systematising dogmatism on the other"²³. Deutscher — in contrast to many of his contemporary and current critics — sailed with great skill between the Scylla of relativism and the Charybdis of dogmatism: he tried to orient himself always towards "the process in continuity", to use

²² LUKÁCS, Georg, *The Ontology of Social Being*, Volume 2: *Marx's Basic Ontological Principles*, translated by David FERNBACH (London: The Merlin Press, 1978), p. 76-77.

²³ *Ibidem*, p. 157.

Lukács's expression²⁴. A rather important demonstration of this is the way Deutscher treats the activity of the Left Opposition that was organising in 1923, in his *The Prophet Unarmed*. The politics of the Left Opposition is interpreted through the prism of Stalin's Great Turn five years later. The way Deutscher approached it, he reconstructed the formation of Stalin's personal dictatorship as a process of elimination with a rapidly narrowing array of alternatives²⁵.

An irreconcilable contradiction within Trotsky's, and the Left Opposition's *anti-bureaucratic* (workers' democratic) political mission is revealed in the simultaneous declaration of forced industrialisation and 'primitive socialist accumulation' (Preobrazhensky)²⁶.

"It was Trotsky's peculiar fate that even while he declared war on the political pretensions and the arrogance of the bureaucracy, he had to try and awaken it to its 'historic mission'. His advocacy of primitive socialist accumulation aimed at this. Yet such accumulation, in the circumstances under which it was to take place, could hardly be reconciled with the workers' democracy. The workers could not be expected to surrender voluntarily 'half their wages' to the state, as Trotsky urged them to do, in order to promote national investment. The state could take 'half their wages' only by force; and to do this it had to deprive them of every means of protest and to destroy the last vestiges of a workers' democracy"²⁷.

²⁴ LUKÁCS (1978), Vol. 2, p. 159. For the original Hungarian, see KRAUSZ, Tamás (ed.), *Lukács György és a szocialista alternatíva: tanulmányok és dokumentumok* (Budapest: Eszmélet Alapítvány, 2010).

²⁵ Thus, the bloody battles of the 'political constellations' also reflect the same, so that by the end of 1928, when six to eight thousand members of the Bolshevik left-wing opposition to the personal dictatorship are already in prison or exile (not to mention the wave of arrests among the "right-wing" opposition soon to come), the chances of establishing democracy seemed rather bleak, and likewise the case for "workers' democracy"... See also DEUTSCHER, Isaac, *The Prophet Unarmed: Trotsky 1921–1929* (London: Verso, 2003), p. 375-379, 383.

²⁶ Stalin, who "carried through" the "revolution from the top" hid it behind the ideological fog of the anti-bureaucracy struggle, while establishing the conditions required for personal dictatorship. This, of course, does not mean that Stalin did what Trotsky had suggested, and Deutscher does not in any way suggest this. But on the basis of the particular conditions of the NEP, with the collision of social and class interests, the inner contradictions of a society in formation were at work in the underlying social depths.

²⁷ DEUTSCHER (2003), p. 108-109.

In fact Deutscher had recognised this contradiction even in the period of the Revolution, and particularly in regard to Lenin: Lenin already faced the contradiction between the goals of revolutionary self-government and the reality of the bureaucratic repressive state²⁸. At the same time Georg Lukács deduced the “limitations” of the Russian Revolution from the “non-classical nature” of the revolution and Soviet development²⁹. This was not merely a matter of the limitations posed by its “semi-peripheral” economic and cultural conditions, or “unequal development”, or of authoritarian traditions, and the isolation of the Soviet Union within the global system, but rather it was a consequence of the disintegrating conceptual unity of the production-economy and democracy. This is despite the fact that in “Eastern-European” Marxism (including its Soviet variety) the question of political democracy had been understood in relation to the economy, accumulation and the mode of production since Plekhanov (and in fact since Marx). Democracy here was understood as an intrinsic feature of the economy and mode of production. Later, István Mészáros described this condition with the concept of “substantive democracy”³⁰.

²⁸ “Lenin was aware of the contradiction inherent in this attitude. His ideal was a society free from class domination and state authority; yet immediately he sought to establish the supremacy of a class, the working class, and to found a new state, the proletarian dictatorship. He sought to resolve this dilemma by insisting that, unlike other states, the proletarian dictatorship would have no need of any oppressive government machine — it would not need any privileged bureaucracy which, as a rule, ‘is separated from the people elevated above it, and opposed to it’. In his *State and Revolution*, which he wrote on the eve of the Bolshevik seizure of power, he described the proletarian dictatorship as a sort of para-state, a state without standing army and police, a state constituted by ‘a people in arms’, not by a bureaucracy, a state progressively dissolving in society and working towards its own extinction. Here, in this conception, and in its conflict with the realities of the Russian revolution, was the source of the one truly great [...] moral crisis Lenin ever knew — the crisis at the end of his life”. See DEUTSCHER, Isaac, “Lenin’s Last Dilemma”, *The American Socialist*, April: 5–7 (1959), p. 5-8, available at: <https://www.marxists.org/history/etol/newspape/amersocialist/deutscher02.htm> (September, 2020).

²⁹ LUKÁCS, György, *A társadalmi lét ontológiájáról* [*On the Ontology of Social Being*], Volume I: *Történeti fejezetek* [*Historical Chapters*] (Budapest: Magvető Kiadó, 1976), p. 380-381.

³⁰ Democracy is not an isolated political demand within the revolutionary interpretation of Marxist tradition, but is simultaneously also a producers’ eco-

SOCIALISM AND 1956

Following 1956, the deepest immediate issue that every current of anti-Stalinist Marxism had to answer was how this unity, the unity of economy and democracy, could be repaired. To all those on the anti-Stalinist left, across the world, it seemed that the workers' councils of 1956 were institutional attempts at establishing this unity. This was in fact at stake in the theoretical work of Lukács, a "minister of the 1956 uprising", and numerous other thinkers throughout the 1960s; though under the influence of events in 1956, Hungarian party officials, with Kádár at the helm, were — naturally — thinking in terms of another paradigm. While Lukács associated the workers' councils of 1956 with the Russian workers' councils of 1917³¹, the official party stance characterised the councils as counter-revolutionary. 1956 reset the theoretical problem as an immediately practical issue. Yet Isaac Deutscher came under censure from the radical-left intelligentsia (and others) on account of '56. This criticism may be taken as a critique less inspired theoretically than politically. Tony Cliff interpreted his latest work as a surrender to Stalinism, "capitulation"³². J. Jakobson went so far as to

conomic demand. See concerning this MÉSZÁROS, István, "Lényegi egyenlőség és lényegi demokrácia [Substantive Equality and Essential Democracy]", *Eszmélet* 107 (2015), p. 5-11, as well as TŰTŐ, László; KRAUSZ, Tamás, "Lenin a szocializmusba való politikai átmenet időszakáról [Lenin on the period of political transition to socialism]", *Társadalmi Szemle* [Volume, Issue: page-range. — M. C] (1984), p. 7-8.

³¹ KRAUSZ, Tamás, "Előszó [Introduction]", in KRAUSZ, T. (ed.) *Lukács György és a szocialista alternatíva: tanulmányok és dokumentumok* (Budapest: Eszmélet Alapítvány, 2010), p. 7-13.

³² CLIFF, Tony, "The End of the Road: Deutscher's Capitulation to Stalinism", *International Socialism* I, 15 (1963), p. 20: "Deutscher is a puny figure compared to Herzen. The blood of workers spilt in Budapest does not prevent him from proceeding with his toast to Khrushchev. Deutscher opposed all the popular uprisings in Eastern Europe, from June 1953 in East Germany, to October 1956 in Poland and Hungary. He declared the latter to be counter-revolutions trying 'unwittingly to put the clock back'. He cheered the Russian tanks which smashed the workers' uprisings: 'Eastern Europe (Hungary, Poland, and East Germany) found itself almost on the brink of bourgeois restoration at the end of the Stalin era; and only Soviet armed power (or its threat) stopped it there' ". — available at: <https://www.marxists.org/archive/cliff/works/1963/xx/deutscher>.

cast Deutscher among the “apologists”, as he illustrated the threat of capitalism being reinstated in the uprising of ’56 with the appearance at that time of the Mindszenty phenomenon³³. Many leftist authors still bristle at Deutscher’s approach, and continue even today to write of Deutscher’s reconciliation with Stalinism; “Deutscherism” was the “theory of consolation”³⁴. Yet in the case of Deutscher, what was at issue was more about what J. Ebel wrote: hope. After the Great Patriotic War and the Twentieth Congress, communists had a hard time accepting that the phoenix only exists in legend. It followed unequivocally from Deutscher’s conceptualisation of history as the possibility of an alternative to Stalinist development that the spectre of capitalism reinstated was a constant threat. Though, as Ebel noted, it was impossible to form a clear picture of the

[htm](#) (September, 2020). In regard to 1956, Isaac Deutscher framed the question as that of a choice between socialism or capitalism. See DEUTSCHER, Isaac, *Russia, China, and the West: A Contemporary Chronicle, 1953–1966* (London: Oxford University Press, 1970), as well as its Serbo-Croat and German translations.

³³ JACOBSON, Julius, “Isaac Deutscher: The Anatomy of an Apologist”, in *Soviet Communism and the Socialist Vision*, edited by Julius JACOBSON (New Brunswick, NJ, 1972 [1956]), p. 93. — Transaction Books, available at: <https://www.marxists.org/history/etol/writers/jacobson/1965/10/deutscher.htm> (September, 2020). “The Hungarians, driven to heroic frenzy by justifiable grievances, were unwittingly turning back the clock of revolutionary progress as the insurrection moved into its counter-revolutionary ‘Thermidorean’ phase; while the Russians sought to rewind the clock with bayonets. Not content with paradoxical clocks, Deutscher also repeated, in more civilized and temperate manner, some of the most malicious Communist canards against the Hungarian revolution. ‘The ascendancy of anti-Communism found its spectacular climax with Cardinal Mindszenty’s triumphal entry into Budapest to the accompaniment of the bells of all the churches of the city broadcast for the whole world to hear. *The Cardinal became the spiritual head of the insurrection. A word of his now carried more weight than Nagy’s appeals.* If in the classical revolutions the political initiative shifts rapidly from Right to Left, *here it shifted even more rapidly from Left to Right.* Parties suppressed years ago sprang back into being, among them the formidable Smallholders’ Party’ ”.

³⁴ Tony Cliff’s followers today believe that “Deutscherism was a theory of consolation”. See DAVIDSON, Neil, “Isaac Deutscher: The Prophet, His Biographer and the Watchtower”, *International Socialism*, 104 (2004), available at: <http://isj.org.uk/isaac-deutscher-the-prophet-his-biographer-and-the-watchtower/> (September, 2020).

return of a historically superseded form, and we might add that many were led astray in appraising the situation even much later³⁵.

Historical study, especially of the documents of the workers' councils representing the socialist tendencies of 1956, has since proven that every one of the workers' councils considered a rejection in both directions important, warning of their dangers in the period of the uprising between 23 October and 4 November 1956: the simultaneous threat of a capitalist restoration, and Stalinist restoration. After all, virtually every document of the workers' councils stated that they would not return the factories and the land to the capitalists and the landowners³⁶. Deutscher linked the possibility of a re-establishment of capitalism essentially to the Euro-American NATO geopolitical backdrop — and not without reason. From another angle, however, these documents were intended to reassure the hesitant segment of communists that the fundamental direction of the uprising represented by them was not on track for the re-establishment of capitalism. Thus, the workers' councils represented the “third way” between Stalinism and capitalism, which — as we shall observe — had direct consequences and a significance in the formation of theoretical terms. Whatever our evaluation of the historical significance of the Hungarian uprising might be, one matter is indisputable: it did not leave the future of the Soviet and Eastern-European regimes in general unaffected. It was not possible to avoid raising the question posed by Trotsky: “*What is the Soviet Union, and where is it going?*” — meaning that 1956 invalidated the Stalinist theory of social formations, which had served to suffuse the glow of socialism over the

³⁵ EBEL, John n.d., “Forging History”: “What Carr and Deutscher failed to predict, in fact, to my knowledge no analyst or historian did was that the Soviet Union and its satellites would implode of their own accord and that wild gangster capitalism would be established or restored in the place of post-capitalist societies” (EBEL n.d.).

³⁶ For more on this: LOMAX, Bill, *Magyarország 1956* (Budapest: Aura Kiadó, 1986); KRAUSZ, Tamás, “On the Workers’ Councils of 1956”, in *Hindu istenek, szíami tigrisek Balogh András 70 éves [Hindu Gods, Siamese Tigers: For the Seventieth Birthday of András Balogh]* (Budapest: ELTE, Új- és Jelenkori Egyetemes Történeti Tanszék, 2014). Published earlier as KRAUSZ, Tamás, “Az 1956-os munkástanácsokról”, *Eszmélet*, 1 January (2006), available at: http://eszmelet.hu/krausz_tamas-az-1956-os-munkastanacsokrol/ (September, 2020).

Stalinist dictatorship. As a result — and not independently of the rise of the left in the West and the positive effect of the anti-imperialist / anti-colonial struggles, of course — the outlook of socialism had to be rethought on a global scale as well.

In Hungary, the sinologist and philosopher Ferenc Tőkei, and György Lukács and his followers (usually referred to as the Budapest School)³⁷ were chewing over the same theoretical questions as the Praxis circle in Yugoslavia, and Kołakowski and Kuroń in Poland, among others, even as the reform movements in Czechoslovakia gave them currency. We might also refer to the Polish economist Włodzimierz Brus, whose works, available in Hungarian, examined the internal alternatives to Soviet development, or to the volume by László Szamuely (from 1971) entitled *Az első szocialista gazdasági mechanizmusok* [*The Earliest Socialist Economic Mechanisms*]. I would not be far off the mark if I sought the philosophical groundwork for a new socialism first of all in Lukács's *Ontology* and his *Demokratisierung Heute und Morgen*, as well as Ferenc Tőkei's Marxian reconstruction of Marx's social-formation theory. In the *Ontology* Lukács himself calls this reconstruction of the Marxian concept of the "Asiatic mode" very important, as it potentially bestowed a high degree of differentiation to the theoretical grounds of the anti-colonial struggle, since it questioned the whole logic of the Euro-centric approach to Marxism³⁸. Meanwhile, until the 1960s, theoretical perspectives in the West were essentially

³⁷ André Tosel sums up the role of the Budapest School as follows: "Their work unfolds in two phases. The first is a reform of Marxism grounded in social anthropology, which comprises numerous aspects of political liberalism; and the second is a more equivocal distance from Marx, as a result of which the members of the group — with the notable exception of Mészáros — end up outside of Marxism". See TOSEL, André, "Az idős Lukács és a Budapesti Iskola", *Eszmélet*, 1 January (2003), available at: http://eszmélet.hu/andre_tosel-az-idos-lukacs-es-a-budapesti-iskola/ (September, 2020).

³⁸ Lukács described the work of Ferenc Tőkei in the following terms: "Only one work has appeared recently on the Asiatic mode of production, which the Stalinist period wanted to eliminate from Marxism, to be replaced by a vacuous, artificial, so-called, 'Asiatic feudalism' "; unfortunately only in Hungarian, an excellent Marxist monograph by the sinologist Ferenc Tőkei. See TŐKEI, Ferenc, *Az ázsiai termelési mód kérdéséhez* [*On the Issue of the Asiatic Mode of Production*] (Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1965). It should be noted that Tőkei's work appeared in a number of languages in later years.

determined by debates and concepts drawn from before the Second World War. Between 1929 and 1941, the notion of *state capitalism* as a theory describing Soviet development was most popular among Western leftists, and even Marxists who were not in the Communist Party. However, the unilinear template fit well with the “vulgar-materialistic” atmosphere of the period, which assumed the chronological sequence of five social forms (primitive communism, ancient slavery, feudalism, capitalism, and communism) following on from one another, and would not budge from it³⁹. In 1947, Tony Cliff reformulated the theory of state capitalism (and a whole movement came to be organised on its basis): it pitted the question of ownership against the question of power⁴⁰. The Marxian social-formation theory reconstructed by Ferenc Tókei — in a philologically credible manner — aimed, among other things, to supersede such antitheses. The matter of the *nature of the Soviet system* posed the question of the social formations *as a whole*, which essentially concerned the historical fate of the way in which state, private, and communal (collective) ownership are related to each other⁴¹. The vulgar Marxism that was canonised in the Stalin period erased the theory and historiography of the Asiatic mode of production (AMP) in the 1930s⁴². Later, with

³⁹ See also, VAN DER LINDEN, Marcel, *Western Marxism and the Soviet Union: A Survey of Critical Theories and Debates Since 1917*, translated by Juriaan BENDIEN, *Historical Materialism Book Series* (Leiden: Brill, 2007), p. 50-51. In Eastern Europe, and especially Hungary, Poland and the Soviet Union, we cannot speak of a notable influence upon the circles of “critical Marxists” by the theory of state capitalism, which cannot be adapted to Marx’s theory of social formation, since it is simply impossible to describe the Stalinist system of profit generation as a capitalist market economy, in which accumulation of private ownership is carried on in the interests of a state bourgeoisie, with any arguments in favour simply unacceptable on empirical grounds, since the bureaucracy could not inherit even a holiday home.

⁴⁰ See on this, VAN DER LINDEN (2007), p. 119.

⁴¹ In fact, the question of the AMP as an issue of political theory had been raised in 1907, in Lenin’s argument with Plekhanov.

⁴² TÓKEI (1965); TÓKEI, Ferenc, *A társadalmi formák elméletéhez* [*On the Theory of Social Formation*] (Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1968). On the debate in the Soviet Union, see KRAUSZ, Tamás, *Pártviták és történettudomány* [*Party Debates and the Historical Sciences*] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991), p. 162-166. The purges of the 1930s took their toll in this field as well, one of its victims being the excellent Hungarian thinker Lajos Magyar.

the contribution of Wittfogel and his vulgar reinterpretation, the AMP once again became a political “explanatory theory”, a direct instrument of political battle in the West, to be turned against “eastern despotism” in the Soviet Union. The popular reach of the theory is reflected in the fact that by the mid-1980s even Ernest Mandel had adopted it⁴³.

In summary: the conceptual reconstruction of the AMP dealt with a number of things simultaneously. First, it did away with the notion of a single linear development of history and social formations. Second, it demonstrated that socialism and communism do not necessarily follow from a socialist revolution if history follows a different course from the 3-step concept of development proposed by Marx and Lenin. Instead, a society may be arrested at some level of state ownership and state-controlled economy. A different form of society was realised than that which had been envisioned in theory. Deutscher had already raised the question in his book on Stalin: *was there socialism in the Soviet Union under Stalin*, as (also) declared by the Soviet Constitution of 1936? Or had some other form of society evolved under the slogan of “socialism in one country”, the ideological monstrosity of which has probably never been better captured than in a 1976 article in the *New Left Review* by Sartre⁴⁴, who held Deutscher’s work in very high regard. Furthermore, Tökei also posited the various forms which state ownership (among others) could take in different historical periods, though certain

⁴³ The ideology of the AMP as a “weapon” did not enter the public sphere of politics directly through Wittfogel, but can actually be traced back to Plekhanov, who tried to illustrate Czarism and the specificities of Russian development by means of this concept during the debates on land distribution. In order to discover this it was also necessary to excavate Lenin from the silt, the hard layers of ideologies of legitimation. In a party-congress polemic he undertook against Plekhanov in 1907, Lenin called this analogy a mistaken, presentist suggestion, though he himself did not doubt the existence of the AMP as a theoretical category. In fact Lenin was among the first to speak of the variety of parallel and interweaving, historically-transformed modes of production, primarily on the basis of the Russian experience of historical development. See also KRAUSZ, Tamás, *Reconstructing Lenin: An Intellectual Biography*, translated by Balint BETHLENFALVY with Mario FENYO (New York: Monthly Review Press, 2015), p. 101-102; and VAN DER LINDEN (2007), p. 281-282; as well as KRAUSZ (1991), p. 174-179.

⁴⁴ SARTRE, Jean-Paul, “Socialism in One Country”, *New Left Review* I, 100 (1976), p. 143-163.

correspondences between them could be registered universally. It is clear that the structure and function of state property in capitalism, and in all other social formations, operates differently. He also raised the most central issue of what the fate of state property could be in the various modes of production and how it could transform into communal property in communism, which remains only a *possible* outcome of history⁴⁵.

1989 VERSUS 1968

The fact that in history communism is only an *abstract* possibility only became entirely evident to us in 1989⁴⁶. This is true even if 1968 had meant two basic things for Eastern Europe: economic reform, and the occupation of Czechoslovakia. Both distanced us from socialism, rather than bringing it closer, but both happened in the name of socialism. In this regard (once more) Hungary reflects the fundamental contradictions. Here economic reforms followed, meaning a transformation of the command economy, decentralisation and the introduction of material interests

⁴⁵ Lenin already emphasised that “socialism could not be introduced in Russia”, and many different transitions would be needed for the new socialist “social-economic formation” to be realised, “since we are illiterate”. See Lenin’s writing on the labour unions in the 115th and 116th issues of *Pravda*: “This cultural revolution would now suffice to make our country a completely socialist country; but it presents immense difficulties of a purely cultural (for we are illiterate) and material character (for to be cultured we must achieve a certain development of the material means of production, we must have a certain material base)”. See LENIN, Vladimir Ilyich, “On Cooperation”, in *Collected Works*, Second English Edition, Volume 33 (Moscow: Progress Publishers, 1965 [1923]) available at: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1923/jan/06.htm> (September, 2020). Compare this with one of Lenin’s last writings, entitled “On the Labour Unions” (Ibid., p. 375) [doesn’t tally with contents of *CW* Volume 33; full reference to the *Complete Works* required. — *M. C.*]

⁴⁶ In the period of regime change, in a volume of essays entitled *Válaszúton: Politikai Átmeneti korszak? Szocializmus? Kapitalizmus?*, KRAUSZ, Tamás and László TŰTŐ (Budapest: ELTE, ÁJTK, Department of Social Sciences, 1988), the author of one of the studies legitimised the capitalist turn by saying that the system which had existed until then was in fact pre-capitalist — and we were immediately reminded of Wittfogel’s “Eastern stagnation”.

and market incentives. On the other hand, stalling of political reforms and the emptying out of “socialist democracy” also followed. In vain did Lukács attempt to inform the world that economic reforms *in themselves*, without the democratisation of production and consumption, the establishment of a needs-centred economy, and the participation of the producer classes, would pave the way for the establishment of a bourgeois transformation, the “consumer society”, of recapitalisation. It is a *tertium datur* — between Stalinism and capitalism — as he wrote. The “counter-revolution” that followed the defeat of the “world revolution” of 1968 (Robert V. Daniels) soon showed that the new phase of capitalist development, neoliberalism — the global world order with its own transnational capitalism, information technology, free flow of capital — served to economically undermine smaller states and strengthen the police-state apparatus — and eventually involved smashing socialist experimentation. By the early 1970s, all of this was included in the least-guarded secret “message” of Thatcher and Pinochet.

The history of the theoretical literature also reflects the fact that the “alternative” in any part of Eastern Europe involved three abstract possibilities of development. The preservation of the status quo seemed like one of the possible courses of development, the other was the restoration of capitalism, while the transformation of the system towards socialism was the third. All three possibilities were manifestly at work in the events in Czechoslovakia, the ‘new economic mechanism’ in Hungary, the Solidarity movement of Poland as well as in the Yugoslav transformation (that unorganic mixture of market and self-government). In a latent form, of course, the *alternative* was present in the Soviet Union as well, even if Khrushchev did not understand it. Yet twenty years later, the period of Perestroika made it clear that these triple possibilities of development are not, obviously, equally as likely.

Earlier, an allusion was made to the fact that when Lukács died in 1971 he was seeking to partly balance, and partly complete the Hungarian economic reforms through the reinforcement of social self-organisation and worker-council democracy in the spirit of a “Marxist renaissance”⁴⁷. However, within the Communist parties, and “classi-

⁴⁷ Lukács wrote *Demokratisierung Heute und Morgen* in 1968, but it could not appear in Hungarian until 1988, when the prospect of a socialist alternative was already well past.

cally” the Hungarian Socialist Workers’ Party, the “dogmatists” and the “revisionists” tended to come to a compromise on the main issue: *they intended to “repair” socialism through market reform and within the framework of the one-party system under their own rule.*

The anti-capitalist critics of the development — both within and outside the party — committed themselves to a critical stance on the system during the seventies. Speaking in philosophical and symbolic terms, we started out from Lukács⁴⁸ working out the alternatives (*Demokratisierung*, 1968) and arrived at the philosopher of socialism, Mészáros (*Beyond Capital*, 1995)⁴⁹. Most of the Marxists coming from the Lukácsian tradition finally arrived at a liberal acceptance of, and even support for the change of regimes, having worked their way through communal socialism and workers’ self-government. Yet right at the beginning of the 1980s, Heller, Fehér and Márkus, already an émigré, wrote the following in the introduction to their book, appearing under the eloquent title *Dictatorship Over Needs*: “We, all three, are convinced that the world needs more, not less socialism than it has today”⁵⁰.

The same year, in their book of 1983, *A szovjet típusú fejlődés marxista szemmel* [*The Soviet Type of Development from a Marxist Perspective*], György Bence and János Kis proposed that the demolition of the cemented walls of state-ownership should be followed up by community- and group-ownership, and workers’ self-government⁵¹.

⁴⁸ In certain matters, such as his view on the appeal to the individual’s consciousness or the division of labour, he makes concessions. István Mészáros’s judgement in this regard is a point of departure for consideration; see MÉSZÁROS, István, *Beyond Capital: Toward a Theory of Transition* (London: The Merlin Press, 1995), p. 739-752 (especially p. 745-746).

⁴⁹ The latter, as a pupil of the former, had been a founding editor of *Eszmélet* in 1956, but it ceased publication after two issues. Later, we only revived the cause onwards of the early 1980s, in conjunction with the Kapitány couple, László Tütő, Ferenc Havas and others. Our first issue came out in 1989.

⁵⁰ FEHÉR, Ferenc, Ágnes HELLER and GYÖRGY Márkus, *Dictatorship over Needs: An Analysis of Soviet Societies* (Oxford: Basil Blackwell, 1984), p. ix and xiii: “The socialist (but anti-Leninist) brand of East-European opposition that our theory represents will perhaps appeal to those Leftists whose objective is socialism as radicalised democracy, not as dictatorship of any kind”.

⁵¹ BENCE, György and János KIS (Mark RAKOVSKI), “A szovjet típusú társadalom marxista szemmel”, in *Magyar füzetek könyvei*, Volume 5 (Paris: Magyar füzetek kiadása, 1983). In Hungarian: HELLER, Ágnes, Ferenc FEHÉR

Then, in the mid-1980s, after the movement for workers' self-government suffered a defeat in the Polish labour-union Solidarity, a sudden drop in the number of those thinking about the realisation of the workers' movement, of socialism as a *tertium datur*, could be felt in Hungary as well. Another, different attempt to prepare the philosophical, historical, and in part, political grounds for the *new self-governing socialism* in the womb of the old system led to the creation of the Hungarian journal *Eszmélet*.

In the first half of the 1980s, some more-concrete analyses also came out of the ruminations on the fundamental structure of "existing socialism" and how to supersede it. Early among the trailblazers of these thoughts on self-governing socialism, László Tütő based his ideas on the possibility of the separated social spheres being replaced by a new, self-governing form of social organisation, built not on arbitrary market, and power-political etc. rationales, but grounded in an overarching rationality. In this approach, self-government is the "school of socialism", and therefore it is no surprise that in the theoretical literature of the state-socialist period "tendencies for self-organization, self-government came once again to the fore. It is formulated over and over again, that both on the level of domicile and on the level of workplace it is important to unite decision-making and the performance of tasks: as the self-financing operation of different institutions. According to this precept the people with a stake themselves determine their needs and manage to meet them according to their own abilities, autonomously assuming tasks as local residents or at their workplace"⁵².

However, in Eastern Europe, the defeat of 1968 drove the opposition critical of the system increasingly towards developing the bourgeois alternative. Though numerous in the West, those who — like Isaac Deutscher or István Mészáros, Rudi Dutschke or Franz Fannon, Ernest Mandel or Chris Harman, the *New Left Review* or the Yugoslav Praxis circle, Djilas or Rudolf Bahro — presupposed that a new socialism taking the place of an obsolete "Communism" was a realistic alternative in the Soviet Union and in Eastern Europe grew incrementally fewer. However — in lieu of new movements taking root — there was no local or global economic concept that would have offered the ide-

and GYÖRGY Márkus, *Diktatúra a szükségletek felett* (Budapest: Cserépfalvi Kiadó, 1981).

⁵² KRAUSZ and TÜTŐ (eds.) (1988), p. 209ff.

ologists of capitalism a noteworthy challenge when they spoke of Eastern Europe. It need not even be mentioned that the official Communist parties in the East, and equally in the West, occupied themselves with managing their daily issues with the system.

The official Communists in Eastern Europe did not know what they should do either, since they had “long forgotten their historical mission”. In his *Ontology*, Lukács put the blame on Lenin, for “focusing in a manner too exclusive and unconditional on revolutionizing the ideology, with the result that the ideology was not sufficiently driven by the revolution, the transformation of capitalist economy as the overarching goal”. Yet this view is partly problematic⁵³. It was not simply “backwardness” which led to the dominant role of ideology. The fact that in politics “the next step” always has to be designed in advance must be considered an important additional factor: both Deutscher and Lukács had previously pointed this out. This was exactly why in the mid-1920s Lukács supported the theoretically unacceptable slogan, “socialism in one country”, which many Marxists, from Deutscher to Sartre, and Mészáros have wholly decimated. However, Lukács considered things from the perspective of the reform processes of the 1960s, when finally *socialism* as praxis ought to have been put on the agenda. As he put it: “If we wish to revive this praxis, we must compensate where Lenin failed: we must reveal those economic foundations, and those tendencies of development that make it possible here — and here only — and now for the bourgeois-citizen duality to be finally overcome”⁵⁴. Well, this did not happen.

In Lenin’s time many theorists argued that the nationalised, but only potentially-socialised, economy must be considered the “economic foundations” of *socialism*. Nevertheless, Deutscher spoke little about, and Lukács did not bring up too often either, how in the 1920s socialism did indeed appear as a directly social mode of structuring the economy, and as a community of producers and consumers — in a word, as a voluntarily associated-cooperative sector (commune, *artyel*) as well⁵⁵. This

⁵³ See also LUKÁCS, György, *A társadalmi lét ontológiájáról* [*On the Ontology of Social Being*], Volume III, *Prolegomena* (Budapest: Magvető Kiadó, 1976), p. 270-271.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ For more on this, see István Mészáros’s critical explanations concerning the Lukács of *History and Class Consciousness* (MÉSZÁROS [1995], p. 282-303).

is what Lenin called the “island of socialism”. This “island” differed from the two other sectors (the private and the state sectors) both in terms of property-, and production-relations, or division of labour. The problem was actually that at the end of the 1920s, this “island” sank in the seas of the Stalinist turn (to be reborn at every possible opportunity, in every situation of crisis at different times and in different places, across various regions of the world). So they were not merely discussing a historical relic, but the first forms of social self-government, whose successors could not be wiped out completely even by the neo-liberal world order⁵⁶.

In Hungary, we have tried to uncover these forms of the cooperative, the truly socialist buds of democratic production since the 1970s. (Because of the specific situation, this could only be undertaken much later in Russia.) Moreover, we did so under a regime whose legitimating ideology could in formal terms not exclude the thought of self-governing labour⁵⁷, though in practice the regime had eradicated it.

The Hungarian Marxist philosopher András György Szabó, who has since passed away, reconstructed Marx’s terminology in order to conceptually define the essence of this system: the concept of “*state socialism*”⁵⁸. The debate on state socialism is older than the actual historical experiment of its realisation. There were three basic positions:

1. State socialism is essentially descended from Stalinist development, its downfall is essentially the consequence of internal contradictions. There is practically no progressive element to be found in the story of its evolution, it remains at the same distance from us as the prevalent capitalist order.

⁵⁶ A veritable library of literature is readily available on this subject.

⁵⁷ See for example our study written by the author and László Tütő, referred to above, dealing with Lenin in the central theoretical journal of the party, the *Társadalmi Szemlében* [*Social Review*] (TÜTŐ and KRAUSZ [1984]).

⁵⁸ The conceptual debates focused on “state socialism”, “transitional period”, “political socialism”, “raw communism” etc. have been compiled in a separate volume: KRAUSZ, Tamás and Péter SZIGETI (eds.), *Államszocializmus. Értelmezések — viták — tanulságok* [*State Socialism: Interpretations — Debates — Lessons*] (Budapest: L’Harmattan, 2007).

2. The old state-socialist system, in spite of all its failures, was a development that can be continued, and repudiating it serves the prevailing power structure in its ideological claims to legitimacy, and therefore the fundamentally positive elements of this past must be protected in order to preserve the anti-capitalist tradition. The collapse is basically a result of imperialist intrigue and betrayal.
3. State socialism is the product of a particular historical constellation, and as such, it is unrepeatable. Its downfall was caused essentially by internal factors, but a number of cultural-intellectual and social elements were amassed in the course of the development of this system, which is certainly a heritage worth preserving for the future. We can list among these, first of all, the theoretical and practical tradition of social self-government, self-organisation, and the defence of the lower classes.

This concept refers to an irreconcilable contradiction, a complex of phenomena made up of aspects with wholly different natures, a hybrid that reveals the essence of the system that fell in 1989. For the traditional state- and the (theoretically approached) socialism are two diametrically opposed concepts. On the one hand, the regime could not leave, could not “disconnect” from the world-capitalist system, with its global division of labour. It came into being dependent on the centre-region, and continued its existence partly dependent, in some historical periods even having been under threat of (military or economic) liquidation from this environment.

The state-socialist system⁵⁹ eliminated the profit-producing society, the accumulation of private capital, and the capitalist structure based on the money- and market economy. State socialism undoubtedly worked as a politically and socially-motivated system for the extraction of surplus labour⁶⁰. In state socialism, the capitalist market economy

⁵⁹ From the point of view of the revival of social-formation theory as described above, a historically concrete *integral system* can be relatively coherently described using the concepts of the mode of production: production, accumulation, ownership, power.

⁶⁰ See also MÉSZÁROS (1995), p. 630-631 “the extraction of surplus-labour is regulated politically and not economically”.

was substituted — in addition to the expropriation of the bourgeoisie and its economic and financial institutions — for by various forms and institutions of state planning and distribution. A new specific class society came about — still to be explored in terms of social history⁶¹ — determined by the traditional division of labour. But in this society — according to the *Constitution* — state property was *per definitionem* neither inheritable, nor open for sale or purchase. Throughout its history one might say that the regime, acting upon its origins and revolutionary legitimacy, continued an ideological war — of a rather changeable and paradoxical kind — with the capitalist market economy, and the privileged bureaucracy, whose upper echelons disposed of state property. By these machinations the regime (again) only conspired to hide what was really important, namely that in spite of its anti-capitalist features it upheld a whole range of social inequalities and hierarchies that are also typical of Western societies. But whatever name the system is given, the fundamental problem — notwithstanding the “conspiracies” — from the start concerned how to socialise the state property brought about through the nationalisation of capitalist property and capitalist assets. Appropriately for the “conspiracy”, the state property held under *state socialism* was called *communal, collective property* in both the Stalinist theoretical tradition and theories emerging from bourgeois economics,

⁶¹ Here I should draw attention to Eszter Bartha’s pioneering work in the field: BARTHA, Eszter, *Alienating Labour: Workers on the Road from Socialism to Capitalism in East Germany and Hungary* (Oxford: Berghahn Books, 2013). For a gendered approach to state socialism see Susan Zimmermann’s seminal system-critical analysis, “Gender Regime and Gender Struggle in Hungarian State Socialism” (ZIMMERMANN, Susan, “Gender Regime and Gender Struggle in Hungarian State Socialism”, *Aspasia: International Yearbook for Women’s and Gender History of Central, Eastern and Southeastern Europe* 4 (2010), p. 1-24; earlier version: ZIMMERMANN, Susan, “Geschlechterregime und Geschlechterauseinandersetzung im ungarischen ‘Staatssozialismus’”, in *Sozialismen. Entwicklungsmodelle von Lenin bis Nyerere*, edited by Joachim BECKER and Rudy WEISSENBACHER (Vienna: Promedia, 2009); Hungarian translation in *Eszmélet* Issue 96, p. 103-131); and also ZIMMERMANN, Susan, “In and Out of the Cage: Hungarian Historical Writing on Women and Gender, late 1940s to late 1980s”, *Aspasia: International Yearbook of Central, Eastern and Southeastern European Women’s and Gender History* 8 (2014), 125-149.

falsifying the actual state of affairs⁶². The reason that the idea of the “transitional stage leading to socialism” is not an adequate answer to this quandary is that the paths which might have led to socialism, an actually self-governing society, had just been blocked.

Therefore 1989 as a “conservative revolution” could not have taken us unawares, and its reactionary nature was appropriate to all the specificities of Eastern European development⁶³. Like Isaac Deutscher, or Lukács in his time, Marxist circles did not press for an immediate transformation of the system politically, which “history” steered towards the oligarchic, ethno-nationalist “gangster capitalism” typical on the semi-periphery of the global system. In 1989–1990 the anti-capitalist movement saw its main task as protecting and representing the cause of labour self-defence, the formation of the workers’ councils.

And yet the socio-political substance of the change of regimes was misunderstood, misinterpreted by many even on the left in the West, from radicals to social democrats. It is widely known that our friend Ernest Mandel actually felt the fever of a new socialist revolution in 1989⁶⁴ and, it must be added, he later had the strength to review his stance. The most typical narrative explained the events as a rectifying revolution (Habermas), which carries the people back from an illusion to the world of bourgeois democracy, as if our societies had been at the gates of a new stage of development simply in order to catch up⁶⁵.

What we could observe from Budapest to Moscow and from Moscow to Warsaw in proximity to the events, evidenced that there was a grisly, wild battle unfolding between various factions of the local elites and global representatives of capital around the redistribution of power

⁶² I have dealt with this in greater detail in my polemic with János Kornai: see KRAUSZ, Tamás, “Ahistorical Political Economics”, *Social Scientist* 24 (1996), p. 1-3; 111-127.

⁶³ I have attempted to get an overview of the field and take a position in KRAUSZ, Tamás, *Vitás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében Ruszisztikai Könyvek XXXIII* (Budapest: Russica Pannonica, 2011).

⁶⁴ MANDEL, Ernest, *Beyond Perestroika: The Future of Gorbachev's USSR*, Revised Edition, translated by Gus FAGAN (London: Verso, 1991).

⁶⁵ See also HABERMAS, Jürgen, “What Does Socialism Mean Today? The Rectifying Revolution and the Need for New Thinking on the Left”, translated by Ben MORGAN, *New Left Review* I, 183 (1990), p. 3-21.

and property, over the heads of society. We believed that all of this could lead at best to new types of ethno-nationalist authoritarian regimes settling upon the region⁶⁶. The regime-change elites all wanted to make us believe the opposite; and to do so with regards to two related questions specifically. One was pushing the notion that the question of ownership was not important, as workers are only interested in good wages. The other concerned democracy. They introduced the rule of law, but placed employment under the control of capital. They killed one statement with their next. We were sure of two things nevertheless, and this knowledge we deepened over time: the question of ownership⁶⁷ is the question of questions, because it simultaneously concerns both production and consumption, unemployment and exclusion on the scale of society as a whole. Capital is not afraid of occupied spaces and occupied streets, but rather of the occupation of the workplace. In this field it knew no compromise: neither worker-ownership, nor workplace occupation, nor democracy. And all of this was ascribed to the asinine ideology of catching up with the West, without even bothering about the fact that it was Stalin who had originally come up with this idea. That is all that need be said about who had illusions and about what.

We never forgot that social self-government has a rich historical store of experience regionally and it is no coincidence that capital and the state had to repress such experiments in '89 as well. We believe that humankind can find no other way out of this system of incurable structural crisis under the rule of capital. The task we had set out to accomplish so many years ago, though under changed conditions, still stands here before us. The second issue concerns how capitalism still underperforms old state socialism in a number of countries in many aspects, which inevitably contributes to its discrediting in the eyes of the people. Quite when all of this will come to boiling-point cannot be foretold. But there is one thing that we have learned from Lenin, Deutscher, Lukács and ourselves: despite its many failures, hope, if it is not to be reactionary or conservative, must inspire us to find a way to understand and change the world, instead of barring that way. Let us not kill this hope.

⁶⁶ See also KRAUSZ, Tamás, *Megélt rendszerváltás [Regime Change: The Experience]* (Budapest: Cégér, 1994).

⁶⁷ Economist József Mocsáry's study, "Hogyan lopjunk gyárat? [How to Steal Factories: A Handbook]" gets to the heart of the matter by way of the title itself. *Eszmélet* Issue 3 (1989–1990).

**ОТНОШЕНИЯ
МЕЖДУ ИСТОРИОГРАФИЕЙ И
ПОЛИТИКОЙ ПАМЯТИ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОЦЕНКЕ
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА
О НЕНАПАДЕНИИ
(КТО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЙНУ?)*

ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ

Уже 30 лет тому назад по существу все было ясно. В процессе так называемой смены режима, в переходе ко второму изданию капитализма, либералы и националисты-консерваторы сдают старый исторический нарратив, в том числе нарратив, интерпретацию, восприятие 2-ой мировой войны. Многие не хотели понять, что этот глобальный политический переворот ведет к гегемонии старой консервативной американской интерпретации холодной войны. Либералы в духе консерватизма предали старый антифашистский, антинацистский неподписанный, но много раз декларированный союз, который господствовал до конца 80-х годов. А вот идеологические рамки переворота: отождествление СССР с нацистской Германией, преувеличение достоинств западных союзников, недооценка советских военных усилий, прямая фальсификация начала Второй Мировой войны. Эти тезисы сегодня являются общей точкой правительственной политики памяти восточно-

* Конференция Института всеобщей истории Российской академии наук по случаю 80-й годовщины начала Второй мировой войны. (2–3 октября 2019 г.) Отредактированная версия лекции. Первая публикация — 2019.

европейских стран. Большинство историков поддерживало эту тенденцию мышления и действия. Все оттенки «старого», традиционного подхода попали под термин сталинизма. В последнее десятилетие ничего существенного не появилось, только русофобия укрепилась в пропагандистских аппаратах режимов. В этих странах политика памяти контролируется сетью музеев памяти, государственными комитетами по истории и т.д. От Львова до Будапешта, от Вильнюса до Варшавы эти институты сохраняют политические и моральные позиции властвующих элит. Новые авторитарные режимы этих стран сотворили специальный образ и особый взгляд на историю. Этот взгляд исходит везде из исключительно популистско-националистических соображений. Более того эти режимы и их основные политические позиции поддерживаются в Евросоюзе с верху. Например, несколько дней назад консервативно-либеральное большинство Европарламента приняло резолюцию о Второй Мировой войне, в которой на русофобской, антилевой и антикоммунистической основе почти отождествляется — в отношении начала второй мировой войны — роль СССР с ролью германо-фашистской империи. Резолюция даже не упомянула положительную роль антифашистского сопротивления¹.

Впрочем, у нас в 80-е годы ЦК ВСРП уже ни разу не принял резолюцию по вопросам истории.

ЦЕЛЬ И ФУНКЦИЯ ИЗВРАЩЕНИЙ

Лет 10 назад в связи с 70-летней годовщиной заключения советско-германского договора о ненападении полмира спорило о возможностях новой интерпретации этого соглашения. Эта полемика «просочилась» и в Венгрию. Ставка и цель серии дискуссий, начавшейся одновременно во многих странах, состояли в том, чтобы представить советско-германский договор о ненападении важнейшим документом, приведшим к началу второй мировой войны

¹ См.: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IIPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future> Левый протест против резолюции, см.: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IIPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future> (31 октября 2019).

и свидетельствующим об «общей ответственности тоталитарных диктатур»².

Сегодня ситуация не лучше. В Праге, например, снимут статую маршала Конева; на Украине после пронацистской, ужасно авантюристской политики памяти Порошенко-Вятровича, новый президент, юморист Зеленский в роли историка просто заявил как истину, сразу после выборов, что антисемиты-убийцы Бандера и Шухевич защищали Украину в войне и останутся национальными героями. В Будапеште первый союзник Гитлера — Хорти — получил бюст на площади Свободы. В России некоторые историки и политики даже популяризируют Власова и власовцев. Не удивительно, если чешские «власовцы» адекватно восприняли это завещание.

Хотя всё больше и больше появляется свободно исследуемого архивного материала, число фальсификаций, извращения также увеличивается и в историографии. История сама стала игрушкой геополитических столкновений не без непосредственного участия историков.

Кажется, все с ума сошли в нашем регионе. Но нет, есть причина оглупления. В Восточной Европе идеологически оправдать новое здание олигархической системы, второго издания капитализма без традиционного национализма невозможно, потому что этот тип национализма авторитарный, ультраконсервативный, антинаучный, агрессивный, содержит в себе наследие режимов периода между мировыми войнами и времени Второй мировой войны.

Итак. Эти дискуссии однозначно показали основное противоречие: в то время как, с одной стороны, российские архивы открыли доступ и опубликовали огромное количество материалов, с другой стороны, в спорах, проходивших повсеместно от Америки до Европы именно архивные источники играли наименьшую роль. Еще более странно, что чем дальше мы двигаемся в Европе на восток, тем меньшее значение придается таким источникам. На востоке Европы политическая и легитимационная цель, быть может, еще более очевидна, чем на западе: снять с Гитлера и его союзни-

² В разоблачении и опровержении этого, помимо публикации российских архивных источников, большую роль сыграл фонд «Историческая память» и его директор А.П. Дюков. См.: *Дюков А.П.* «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах // Фонд «Историческая память» (М., 2009).

ков часть ответственности за мировую войну и нападение на СССР и переложить её на Сталина для того, чтобы умолчать об исторической ответственности «политики умиротворения» западных держав (1934–1939) и дипломатии малых восточноевропейских государств в усилении нацистской Германии, расширении её экспансии и развязывании мировой войны.

Ясно, что осуществляется ревизия *вопроса об ответственности*. Насколько мне известно, за последние 30 лет не обнаружено ни одной группы источников, которая доказывала бы, что отношения между СССР и нацистской Германией, несмотря на различные случаи «тактического сотрудничества», в основном и по существу определялись бы не взаимной враждебностью. Казалось бы, само собой разумеется, что с момента своего возникновения гитлеризм считал своим главным врагом «иудео-большевистский» СССР и марксизм, ведь нацисты провозглашали это везде от «Mein Kampf»-а до их наиболее популярного пропагандистского издания 1937 г., «Der Ewige Jude» и подобные, а также всегда и последовательно декларировали это на своих массовых собраниях и мероприятиях, а 22 июня 1941 г. однозначно доказали и на практике. Так зачем же исторической науке пересматривать столь очевидные вещи? До смены режима практически никому, тем более серьезным историкам, не приходило в голову утверждать, что заключение пакта было с советской стороны результатом некоего заранее определенного плана. Не было и нет подтверждающих это достоверных источников, документов, хотя, как я отмечу ниже, за последние 20 лет неоднократно совершались попытки фабрикации фальшивых документов, манипулятивный характер которых вскорее обнаруживался с полной ясностью.

В Венгрии эта дискуссия прошла в политических газетах и журналах, а также на радио и телевидении на таком жалком уровне, что приходится задуматься над резким падением качества «мейнстрима» отечественной исторической публицистики по этой тематике. 20-30 лет назад нельзя было представить, что представители венгерской исторической науки, включившиеся в крупную международную дискуссию, могут позволить себе пренебречь массой свежее опубликованных источников ради одного-двух сфабрикованных документов и упорно повторять свои идеологические

фантазмагории. В настоящее время это стало возможным³. Провозглашение абсурдных концепций, прежде всего идеи о том, что вторая мировая война вспыхнула в результате пакта, и ответственность за это лежит главным образом на Сталине, служит стиранию грани между палачом, нацистской Германией, и жертвой, СССР. Не случайно, что принятые в науке исследования и аргументация теряют при этом всякое значение. Вместо этого просто объявляется новый «результат». Конечно, в связи с похожей темой и теми же авторами уже и ранее говорилось о большом вреде, наносимом указанным методом «переписывания истории», который под флагом научного подхода проник в СМИ и господствует в них, практически не встречая никакого сопротивления⁴. Открытое и циничное пренебрежение документами и архивными источниками, безграничное распространение теоретической неподготовленности и неосведомленности, надменный отказ от всяких научных соображений при обращении к широкой публике, — все это не только подрывает доверие к упомянутым историкам, но, к сожалению, наносит вред и исторической науке в целом⁵.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПАКТА

Историки убедительно показали, что заключение советско-германского договора о ненападении объясняется тремя основны-

³ Журнал *Eszmélet* (Эсметлет) часто публикует критику таких фальсификационных материалов. Последним скандалом был фальсификация (Андреей Пето) интерпретации фото советского военного фотографа, Эв. Халдера. Об этом см. анализ Петера Пастора: *Pásztor, Péter. Eszmélet. 121.*

⁴ Об этом см. объективную полемическую статью, написанную несколько лет назад. См.: *Sipos, Péter. Hozzászólás egy sajátos recenzióhoz* (По поводу одной своеобразной рецензии) // *Élet és Irodalom. Március 11 (2005).*

⁵ Тот же самый историк (и его соавтор), который уже много лет решительно высказывает свое мнение по всем вопросам российско-советской тематики, хотя ни разу не видел ни одного источника на русском языке. О разоблачении такого подхода см.: *Werth, Márk. Az Ungváry jelenség* (Феномен Унгвари) // *Eszmélet. 55* (осень, 2002); об обсуждении этой проблематики см.: *Konok, Péter; Krausz, Tamás; Sipos, Péter; Ungváry, Krisztián; Vargyai, Gyula; Zeidler, Miklós. Magyarország és a II. világháború* (Венгрия и вторая мировая война) // *Eszmélet. 61* (весна, 2003).

ми причинами, которые обязательно должны учитываться при оценке исторического значения, «ценности» пакта⁶. Намерения Германии были очевидны: немцы не хотели войны на два фронта. В своем известном и пространным труде об истории второй мировой войны Дёрдь Ранки уже в начале 1970-х гг. сформулировал тот научный консенсус, о ревизии которого в наши дни я говорил выше. Имеет смысл остановиться на мнении Ранки подробнее, поскольку позже оно укоренилось в венгерской исторической науке, хотя в наши дни на повестке дня оказалось, как раз, выкорчевывание этих корней. «После Мюнхенского соглашения, — писал Ранки, — заключением которого правительства Англии и Франции, ссылаясь на сохранение мира, пожертвовали своими чехословацкими союзниками и молчаливо признали немецкую гегемонию в Юго-Восточной Европе, направляя экспансионистские устремления Германии на Восток, советское правительство было вынуждено пересмотреть свою прежнюю политику. Если ранее, руководствуясь идеей антифашистской борьбы, оно стремилось к заключению союза исключительно с западными державами, то с весны 1939 г. его политика стала более осторожной из-за опасения, что западные державы могут вынудить СССР воевать с Германией в одиночку. Поскольку западные державы даже на переговорах летом 1939 г. не выказывали готовности к заключению серьезного военного договора, советское правительство приняло предложение германии о заключении договора о ненападении»⁷. Обобщая:

1. Основной причиной подписания пакта (и секретного протокола⁸) советской стороной была т.н. политика

⁶ Об этом см., например: *Roberts, Geoffrey. Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953.* New Haven and London: Yale University Press, 2006.

⁷ *Ránki, György. A második világháború története (История второй мировой войны).* Budapest: Gondolat, 1973. P. 7.

⁸ О том, насколько секретным был этот протокол для Англии и США, хорошо свидетельствует заявление, которое было сделано на московской конференции историков, организованной по случаю 70-летней годовщины заключения пакта. На конференции говорилось о том, что уже в день подписания пакта американцы узнали о секретном протоколе из донесения американского разведчика, работавшего в германском посольстве. Не случайно, что через несколько недель после заключения до-

умиротворения, которая проводилась западноевропейскими великими державами после прихода Гитлера к власти и достигла своей высшей точки в заключение Мюнхенского соглашения. Эта политика западных стран продолжалась до самого начала войны (попытка добиться «второго Мюнхена»), причем даже несмотря на беспримерную агрессивную экспансию нацистской империи, несмотря на Аншлюс, раздел Чехословакии, первый и второй Венский арбитраж и Данциг. Вопреки всем международным договорам и соглашениям, Англия и Франция проглотили почти все, что предложил им Гитлер.

2. Все попытки советского руководства заключить какой-либо союз с Польшей и остальными восточноевропейскими странами были неудачны. Министр иностранных дел Польши Бек, несмотря на сильное давление со стороны Франции, не обратился к правительству СССР в интересах заключения договора о взаимной помощи даже тогда, когда 23 августа 1939 г. Риббентроп прилетел в Москву: «Он по-прежнему был твердо убежден в том, что независимая Польша имеет больше шансов достичь соглашения с Гитлером. Он считал, что Советская Россия начинает отворачиваться от Европы, и это было для него хорошей новостью»⁹.
3. Видя всеобщее противодействие своей политике «коллективной безопасности», Сталин вместе с тем чувствовал растущую угрозу, вытекающую из полной изоляции СССР на международной арене. К тому же Сталин знал (ведь именно тогда он совершил «непростительную ошибку»: обезглавил Красную армию), что СССР не подготовлен к войне. В 1939 г. отсрочка

говора о нападении даже и Черчилль, выступая в Палате общин, по существу взял его под защиту, высказав мнение, что появление Красной армии на спорных границах все же лучше, чем приближение Вермахта к советским территориям.

⁹ *Taylor, A.J.P. A második világháború okai* (Причины второй мировой войны). Budapest: Scolar Kiadó, 1998. P. 311.

начала войны представлялась ему вопросом жизни и смерти, ведь после Мюнхена стало очевидным, Гитлер обратится на Восток. Даже и критически настроенные историки не подвергают сомнению неизбежность заключения договора о ненападении, признавая, что советское правительство в конечном итоге могло выбрать лишь между заключением договора и войной. В зависимости от исторического подхода и исследовательской позиции пакт может считаться продуктом «мудрости» и предусмотрительности (как это обычно наблюдалось в советской исторической науке) или вынужденным шагом и результатом допущенных ранее ошибок¹⁰. Однако эти группы причин включают в себя такую цепь причин и следствий, которая не может быть произвольно разорвана.

ПОЛЬША И ПРИБАЛТИКА РЕВИЗИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Архивные источники, опубликованные ныне в России, однозначно подтверждают тот «издавна» очевидный факт (если в наши дни еще существуют очевидные факты), что определяющие группировки властной элиты Польши и балтийских государств уже в 1939 г. считали своим главным врагом СССР, а не нацистскую Германию. А для СССР балтийские государства, первоначально созданные Антантой, являлись важным военно-стратегическим регионом на случай войны: находясь под немецким влиянием, они могли блокировать Балтийский флот, а Вермахт получил бы благоприятную позицию для наступления на Ленинград. По этим причинам советское руководство настойчиво добивалось нейтралитета соседних балтийских государств. Стремясь укрепить его, оно весной 1939 г. сделало попытку дать совместно с западными

¹⁰ *Diószegi, István.* A hatalmi politika másfél évszázada (Полтора столетия властной политики). Budapest: História Könyvtár, MTA TTI, 1997. P. 430; *Sipos, Péter.* A II. világháború és az azt követő békék (Вторая мировая война и последовавшие за ней мирные договоры). Budapest: IKVA, 1991. P. 25-35.

державами гарантии балтийским государствам, однако эта попытка оказалась безуспешной. Еще шли переговоры с Англией и Францией, когда 7 июня Литва и Эстония заключили с нацистской Германией договоры о ненападении (таким образом, первый «договор о ненападении» с Германией заключил отнюдь не СССР!). После этого этот регион посетили руководитель Абвера адмирал Канарис и начальник Генштаба сухопутных сил Вермахта генерал Франц Гальдер. В то время как позиции Германии в балтийских государствах заметно укрепились, советские руководители чувствовали, что оправдываются их «давние» опасения: Прибалтика становится плацдармом для нападения на СССР. В этой ситуации снова возникла мысль о том, что СССР либо должен практически в одиночку вступить в войну с Германией, либо заключит с ней соглашение¹¹. Как советские руководители, так и западные политики с самого начала истолковывали пакт именно в этом смысле: в своем конфиденциальном сообщении от 27 сентября 1941 г. (которое было передано Сталину, Молотову, Берии и Меркулову в ноябре того же года) английский посол в СССР сэр Стенфорд Криппс так информировал свое начальство: «Нет никакого сомнения, что непосредственной причиной подписания этого пакта являлось, как это неоднократно заявляли советские лидеры, их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это, хотя бы на время, путем заключения соглашения с Германией»¹².

1 августа 1939 г. советский агент, работавший в эстонском представительстве в Англии, доносил в соответствующую инстанцию советской разведки о том, что в Англии «особенно часто передает сообщения о германском влиянии в Эстонии и Латвии Mediterranean Press Agency, которое получает информацию из Парижа, и связано также с советами»¹³. Документы разведки, содержащие сведения о германском «контроле» над балтийскими госу-

¹¹ Дюков А.П. «Пакт Молотова-Риббентропа»... Кен О.Н., Рутасов А.И. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917– 1939 гг. — Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002.

¹² Прибалтика и геополитика. 1935–1945. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л.Ф. Соцков // Служба внешней разведки Российской Федерации. Архив СВР России. М., 2009. С. 142.

¹³ Прибалтика и геополитика. Док. № 23-27.

дарствами, особенно важны потому, что они показывают, что *мог в действительности знать Сталин* о фактах «окружения» СССР.

Конечно, в данном случае речь идет о длительном процессе, Сталин и его коллеги разобрались в указанном выше отношении малых восточноевропейских государств и Польши не внезапно и не в 1939 г. Позиция Польши состояла в том, что с удивительной и неизменной слепотой связывала свои интересы с нацистской Германией в противовес СССР и Литве. Необходимо принять во внимание, что польская властная элита даже в августе 1939 г. противилась заключению такого англо-франко-советского военного соглашения, которое предусматривало бы вооруженную защиту Польши, что в некоторой степени объясняет вялое ведение французами и англичанами московских переговоров в августе 1939 г. Если посмотреть источники, то выясняется, что это антисоветское мышление и соответствующая политическая практика имели глубокие корни. Уже в 1933 г., когда Лига Наций готовилась ввести санкции против гитлеровской Германии, отозвавшей своих представителей с конференции по разоружению, Польша заверила руководство нацистской империи о несогласии с введением санкций и сделала предложение о заключении союза против СССР, что показалось слишком радикальным даже нацистским руководителям. Все же в конце концов в январе 1934 г. была подписана совместная германо-польская декларация о мирном урегулировании спорных вопросов. Когда же в сентябре 1934 г. СССР предложил Польше подписать совместную декларацию о неприкосновенности балтийских государств, Польша отклонила это предложение под давлением немцев и из-за территориальных претензий Варшавы к Литве. Польские руководители сообщили о своей готовности связать судьбу Польши с Германией и Парижу. Польша следовала за нацистской Германией и тогда, когда начался конкретный «пересмотр» европейских границ. В марте 1938 г. в рамках провокации, организованной на польско-литовской демаркационной линии, Польша предъявила Литве ультиматум, в котором под угрозой применения силы потребовала официального признания перехода к Польше территорий, занятых польской армией в 1920 г. и аннексированных в 1922 г. Эта бесславная историческая роль Польши была увенчана польской властной элитой участием в агрессии нацистской Германии, закончившейся разделом Чехословакии, когда Польша полу-

чила Тешин¹⁴. «Мудрость» польской властной элиты сравнима лишь с «мудростью» элиты венгерской.

Польша считала определяющими свои отношения с немцами и в связи с другими восточноевропейскими странами. В апреле 1935 г. на основании секретного телеграфного сообщения из Румынии (на документе не обозначена точная дата, однако речь идет о том периоде времени, когда Геринг посетил Варшаву) Сталина информировали о том, что Польша и Германия принимают все меры к срыву переговоров между СССР и Румынией о взаимной поддержке. «20 апреля поляки под угрозой разрыва польско-румынского союза предложили Румынии... взять курс на сближение с Германией. Румынский король заявил полякам, что пакта с СССР без Германии и Польши он не заключит... Король намерен проводить политику активного сближения с Германией...». Далее подписавший документ заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД Слуцкий обратил внимание советского руководителя и на то, что «между польским и германским генеральными штабами заключена конвенция, направленная против СССР»¹⁵.

Позже Сталин получил немало других документов, отражавших антисоветскую политическую стратегию польского правительства и балтийских государств и свидетельствовавших о том, что в интересах сохранения хороших отношений с нацистской Германией поляки и руководители балтийских государств отвергли заключение «двусторонних пактов» с СССР. Например, в сентябре 1937 г. тот же Слуцкий направил Сталину, Молотову и Ворошилову копию секретного сообщения, посланного послом Польши в Эстонии министру иностранных дел Польши. Этот документ информировал министра о том, что, по сведениям эстонских военных источников, эстонская позиция в связи со слухами о советских предложениях, сделанных Латвии и Литве с целью улучшения отношений, однозначна. Конкретно это означало, что по вопросу «об установлении более тесной связи с Москвой в форме двусторонних пактов» «Эстония ни на какие комбинации не

¹⁴ Мельтюхов М.И. 17 сентября 1939: советско-польские конфликты, 1918–1939. М., 2009. С. 168–182.

¹⁵ Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945) / Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009. С. 21.

согласится»¹⁶. Составитель другого секретного документа, директивы № 2304/2/37 польского Генштаба от 31 августа 1937 г.¹⁷, уже фантазировал «об уничтожении всякой России». Что же касается практических целей, то польская военная разведка намеревалась создать из эмигрантских элементов сепаратистские движения, которые способствовали бы отторжению от СССР Кавказа, Украины и Средней Азии¹⁸. В этой организационной работе, центром которой был Париж, акцент откровенно, без сомнения ставился на эмигрантском «националистическом радикализме», как говорится в секретном документе, «в стиле Пилсудского»¹⁹. Все это заставило Сталина и других советских руководителей глубоко задуматься о действительных намерениях польских политиков, вероятно, вспомнив при этом и о «разочарованиях» 1920 г.

Руководители балтийских стран, как и польские политики, находились в плену иллюзорной надежды на возможность балансировать между нацистской Германией и СССР, избегая при этом поглощения их стран великими державами. Однако *секретный протокол* к пакту Молотова-Риббентропа показал, что во время войны военно-стратегические интересы «переселят» все остальные соображения²⁰. Пакт, содержащий в себе перспективу аннексии Прибалтики, стал актуальным поздней весной 1940 г. потому, что радикально изменилось военное положение. После Норвегии и Дании нацистская Германия готовилась расправиться с Францией. В изменившихся стратегических условиях СССР продвинул свои границы практически до Германии. В русле этих соображений в июне 1941 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) И Совета

¹⁶ Там же. 218.

¹⁷ Там же. 201 и далее.

¹⁸ Там же. 204-205.

¹⁹ Там же. 208, 213, 215.

²⁰ В советские времена секретный протокол никогда не упоминался, отрицалось даже само его существование. В конце 80-х гг. будущий известный «разоблачитель» Д. Волкогонов (начальник Главного политического управления СА и ВМФ) во время своего пребывания в Будапеште в присутствии автора этих строк опровергал существование тайного протокола, хотя к тому времени мы уже цитировали его в нашей биографии Сталина, ведь текст протокола давно циркулировал в различных западных изданиях. Академик Ранки рассказывал, что подпись Молотова на копии пакта, хранившейся в Германии, была подлинной, аутентичной.

Народных Комиссаров («О мерах по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветских и социально-опасных элементов») началась депортация тех групп населения, которые потенциально могли усилить лагерь антисоветских сил или возглавить его. Постановление, выработанное в спешке в НКВД, первоначально относилось лишь к Литве, а позже, в последний момент, в него от руки вписали Эстонию и Литву. Нужно отметить, что в Прибалтике социальные группы частных собственников, связанные с капиталистическим строем, не просто служили базой своих правительств, но видели в нацистской Германии союзника, который мог гарантировать сохранение капитализма в противовес советской системе государственного социализма²¹. (Другой вопрос, что быстрая «советизация» Прибалтики и связанные с ней депортации поставили на сторону немцев и такие группы общества, которые в другом случае, вероятно, могли бы остаться нейтральными). Почти одновременно с нападением нацистов на СССР в крупных городах Литвы, а затем и в Латвии и Эстонии начались совершавшиеся местными «активными национальными силами» кровавые антикоммунистические и антисемитские расправы, которые влились в организованный немцами процесс Холокоста и о которых позже, уже «видя достигнутые результаты», с большим признанием доносил в Берлин даже командир айнзатцгруппы «А»²².

О КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Проблему оценки пакта и секретного протокола необходимо отделить от оценки германо-советского договора о дружбе 28 сен-

²¹ Дюков А.П. «Пакт Молотова-Риббентропа». Р. 29-31, 47-52. *Ильмарв М.* Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности. — Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 276.

²² См.: Донесение командира айнзатцгруппы «А» бригаденфюрера СС Ф. Шталеккера о деятельности группы в оккупированных областях Прибалтики и Белоруссии (Не ранее 31 октября 1941 г.). — Прибалтика. Под знаком свастики (1941–1945) // Сборник документов. М.: Объединенная редакция МВД России. Ассоциация «Военная книга», 2009. Положению в Литве и Латвии Шталеккер противопоставил ситуацию в Белоруссии, где «население не готово ни к каким погромам» (С. 160-163).

тября 1939 г. При оценке пакта мы не последовали старой идеологической привычке к «морализированию» и искали и приводили рационально-исторические соображения, в то же время договор о «дружбе» во время войны запятнал грязью поведение советского руководства. Конечно, упоминания о «дружбе» в сталинской дипломатии служили ничему иному, как желанию успокоить немцев относительно того, что СССР будет соблюдать предписания договора о ненападении. И все же, несмотря на это, договор о «дружбе», приведя к прекращению антифашистской пропаганды, оказал катастрофическое влияние на обороноспособность СССР, на все международное рабочее движение и антифашистское общественное мнение. Этот договор до сих пор служит идеологическим средством для тех, кто пытается вывести проблематику советско-германского сотрудничества далеко за первоначальные рамки, преследую цель, о которой упоминалось выше. Консенсусным мерилом оценки германо-советского договора о ненападении может служить уже упомянутое выступление Черчилля по радио, в котором он охарактеризовал пакт и его последствия следующим образом: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть»²³. Да, 30-е годы были временем, когда реальные или мнимые интересы столкнувшихся друг с другом националистических государств, как мы видели это на примере Польши, балтийских стран или мюнхенской политики, оказались сильнее всех разумных расчетов и иных соображений, негативно отразившись в итоге на судьбе самих этих государств. На самом деле в 1939 г. «холодная политика собственных интересов» уже не могла никого удивить. В Европе к тому времени не было ни одного государства, готового к самоограничению. Напав 22 июня 1941 г. на СССР, нацистская Германия сама разорвала пакт о ненападении. Таким об-

²³ Churchill, Winston. The Second World War. Vol. II. London: Paperback, 1948. P. 42.

разом, стремление задним числом представить пакт в качестве документа какого-то стратегического союза, «логично» следующего из природы «тоталитарных диктатур», является не более, чем простой фальсификацией истории, деградацией исторической науки до уровня «памфлетописания», превращением исторической науки в игрушку современной политики. Служение политике памяти со стороны историков огромная ответственность, поэтому лучше служить исканию истины и собственной совести.

ОТОЖДЕСТВИМА ЛИ НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ С СССР?

ИЛИ КАК ПЕРЕПИСЫВАЮТ ИСТОРИЮ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ПРЕДСТАВИТЕЛИ МЕЙНСТРИМА
ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ?*

Обзор полного историографического спектра по данной тематике невозможен в пределах одной статьи, поэтому в центре настоящей работы стоит один вопрос и один автор, которые позволяют показать систему воззрений и метод, в значительной степени пронизывающие уже и учебники для средних и начальных школ. В Венгрии уже почти десятилетие продолжается широкая дискуссия, которая была вызвана появлением сборника документов, составленного мной совместно с Евой Марией Варгой. Этот сборник был составлен нами при поддержке наших замечательных российских коллег-архивистов на основе документов из российских архивов. Впервые в истории венгерской исторической науки опубликованы переведенные на венгерский язык советские документы, отражающие зверства венгерских оккупационных частей и их участие в нацистском геноциде с лета 1941 по лето 1944 года. По случаю выхода в свет упомянутого сборника мы опубликовали важнейшие элементы нашей позиции и на русском языке¹.

МЕТОД И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В методологическом плане наследницей прежнего, вульгарно-марксистского объяснения истории стала зародившаяся в раннюю

* Первая публикация — 2020.

¹ См.: *Krausz, T.; Varga, É.M.* Egy könyvrecenzió — tizenkét csúsztatás (Одна книжная рецензия — двенадцать ошибок) // *Történelmi Szemle*. № 2 (2013). О. 325-340.

эпоху холодной войны т.н. теория тоталитаризма, основанная на гипотезе отождествления нацизма (фашизма) и «коммунизма». Ныне эта представляющая мейнстрим идейная конструкция является универсальной отмычкой, которая, казалось бы, открывает все двери. На самом же деле она сковывает научное мышление и замыкает границы теоретического анализа: если и в нацистской Германии, и в СССР существовали однопартийная система и диктатура, значит они отождествимы, Гитлер тождественен Сталину, а нацистский фашизм коммунизму.

В Венгрии одним из наиболее эффективных представителей этой концепции является Кристиан Унгвари. Именно он опубликовал наиболее эмоциональную критику на наш сборник документов в главном венгерском историческом журнале «Századok»², которая написана в духе упомянутой выше «теоретической» концепции.

Конечно, попытки подвергнуть ревизии военную роль нацизма и нацистской Германии и историю Великой Отечественной войны делаются не только в венгерской исторической науке. Начало «пересмотра», отправные точки современного ревизионистского подхода к истории необходимо искать еще во временах, предшествовавших смене режима в 1989–1991 гг. Происхождение и один из главных потоков этого отравленного духовного источника в исторической науке могут быть связаны с появлением в 1980-х гг. новых правых в Европе, прежде всего с поворотом, осуществленным Эрнстом Нольте, имя которого получило широкую известность в ходе так называемого «спора историков» в Германии. Немецкий историк совершил этот поворот, не скрывая своей цели, состоявшей в том, чтобы подвергнуть ревизии традиционную антифашистскую историческую и политическую позицию относительно исторической роли нацизма в духе «антимодернистского», обращенного к прошлому, своеобразного «христианского консерватизма» и выступить в «защиту немцев» против «дискриминационного поведения левых». Известный венгерский историк Миклош Сабо, скончавшийся в 2000 г., очень точно охарактеризовал поворот Нольте³ в связи с

² См.: № 1 (2014).

³ В своей замечательной работе (см.: *Nolte, E. Der Faschismus in seiner Epoche. Action française — Italienischer Faschismus — Nationalsozialismus.* München: Piper, 1963), Нольте одним из первых изо-

перепиской между Нольте и Ф. Фюре⁴: «Нольте является последователем Хайдеггера. Этот идейный посыл приводит его в лагерь салонных неонацистов»⁵. Возвратившись к логике холодной войны, Нольте также занялся изучением *тоталитаризма* и как бы «подключил» историю социализма к истории фашизма, связал нацистский фашизм с большевизмом на «причинно-следственной основе»⁶, будто бы первый был ответом на второй. Частью рассуждений Нольте стала его попытка придать рациональный характер истории гитлеровского антисемитизма, как будто его настоящей движущей силой следует считать «еврейский мессианизм»⁷. В своем ответном письме Ф. Фюре решительно отверг хитроумную «концепцию холокоста» Нольте, которая в определенном «рациональном» измерении завуалированно возвращает в науку гитлеристский топос «всемирного еврейского заговора»⁸. Тем не менее за последние четверть века эта концепция, далеко выйдя за пределы научной дискуссии, стала во многих странах Восточной Европы составной частью национально-государственной, властно-политической легитимации. В Венгрии дело дошло до того, что ныне в Венгрии официально героизируют и самого Хорти и хортистскую армию виновную в геноциде. В конечном итоге суть ревизии, идущей и в исторической науке, в том, что значительная часть ответственности за войну меж-

бразил и проанализировал характерные черты и причины нацистской войны на уничтожение, в нашу задачу не входит размышление о мотивах осуществленного им позже поворота.

⁴ Kende, P. Fasizmus és kommunizmus: François Furet és Ernst Nolte levélváltása I. (Фашизм и коммунизм: переписка Франсуа Фурета и Эрнста Нольте I) // Világosság. Vol. 41. № 3 (2000). О. 10-26.

⁵ Szabó, M. A “helyzethiány” ellenforradalma (Контрреволюция «нехваткой ситуации») // Világosság. Vol. 41. № 4 (2000). О. 55.

⁶ Это было решительно отвергнуто даже Ф. Фюре, который в целом с большим пониманием относился к Нольте из-за якобы «дискриминационного отношения» к нему левых. В своем ответе Фюре однозначно сформулировал свое мнение: «...придавая первенству большевизма во времени не только хронологическое, но и причинное значение, Вы подставляете себя под обвинение в намерении обелить нацизм». См. Kende (2000). О. 16.

⁷ См.: Письмо Нольте Фюре, Берлин 20 февраля 1996 г. — Kende (2000). О. 11-13.

⁸ См. Письмо Фюре Нольте — Kende (2000). О. 21-25.

ду СССР и нацистской Германией возлагается на Советский Союз, главную жертву нацистского нападения⁹. Тот же самый историк в феврале текущего года организовал по случаю 75-ой годовщины не освобождения Будапешта, а так называемого прорыва Вермахта и Ваффен-СС с венгерскими немцами, фотовыставку и туристический поход в будайские горы в память о жертвах войны. Как будто все погибшие были одинаковыми жертвами независимо от того, по какой причине умерли¹⁰.

Идеологическим цементом подобных взглядов является теория тоталитаризма, которой так охотно пользуется и наш критик¹¹. Этот идеологический монстр, открывает путь самым абсурдным фантазиям, делает возможными самые невероятные упрощения. Кристиан Унгвари, известный исследователь по тематике второй мировой войны¹², утверждает, что СССР и Красная армия практи-

⁹ Унгвари делал такие попытки и в своих прежних работах, на которые я реагировал в полемической статье. См.: *Krausz, T. Jaj a győzőknek? (Горе победителям?) // Vítás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében (Спорные вопросы истории СССР и Восточной Европы XX века) // Ruszisztikai Könyvek XXXIII / Szerk. T. Krausz. Budapest: Russica Pannonica, 2011. O. 100-121.*

¹⁰ Унгвари — любимец либеральных СМИ — на «праздник» выпустил специальную книгу в духе героизации офицеров Бермахта принимающих участие в штурме Будапешта. См.: *Ungváry, K. Hősök? — A budapesti csata német katonai elitje (Герои? Немецкая военная элита будапештской битвы). Budapest: Jaffa Kiadó, 2019. 352 o.*

¹¹ Историко-теоретическое и историографическое изложение данной промлемы, см.: *Gleason, A. Totalitarianism: The Inner History of the Cold War. New York - Oxford: Oxford University Press, 1995. 320 p.; Bartha, E. Sztálinizmus és terror: régi és új irányzatok az angolszász historiográfiában. (Stalinism and Terror: Old and New Perspectives in the Anglo-Saxon Historiography) // Gulag. A szovjet táborrendszer története (ГУЛАГ. История советской лагерной системы) / Szerk. T. Krausz. Budapest: Pannonica, 2001. O. 62-83; Bartha, E. Történetírás és ideológia: a totalitarizmusról folytatott vita (Историческая наука и идеология: дискуссия о тоталитаризме) // Múltunk. № 3 (2013). O. 6-38. Описание содержания аналогии между двумя режимами, см.: *Ormos, M.; Krausz, T. Hitler — Sztálin (Гитлер — Сталин). Budapest: Pannonica, 1999. 324 o.**

¹² На Унгвари уже обратили внимание и в Германии в связи с одной из его книг, опубликованной на немецком языке, в которой он пытается

чески защищали такое же неправо дело, как и Вермахт и СС. Для построения такой исторической концепции Унгвари необходима своеобразная методология, *метод самовольного, рефлекторного освещения*. Уже в 1980-х гг. некоторые немецкие историки как раз в полемике с Нольте указывали на то, что историку не следует пользоваться «методом рефлекторного освещения», то есть подходить к истории как к темной пещере, в которую светят фонарем, задерживаясь на некоторых, вызывающих интерес предметах и хорошо освещая их, и в то же время не обращая внимание на другие факты, явления и предметы, которые считаются неважными. Не случайно упомянутый автор оставляет без объяснения даже и самый важный вопрос: как СССР, который до судьбоносной сталинградской битвы по существу воевал своими силами, без серьезной заграничной помощи, все же сумел победить Германию, изначально стоявшую на более высоком уровне технического развития. В нарратив Унгвари явно не вмещается проблематика, которой посвящен недавно выпущенный немецким историком сборник документов, непосредственно связанных со сталинградским сражением¹³. Сборник проливает свет на важные психологические факторы, помогающие понять, как Красная армия оказалась способна победить нацистов, и почему подавляющее большинство советского народа, несмотря на ужасные удары, нанесенные нацистами, а может быть отчасти как раз под влиянием этих ударов, в течение долгих лет упорно защищали СССР, свою родину или, согласно интерпретации Унгвари, все произошло под давлением сталинизма¹⁴. Здесь идет речь о старом восприятии истории совет-

подвести итоги хортистского режима. Однако в большом старании он провел параллель между холокостом и послевоенным выселением немцев, которая подверглась резкой критике даже в «Die Welt». См.: *Schmid, T. Erzwingen Armut und Hinterwäldlertum Judenhass? // Die Welt 28.10.2013 [portal]. — http://www.welt.de/kultur/article121262464/Erzwin_gen-Armut-und-Hinterwaeldlertum-Judenhass.html (mode of access: 19.04. 2020).*

¹³ *Hellbeck, J. Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt am Main: Fischer Verlag GmbH, 2012. 608 S.*

¹⁴ В книге Й. Хелльбека все это показано в свете источников, замалчивавшихся в течение десятилетий. На смену прежней советской «необратимой» героизации пришла новая дегероизация, новое сокрытие: умол-

скими историками, только вывернутом наизнанку... Изучение источников показывает, что тезис о «неограниченном применении насилия против собственных солдат» не выдерживает критики¹⁵. В свете документов, опубликованных немецким историком, выяснилось и то, что редкий коммунист не сражался в первых рядах, и солдаты считали такие случаи позорными. Авторитет и интегрирующий потенциал коммунистов иллюстрируется тем фактом, что, несмотря на диктатуру, или, быть может, отчасти как раз благодаря ей, к августу-октябрю 1942 г. на сталинградском фронте число членов партии увеличилось с 28 500 до 53 500 человек. Защита отечества стала всенародным убеждением, причем для многих независимо от Сталина и коммунистической партии.

Тривиально звучит, но Унгвари просто не принимает во внимание, что у нацизма нет истории вне «криминальности», а у СССР есть, и это вряд ли нужно специально подтверждать, например, общеизвестными фактами достижений советской культуры. Таким образом, Унгвари переосмысливает историю II мировой войны, прежде всего «великой войны России»¹⁶ в соответствии со своими здесь показанными идеологическими и методологически-

чение о единении или по крайней мере примирении широких слоев общества с коммунистической партией (и Сталиным), важнейшей организаторской роли коммунистической партии в достижении победы.

¹⁵ В первый период войны особые отделы НКВД арестовали в действующей армии 80 583 человек. Этих мер оказалось недостаточно для предотвращения самовольных отступлений. Вследствие этого в июле 1942 г. наркомат обороны СССР издал известный одиозный приказ № 227, предписывавший формирование так называемых «заградительных отрядов» для борьбы с бегством военнослужащих с поля боя. В 62-й армии 13–15 и 17–18 сентября было расстреляно всего 27 дезертиров. «В критической ситуации заградотряды сами вступали в бой с немцами. Однако никому из исследователей пока еще не удалось найти в архивах ни одного документа, который подтверждал бы, что заградительные отряды стреляли по своим войскам». См.: *Христофоров В.С.* Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М.: Московские учебники и Картолитография, 2008. С. 89-92; *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 152-168.

¹⁶ *Вепт, А.* Россия в войне. 1941-1945. — http://www.oldru.com/rus_41_45/menu.htm (октябрь, 2020).

ми приоритетами. Идеологическая концепция «двух одинаковых диктатур» ликвидирует «абсолютное зло», которое воплощалось в нацизме. В этом нарративе очень популярен охотно цитируемый и Кристианом Унгвари тезис о «населении, оказавшемся между нацистским молотом и советской наковальней», который просто уравнивает немецкого нацистского агрессора, развязавшего геноцидную войну, с жертвой агрессии, Советским Союзом. Получается, что, как и пишет сам Унгвари, «отечественная война — это миф». Но если не было отечественной войны, тогда вся деятельность нацистской Германии, суть которой составлял геноцид, предстает совершенно в другом свете, открывается возможность не только для оправдания венгерских оккупационных войск, но даже и для пронацистских выводов¹⁷.

¹⁷ Конечно, и у красноармейцев вырвались на свободу такие инстинкты, желание мести, которые привели к массе бесчеловечных поступков и которые нельзя оправдать тем, что Красная армия вела справедливую войну против нацистской Германии. Такой трагедией, такой катастрофой было, например, участие множества красноармейцев (и солдат союзных армий) в половых насилиях над женщинами, распространившихся во время победной битвы за Берлин в конце апреля – начале мая 1945 г. или при освобождении Венгрии. По некоторым данным, эти насилия затронули десятки тысяч женщин. История этих ужасных событий долгое время оставалась неописанной, ведь ни одна из сторон не была заинтересована в привлечении внимания к истории этого явления, а тем более в ее написании. Одни боялись того, что изучение подобных вопросов замарает память об освободителях, затемнит справедливый характер Великой Отечественной войны, другие опасались усиления комплекса национальной неполноценности в Германии, а третьи — релятивизации зверств, совершенных Вермахтом и в целом немецкими вооруженными силами. Как мы видим, не без оснований. Однако замалчивание лишь увеличивает беду, аккумулирует причиненный историческими катаклизмами душевный шок у широких слоев общества. В наши дни вследствие политических соображений эти факты вместе со множеством других деликатных проблем служат материалом для тех, кто подвергает сомнению прогрессивную историческую роль Красной армии. Задачей историков является изучение находящихся в российских архивах дел совершивших преступления советских солдат (когда эти дела будут «рассекречены») и оценка судебных разбирательств, состоявшихся во время войны в связи с преступлениями, совершенными советскими солдатами. Венгерские и немецкие солдаты никогда не подвергались наказанию за подобные преступления.

ГЕНОЦИД

Унгвари признает существование *плана* геноцида, однако отрицает его реализацию «на практике», утверждая, что в действительности все «шло не совсем по плану»¹⁸. У Унгвари получается, что к геноциду «стремились планы» (именно так, безлично), существовало «намерение», но на практике все произошло несколько иначе. Он пишет о так называемом «геноциде», который был осуществлен не столько нацистами и их сообщниками, сколько скорее представителями «подлежавших уничтожению этнических групп», служившими нацистам, то есть русскими и людьми других национальностей... (с таким же успехом он мог бы с некоторым преувеличением сказать, что Освенцим эксплуатировали сами евреи!). Однако неразбериха лишь увеличивается по той причине, что Унгвари категорически *отрицает геноцид* в случае *венгерских* оккупационных войск.

Что же произошло на самом деле?

Как в нацистских планах, так и в техническо-стратегических приказах и в практической деятельности между уничтожением славян и евреев существовала *связь*, если бы я не боялся показаться циничным, я бы сказал, что между планом и практикой возникла гармония. Однако метод *рефлекторного освещения* не позволяет заметить связь между явлениями. Унгвари *hic et nunc* просто «позабыл» о плане Ост, в котором на одной и той же странице фигурировали данные о количестве подлежащих уничтожению славян и евреев. В действительности планы не только нельзя противопоставить практическим действиям, но даже можно утверждать, что после начальных трудностей нацисты значительно превысили предварительные предписания¹⁹. В этом отношении на фантазию

¹⁸ См.: Ungváry, K. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947 (Венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза. Архивные документы 1941–1947) // Századok. Vol. 147. № 6 (2013). O. 1561–1581.

¹⁹ См.: Vági, Z.; Kádár, G. Szláv népiptás Kelet-Európában (Славянский геноцид в Восточной Европе) // ELTE PPK Holokauszt és Társadalmi Konfliktusok Program (HTKP) [official website]. — http://htkp.org/index.php?option=com_content&task=view&id=32&Itemid=33 (mode of access: 19.04.2020). См. также: Пукер Г.; Хаффнер С. План «Ост»: как правильно поделить Россию. М.: Эксмо, 2011. 384 с.

Унгвари, применяющего метод рефлекторного освещения, уже и раньше, при написании касающейся данной темы книги, влияли следующие данные: некоторые генералы Вермахта по разным причинам, но, как признает Унгвари, не из соображений гуманности, воспротивились буквальному выполнению отдельных приказов, связанных с осуществлением геноцида, прежде всего приказа о комиссарах²⁰. Однако эти генеральские «протесты» в действительности не повлияли на осуществление геноцида и не внесли в него никаких изменений.

На самом деле приказ о комиссарах относился не только к комиссарам, как интерпретировал и интерпретирует его Унгвари. Когда Унгвари на основании одних лишь нацистских документов пишет о казни относительно небольшого числа комиссаров²¹, он забывает о том, что этот приказ предполагал и уничтожение еврейских военнопленных, а также в принципе всех солдат и офицеров, принадлежавших к коммунистам. Если не подчеркивать этого, то становится труднее понять, что нацистское военное руководство заранее наметило и сформулировало в конкретных приказах план геноцида, который и был осуществлен необычайно радикальным образом.

Израильский историк Арон Шнеер, проанализировав в очень интересной статье проблематику геноцида, также обратил внимание на *внутренний контекст* приказов нацистского руководства²², без которого нельзя понять гармонию между сознательным намерением, планом и практическим осуществлением геноцида. Сам «приказ о комиссарах»²³, разработанный на основании распоряжений Гитлера 5 мая 1941 г., подтвержденный 6 июня и затем разосланный командующим армиями, «был юридическим обоснованием уничтоже-

²⁰ См.: Ungváry, K. A magyar honvédség a második világháborúban (Венгерская армия во Второй мировой войне). Budapest: Osiris Kiadó, 2004. О. 73-74.

²¹ Там же. С. 70-71.

²² Этой проблеме посвящена первая глава книги Арона Шнеера. См.: Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. Иерусалим - М.: Мосты культуры, 2005. Гл. 1. Примеч. 18. — Jewniverse. <http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/index.htm> (19.04.2020).

²³ Der Kommissarbefehl 06.06.1941 // NS-Archiv. Dokumente zum Nationalsozialismus [website]. — <http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php> (19.04.2020).

ния советских евреев-военнопленных»²⁴. Следовательно, в этом приказе следует видеть проявление одного из главных направлений геноцида, в рамках которого ставилась и была осуществлена цель физического уничтожения возможных «физических» носителей коммунистического идеологического влияния. Между прочим, предвоенные нацистские приказы, директивы относительно террористических мер являются сильно идеологизированными документами, которые указывают на строгий контроль нацистов над Вермахтом²⁵. Согласно приказу о комиссарах, конкретное осуществление казней должно было быть результатом сотрудничества Вермахта и СС. Распоряжение Кейтеля от 13 мая, которое *предусматривало безнаказанность в случае военных преступлений против советского мирного населения (!)*, особенно расширила роль Вермахта в холокосте и в геноциде в целом. При чтении антикоммунистических и антикомиссарских пунктов приказа о комиссарах неизбежно следует думать и о том, что в нацистской пропаганде и множестве приказов и директив отождествление «евреев и коммунистов», а также «евреев и комиссаров» было столь настойчивым, что солдаты и сами отождествляли их²⁶. Таким образом, антисемитский и антирусский геноцид слился с системой массовых убийств коммунистов, между ними не было разделительных границ. Все это было «синтезировано» в подписанной Гейдрихом директиве для высших руководителей частей СС и полиции, на оккупированных советских территориях. В 4-м пункте директивы, носившем название *Экзекуции*, были точно определены враги, подлежащие уничтожению. Их перечисление показывает истинное лицо геноцида: «Должны быть уничтожены все функционеры Коминтерна, как и все профессиональные коммунистические деятели; сотрудники высшего и среднего ранга, а также наиболее активные сотрудники низшего ранга в партии, Центральном комитете, обла-

²⁴ Шнеер (2005). Гл. 1. Примеч. 18.

²⁵ Преступные цели — преступные средства // Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Ред. С.Я. Бувенщиков. 2-е издание. М.: Политгиздат, 1968. С. 32.

²⁶ Это отождествление перешло и в документ, служивший инструкцией для венгерских оккупационных войск. См.: A folyó háború tapasztalatainak ismertetése. Partizánharcok (Изложение опыта текущей войны. Партизанские бои) // M. Kir. Honvéd Vezérkar főnöke 4. osztály. 10. sz. füzet. Budapest: Attila-Nyomda Rt., 1942. 67 o.

стных и районных комитетах; народные комиссары; евреи — члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т.п.)»²⁷. Так становилась полной и всеобщей практика геноцида, который Унгуари по каким-то причинам называет «так называемым геноцидом».

Верховное командование Вермахта и его генералов невозможно «очистить» от обвинения в руководстве осуществлением расового геноцида. Эта проблематика, эти попытки «отмыть негра» с давних пор освещаются немецкими историками, которые ведут объективные исследования. Здесь достаточно сослаться на фундаментальный труд известного историка, профессора Гейдельбергского университета, Кристиана Штрайта²⁸. Унгуари тоже охотно использует, цитирует данные немецкого коллеги, но вырывает цифры из контекста и замалчивает прекрасные выводы и научно обоснованную концепцию Штрайта ради своих крайних представлений, к конкретной критике которых я вернусь позже.

Понятно, что факт подчинения деятельности венгерских оккупационных войск немцам (включая, конечно, прежде всего Вермахт и СС!) предопределил основное направление этой деятельности. В своей опубликованной десять лет назад книге Кристиан Унгуари и сам правильно подчеркивал: «Руководство Вермахта и венгерской королевской армии не только знало о массовых казнях, но и должно было координировать их проведение. Военная администрация с самого начала принимала участие в организации преследований евреев, прежде всего введением для них особого отличительного знака и организацией гетто, а также принудительных работ. В этом приняли участие и венгерские части и венгерская оккупационная администрация»²⁹. «Прежде всего» они действительно занимались этим, но следует сразу добавить, что, как я уже подчеркнул выше, «кроме

²⁷ См.: Статистические данные // Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов / Под ред. И. Арад. Иерусалим: Яд ва-шем, 1991. С. 40.

²⁸ См.: *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...» // Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. И. Дьяконова / Предисл. и ред. И. Настенко. М: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009. 480 с.

²⁹ *Ungváry* (2004). О. 110.

этого» они приняли активное участие и в конечной фазе холокоста, в уничтожении евреев.

В своей уже неоднократно цитированной мной книге, посвященной истории венгерской армии, Унгвари и сам ссылался на эти события и на факты «так называемого геноцида». Например, он писал так: «На восточном фронте за происхождение и партизанскую деятельность или по подозрению в такой деятельности были казнены миллионы гражданских лиц»³⁰. Однако объективное освещение роли евреев не вписывается в его концепцию отождествления двух воюющих сторон. В то время как Вермахт и СС убивали их, в Красной армии сражались сотни тысяч еврейских военнослужащих, причем сражались с отчаянной храбростью на любых участках фронта, куда бы их ни посылали³¹. Среди советских военнопленных было много десятков тысяч лиц еврейской национальности, подавляющее большинство которых были убиты. (В живых остались практически только те, чья национальность не была установлена). Унгвари не придает значение тому, что подавляющее большинство евреев-красноармейцев отнюдь не случайно пожертвовали жизнью во имя антифашистской борьбы, которая, как известно, включала в себя и цель освобождения всей Европы. Эти солдаты, опять-таки вопреки представлениям нашего автора, несмотря на все свои страдания, сумели сделать выбор между сталинской и гитлеровской диктатурой... Эти вещи кажутся очевидными, однако венгерская (и не только венгерская, но и польская, украинская и т.д.) ревизионистская историческая наука неспособна понять и истолковать подобные «тонкие» различия. И это естественно, если целью историка становится ликвидация антифашистского нарратива и понятия отечественной войны и разницы между «хорошей и плохой стороной». Автор не замечает, не понимает, что он релятивизирует даже значение холокоста.

Кристиан Унгвари, как большинство венгерских историков, с помощью метода рефлекторного освещения как бы стирает с «картины» геноцида венгерские оккупационные войска, но не стирает с

³⁰ Там же. С. 106.

³¹ См. об этом подробно: *Арад И.* Они сражались за Родину. Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. Иерусалим - М.: Мосты культуры, 2011. 464 с.

нее румын, латвийцев, латышей и украинцев, только венгров. При такой аргументации вся проблематика геноцида вынимается из общего контекста войны, которую вели нацистская Германия и ее союзники, не связывается с характером и целями этой войны, а «хитроумно» рассматривается лишь как часть «партизанской войны», как будто эта война шла в некоем вакуумном пространстве³². Полемизирующий с нашим сборником Унгвари утверждает: «На тех территориях, где не велись военные действия, венгерские оккупанты не совершили массовых убийств, за исключением большей частью пассивного участия в холокосте»³³. Здесь опять-таки что ни слово, то фальшь. По имеющимся ныне данным, венгры совершили массовые убийства на 19 территориях СССР (общей площадью более пяти Венгрий), в сотнях или даже более тысячи населенных пунктов, деревнях и городах, на замерзжих реках и в обрывах, вблизи и вдали от линии фронта. Все равно, участвовали в этом солдаты Восточной или Западной оккупационной группы³⁴. Опубликованные в нашем сборнике источники и множество неопубликованных архивных документов, в том числе приказ № 10 венгерского генштаба, со всей очевидностью свидетельствуют о

³² Между тем Кристиан Унгвари когда-то знал, что венгры не вели войну отдельно от немцев: «...венгерские оккупационные силы находились в одинаковых с немцами условиях и по вопросам, касающимся населения и военнопленных, подчинялись одним и тем же командирам, подвергались влиянию одних и тех же вынуждающих обстоятельств...». См.: Ungváry (2004). О. 44, 46.

³³ Ungváry (2013).

³⁴ Молодой венгерский историк Акош Фориш на основе венгерских документов описал массовые убийства, совершенные отдельными частями Западной оккупационной группы в Гайсине и его окрестностях, активное участие этих частей в холокосте. См.: *Fóris, A. Holokauszt a Nyugati Megszálló Csoport területén. Az Államvédelmi Hatóság Ügyészi Kirendeltségének jelentései Pápa Nándor és társai ügyében, 1950. január 12* (Холокост на территории Западной оккупационной группы. Доклады Прокурорского отдела УГБ о деле Нандор Папа и другие. 12.01.1950) // *Eszmélet*, 101. sz. 2014. tavasz [website]. — <http://www.eszmelet.hu/foris-akos-holokauszt-a-nyugati-megszallo-csoport-terulet-en> (19.04.2020). О венгерской армии на территории СССР см. также книгу фотографий: *A doni fotós / Ред. и составитель Балинт Мезеи. Будапешт: 2015.*

массовых убийствах советских граждан еврейской национальности, о передаче этих граждан немцам и о выполнении венграми охранных и иных задач, сопровождавшихся совершением убийств. Унгвари не обратил внимания на то, что, как свидетельствуют некоторые документы из Исторического архива служб государственной безопасности Венгрии, опубликованные в приложении к нашему сборнику, венгерские военнослужащие и сами рассказывали о своем очень даже активном участии в холокосте. Иначе говоря, некоторые военнослужащие прямо гордились своей ролью в уничтожении евреев и разрушении советских сел. На это *активное участие* ссылался и я в предисловии к нашему сборнику, процитировав опубликованные в нем и другие документы³⁵.

Таким образом, осуществленный нацистами геноцид был делом рук не только немцев, но и румын, венгров, финнов, латышей, украинцев и т.д.

В исследованиях Унгвари нет ясных понятий, поэтому его нарратив распадается на куски. Он не определяет понятия геноцида в его исторической конкретности, зато именно этому вопросу посвящена ясная, хорошо написанная статья русиста Акоша Силади, и опубликованная именно в связи с дискуссией о нашем сборнике в газете «Élet és Irodalom». Автор этой статьи точно контекстуализирует понятие нацистского геноцида, орудиями которого стали и венгерские оккупационные войска: «...в тотальной войне нацистской Германии геноцид был не побочным явлением, а геноцид за линией фронта или в тылу являлся не второстепенным театром военных действий, а характерной, сущностной отличительной чертой этой войны и ее важнейшим фронтом, поскольку военной целью нацистской Германии была *расовая колонизация* (“германизация”, “ариезация”) всего мира, включая полное или частичное уничтожение, выселение или использование рабского труда расово «неполноценных» этнических групп, проживающих на завоеванных или подлежащих завоеванию территорий... В этой войне, как это

³⁵ Вопреки тому, что утверждает, например, и ведущий венгерский историк, академик Игнац Ромшич, венгерские оккупационные войска совершали массовые убийства и участвовали в холокосте и на тех территориях, где о партизанской войне не было и речи (напр., в Гайсине и его окрестностях).

видно не только из практических действий, но и из выраженных в приказах намерений, были ликвидированы все различия, правовые разграничения современного европейского военного права... даже чисто военные результаты, успешные военные маневры непосредственно способствовали реализации плана всемирного геноцида нацистского «преступного государства»³⁶. Таким образом, в этом контексте должна рассматриваться вся деятельность венгерских (и других) оккупационных войск в 1941–1945 гг.

Основные расистские цели нацистского геноцида, уничтожение евреев, ликвидация всех «подозреваемых» в партизанской деятельности, в том числе женщин и детей, а также взятие заложников и массовые казни мирного населения в целях устрашения и т.д., были сформулированы лишь в апреле 1942 г. в директиве № 10 венгерского генштаба (начальник генштаба: Ференц Сомбатхей)³⁷. Однако Унгары по неизвестным причинам просто умалчивает об этих частях директивы № 10.

Итак, в отличие от немцев, венгры прибыли на советскую землю не с целью осуществления геноцида, но во всяком случае вступили под руководством Хорти в геноцидную войну на стороне нацистов и в подчинении Вермахту и СС, в результате чего неизбежно были вовлечены и в осуществление геноцида. Все это яснее ясного подтверждается документами из российских архивов.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

В подходе Унгары также чувствуется та «традиция», о которой пишет немецкий историк Д. Стратиевский: в Германии в течение десятилетий после войны в памяти общества вовсе не существовало понятия «советский военнопленный», а если и существовало, то ассоциировалось именно с германскими солдатами в советском плену. Советские военнопленные были лишены «статуса принудительного рабочего» и это положение практически не изменилось до

³⁶ *Szilágyi, Á.* Hideg évek. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban (Холодные годы. Венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза) // *Élet és Irodalom*. Vol. LVII. № 12 (2013). (22.03.2013). — <https://www.es.hu/cikk/2013-03-22/szilagy-akos/hideg-evек.html> (19.04.2020).

³⁷ См.: *A folyó háború tapasztalatainak ismertetése...* (1942). 67 о.

сих пор³⁸. (Бывшие военнопленные даже не получили компенсации). Нацистское военное руководство всегда старалось законспирировать вопрос о военнопленных, поскольку понимало, что как по расовым, так и по политическим причинам осуществление геноцида среди военнопленных «неизбежно». Мы уже затрагивали эту проблему при рассмотрении приказа о комиссарах. Однако следует еще указать на то, что в Вермахте, помимо оперативного приказа № 8 от 17 июля 1941 г., подписанного группенфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом, в оперативном приказе №14 от 30 октября 1941 г. отдавалось распоряжение «подвергнуть чистке» всех советских граждан, находящихся в лагерях для военнопленных и пересыльных лагерях в тыловых армейских районах, причем «все распоряжения, касающиеся деятельности оперативных групп, должны сохраняться в тайне, долг... заключается в немедленном уничтожении при малейшей опасности как Оперативных приказов № 8 и № 14, так и полученных дополнительных указаний». Это, между прочим, развеивает легенду о том, что генералы Вермахта, не говоря о рядовых солдатах, не участвовали в массовых убийствах, в осуществлении холокоста и геноцида в целом³⁹. Унгвари отвлекается от конкретного содержания нацистских приказов и исходит из *нацистской пропаганды*⁴⁰, согласно которой причиной «плохого обращения» с военнопленными (и партизанами) было то, что СССР не подписал Женевскую конвенцию. Унгвари это кажется достаточным объясне-

³⁸ См.: *Sztratiyevszkij, D.* A szovjet hadifogoly alakja a német társadalmi emlékezetben és Németország historiográfiájában. Társadalmi és politikai szempontok (Образ советского военнопленного в исторической памяти немецкого общества и в историографии ФРГ. Общественный и политический аспект) // *Háború és nemzeti önismeret: 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót (Война и национальное самопознание: 70 лет тому назад нападала нацистская Германия СССР)* // *Ruszisztikai Könyvek XXXII / Szerk. E. Bartha, T. Krausz.* Budapest: Russica Pannonicana, 2011. O. 165, 171-172.

³⁹ См.: *Штрайт* (2009). С. 11-12, 91-92; *Шнеер* (2005). 623 с.

⁴⁰ Его аргументация практически совпадает с аргументацией Петера Сабо в журнале «Történelmi Szemle». См.: *Szabó, P.* A magyar királyi honvédség és a tudatos népirtás vádja (Венгерская королевская армия и обвинение в сознательном геноциде) // *Történelmi Szemle.* № 2 (2013). O. 307-323. Об этом см. также нашу ответную статью: *Krausz; Varga* (2013).

нием: если бы СССР подписало эту конвенцию, никаких ужасов не было бы. Он не задумывается над значением того факта, что нацисты по каким-то причинам все же считали нужным скрывать «чистки» среди военнопленных.

Даже и в России часто «неверно понимают» и неверно объясняют связь между Женевской конвенцией и судьбой советских военнопленных. Точный и популярный обзор этой проблемы был сделан в интернет-журнале «Скепсис»⁴¹. В серьезной специальной исторической литературе в свете документов однозначно выявлено, что для самооправдания и оправдания нацистского военного руководства нацистские вожди придумали аргумент, согласно которому, поскольку Сталин не подписал Женевскую конвенцию 1929 г., ее положения не относятся к советским военнопленным различных национальностей, которые поэтому могут быть ликвидированы. Множество нацистских документов свидетельствует о том, что неподписание конвенции часто использовалось для оправдания уничтожения советских военнопленных, причем — внимание! — уже задолго до начала войны (и, конечно, в течение всей войны). Нацисты, Вермахт и их современные обелители или авторы, просто ослепленные антисоветизмом, никогда не цитировали и не цитируют статью 82 Женевской конвенции, с которой можно ознакомиться на многих сайтах интернета на французском, английском, русском или немецком языке. Это и понятно, ведь в этом документе однозначно говорится: «Положения настоящей конвенции должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах. Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее, положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших»⁴². Унгвари, как и российский историк Кирилл Алек-

⁴¹ Тягур М. Советские военнопленные и Женевская конвенция. Запоздавшее, но необходимое возражение Кириллу Александрову // Скепсис (апрель, 2013). — http://sceptis.net/library/id_3447.html (19.04.2020).

⁴² Art. 82. The provisions of the present Convention shall be respected by the High Contracting Parties in all circumstances. “In time of war if one of the belligerents is not a party to the Convention, its provisions shall, nevertheless, remain binding as between the belligerents who are parties thereto”. Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929. См.: Treaties, States Parties and Commentaries // International

сандров и другие авторы, быть может, бессознательно, искажают этот текст, создавая впечатление, что конвенция относилась только к гражданам подписавших ее стран. Как ни странно, наш военный историк, К. Унгвари не знает о том, что в начале войны советская сторона пыталась достигнуть соглашения именно по вопросу о военнопленных. Между тем и ему во всяком случае следовало бы знать о двух фактах.

- 1) В конце июня - начале июля 1941 г. в течение около двух недель велись переговоры о том, что СССР присоединится и к Женевской конвенции 1929 г. 27 июня 1941 г. нарком иностранных дел Молотов вступил в контакт с председателем Международного Комитета Красного Креста М. Губером по вопросу об обмене списками военнопленных⁴³.
- 2) 17 июля 1941 г. советское правительство обратилось к Германии с нотой, в которой выразило готовность присоединиться к Гаагской конвенции 1907 г. при условии взаимности. В июле 1941 г. был подготовлен проект постановления Президиума Верховного Совета СССР⁴⁴, в котором было зафиксировано, что советское

Committee of the Red Cross [official website]. — <http://www.icrc.org/ihl/szd68d14de> (19.04.2020); *Иванов Д.* Повлияло ли неподписание СССР Женевской конвенции на участь советских военнопленных? // История Государства. 21.10.2009. — <http://statehistory.ru/36/Povliyalo-li-nepodpisanie-SSSR-Zhenevskoy-konventsii-na-uchast-sovetskichk-voennoplennykh/> (19.04.2020).

⁴³ См.: *Конасов В.Б.* Международный Комитет Красного Креста — Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952) // Исторический очерк документов. М.: Издат. центр Волог. ин-та развития образования, 1999. С. 5-33; *Varga, É.M.* Magyarok szovjet hadifogságban (1941–1956) az országos levéltári források tükrében (Венгерские военнопленные в Советском Союзе [1941–1956] в свете российских архивных источников) // *Rusztisztikai Könyvek XXIII.* Budapest: Russica Pannonicana, 2010. О. 71-72, 78-80.

⁴⁴ Проект постановления находится в архиве. См.: ГАРФ. Ф. Р-9501. Оп. 5. Д. 62. Л. 81-82 // Русский архив. Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. 1941–1955 гг. Книга первая Т. 24 (13–2). 1999. С. 17-18.

государство готово соблюдать во время войны Гаагскую и Женевскую конвенцию при условии взаимности, однако это постановление не вступило в силу. Предположительно потому, что в посланной в ответ ноте от 25 августа 1941 г. немецкое правительство отклонило эту советскую инициативу⁴⁵.

В своей процитированной нами работе Унгвари, объясняя политику немцев, ссылается на своеобразно истолкованное *военное право*. При этом он «забывает» упомянуть о том, что нацистские вожди цинично не желали соблюдать «военного права» уже тогда, когда только готовились к войне. Но ведь все эти факты и документы, были известны уже во время Нюрнбергского процесса! Известное десяти томное англоязычное издание «Nazi Conspiracy and Aggression», содержащее английский перевод документов, собранных к Нюрнбергскому процессу, протоколов допросов и данных под присягой показаний, вышло в свет в 1946 г. Здесь нас интересует то, о чем позабыл Унгвари. Речь идет о сделанном в ходе Нюрнбергского процесса (22 ноября 1945 г.) заявлении начальника штаба Верховного командования сухопутных войск генерала Франца Гальдера, в котором он процитировал слова Гитлера, прозвучавшие в начале марта 1941 г.: «...комиссары должны быть ликвидированы. Немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены. Россия не участвовала в Гаагской конвенции и поэтому не имеет никаких прав, вытекающих из нее»⁴⁶.

Такое поведение характеризовало установку руководства Вермахта в течение всей войны, и те возражения, о которых так серьезно пишет Унгвари, в крайнем случае дополняют общую картину новыми красками, но в свое время эти возражения не принад-

⁴⁵ Ср.: Krausz; Varga (2013). О. 330; Varga E.M., Krays T. Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза // Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2013. С. 285-312.

⁴⁶ Nazi Conspiracy and Aggression / Ed. by Office of the United States Chief of Counsel for Prosecution of Axis Criminality. Nuremberg, Germany (1945–1946). Vol. I–VIII. Washington: U.S. Government Printing Office, 1946. Vol. VIII. P. 645-646.

лежали к доминирующей линии обращения с военнопленными. В служебной записке министерства иностранных дел нацистской Германии от 29 мая 1944 г., в которой говорится о недействительности Женевской конвенции в отношении советских военнопленных, подчеркивалось, что советские военнопленные «занимают особое политическое положение»⁴⁷. В случае необходимости в это «особое положение» входили казни, морение голодом, вывоз на принудительные работы и принудительная вербовка в Вермахт, естественно, в качестве «пушечного мяса» (с немалым цинизмом именовавшиеся «добровольцами»).

Таким образом, Унгвари стремится поставить обращение советских военных властей с немецкими военнопленными на один уровень с отношением нацистов к советским военнопленным, пытаясь и в этом вопросе продемонстрировать свой излюбленный идеологический тезис о «тождественности двух тоталитарных диктатур». Снова приближаясь к границе абсурда, историк утверждает, что «в пропорциональном отношении в немецком плену погибло не намного больше советских военнослужащих, чем немецких военнослужащих в советском плену». Это утверждение само по себе является блефом, ведь, по мнению Унгвари, немцы потеряли 1,1 млн военнопленных, а СССР — более 3,5 млн. По «подсчетам» Унгвари, в советском плену погибло 34,9% немецких военнопленных, в то время как в немецком плену — минимум 53,5%, максимум 62,2% советских военнопленных. Видимо, и читатель чувствует, как свободно он обращается с цифрами... Я уж не говорю о том, что он опять-таки пользуется исключительно цифрами, заимствованными из немецкой исторической литературы, не упоминая о том, что между двумя сторонами поныне не существует консенсуса относительно количества военнопленных и погибших в плену⁴⁸. Ему неизвестно, что ведущиеся в данной области исследования ныне сильно продвинулись благодаря успешному сотрудничеству немецких и российских архивистов и историков.

На основании советских архивных источников количество иностранных военнопленных (Вермахта и его союзников, без

⁴⁷ Подробнее см.: *Тягу* (2013).

⁴⁸ Объем настоящей статьи не позволяет сослаться на обширную специальную литературу, хорошо знакомую российским специалистам по этой тематике, появившуюся в России за последние два десятилетия.

японцев) составляло около 3,5 млн человек, из которых в плену погибло 518 520 человек (15%)⁴⁹. Конечно, ученые пока не считают эти данные окончательными, но уже сейчас можно утверждать, что в немецком плену погибло в три раза больше советских военнопленных, чем иностранных военнопленных в советском плену. Согласно очередному надуманному, неточному со всех точек зрения утверждению Кристиана Унгвари, «погибло 90–95% немецких военнослужащих, попавших в советский плен в 1941–1942 гг., что по меньшей мере указывает на то, что обращение советской армии с военнопленными было бесчеловечным». Прежде всего, необычайно высокая доля смертности была характерна не для 1941–1942 гг., за время существования системы советских лагерей для военнопленных наибольшая доля смертности наблюдалась в 1943 г.⁵⁰ В случае немецких военнопленных самый высокий показатель смертности был зарегистрирован после сталинградской битвы, в начале 1943 г., однако главной причиной этого было прежде всего не советское руководство: масса страшно измученных, голодных, ослабевших немецких солдат погибла непосредственно после их взятия в плен. Кроме этого, мы, видимо, никогда не узнаем число тех солдат, которые не дошли даже до первого сборного пункта и умерли еще до попадания в плен и регистрации, прямо на занесенных снегом полях.

«Бесспорно, — пишет Унгвари, — что до начала 1942 г. нацистское руководство систематически и на основании издаваемых наверху приказов уничтожало советских военнопленных (как мы видели выше, нацистские руководители еще и в 1944 г. (!) оправдывали военные преступления против советских военнопленных!!! — Т. К.), да и позже обращалось с ними негуманно». (Sic! Абсурдный эвфемизм, как будто нацисты могли с кем-то обращаться гуманно. — Т. К.). «Бесспорно и то, — совершенно пра-

⁴⁹ В том числе количество попавших в плен военнослужащих немецкой армии составляло около 2,36 миллионов человек, из них погибло 381 067 человек. Местонахождение этого часто цитировавшегося источника. См.: Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2) / Под ред. В.А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1997. Ф. 1п, Оп. 32-6, Д. 2, Л. 8-9.

⁵⁰ Это относится и к смертности среди венгерских военнопленных. См.: *Varga* (2010). О. 183-188.

вильно продолжает здесь Унгвари, — что с советской стороны такой интенции не было»⁵¹. Однако Унгвари не придает этому утверждению особого значения, не делает из него никаких выводов, поскольку его целью является не признание этих фактов в соответствии с их истинной весомостью, а лишь «сближение» судьбы немецких и советских военнопленных посредством фокусов с «подсчетом процентных соотношений». Стараясь «сравнять» советские и немецкие потери военнопленных, Унгвари доходит до того, что оказывается не в состоянии объективно отнести даже к приведенным им самим данным.

В действительности отношение нацистов к советским военнопленным в течение почти всей войны характеризовалось, во-первых, геноцидом (массовым физическим уничтожением, принуждением к голодной смерти, уничтожением посредством эпидемий и т.д.), во-вторых, принуждением к непосильному, истощающему труду и, в-третьих, принудительной вербовкой в нацистские войска. Подход Унгвари является всего лишь естественным следствием его идеологического стремления поставить на один уровень, «уравновесить» агрессора и жертву агрессии в вопросе о военнопленных.

⁵¹ В то же время наш критик даже не упоминает о том, что компетентные советские органы издали множество как раз противоположных приказов и директив по вопросу о военнопленных. Например, после того, как в приказе Сталина от начала 1946 г. было сказано, что «ни один немецкий военнопленный не должен более умереть», один за другим появились приказы и директивы о сокращении смертности среди иностранных военнопленных. См.: *Böhme, K.W.* Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen im Zweiten Weltkrieg. Band VII / Hrsg. von E. Maschke. München: Verlag Ernst und Werner Gieseking, 1966. S. 109; *Streit, Ch.* Zum Schicksal der sowjetischen Kriegsgefangenen in deutscher Hand // *Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941–1995. Schriften der Paul-Kleinewefers-Stiftung 2* / Hrsg. von H.-A. Jacobsen, J. Löser, D. Proektor, S. Slutsch. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1995. S. 437-454; *Хавкин Б.Л.* Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. № 1 (2006). С. 3. — <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/5Chavkin06.pdf> (19.04.2020).

ПАРТИЗАНЫ

Отрицание геноцида в случае венгерских оккупационных войск, помимо прочего, основано на представлении, которое в дискуссии о нашем сборнике, состоявшейся в будапештском Институте военной истории (16 мая 2013 г.), было сформулировано академиком Игнацом Ромшичом, утверждавшим, что *«насильственные инциденты происходили только в тех местах, где шли партизанские бои»*. Таким образом, согласно такому представлению, причиной «насильственных инцидентов» (то есть геноцида) были партизаны. Так, проблема геноцида или, как выражаются наши партнеры по дискуссии, «насильственных инцидентов» не связывается с общим характером войны, развязанной нацистской Германией, а оценивается всего лишь как часть партизанской войны, борьбы против партизан. К сожалению, в последнее время по этому пути пошел и Кристиан Унгвари, так как в своей цитируемой нами работе он вырывает проблематику «партизанская война и венгры» из *всего* процесса войны в целом, как будто речь идет об обособленном во времени и пространстве ряде событий.

В рамках этого подхода Унгвари пытается объяснить, оправдать борьбу с партизанами *военным правом*, точнее, тем, что партизаны не соблюдали военное право, и поэтому их деятельность не может быть оправдана. (Унгвари не высказался по вопросу о французском, югославском и польском партизанском движении). Выше мы уже видели, что в действительности физическое уничтожение партизан, «подозреваемых в партизанской деятельности» и военнопленных, не говоря уж о евреях, было связано не с соблюдением или несоблюдением нацистами Гаагской и Женевской конвенции, а с *сознательным и неприкрытым отказом от соблюдения норм военного права уже до нападения на Советский Союз*. С первой и до последней минуты войны нацистское государство и его венгерские союзники нигде и никогда не соблюдали никаких норм военного права, поскольку это как в концептуальном, так и в практическом плане заранее исключалось *самим тотальным характером войны, осуществлением грабежей и геноцида*. Объяснение, опирающееся на «военное право», в конечном итоге может служить обелению Вермахта и его генерального штаба, ведь это объяснение было и главным тезисом Гиммлера и Геббельса, всей нацистской пропаганды.

С правовой точки зрения фактическая сторона дела такова. Первая проблема связана с интерпретацией Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг.⁵² Унгары прежде всего просто обходит вниманием то, что нацистская Германия, а несколькими днями позже и его венгерский союзник, хортистское государство, вопреки военному праву напали на СССР без всякого объявления войны, нарушив тем самым третью Гаагскую конвенцию 1907 г. об открытии военных действий, предписывавшую «мотивированное объявление войны»⁵³. В связи с вопросом о военнопленных мы уже показали, что в гитлеристских приказах, отданных еще до войны, — *expressis verbis* — уже содержался отказ от соблюдения военного права того времени. Таким образом, «нарратив» Унгары, в центре которого стоит нигилистическое отношение советских партизан к военному праву, не имеет никакого смысла. В Советском Союзе еще не было партизан, когда уже родился приказ об их уничтожении. Талантливый и великолепно знающий немецкий язык военный историк Унгары тут явно «позабыл» об уже упомянутом выше строго секретном распоряжении начальника Верховного командования Вермахта (OKW) генерала-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля от 13 мая 1941 г., в котором говорилось: «*Партизаны должны беспощадно уничтожаться войсками в бою или при попытке к бегству*». Но этого было недостаточно, Кейтель прямо обещал безнаказанность тем, кто совершит военные преступления против гражданского населения. В 1 пункте второй части распоряжения говорилось: «*За действия, совершенные личным составом Вермахта и обслуживающим персоналом в отношении вражеских гражданских лиц, не будет обязательного преследования даже в тех случаях, когда эти действия являются военным преступлением или служебным проступком*»⁵⁴. На Нюрнбергском процессе это распоряжение было одним из документов, свидетельствовавших о

⁵² Об этой проблематике мы с Евой Марией Варгой подробнее писали в полемике с Петером Сабо в статье: *Krausz, Varga* (2013). О. 325-340.

⁵³ См.: 1913. évi XLIII. Törvénycikk. III. Egyezmény az ellenségeskedések megkezdéséről (XLIII закон 1913 г. III. Конвенция о начале военных действий) // Wolters Kluwer [official website]. — <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=91300043.TV> (19.04.2020).

⁵⁴ Преступные цели... С. 31-33. Архивный шифр документов, опубликованного в этом сборнике, впервые вышедшем в свет в 1963 г. См.: ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 166. Л. 65-70.

совершении тяжелейших военных преступлений. В распоряжении Кейтеля от 13 мая 1941 г., изданном от имени фюрера, директива Гитлера о деятельности военных судов конкретизируется следующим образом: «...подозреваемые в преступлении элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Он решает, должны ли они быть расстреляны»⁵⁵. Едва месяцем позже Кейтель однозначно предписывает Вермахту дальнейшее расширение террора. 23 июля 1941 г. он, ссылаясь на приказ Гитлера, дал командирам Вермахта указание о применении неограниченного террора: «Имеющиеся для обеспечения безопасности в покоренных восточных областях войска ввиду обширности этого пространства будут достаточны лишь в том случае, если всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению»⁵⁶. Следовательно, необходимо отбить у населения даже «охоту» к сопротивлению, то есть под ярлыком «партизана» мог быть уничтожен любой советский гражданин, ведь «охота» могла скрываться в ком угодно. Кейтель и немецкое военное руководство до такой степени ясно понимали вопиющую преступность своих действий, что 27 июля 1941 г. генерал-фельдмаршал приказал уничтожить все экземпляры распоряжения от 13 мая 1941 г. о применении военной подсудности, но с оговоркой, что «исполнение данного распоряжения не затрагивается фактом уничтожения его письменных экземпляров». (Несмотря на это экземпляры распоряжения обнаружались в Нюрнберге)⁵⁷.

⁵⁵ Там же. На английском языке см.: Nazi Conspiracy and Aggression... Vol. III. P. 637-639 (N. D. 886-PS). Более короткий вариант, помеченный 14 мая 1941 г., сохранился в архиве группы армий «ЮГ». См.: Nazi Conspiracy and Aggression... Vol. VI. P. 872-875 (N. D. C-50). Как записал Борман, Гитлер, узнав о призыве Сталина к партизанской войне, в присутствии Бормана, Геринга, Кейтеля и других ораторствовал о том, что это имеет свои «преимущества», так как партизанская война «дает нам возможность искоренить все, что противостоит нам». См.: *Штрайт* (2009). С. 329.

⁵⁶ Преступные цели... С. 77; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 140; Nazi Conspiracy and Aggression... Vol. VI. P. 876 (N. D. C-52).

⁵⁷ См.: *Бордюгов Г.* Преступления Вермахта против гражданского населения // Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в

С сентября 1939 по май 1941 г. ни в одной военной кампании не ставилось знака равенства между евреями, партизанами и саботажниками. Однако на пороге войны с Советским Союзом в специальном распоряжении № 1 начальника Верховного командования Вермахта к директиве № 21 от 19 мая 1941 г. говорилось о том, что борьба с большевизмом «требует строгих и решительных мер против большевистских агитаторов, партизан, саботажников и евреев...»⁵⁸. Напомню, что в случае венгерских оккупационных войск этот подход нашел выражение лишь весной 1942 г. в приказе № 10 руководства генштаба. В полемике с другими оппонентами мы уже подчеркивали и то, что отказу от соблюдения норм военного права того времени был дан дальнейший стимул в особом приказе рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции Гимmlера от 31 июля 1942 г., в котором по психологическим причинам просто запрещалось употребление слова «партизан», вместо которого разрешалось употреблять слово «бандит»⁵⁹. После этого Кейтель, следуя директиве Гитлера, издал 16 декабря 1942 г. секретный приказ, в котором предоставил немецким солдатам право применять в борьбе с «бандитами» любые средства без ограничений, включая и ликвидацию женщин и детей! В этом приказе уже категорически заявлялось, что ни один немец не может быть привлечен к ответственности за свое поведение в бою против «бандитов и их сообщников»⁶⁰. Печально, что Унгвари, будучи отлично подготовленным исследователем, хорошо знакомым с историей

СССР, 1941–1944: Доклады / Под ред. Г. Горцика, К. Штанга. М.: АИРО, 2005. С. 41; Nazi Conspiracy and Aggression... Vol. VI. P. 875-876.

⁵⁸ Уничтожение евреев... «Статистические данные». С. 37.

⁵⁹ Публикация приказа: Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: Документальная экспозиция к 50-летию со дня нападения на Советский Союз / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин: Argon-Verlag GmbH, 1992. Документ № 89. В сентябре 1942 г. уже и венгерское военное руководство издало распоряжение о «борьбе с бандитами» и предупреждало о том, что следует избегать слова «партизан», которому придавалось положительное значение. См.: *Pálffy, L. Kiállításra termosz kávéval és szendvicsekkel* (На выставку с термосом кофе и бутербродами) // Magyar Nemzeti Digitális Archívum és Filmintézet. 14.02.2013 [website]. — <http://mandarchiv.hu/cikk/1546/Kiállításra termosz kávéval es szendvicsekkel> (19.04. 2020).

⁶⁰ Преступные цели... С. 132-133; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 96. Л. 86-87.

Вермахта и изучавший эти документы, просто обходит вниманием приведенные нами факты при создании своей концепции.

В интересах укрепления нацистской власти нацистское военное руководство старалось использовать для поимки и ликвидации партизан и «подозреваемых в партизанской деятельности» (евреев, саботажников и т.д.) местных врагов партизанского движения, которые по тем или иным причинам пошли на службу к нацистам. Этот менее исследованный «слой» войны обладал характерными для гражданской войны чертами, в которых, с одной стороны, проявлялось «наследие» некоторых прежних антисоветских движений, а с другой стороны, немецкие власти могли рассчитывать на поддержку предателей, «полицаев», выполнявших и палаческие функции, доносчиков, дезертиров, перешедших на сторону немцев офицеров и генералов вроде Каминского или генерала Власова. Унгвари затратил много старания, чтобы привести соответствующие данные и аргументы и выдвинуть на передний план явления *коллорационизма*⁶¹ и *предательства*, чтобы показать эти коррумпированные, морально развращенные нацистскими властями социальные группы «легитимными» противниками партизанского движения, патриотов, боровшихся за свободу антифашистов. Поскольку наш критик не сумел передать суть этого явления с помощью ясных понятий, я, учитывая ограниченный объем настоящей статьи, хотел бы ограничиться единственным замечанием, так как оба явления многоаспектны, многослойны. Границу между двумя противостоящими сторонами нельзя размыть ни на понятийном уровне, ни по содержанию. Придерживающиеся крайних взглядов историки, следуя привычной этнонационалистической мифологизации предателей и коллаборантов, часто изображают их «*третьей силой*» между нацистской Германией и Советским Союзом⁶². Так превращаются в героев Бандера и его единомышленники или

⁶¹ Коллорабанты — лица, сотрудничавшие с врагом из преданности идее, из-за стремления выжить или политических и социальных обид и т.д.

⁶² По этой тематике см., например: «Свершилось. Пришли немцы!» // Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. О.В. Будницкий. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. См. также: *Христофоров В.С.* Коллорабанционисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет великой Победы. В 6 т. Т. 4. Другое лицо войны. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 181-213.

члены отрядов СС. В этом отношении главным авторитетом является польско-немецкий историк-«ревизионист» Богдан Музиал, на которого ссылается и Унгвари, и который, ссылаясь на преступления, совершенные советскими партизанами, в моральном и политическом отношении смыкает границу между партизанами и охотниками на партизан⁶³. Как уже говорилось выше, вся концепция Унгвари, касающаяся объяснения уничтожения партизанского движения ссылкой на военное право, совершенно лишена достоверности. Конечно, несостоятельной оказалась не только его правовая, но и историческая аргументация, опирающаяся просто на подмену причины следствием: ведь в действительности причиной тотальной войны и массового кровопролития, военных преступлений были не партизаны, а сами оккупанты, государства и армии, инициировавшие тотальную, геноцидную войну.

В ходе одной из дискуссий эта проблема была точно сформулирована моим коллегой Шандором Сили, правильно указавшим на связь между антипартизанской борьбой и насилием против гражданского населения: «Венгерские охотники на партизан берегли собственную жизнь и вместо выполнения своих боевых задач охотнее прибегали к уничтожению беззащитного мирного населения, не желая рисковать своей жизнью в лесу в поисках вооруженных группировок. А перед военным руководством можно было отчитаться и о проведении операции по «устрашению»...»⁶⁴.

⁶³ См.: *Musial, B. Sowjetische Partisanen 1941–1944 // Mythos und Wirklichkeit. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2009. 592 S.; Sowjetische Partisanen in Weißrußland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranovici. Eine Dokumentation // Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Band 88 / Hrsg. von B. Musial. München: De Gruyter Oldenbourg, 2004. 271 S.* Унгвари относится к семье таких историков как немецко-польский Богдан Музиал, украинский Володимир Вятрович или американский Тимоти Снайдер. См. об интеллектуальном мире Снайдера: *Lazare, D. Timothy Snyder's Lies // Jacobin 09.09.2014 [website]. — <https://www.jacobinmag.com/2014/09/timothy-snyders-lies/> (19.04.2020).*

⁶⁴ Выступление Шандора Сили в ходе дискуссии о сборнике документов, организованной Центром русистики и венгерским отделением Венгерско-российской смешанной комиссии историков 11 апреля 2013 г.

ПРОЦЕССЫ ГЕНЕРАЛОВ

В различных дискуссиях и статьях многие наши военные историки стремятся дискредитировать ранее неизвестные документы процессов генералов, прежде всего черниговского процесса Золтана Алдя-Папа и его сообщников. В определенной степени это и понятно, ведь эти документы безусловно подрывают моральные и профессиональные основы современной героизации хортистской армии. Однако, с другой стороны, следует задуматься над тем, что в хорошо известном Унгвари кругу немецких историков такие процессуальные материалы считаются серьезными и достоверными документами, они публикуются на средства немецкого государства, в то время как в Венгрии процессы венгерских генералов, совершивших военные преступления, стараются представить сфабрированными. По словам Кристиана Унгвари, вызывает «подозрение», что главный обвиняемый черниговского процесса, генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап, признал факт геноцида и свою роль в нем, а также говорил о «фашистской политике Хорти», что со стороны венгерского генерала звучит не слишком искренно и достоверно и скорее отражает словоупотребление обвинителя.

Однако видеть в этом факте доказательство сфабрикованности или «сфальсифицированности» процесса означает, мягко говоря, впасть в тяжелое заблуждение и допустить профессиональную ошибку. Не задается вопрос, почему именно Золтан Алдя-Пап (и отчасти Захар) говорит на этом языке? Почему этот язык не употребляется другими генералами и офицерами, раз уж подозревается сфабрикованность процесса? Конечно, поведение Золтана Алдя-Папа можно оценивать по-разному. На основании презентистского, предрассудочного подхода трудно представить, что Алдя-Пап раскаялся и действительно «поменял веру». Зато генерал Марцел Штомм, известный всем военным историкам, с разочарованием и сожалением интерпретировал этот случай иначе, он не отрицал, что Алдя-Пап добровольно решил «перейти на сторону Советов»⁶⁵.

⁶⁵ См.: *Gróf Stomm, M. Emlékiratok [Воспоминания] // Magyar Hírlap Könyvek / Szerk. F. Gallyas, P. Bokor. Budapest: Pallas Lap- és Könyvkiadó, 1990. О. 148-149. Более подробную аргументацию относительно документов процессов генералов смотри в нашей совместной Евой Марией Варгой статье в журнале «Történelmi Szemle»: Krausz; Varga (2013). О. 334-336.*

Иначе говоря, Штомм знал, в данном случае было документально доказано совершение сотен тысяч преступлений, и сфабриковать что-либо не было никакой необходимости. С другой стороны, осужденные в рамках процесса Алдя-Папа, которые позже были освобождены и уже в 1955–1956 гг. вернулись в Венгрию, а затем большей частью эмигрировали, не оставили после себя ни одного документа, который свидетельствовал бы о физическом принуждении или сфабрикованности процесса. Обвинение представляло интересы жертв массовых убийств, а большинство обвиняемых, как это обычно бывает, старалось избежать ответственности⁶⁶. Унгвари не задает очевидного вопроса: возможно ли вообще, что на сфабрикованном процессе одни признают свою вину, а другие нет? Возможны ли противоречащие друг другу показания, которые основаны на отрицании преступлений? Какова пропагандистская ценность сфабрикованного процесса, на котором обвиняемые отрицают свою вину? И здесь полная путаница, функция которой ясна: компромитация документов, отражающих геноцид, желание избежать честной оценки национального прошлого, релятивизация четких границ между фашистскими и антифашистскими государствами, движениями и ценностями, выдвижение на передний план личных амбиций и политических интересов в противовес честному изучению фактов.

ВНИМАНИЕ, ФАЛЬСИФИКАЦИЯ!

«Тоталитаристское» идеологическое намерение непременно дискредитировать Сталина и Советский Союз при освещении любого вопроса, связанного с историей войны, иногда приводит к прямой фальсификации документов. Подобные фальсификации — как бы в виде инверсии сталинистской традиции — характерны и для современной антикоммунистической исторической науки.

⁶⁶ См. об этом: *Шнеер А.* Профессия — смерть. Учебный лагерь СС «травники» // Преступления и возмездие. М.: Пятый Рим, 2019. 464 с.; *MTI / Index* Nemzetközi nyomozás egy ukrán SS-tiszt ellen (Международное расследование против украинского офицера СС-а) // index.hu [portal]. — http://index.hu/kulfold/2013/06/24/vizsgalat_egy_ukran_ss-tiszt_ellen/ (19.04.2020).

В этот тупик зашел и наш Кристиан Унгарви. И, к сожалению, не в первый раз⁶⁷. Имеет смысл с назидательной целью рассмотреть

⁶⁷ Не говоря уж о том, что в Венгрии именно Кристиан Унгарви «подогрел» тезис нацистской пропаганды о «превентивной войне» против Советского Союза, который первоначально был сформулирован «пресс-секретарем» нацистского министерства иностранных дел. См.: *Carell, P. Unternehmen Barbarossa. Der Marsch nach Rußland.* Berlin: Verlag Ullstein, 1963. См. также: *Шпрайм* (2009). С. 325. К сожалению, наш коллега и ранее оперировал фальсифицированными документами. Он пытался с помощью фальсификации доказать, что у Сталина в 1939 г. была «ориентация на мировую революцию», что вызвало в Венгрии серьезное профессиональное противодействие. См. дискуссию с участием между прочим Золтана С. Биро и Габора Секея: *Ungváry, K. Egy paktumról* (О пакте) // *Élet és Irodalom.* Vol. LIII. № 38 (2009) (19.09.2009); official website. — <https://www.es.hu/cikk/2009-09-19/ungvary-krisztian/egy-paktumrol.html> (19.04.2020); *Mitrovits, M. A történelem átértelmezése?* (Переосмысление истории?) // *Élet és Irodalom.* Vol. LIII. № 39 (2009) (25.09.2009); official website. — <https://www.es.hu/cikk/2009-09-27/mitrovits-miklos/a-tortenelem-atertelmezese.html> (19.04.2020); *Ungváry, K. Hét pont* (Семь пунктов) // *Élet és Irodalom.* Vol. LIII. № 40 (2009) (02.10.2009); official website. — <https://www.es.hu/cikk/2009-10-04/ungvary-krisztian/het-pont.html> (19.04.2020); *Karsai, L. Időhúzás Hitlerrel, Sztálinnal és Trockijjal* (Оттягивание время с Гитлером, Сталиным и Троцким) // *Élet és Irodalom.* Vol. LIII. № 40 (2009) (02.10.2009). — <https://www.es.hu/cikk/2009-10-04/karsai-laszlo/idoutazas-hitlerrel-sztalinnal-es-trockijjal.html> (19.04.2020); *Sz. Bíró, Z. Érvek és paktumok* (Аргументы и пакты) // *Élet és Irodalom.* Vol. LIII. № 41 (2009) (09.10.2009); official website. — <https://www.es.hu/cikk/2009-10-10/sz-biro-zoltan/ervek-es-paktumok.html> (19.04.2020); *Székeley, G. Egy vita margójára* (Замечание о дебате) // *Élet és Irodalom.* Vol. LIII. № 43 (2009) (22.10.2009); official website. — <https://www.es.hu/cikk/2009-10-24/szekely-gabor/egy-vita-margojara.html> (19.04.2020); *Ungváry, K. A bolsevik gyakorlat* (Большевистская практика) // *Élet és Irodalom.* Vol. LIII. № 49 (2009) (04.12.2009); official website. — <https://www.es.hu/cikk/2009-12-06/ungvary-krisztian/a-bolsevik-gyakorlat.html> (19.04.2020); *Krausz, T. Viták Magyarországon a német-szovjet megemlékezési egyezmény értékeléséről. Ki a felelős a háborúért?* (Венгерские дискуссии об оценке германо-советского договора о ненападении. Кто несет ответственность за войну) // *Viták kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében* (Спорные вопросы истории СССР и Восточной Европы XX века) // *Ruszsztikai könyvek XXXIII / Szerk. T. Krausz.* Budapest: Russica Pannonica, 2011. O. 106-121.

один момент его статьи: «...3 июля 1941 г., — пишет он, — Сталин провозгласил тактику “выжженной земли”, которая была подтверждена в приказе № 0428 Ставки Верховного Главного Командования от 17 ноября 1941 г. В приказе отдавалось распоряжение уничтожать авиацией и артиллерийским огнем населенные пункты в тылу немецких войск, невзирая на мирное население».

Унгвари строит на фальшивой цитате из явно сфальсифицированного документа целую концепцию, стараясь доказать, что Сталин и советское руководство были не меньшими варварами, чем нацисты. Прежде всего, речь идет о знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г., в которой он обратился «к братьям и сестрам». Унгвари, видимо, видел лишь какой-нибудь немецкий перевод, причем, скорее, неточный перевод этого документа, ведь в русском оригинале не говорится ни слова о тактике «выжженной земли», которую в действительности, как мы видели выше, провозгласили и осуществляли на советских территориях как раз нацисты. В этом выступлении Сталин призывал ответить на «вероломное нападение» фашистов «всенародной отечественной войной», конечной целью которой он назвал освобождение народов Европы от фашизма. В выступлении Сталина есть мысль, которая, очевидно, послужила основой для использованной Унгвари сфальсифицированной версии: «При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»⁶⁸. А что же должны были сделать Сталин и советское руководство, чтобы лишить нацистских оккупантов советских запасов сырья и продовольствия? Второй, помеченный 17 ноября 1941 г. документ, на который ссылается Унгвари, упоминается им в прямо сфальсифицированной форме без указания на какой-либо конкретный источник. Позаимствованная Унгвари из третьих рук

⁶⁸ См.: *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ - Госполитиздат, 1947. С. 9-17.

фальшивка создает впечатление, что Сталин, а также советское военное и политическое руководство не щадили собственного населения и уничтожали мирное советское население подобно нацистам. Конечно, эту вопиющую фальшивку придумал не Унгары, у нее гораздо более длинная история, хотя военному историку, считающему себя специалистом по данной теме и хорошо знающему немецкий язык, следовало бы знать хотя бы соответствующую немецкую историческую литературу⁶⁹. Достоверный с архивной точки зрения документ, подписанный Сталиным и Шапошниковом приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428, естественно, не содержит указания об уничтожении гражданского населения. В первом пункте документа Ставка приказывала «Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог»⁷⁰. Зато в третьем пункте документа содержится прямо противоположное тому требованию, которое цитирует, а, точнее, упоминает без ссылки Унгары. Эти слова были собственноручно вписаны Сталиным в текст оригинала документа: «При вынужденном отходе наших частей на том или ином участке *уводить с собой советское население* [выделено мной. — Т. К.] и обязательно уничтожить все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»⁷¹.

Унгары сильно облегчил бы свою задачу, если бы внимательно и беспристрастно прочитал наш сборник. Без этого, как ни странно, он просто путает типы и происхождение документов, помещенных в нашем сборнике. В конечном итоге Унгары приходит

⁶⁹ Фальсификация приказа была разоблачена двумя немецкими историками уже более десяти лет назад. Подробнее см.: *Hartmann, Ch.; Zarusky, J. Stalins "Fackelmänner-Befehl" vom November 1941. Ein verfälschtes Dokument // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Jahrgang 48 (2000). Heft 4. S. 667-674.* Сфальсифицированный источник впервые был опубликован в кн. Фрица Бекера. См.: *Becker, F. Stalins Blutspur durch Europa: Partner des Westens 1933–45.* Kiel: Arndt, 1995. S. 268. Оригинал приказа хранится в Российском государственном военном архиве. См.: РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 221-222.

⁷⁰ См.: РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 221-222.

⁷¹ Там же.

к теории заговора, за которым скрывается режиссерская рука Сталина или Жданова, и поэтому не видит и не понимает, что данные документы ЧГК не удовлетворили запросов Сталина и советского руководства, в результате чего, как было указано нами в критическом Унгвари предисловии к сборнику, осенью 1945 г. они были засекречены. Унгвари непрерывно отвергает наконец-то ставшие доступными советские архивные документы, по его логике российские архивы можно вообще закрыть... Не будем отворачиваться от документов! Они наконец-то доступны для изучения!

ИСТОЧНИКИ И ДАННЫЕ

Кристиан Унгвари заблудился и в лабиринте цифр советских человеческих потерь, в том числе принесенные венгерскими оккупационными отрядами. Мы здесь занимаемся только этими последними потерями⁷².

Для информации читателей отмечу, что, по данным указанного издания, было преднамеренно истреблено 7 420 379 *мирных* советских граждан⁷³. На принудительных работах в Германии в результате болезней, голода, непосильной работы и убийств погибло 2 164 313 человек. В результате жестоких условий оккупационного режима (голода, эпидемических болезней, отсутствия медицинского обслуживания и т.д.) погибло 4 100 000 человек, а *всего* — 13 684 692 человека. Но это еще не все. В эту страшную, практически не укладываемую в голове цифру не входят потери от боевого воздействия противника, гражданское население, погибшее от бомбежек и голода в прифронтовых районах, например, 641 000 человек, умершие от голода во время блокады Ленинграда и т.д.⁷⁴.

⁷² См. из огромной литературы данные потерь советского населения и военнослужащих: Великая Отечественная без грифа секретности // Книга потерь. Новейшее справочное издание / Под ред. Г.Ф. Кривошеева, В.М. Андроникова, П.Д. Бурикова, В.В. Гуркина. М.: Вече, 2010. 384 с.

⁷³ Около трети этого количества составляли советские граждане еврейской национальности, причем в эту цифру не входят евреи-красноармейцы, погибшие смертью храбрых, и евреи-военнопленные, казненные на месте в соответствии с приказом о комиссарах.

⁷⁴ См.: Великая Отечественная без грифа секретности... С. 48-49.

Вероятно, никогда не удастся точно установить, сколько людей было убито венгерскими оккупационными частями. Не только из-за невозможности точного подсчета данных, но и потому, что венгры, — не забудем, речь идет о более 100 тыс. военнослужащих оккупационных войск за три года, — не всегда принимали участие в уничтожении множества людей в качестве непосредственных убийц, а часто выполняли функции охранников, сопровождающих, арестовывающих и допрашивающих лиц или «погонщиков», доставлявших людей на принудительные работы. Но даже если цифры не точны, нужно все же уметь обращаться с доступными данными. Конечно, каждый имеет право работать с данными документов СС, это полезная работа, однако плохо то, что наш коллега не ориентируется как раз в Черниговской области, о которой выносит «окончательный приговор» на основании немецких данных. Унгвари не знает о том, что те 12 районов, в которых только венграми было убито 38 611 человек, не составляют всей территории области. На самом деле Черниговская область состоит из 22 районов. Отсутствие определенных знаний влечет за собой далеко идущие последствия. Унгвари не понял, что ликвидация 103 614 мирных граждан, совершенная на *всей* территории, то есть во всех 22 районах Черниговской области, как в источниках, так и в предисловии к нашему сборнику интерпретируется в качестве преступления, совершенного совместно немцами и венграми. Общим немецко-венгерским преступлением был и расстрел в этой области 24 164 военнопленных. Общими преступлениями можно назвать и убийство 40 000 мирных граждан и 3000 военнопленных в Бресте, 6900 мирных жителей в г. Кобрин Брестской области, а также 2334 мирных жителей и 600 военнопленных в г. Середина-Буда Сумской области. Все эти жертвы находятся и на счету венгров. Таковы пока установленные цифры, согласно которым всего было убито более 180 000 человек. Но, конечно, это лишь малая доля жертв, ведь, по нашим подсчетам, венгерские оккупационные войска совершали убийства на территории 19 областей СССР, в том числе в Воронежской области, где количество уничтоженных советских граждан, видимо, нужно исчислять не тысячами, а десятками тысяч, но необычайно много убийств было совершено и в Харьковском и Брянском районе, а также во многих других районах Белорусской ССР. На современном уровне наших знаний можно

определенно утверждать только то, что при участии венгерских военнослужащих было уничтожено минимум 180 000–200 000 мирных советских граждан и военнопленных⁷⁵. Венгерские солдаты, как и румынские, украинцы, латыши, литовцы, поляки и т.д. непосредственно принимали участие в уничтожении людей в рамках Холокоста.

Изучение данных по не учтенным здесь территориям несомненно позволит уточнить эту картину. Пока даже не стоит и гадать, какой может быть максимальная граница численности советских граждан, уничтоженных при участии венгерских военнослужащих (и карателей других национальностей).

Есть и гораздо более важная проблема: не следует возвращаться *mutatis mutandis* к идеологическому и историографическому наследию холодной войны. Историк не обязан выбирать между двумя отрицательными крайностями новой эпохи, между глобалистским универсализмом и националистическим фундаментализмом. *Tertium datur... третья возможность* означает лишь то, что отнюдь не обязательно, оставив науку и отдалившись от правила *sine ira et studio*, поступать на службу тому или иному политическому курсу и стараться удовлетворить его легитимационные запросы, «национальные нарративы».

⁷⁵ См.: Ungváry (2004). О. 14, 31, 499.

ЗАМАЛЧИВАЕМЫЙ ГЕНОЦИД

ВЕНГЕРСКИЕ ОККУПАЦИОННЫЕ ВОЙСКА НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

Прошло уже 70 лет с тех пор, как руководимая регентом Миклошем Хорти и сражавшаяся на стороне нацистской Германии, в результате донского прорыва Красной армии Венгрия оказалась на пороге военного краха. И всё же возникает вопрос: знаем ли мы историю этой войны? Точнее: хотим ли знать её правдивую историю или же намерены по-прежнему лишь «дозировать» истину маленькими порциями? Несмотря на то, что за прошедшие семь десятилетий увидело свет множество разных книг и статей, мемуаров и научных исследований, «венгерская глава» Второй мировой войны, касающаяся почти трёхлетней оккупации советских территорий, даже в кругу специалистов остаётся практически неизвестной¹.

Общеизвестный факт, что 27 июня 1941 г. руководство Венгрии, находясь под психологическим и политическим воздействием

* В соавторстве с д-ром ВАРГОЙ, Евой Марией (Венгрия). Первая публикация — 2013 г.

¹ В современной «мейнстримной» исторической литературе нет ни единого слова о «подвигах» наших солдат в СССР. Например, перелистав наиболее значительные книги академика Игнаца Ромшича, читатель не найдёт об этом практически никаких данных. Второй мировой войне посвящена III глава многократно переиздававшейся книги Ромшича: *Magyarország története a XX. században* (История Венгрии в XX веке). Budapest: Osiris Kiadó, 2010, — однако в ней нет ни строчки о геноциде, осуществлённом венгерскими войсками. П. Сабо в своей многократно переизданной книге: *Don-kanyar* (Излучина Дона). Budapest: Zrínyi Kiadó, 1994, — запечатлевшей память о храбрости воинов 2-й венгерской армии, по существу обошёл молчанием преступления венгерских солдат, совершённые в районе Дона, хотя можно предположить, что в архиве и рукописном отделе Института и Музея военной истории хранятся материалы по этой тематике.

территориальной ревизии, осуществлённой в результате т.н. Венских арбитражей, не дожидаясь просьбы Гитлера, начало войну против СССР, в ходе которой венгерские войска около трёх лет вели военные действия на советской территории. Первые оккупационные отряды были сформированы из солдат Карпатской группы, первоначально предназначавшейся для использования на фронте и задержанной немецким военным руководством до осени 1941 г. На смену Карпатской группе венгерское политическое руководство предложило для ведения оккупационной деятельности 5 бригад, надеясь тем самым предупредить дальнейшие требования немцев. 121-я и 124-я бригады были переброшены в Проскуров и Винницу, а 102-я, 105-я и 108-я бригады — в Бердичев. Главной задачей наступающих войск было преследование отступавших частей Красной армии до самого Днестра с одновременным прикрытием немецких и румынских частей. Командующим этими наступающими войсками был назначен генерал-лейтенант Ференц Сомбатхен (позже ставший начальником Генерального штаба в звании генерал-полковника). В течение нескольких дней в состав Карпатской группы, перешедшей границу 28 июня, входил и Мобильный корпус, который, однако, вскоре был передан в подчинение немецкой группы армий «Юг». 6 октября 1941 г. в Виннице было создано Командование венгерской оккупационной группы, в распоряжении которого к февралю 1942 г. находилось уже 5 дивизий и несколько более мелких подразделений общей численностью приблизительно в 40 тысяч человек. Численность дивизий поначалу едва превышала численность усиленных полков. С 5 февраля 1942 г. до мая 1943 г. венгерские оккупационные войска, растянувшиеся по увеличившейся линии фронта, находились под контролем Командования западной оккупационной группы и Командования восточной оккупационной группы, в то время как Верховное командование еще 17 января 1942 г. было размещено в Киеве.

Западная группа (121-я и 124-я пехотные бригады) действовала к западу от Днепра в относительно спокойных условиях. Зато восточная группа (102-я, 105-я и 108-я пехотные бригады)² в районе Чернигова, Брянска и Курска с самого начала вступила в бои с

² 12 февраля 1942 г. правитель Венгрии М. Хорти присвоил оккупационным пехотным бригадам наименование «лёгких дивизий», повысив тем самым, по крайней мере, на бумаге, ценность участия Венгрии в войне.

крупными партизанскими отрядами³. Командирами и руководителями этих частей стали такие известные в своё время генералы и старшие офицеры, как, например, генералы Карой Богани, Силард Бакаи, Дежё Ласло, Золтан Алдя-Пап, Золтан Шомлаи, полковник Шандор Захар и другие.

ДОКУМЕНТЫ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИПОДНИМАЮТ ЗАВЕСУ МОЛЧАНИЯ

С точки зрения изучения интересующей нас тематики необыкновенно важны хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России материалы судебных процессов 1947 г. над Алдя-Пап, Золтаном Шомлаи и их сообщниками. В фонде уголовных дел Центрального архива ФСБ России хранится около 30 тысяч следственных дел в отношении лиц, служивших в армиях гитлеровской Германии и её союзников, в отрядах особого назначения, в частях по поддержанию порядка и оккупационных войсках. Во время войны и после неё эти лица были осуждены за преступления против мира и человечности, за насилие над военнопленными и гражданским населением, шпионаж, незаконное хранение оружия и иные преступления⁴.

³ См.: *Ungváry, Krisztián*. A magyar honvédség a második világháborúban (Венгерская армия во второй мировой войне). Budapest: Osiris Kiadó, 2004; далее: *Ungváry* (2004); *Он же*. A Kárpát-csoport és a megszállt erők harcai (Карпатская группа и бои оккупационных войск) // Magyarország a második világháborúban (Венгрия во Второй мировой войне) / Főszerk.: Romsics Ignác. Kossuth Kiadó — Hadtörténeti Intézet és Múzeum. Budapest, 2011. С. 55-64; далее: *Ungváry* (2011), *Szabó, Péter; Számvéber, Norbert*. A keleti hadszíntér és Magyarország 1943–1945 (Восточный фронт и Венгрия. 1943–1945). Tóthágas plusz Kft, – Budapest, második, bővített és átdolgozott kiadás, 2009.

⁴ *Христофоров В.С.* Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008. С. 126. *Hrisztoforov, Vaszilij; Varga, Éva Mária*: Werth Henrik vezérkari főnök vallomása szovjet fogságban (Показания начальника Генштаба Генриха Верта в советском плену) // Háború és nemzeti önismeret. 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót (Война и национальное самопознание). Ruszisztikai Könyvek XXXII. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. С. 187-188; далее: *Hrisztoforov; Varga* (2011.)

Публикация этих источников началась лишь в последние годы⁵. Компетентные советские государственные органы провели активную и широкую работу по выявлению и разоблачению военных преступников и помогавших им лиц. Золтана Алдя-Пап и его пособников обнаружили в советском лагере для военнопленных⁶, а Силард Бакаи, Золтан Шомлаи и его сообщники были найдены в Венгрии. Несмотря на то, что Бакаи и сам признал⁷, что воинские части, находившиеся под его командованием, совершили военные преступления, в 1992 г. в условиях политической и правовой неразберихи ельцинских времен Бакаи был реабилитирован, хотя это, вероятно, не последнее слово, сказанное историей.

В сентябре 1947 г. Совет министров СССР принял постановление о проведении новых публичных процессов над бывшими военнослужащими враждебных армий. В ходе выполнения этого постановления перед судом предстали 143 человека (в том числе 23 генерала, 78 офицеров и 37 унтер-офицеров и рядовых, по национальности 117 немцев, 13 венгров, 7 румын и 1 австриец). 138 из них были осуждены как военные преступники⁸.

Осенью 1947 г. военный трибунал Черниговской области заслушал дело 16 иностранных граждан (13 венгров и 3 немцев), обвинённых в совершении военных преступлений, перечисленных в 1-й статье Указа Президиума Верховного Совета от 19 апреля 1943 г. Публичный судебный процесс состоялся 17–25 ноября

⁵ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1945. М., 2009; Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1945–1955. М., 2011; Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных 1942–1952. М., 2011.

⁶ Венгерские и немецкие военнопленные, обвиняемые на этом процессе, были подвергнуты предварительному заключению между 26 сентября и 4 ноября 1947 г.

⁷ ЦА ФСБ России. Д. П-747. Л. 27–31, 49–53.

⁸ Приговоры по делам всех военнопленных были вынесены на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. 128 человек были осуждены на 25 лет, 9 человек — на 20 лет, 1 — на 15 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 33–34.

1947 г. в кинотеатре им. Н.А. Щорса. Девятидневное судебное заседание было увековечено для потомков. Обвиняемым были назначены адвокаты. За совершение преступлений на оккупированных территориях венгерские генералы — генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап, генерал-майоры Ласло Сабо, Иштван Бауман, Дёрдь Вуковари и Геза Эрлих, полковники Шандор Захар, Ференц Амон, Бела Шафрань, Миклош Мичкеи и Тивадар Секей, майоры Ласло Шипрак и Дёзё Бердефи, а также подполковники Бруно Баиер и Стефан фон Тюльф, командир военного округа Генрих Дросте и гонвед Йозеф Борош — были приговорены к 25 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях⁹. Один из обвиняемых, генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап, с самого начала признал свою вину и даже отказался от возможности подать апелляцию¹⁰. Осуждённые были отправлены в лагерь Воркутлага¹¹.

В ходе розыска военных преступников компетентные советские органы работали в тесном контакте с венгерскими властями¹². 18 февраля – 23 июля 1947 г. Управлением контрразведки советского Будапештского военного гарнизона были найдены и подвергнуты предварительному заключению генерал-майор Золтан Шомлаи, подполковники Шандор Райтер и Ласло Варга, прапорщик Йозеф Темеши, старший лейтенант Иштван Пружински и капитан Иштван Тот¹³. По окончании войны венгерские власти также возбудили дело против указанных выше лиц. В августе

⁹ 26 мая 1947 г. в СССР была отменена смертная казнь. В Указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось, что в мирное время нужно применять 25-летнее заключение в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. 12 января 1950 г. смертные приговоры были снова введены для предателей, шпионов, террористов и диверсантов.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 21. Л. 505.

¹¹ Приказом № 731 МВД от 21 ноября 1947 г. предписывалось отправлять всех осужденных военнопленных — независимо от их физического состояния □ прямо в Воркутинский исправительно-трудовой лагерь. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 837. Л. 147–149. Оpubл. в кн.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 755.

¹² ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 1–3.

¹³ ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 3. Л. 895. Обвинительное заключение по делу утверждено начальником УКР Центральной группы советских войск 2 сентября 1947 г.

1946 г. органы венгерской государственной полиции арестовали Золтана Шомлаи, Ласло Варгу, Йожефа Темеши и Иштвана Тота по подозрению в совершении военных преступлений. Их дело разбиралось в Будапештском народном суде, который в приговоре, оглашённом 21 декабря 1946 г., оправдал обвиняемых за отсутствием доказательств. Генеральный прокурор обжаловал этот приговор во Всевенгерском совете народных судов, где, однако, дело было «отложено в долгий ящик», а его копия вскоре попала в руки компетентных советских органов¹⁴. Следствие проводилось Управлением контрразведки Центральной группы советских войск¹⁵. Закрытый процесс над обвиняемыми состоялся 9 сентября 1947 г. в военном трибунале Центральной группы войск в австрийском городе Бадене (близ Вены), приговор и в этом случае предусматривал заключение в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет¹⁶.

Отдельная проблема состоит в том, что за неимением необходимых архивных материалов пока невозможно точно описать процесс розыска венгерских военных преступников советскими органами. На основании разрозненных данных можно предположить, что компетентные советские органы вели розыск в нескольких направлениях. Вероятно, работники контрразведки 2-го и 3-го Украинских фронтов¹⁷ прибыли в Венгрию со списками, на основании

¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 3. Л. 659. Постановление начальника Следотдела УКР МГБ Центральной группы советских войск майором Аграномова о присоединении 157 страниц дела № 4486/1946 к следственному делу Шомлаи и его сообщников.

¹⁵ Центральная группа советских войск создана директивой № 11096 от 29 мая 1945 г. Ставки Верховного Главнокомандования, предписывавшей переименовать с 24:00 10 июня 1945 г. 1-й Украинский фронт в Центральную группу войск. Войска группы дислоцировались в Чехословакии, Австрии и Венгрии, штаб размещался в Бадене (близ Вены).

¹⁶ Шомлаи, Райтер и Варга также были отправлены в Воркутлаг, о месте заключения остальных трёх осуждённых нет сведений, однако известно, что 18–20 ноября 1955 г. все шесть осуждённых были переданы венгерским властям.

¹⁷ Задачей 2-го отдела ГУКР «Смерш» (руководитель полковник С.Н. Карташев) была работа среди военнопленных, Постановление опубликовано в кн.: Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991 / Справочник. М., 2003. С. 623–626. См. подробнее: «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 63–80.

которых они постарались отыскать венгерских военных и политических руководителей, заподозренных в совершении военных преступлений. При составлении списков они получили помощь не только от находившихся в Венгрии политиков-коммунистов, но и от Временного правительства Венгрии¹⁸.

В донесении Сталину от 13 августа 1945 г. Абакумов отметил, что важнейшей частью работы военных контрразведчиков был розыск военных преступников, против которых было возбуждено судебное дело¹⁹. Параллельно с этим серьёзная оперативная деятельность по розыску лиц, участвовавших в совершении преступлений на оккупированных территориях, велась и в советских лагерях для военнопленных. Конечно, и в том и в другом случае использовались списки имён, которые были составлены на основании протоколов, подготовленных центральным и местными органами Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК). Помимо этого, очень важную информацию о зверствах, совершённых на оккупированных территориях, предоставляли лица, отбывавшие трудовую повинность в составе венгерской армии и взятые в плен советскими войсками или во многих случаях добровольно переходивших на сторону Красной армии.

После принятия в Российской Федерации закона № 1761-1 от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» органы прокуратуры пересмотрели практически все архивные уголовные дела, касающиеся иностранных граждан. Согласно постановлениям Главной военной прокуратуры Российской Федерации от 3 октября 2002 г. и от 30 июля 2003 г. привлечение к уголовной ответственности Алдя-Пап и 15 других лиц, а также

¹⁸ В постановлении об аресте начальника Генштаба Г. Верта от 17 марта 1945 г. написано: «Согласно сообщению от 16. 2. [19]45 г. о военных преступниках главы временного венгерского правительства премьер-министра Миклош Бела Верт Генрих состоит в списках военных преступников, а поэтому в феврале с.г. последний был разыскан, подвергнут задержанию и допросу». См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21156. Т. 1. Л. 2-3. Опубликовано в кн.: *Hrisztoforov; Varga* (2011). С. 193-194.

¹⁹ Согласно донесению Абакумова, к этому времени под арестом в «Смерш» было 374 человека, немцы, поляки, румыны, венгры и словаки, находящиеся под следствием. См.: Тайны дипломатии Третьего рейха... 2011. С. 10.

Шомлаи и 5 других лиц было признано обоснованным и законным, не подпадающим под действие закона о реабилитации²⁰. Осуждённые генералы, офицеры и солдаты служили в составе оккупационных частей, выполнявших именно охранные и карательные задачи. Упомянутые командиры позже дали во многом правдивую оценку сущности порученных им обязанностей.

Осуждённый за совершение военных преступлений полковник Бела Шафрань в ходе состоявшегося в 1947 г. процесса над Алдя-Пап очень точно охарактеризовал деятельность Восточной оккупационной группы: «Восточная оккупационная группа, в которую входил и мой 251-й полк, выполняла охранные и полицейско-карательные функции на захваченной территории Украины и Белоруссии. Правительство Хорти возложило на нас эти позорные функции по приказу Гитлера с тем, чтобы освободить от оккупационной службы немецкие войска и их целиком бросить в бой против Советской армии»²¹. А начальник штаба выполнявшей карательные задачи 105-й дивизии Шандор Захар дал следующую оценку: «Адмирал Хорти и генерал Сомбатхейи получали от Гитлера указания самыми жестокими методами репрессий проводить оккупационный режим на захваченной немцами территории Украины; применять любые карательные методы для того, чтобы устрасшить население, заставить его подчиниться немцам, установить полный порядок в тылу немецких войск и обеспечить охрану немецких коммуникаций. Венгерские войска должны были обеспечить выкачку из оккупированных советских районов необходимого для германской армии продовольствия, сырья и рабочей силы для германской промышленности. Указания, полученные от Гитлера адмиралом Хорти и генерал-полковником Сомбатхейи, легли в основу всей нашей дальнейшей оккупационной службы на Украине»²².

«Венгерский порядок» был установлен не только на Украине, он распространялся на Брянскую, Курскую и Воронежскую области России, а также на значительные районы Белоруссии, то есть на территории, во много превосходящие территорию Венгрии. С осени 1941 г. венгерские войска выполняли функции оккупаци-

²⁰ ЦА ФСБ России. Д. № Н-19098. Т. 21. Подшито к концу дела без нумерации страниц. ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 3. Л. 918-921.

²¹ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 8. Л. 6-9.

²² ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 6. Л. 84-89.

онных сил на более 0,5 млн км² территории СССР. Эти войска составляли около 20–25% общей численности немецких оккупационных войск.

Летом 1943 г. численность венгерских оккупационных войск превысила 90 тысяч человек²³. На востоке венгерские войска, конечно, включая сражавшиеся на фронте части 2-й венгерской армии, достигли донских плацдармов в Урыве, Коротояке и Щучьем. Таким образом, в течение почти трёх лет несколько сотен городов, сёл, хуторов стали полем деятельности венгерских вооружённых сил.

Конечно, более точное описание всех элементов вырисовывающегося геноцида потребует дальнейших серьёзных исследований. Архивные документы раскрывают потрясающие подробности, систему и «точный механизм» того процесса, в ходе которого венгерские солдаты в качестве сообщников немцев и военных других национальностей с буквально невообразимой жестокостью физически уничтожили ныне пока ещё точно не определимые массы советского гражданского населения, главным образом, стариков, женщин, детей и военнопленных.

Немцы и украинцы, венгры и румыны, итальянцы и финны, латыши и литовцы — таков далеко не полный перечень тех национальностей, из представителей которых состояли войска и вооружённые отряды, осуществившие самый крупный во всемирной истории геноцид, сопровождавшийся наибольшим количеством жертв. Таким образом, в геноциде на оккупированных территориях СССР, жертвами которого в конечном итоге стали около 13,7 млн человек, то есть более чем в 1,5 раза больше, чем погибших советских солдат (а ведь это тоже ужасная цифра — больше чем 8 млн человек), участвовали и несколько десятков тысяч венгерских солдат²⁴. В то же время мы знаем, что невозможно создать иерархии народов ни по культурному, ни по моральному признаку. Такие иерархии конструируются только в рамках расистских «теорий», история которых не случайно сопровождается историей геноцидов.

Разумеется, венгерский аспект этой истории может считаться венгерским лишь относительно, ведь, как показывают документы,

²³ Ungváry (2011). С. 60.

²⁴ См.: Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: Олма-пресс, 2001. С. 514. Общая оценка потерь (Таблица № 132).

венгерские силы «по поддержанию порядка», «карательные» дивизии, батальоны и роты всё время действовали сообща с немцами или под немецким контролем, что определённо выразилось в образе действий венгров. По свидетельству источников, даже часть переживших оккупацию советских граждан, свидетельствовавших о происшедшем, не всегда могли отличить друг от друга немцев и венгров. Однако это не означает, что на многих территориях, во многих населённых пунктах убийства совершались венгерскими силами по «поддержанию порядка» не в рамках самостоятельных акций. Из протокола ЧГК от 16 марта 1945 г., в котором обобщается ущерб, нанесённый фашистскими оккупантами в Черниговской области, выясняется, что лишь в одной этой административной единице Украины немецкие и венгерские «каратели» (по терминологии документальной повести умершего в 1994 г. известного белорусского советского писателя Алеся Адамовича) убили приблизительно 103 тысячи мирных граждан и более 24 тысяч военнопленных²⁵.

Не случайно, что и местное русское (и нерусское) население тоже сохранило в памяти «деяния венгров», и молодые, и старики по сей день напоминают о них приезжающим в эти края венгерским ученым и туристам²⁶. Конечно, историки главным образом опираются не на эту память. Важнее всего документы, свидетельства, появившиеся по свежим следам событий.

В России общеизвестно, что составление и сбор документов, касающихся геноцида и причинённого войной ущерба, в СССР было осуществлено местными, областными и всесоюзными органами Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее — ЧГК). Ещё в ходе войны союзники достигли соглашения о расследовании преступлений, совершённых

²⁵ ЦА ФСБ России Д. Н-19098. Т. 6. Л. 213-214.

²⁶ Эти события запечатлены и в кинодокументах, в 2003 г. Петер Эрдеи снял фильм под названием «Doni tükör» («Зеркало Дона»). Однако в соответствии с традицией замалчивания телеканал «Дунай», заказавший этот фильм, не решился его показать. См.: *Schweitzer, András. Donkanyarok. A magyar hadsereg a Szovjetunióban* (Излучины Дона. Венгерская армия в СССР) // HVG, 2012. július 14. С. 46-48.

ных нацистами и их пособниками, однако первая комиссия по расследованию этих преступлений была создана именно в СССР²⁷.

ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗАМАЛЧИВАНИЯ

Эти документы не случайно «покоились» в течение долгих десятилетий в глубине архивов, как не случайно и то, что в начале 2000-х гг. они в большом количестве были «извлечены» оттуда на свет божий. В отличие от современной Германии, государства-правопреемники держав, которые в качестве союзников, коллаборантов нацистской Германии напали на СССР, осуществляют своего рода *пересмотр истории*, распространившийся почти на весь восточноевропейский регион. Этот пересмотр с различной интенсивностью протекает практически со времени смены общественно-го строя.

Создаётся впечатление, что определённые группировки новых властных элит пытаются задним числом выиграть Вторую мировую войну! В соответствии с этим в прибалтийских государствах, Румынии, у нас, в Венгрии, да и на Украине идёт «отмывание

²⁷ С наибольшей последовательностью вопрос о наказании военных преступников поднимался Советским Союзом. Многие авторитетные представители западных стран поначалу выступали против проведения международного процесса. Они ссылались на то, что обвиняемые получают возможность защищаться, что считалось нежелательным. Госсекретарь США Хэлл был готов удовлетвориться повешением преступников без суда, министр финансов США Моргентау предлагал решить вопрос немедленным расстрелом, этот план поддерживал и президент Рузвельт. Против такого решения не возражал Черчилль, который 17 октября 1944 г. жаловался Сталину на трудности, связанные с международным правом. На это Сталин дал следующий ответ: «Нелепая мысль, что можно казнить без судебного разбирательства; в этом случае мир скажет, что мы боимся предать злодеев суду». Согласно позиции СССР, не могло быть и речи о казни военных преступников без суда. Советский государственный обвинитель Р.А. Руденко писал: «Совершенно ясно, что Советский Союз не мог на это согласиться; без открытого судебного процесса над главарями преступной нацистской клики было бы невозможно вскрыть и продемонстрировать всему миру причины Второй мировой войны, развязанной нацистами, — а это бы только сыграло на руку международной реакции». Цит. по: *Пишбыльский П.* Между виселицей и амнистией. М., 1985. С. 35.

грязного белья» под знаком политики, служащей легитимации нации и государства, делаются попытки оправдать действия регулярных военных отрядов и организаций, зверствовавших на советской территории.

В Венгрии на государственные средства ведётся пропагандистская кампания по героизации армий, принимавших участие в нападении на СССР и продолжавшемся почти три года ограблении и физическом уничтожении мирного населения. Однако возникает законный вопрос: почему архивные документы, со всей очевидностью доказывающие осуществление геноцида, страшных преступлений, совершённых армиями малых восточноевропейских стран, нацистскими коллаборантами, до сих пор были недоступны?

В эпоху государственного социализма в Венгрии — под влиянием советской опеки — с 1948 г. практически замалчивалась вся сложная и страшная история военных преступлений, которая замещалась несколькими общими критическими замечаниями в адрес «хортистского фашизма». Это имело многообразные причины. После Нюрнбергского процесса и спада первой волны наказаний военных преступников в СССР вся проблематика массового уничтожения населения, от Холокоста до всеобщего геноцида на советских территориях и деятельности венгерских, итальянских и румынских войск, а также прибалтийских и украинских карательных отрядов, внезапно сошла с повестки дня.

Эпоха замалчивания наступила под влиянием серьёзных причин. В исторических работах особое внимание уделялось тому, что характер и масштабы геноцида вызвали в советском обществе глубокий психологический шок, который советское руководство постаралось смягчить «обычным» способом — «лучше не говорить об этих ужасах». Другая причина крылась в отношениях с новыми союзниками, в попытке свести до минимума конфликты, которые могли бы возникнуть на этой почве²⁸.

В СССР вообще интересовались прежде всего немецкими военными преступниками, имевшими значение для разоблачения «немецких реваншистов» и их американских «империалистических союзников». Вся проблематика геноцида против советского

²⁸ Дюков А.Р. За что сражались советские люди. «Русский НЕ должен умереть». М., 2007. С. 247-248; далее: Дюков (2007).

населения стала жертвой мелочных, близоруких политических расчетов. Всё это служило прежде всего задаче «умиротворения» и интеграции новых, прибалтийских республик СССР и его новых восточноевропейских союзников в соответствии с соображениями советской внешней и внутренней политики. Этот союз, а также цели государственного строительства требовали укрепления положения местных коммунистических властей, что, в свою очередь, предполагало достижение компромисса и сосуществования с местным национализмом.

Первым шагом в розыгрыше (в определённых пределах) «националистической карты», первой «уступкой» такого рода было предание забвению, замораживание «порождающего в народе разногласия» вопроса о военных преступлениях (в то время как для других областей политической жизни было характерно как раз пренебрежение национальными особенностями и чувствами). В целом всё это можно назвать табуированием на долгое время тематики геноцида, судьбы военнопленных и т.д. Частью этой «популистской» тактической игры было и то, что Сталин вычеркнул имя Миклоша Хорти из списка военных преступников и позволил ему бежать в Португалию, руководствуясь ошибочным предположением, что Хорти сохранил свою популярность, и его осуждение может затруднить положение местных коммунистов и их советских союзников в Венгрии²⁹. В Венгрии при режиме Ракоши искажённая форма «национального примирения» проявилась и в известном факте принятия «рядовых нилашистов» в члены коммунистической партии. Конечно, позже важную роль в замалчивании событий геноцида сыграло и венгерское восстание 1956 г. Проводимая Кадаром после подавления восстания политика консолидации, новая фаза антисталинистской политики «национального примирения», прагматическая политика «народного фронта»,

²⁹ И хотя соответствующие документы пока не обнаружены, свою роль, предположительно, сыграла и попытка Хорти выйти из войны, а также рукописное, мягко говоря, униженное письмо Хорти Сталину («...прошу Вас проявить милость к нашей несчастной стране. Пользуюсь случаем выразить Вам, господин маршал Сталин, мое глубочайшее уважение»), которое, видимо, польстило самолюбию Сталина. См.: *Muszatov, V. Horthy Miklós levele Sztálinhoz* (Письмо Хорти Сталину) // *História* 2005. 27. évf. 3. sz. 11.

избранная венгерским руководством, на долгие десятилетия затормозила научно обоснованный процесс реального национально-го самопознания³⁰.

В 1960–1970-х гг. в СССР лишь изредка публиковались архивные источники, касающиеся зверств, совершённых венгерской армией, прежде всего т.н. сил по поддержанию порядка. Например, на русском языке было опубликовано несколько документов, свидетельствующих об участии венгерских солдат в Холокосте и физическом уничтожении советских военнопленных³¹, однако не вызвало серьёзных откликов ни в обществе, ни в печати. В эпоху Кадара венгерские историки в духе «союзнической политики» не спешили сообщить об этих событиях, возможно, и потому, чтобы не нужно было заниматься реакцией советских войск, преступлениями, совершёнными советскими солдатами при освобождении Венгрии, да и вообще — историческими фактами, «подрывающими социалистическое национальное единство». Такое «стыдливое» отношение к историческим фактам было заметно ещё при Ракоши, после 1948 г., хотя именно сам партийный руководитель во время войны писал статьи, основанные на документах ЧГК, хотя и без конкретной ссылки на них³².

Между прочим, до самого последнего времени замалчивание применительно к Венгрии действовало и в России, по принципу «в интересах примирения не следует обременять наши отношения с этими странами новыми проблемами», то есть документами такого типа.

Кроме того, нелёгкое наследие замалчивания было ещё более отягощено абсурдным политическим трюком осуществившего

³⁰ См. подробнее: *Krausz, Tamás: The Soviet and Hungarian Holocausts: A Comparative Essay*, by Tamás Krausz Published by: Center for Hungarian Studies and Publications. New York, 2006 /Series: CHSP Hungarian Authors Series. no. 4.

³¹ Один-два таких документа представлены в недавно вышедшей книге Йожефа Балинта, см. также: *Filonyenko, Sz. I.; Filonyenko, M.I. Lélektani háború a Donnál. A fasiszta propaganda mítoszai 1942–1943.* L'Harmattan, Budapest, 2011; далее: *Filonyenko* (2011). На русском языке: *Психологическая война на Дону.* Воронеж, 2010.

³² *Rákosi, Mátyás. A magyar jövőért (За будущее Венгрии).* Budapest, 1945.

смену общественного строя ельцинского режима³³, который в интересах поддержания «хороших отношений», а также демонстрируя всему миру свою «правовую чувствительность», реабилитировал военных преступников, в том числе и венгров, например, казнённого Силарда Бакаи, который был главнокомандующим Восточной венгерской оккупационной группой. В Венгрии этот развернувшийся после смены общественного строя процесс реабилитации дошёл до того, что военные преступники реабилитировались даже во время правления «социалистическо-либеральной» коалиции. Всё это лишь подлило масла в огонь пробуждающегося в маленьких восточноевропейских государствах реакционного русофобского и антисемитского национализма, известного по периоду между двумя мировыми войнами и возрождающегося в наши дни. Однако фальсификации, нацеленные на «строительство нации», на обеление роли страны в войне и очернение памяти героев Великой Отечественной войны, «выманили» из российских архивов документы о военных преступлениях³⁴. Доводы, доказывающие, что раскрытые таким образом факты могут быть использованы с теми или иными целями в качестве политического средства, верны. Но верно и то, что, чем многообразнее добытые из архивов исторические материалы, тем труднее установить политический контроль над научной областью, в которой, между прочим, неизбежно сталкиваются различные политические интересы.

Упомянутые выше усилия современных венгерских официальных кругов направлены на «обеление»³⁵ исторической роли

³³ Об этом хаотичном явлении см. подробнее: Ельцинщина: Венгерский институт русистики. Будапешт, 1993.

³⁴ См., например, работы российского историка, уже долгое время занимающегося данной проблематикой: *Дюков А.Р.* Операция «Зимнее волшебство»: нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм. М., 2011. Одна из книг этого автора опубликована и на венгерском языке: *Djukov, Alekszander.* Holokauszt, kollaboráció, megtorlás a Szovjetunió ukrán és balti területein (Холокост, коллаборационизм, репрессии на украинских и прибалтийских территориях СССР). *Ruszisztikai könyvek XXV.* Budapest: Russica Pannonica, 2011.

³⁵ In: *Ungváry, K.* A magyar megszállás Ukrajnában és Lengyelországban 1941–1944 (Венгерская оккупация на Украине и в Польше 1941–1944) Nagy Képes Millenniumi Hadtörténet. Osiris–Századvég,

хортистских оккупационных войск, воевавших в союзе с нацистской Германией. Однако эти попытки имеют под собой зыбкую почву, ведь в своё время даже сам Геббельс презрительно отзывается о роли венгров. Имевшаяся у Геббельса информация основывалась на непосредственном фронтовом опыте, о котором немецкие офицеры сообщали в Германию³⁶. В этой связи стоит привести запись в дневнике Геббельса от 19 мая 1942 г., касающуюся партизанской войны в Брянской области: «В южной части этого региона венгерские элементы сражаются в очень трудных условиях. Им нужно теперь занимать и умиротворять одну деревню за другой, и это не слишком конструктивное дело. Когда венгры докладывают, что они “умиротворили” ту или другую деревню, это, как правило, означает, что ни одного жителя там не осталось. Это, в свою очередь, для нас значит, что мы едва ли сможем выполнять какие-нибудь сельскохозяйственные работы на такой территории»³⁷.

В наши дни о том, что творили венгерские солдаты на советских территориях, по-прежнему пишут лишь немногие венгерские историки³⁸. Регулярно публикует работы по этой тематике только Кристиан Унгвари, пользующийся немецкими источниками³⁹. Од-

1998. С. 403-408. См. также: *Он же*. A magyar honvédség a második világháborúban. (Венгерская армия во второй мировой войне). Вр.: Osiris, 2004. С. 74, 80. Известно также и то, что (по свидетельству сайта Министерства обороны) под руководством министра (совместно с женой Президента республики) — идёт прямая героизация венгерских солдат, участвовавших в грабительском походе против СССР. Нам неизвестно, чтобы кто-то из историков протестовал против этого.

³⁶ Titkos jelentés (Тайное донесение). Донесение немецкого офицера связи при Венгерской королевской армии свидетельствует, что венгерские солдаты грабят, убивают, насилуют женщин, пытаются мирных жителей. См.: 1942. április 7. NIM Hadtörténelmi Levéltár és Irattár — Mikrofilmtár.

³⁷ The Goebbels Diaries / Ed. Louis P. Lochner // Popular Library. New York, 1948. 254-255. Цит. по: *Juhász, Gyula: A történész józansága* (Трезвый ум историка) / Szerk. Juhász Ferenc. Budapest, 1994, 107; далее: *Juhász* (1994).

³⁸ На венгерском языке новые данные содержит упомянутая выше публикация, см.: *Hrisztoforov; Varga* (2011). С. 87-270.

³⁹ *Ungváry, Krisztián. A magyar megszállás Ukrajnában és Lengyelországban 1941–1944* (Венгерская оккупация Украины и Польши

нако при этом он оправдывает нацистских (немецких и венгерских) охотников на партизан и саму охоту на партизан, сопровождавшуюся преступлениями против мира и человечности, делает вид, что преследование советских партизан, защищавших от оккупантов свои дома, землю, семьи, страну, велось вермахтом и СС на какой-то международной правовой основе.

С самой первой минуты, когда вермахт без объявления войны напал на СССР, он никогда не соблюдал на советской территории никаких норм международного права⁴⁰. В Венгрии, как и в некоторых других странах, распространено предвзятое мнение, что немцы и их союзники убивали военнопленных и взятых в плен партизан, потому что СССР не подписал Женевскую конвенцию. К этому обычно «забывают» добавить, что в действительности СССР принял предписания международного права относительно обращения с военнопленными. СССР действительно не подписал в 1929 г. новую Женевскую конвенцию, но ратифицировал другую, заключённую в то же время конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующей армии. Тем самым СССР продемонстрировал, что в случае войны он намерен придерживаться норм международного права⁴¹. С другой стороны, венгерский автор не понимает, что на советских территориях вермахт никогда не соблюдал никаких законов, вытекавших из международного права того времени, участвовал в геноциде против советского народа, уничтожении военнопленных и в Холокосте. Нацисты считали СССР «несуществующей страной», чего не скрывал и Геббельс⁴². Это была логика тотальной войны, которой нацисты следовали только на Восточном фронте. Так развеивается опирающийся на псевдоправовые аргументы миф, оправдывающий вермахт и охоту на партизан.

Подчинение научной критики источникам задачам идеологической борьбы, дискредитирующей СССР или сталинскую адми-

1941–1944) // Nagy Képes Millenniumi Hadtörténet. Osiris – Századvég. Budapest, 1998. С. 403–408; *Ungváry* (2004).

⁴⁰ См.: *Ungváry* (2004). С. 74, 80.

⁴¹ См.: *Дюков* (2007). С. 175.

⁴² См. проект, внесённый американским прокурором Харрисоном. Первая его публикация на венгерском языке осуществлена во втором издании книги: *Bálint, József*. 900 nap a 300 évből. Leningrád (900 дней из 300 лет. Ленинград). Budapest: Agroinform Kiadó, 2010. 34–40.

нистрацию, приводит к грубой политизации прошлого; опирающаяся на политическую конъюнктуру критика «коммунизма» часто приводит к оправданию политических сил, которые в действительности заинтересованы, с одной стороны, в затушёвывании нацистского прошлого, истории геноцида и отождествлении «коммунизма и фашизма», а с другой стороны, в воскрешении старого национализма. На место *замалчивания* приходит нередко явно дилетантский пересмотр истории с *псевдоправовой* точки зрения, что, в конечном счёте, также приводит к замалчиванию, больше того, отрицанию факта геноцида.

Некоторые российские либеральные авторы, опасаясь того, что документальное доказательство и «признание» геноцида служит российским великодержавным устремлениям, одновременно, быть может, невольно, содействуют укреплению этнонационалистического культа в малых государствах. Конечно, «окончательное» мнение в связи с опирающейся на данные ЧГК оценкой материального ущерба, нанесённого СССР, может быть составлено лишь на основе дальнейшей последовательной критики источников.

В России тоже существует критическое направление, представители которого вместо анализа содержания источников прибегают к формальному и неисторичному приёму применения к военному и послевоенному периоду правового подхода, характерного для нашего времени. Никита Петров дискредитирует деятельность ЧГК прежде всего утверждением, что она была пропагандистским средством в руках сталинского руководства⁴³. Однако это утверждение само по себе достаточно бессодержательно, ведь в СССР не было государственного органа, так или иначе не связанного с властными структурами партии. Это обстоятельство вовсе не затрагивает достоверности документов ЧГК. Можно утверждать, что значительная часть этих документов непригодна для проведения

⁴³ *Петров Н.* Чрезвычайная государственная комиссия и ее роль в судебных преследованиях военнопленных вермахта в СССР. 1943–1950 гг. // Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. Грац–Минск. 2007. С. 49-76; далее: *Петров* (2007.) Все статьи этой книги опубликованы на двух языках — русском и немецком. *Karner, Stefan; Selemenev, Vjačeslav* (Hg.). *Österreicher und Sudetendeutsche vor sowjetischen Militär- und Strafgerichten in Weißrussland 1945–1950.* Graz – Minsk, 2007.

современного судебного разбирательства, т.к. свидетели во многих случаях не смогли определить, солдаты какой части убили их родственников или ограбили их населённый пункт, однако это не меняет того факта, что нацисты и их пособники всё же убили их родственников и угнали их скот.

Петров недоволен тем, что в результате «пробелов» в свидетельских показаниях ответственность механически возлагалась на руководство немецкой армии и военной администрации⁴⁴. Российский автор, стоящий на позиции презентизма, забывает о том, что в военное время, когда возможности определения ответственности за преступления резко сужаются, особенно возрастает роль командиров, которые одни располагают правом и возможностью обуздать и дисциплинировать своих солдат. В качестве примера можно упомянуть случай осуждённого и, конечно, не реабилитированного генерала Шомлаи, который в ходе судебного процесса признал все преступления, но возложил всю ответственность за убийства в селе Орлия на своих подчинённых.

Конечно, документы ЧГК могли и могут служить средством любой пропаганды, однако их достоверность делает их незаменимыми историческими источниками для учёных, поскольку они предоставляют конкретные и неопровержимые доказательства геноцида.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Много лет назад известный венгерский историк Дюла Юхас точно и достоверно описал то, как венгерская концепция ведения войны быстро и неоднократно терпела фиаско, а хортистская властная элита одновременно с этим роковым образом изолировала Венгрию от остального мира. С июня 1941 г. суть этой военной концепции состояла в том, что Венгрия должна принимать участие в войне малыми силами, не принося в жертву большую часть своих вооружённых сил и сохраняя их на конец войны. Поскольку этот план быстро провалился, провалилось и намерение не посылать венгерские части на фронт, поручая им оккупационные функ-

⁴⁴ *Петров* (2007). С. 59.

ции и сохраняя таким образом венгерские вооружённые силы. Такой подход привел к тяжёлым последствиям, поскольку охота на партизан, управление оккупированными территориями и «поддержание порядка» на этих территориях произвели на международное сообщество, быть может, даже ещё более негативное впечатление, чем деятельность фронтовых частей. По сравнению с Румынией Венгрия послала на Восточный фронт гораздо меньше войск, но поскольку их главной задачей было «умиротворение» гражданского населения, их деятельность вызвала гораздо более сильное раздражение и презрение у Сталина и других советских руководителей⁴⁵.

Однако в современной Венгрии уже не приходится удивляться искажению исторической правды, ведь события наших дней, вызвавшие скандал и за пределами Венгрии, свидетельствуют о складывании нового культа Хорти. «Отмывание грязного белья» доходит до того, что сомнению подвергается даже информированность Хорти в военных вопросах, как будто не он был верховным главнокомандующим венгерскими вооружёнными силами.

Можно ли серьезно представить, что Сталин (и Геббельс) знали о массовых убийствах, совершённых венгерскими солдатами на Украине, в России и Белоруссии, а Хорти не имел о них никакого понятия? Конечно, это опровергается самим Хорти, который назначал армейских командиров и имел решающий голос при обсуждении стратегических и тактических вопросов.

В ходе процесса над Алдя-Пап в показаниях генералов и офицеров неоднократно упоминалось об информированности Хорти и его решающей роли в организации оккупационных сил и особенно в подборе их командного состава. Документы процесса над Золтаном Алдя-Пап проливают яркий свет на ответственность венгерского военного руководства, отдельных генералов, офицеров и солдат, в том числе и главнокомандующего Миклоша Хорти, в уничтожении и ограблении мирных советских граждан. Например,

⁴⁵ *Juhász, Gyula: Magyarország a második világháborúban* (Венгрия во второй мировой войне) // *Gólyavári esték. Előadások a magyar történelemről* / Szerk. Hanák Gábor. Budapest: , RTV-Minerva, 1984. 183-184; *Pritz, Pál. A nagyhatalmak és Magyarország a két háború között* (Великие державы и Венгрия между двумя мировыми войнами) // *Uő: Az a rövid 20. század: Történetpolitikai tanulmányok*. Magyar Történelmi Társulat. Budapest, 2005. C. 163-164.

во время допроса начальника штаба оккупационной группы, офицера Генштаба Шандора Захара, состоявшегося в Чернигове в ноябре 1947 г., допрашиваемый, отчасти защищая честь мундира, старался обнаружить единственный источник зла в немцах. По его мнению, Хорти и Сомбатхейи плясали под дудку Гитлера. Сам Захар и его командиры пользовались этими указаниями при планировании карательных мер⁴⁶.

К 1943 г. было собрано уже множество документов, свидетельствовавших о пытках и уничтожении многих десятков и сотен тысяч ни в чём не повинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев. Немцы и их сообщники расстреляли, повесили и заживо сожгли сотни тысяч, более того, миллионы людей, сожгли сотни сёл и деревень, в огромных масштабах изобретали и применяли невообразимые для нормального человека виды мучительной смерти.

ХАРАКТЕР И МАСШТАБЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В ходе установления «нового порядка» на украинских, русских и белорусских территориях венгерские оккупационные войска, подчинённые вооружённым силам нацистской Германии, создали режим убийств и насилия, суть которого изложена в известном приказе № 10 венгерского Генерального штаба⁴⁷. Не-

⁴⁶ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 6. Л. 84-89.

⁴⁷ На процессе, состоявшемся в 1947 г., Шандор Захар заявил: «Я уже давал ранее показания о том, что в середине 1942 г. была издана директива № 10, подписанная генерал-полковником Сомбатхейи, в которой высказывалось требование: самыми жестокими методами осуществлять оккупационную службу, не останавливаясь перед сожжением населённых пунктов, убийством мирных граждан, заподозренных в связях с партизанами, и конфискацией у населения продовольствия и скота. С этой директивой я познакомился примерно в мае 1942 года, вскоре после приезда в г. Киев из Венгрии. Помимо этой директивы существовала так называемая «оранжевая тетрадь», содержавшая в себе указания Генерального штаба по борьбе с партизанами, причем, насколько я помню, в этом указании была также приведена директива № 10, о которой я уже упоминал. [...] Как в директиве № 10, а также и в этом указании, определялись методы порабощения и истребления советского народа на оккупа-

смотря на невразумительную «освободительную» пропаганду⁴⁸, граница между борьбой с партизанами и устрашением населения оккупированных территорий оказалась размытой уже в документе, изданном в апреле 1942 г.⁴⁹, не говоря уж о практических действиях. В этом документе, составленном в 4-м отделе Генштаба венгерской армии, однозначно говорилось: «Вслед за поражением партизанских отрядов должно последовать самое неумолимое и безжалостное возмездие. Нет места снисхождению. Немилосердная жестокость у всякого отнимает охоту, чтобы впредь присоединиться к партизанам или поддерживать их; сами же партизаны милосердие и жалость могли бы принять за слабость. Взятых в плен партизан, подвергнув, в случае нужды, допросу, тут же на месте надо прикончить (расстрелять), либо для устрашения где-нибудь в ближайшем селе надо публично повесить. Также мы должны поступать и с разоблаченными, попавшими в наши руки помощни-

ционной территории Советского Союза. В указании, например, говорилось о том, что в случае необходимости можно сжигать любые населённые пункты, расстреливать на месте в целях устрашения — партизан и лиц, заподозренных в связях с последними, и реквизиции у населения всего продовольствия и скота. Я привожу это указание и директиву № 10, как наиболее памятные инструкции венгерского королевского Генерального штаба о карательной политике по отношению мирного населения, хотя их было гораздо больше. Все эти инструкции доводились до сведения командиров полков, дивизий и отдельных соединений, которые при проведении карательных операций полностью их выполняли. Помимо инструкций и распоряжений, которые наше командование Восточный оккупационный группировки получало от высших военных инстанций, мы руководствовались также письменными указаниями и устными распоряжениями германских военных властей, осуществлявших руководство оккупированными областями». ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 6. Л. 84-89.

⁴⁸ О нацистской пропаганде в районе Дона см.: *Filonyenko* (2011).

⁴⁹ A folyó háború tapasztalatainak ismertetése. A partizánharcok. A 10-es számú parancs (Об опыте текущей войны. Приказ № 10). Budapest, Attilanyomda Részvénytársaság, 1942; далее: A 10-es számú parancs 1942. Русский перевод приказа сохранился в фонде 4-го Управления НКГБ СССР (зафронтная работа). ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 703. Л. 1-42. Оpubл.: Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2012. С. 576-615; далее: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012.

ками партизан»⁵⁰. В документе даже содержится похвальба в связи с тем, что из-за своей жестокости венгры пользуются у местного населения худшей репутацией, чем немцы. Местные жители говорили: «Партизаны, будьте очень осторожны там, где находятся венгры, потому что венгры ещё более жестоки, чем немцы»⁵¹. Из-под пера генерал-майора Отто Абта вышел и следующий недвусмысленный приказ. В приложении № 16 к IV главе постановления № 7400/ММ. А. 1942 О. Абт писал: «Во многих случаях необходимо и устрашение. Например, истребление всего мужского населения»⁵². Здесь же партизанами или связными партизан считаются даже дети: В III главе приложения № 16 содержится указание: «Нельзя проявлять снисходительности даже к совсем маленьким детям, потому что, как правило, они — связные партизан»⁵³.

Сам язык документа, отражавшего точку зрения венгерского Генштаба, коренился в нацистской расовой теории, отражал гитлеровский топос, объявлявший русских и евреев людьми низшей расы. В разделе «Информирование и ориентировка населения» можно было прочесть следующее: «2. Украинский народ в расовом отношении не тождественен с русским, значит, он не может вести одинаковую с ним политику. Славянская кровь украинцев сильно перемешана с кровью туранских и германских народов. Вследствие этого они (украинцы) более разумны, более сильны, ловки и

⁵⁰ На венгерском языке: A 10-es számú parancs 1942. 39. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. С. 598.

⁵¹ Оригинальный текст содержался в партизанской телеграмме, перехваченной в Рождество 1941 г. и упомянутой в приказе генерал-майора Отто Абта № 22/108 gy.dd. I.b. от 13 января 1942 г., из которого видно, что партизаны выразились жёстче: «Выступление венгерских частей оказало большое воздействие на партизан. Это доказывает перехваченная ночью 24/25 декабря радиограмма, в которой говорится: “Партизаны, будьте очень осторожны там, где находятся венгры, потому что венгры ещё более жестокие свиньи, чем немцы”». *Háy, Gyula. Partizánok tükre. Athenaeum. Bp., 1945. 44.* (На основании документов, попавших в качестве трофеев к советским военным соединениям, венгерский эмигрант Дюла Хаи написал пропагандистское издание «Зеркало партизан», которое впервые было издано на венгерском языке в Москве в 1943 г., а затем и в Будапеште в 1945 г.; далее: *Háy (1945).*

⁵² *Háy (1945).* С. 53.

⁵³ *Там же.* С. 56.

жизнеспособны, чем русские. В расовом отношении и вследствие своих способностей они стоят намного ближе к западным культурным народам, чем к русскому. При новом европейском порядке украинцев ждёт важное призвание. В противовес этому русские одинаково при царском, и при красном режиме веками только лишь угнетали и эксплуатировали украинский народ и не давали ему возможности осуществить свои стремления, а также чаяния к культуре и цивилизации. Они могут найти для себя лучшее и более счастливое будущее только на стороне держав оси»⁵⁴. Весь текст пропитан цинизмом геббельсовской пропаганды, ненавистью к «жидо-коммунистическому господству» и идеологией расового антисемитизма. В этой связи имеет смысл процитировать следующий отрывок: «Каждый еврей — независимо от пола и возраста — за партизан! Еврейство, оставшееся на захваченной территории, боясь преследования со стороны украинского населения, вначале искало убежища за городскими стенами. Однако когда загорелось пламя партизанского движения, большинство 14–60-летних евреев-мужчин, руководимое непримиримой ненавистью, питаемой к державам оси, стали искать и находили убежище у партизан, скрывающихся в глубине лесов и в болотах. К этой группе принадлежат также те евреи, военнопленные, которым удалось скрыть свою национальность, ввести в заблуждение немецкое командование; выдав себя за украинцев»⁵⁵.

Тем временем уже осуществлялся Холокост, хотя при учёте жертв в СССР почти никогда не регистрировалась их национальность. Однако из исторической литературы известно, что к тому времени, к весне 1942 г., нацисты и их пособники уже уничтожили основные массы украинских и прибалтийских евреев, намного более 1 млн человек. Из документов выясняется, что венгерские части приняли участие и в ликвидации советских евреев, причем прежде всего играли активную роль в розыске, задержании и ликвидации евреев, спасавшихся от уничтожения, а также в передаче евреев немцам. В приложении № 16 к печально известному приказу № 10 значилось: «Евреи не могут оставаться в зоне деятельности 2-й ар-

⁵⁴ На венгерском языке: 10-es számú parancs 1942. С. 31. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. С. 593.

⁵⁵ На венгерском языке: 10-es számú parancs 1942. С. 11. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. С. 581.

мии. После прибытия (вступления) в какое-либо село или город их необходимо немедленно собирать и передавать в ближайшие немецкие жандармские комендатуры. [...] Полное уничтожение евреев является нашим первостепенным интересом»⁵⁶.

Повторяемость этого явления можно проследить не только на основе советских документов, но и до сих пор скрытым материалам послевоенных венгерских процессов, хранящимся в Историческом архиве служб государственной безопасности (венгерская аббревиатура — ВТЛ). В качестве примера приведем цитату из такого рода документа: «старший лейтенант Ласло Чаба: в ноябре 1941 г. на Украине принимал участие в сборе и казни эсэсовцами 400 евреев. Во время казни подчинённые названного лица обеспечивали её прикрытие»⁵⁷.

Необходимо отметить, что для идеологической базы венгерского военного присутствия характерно, что плакаты и листовки местных венгерских военных и административно-гарнизонных комендатур также обращались к местному населению и красноармейцам в духе расизма, национальной вражды, антисемитизма и нацизма⁵⁸.

В венгерской исторической литературе, посвящённой роли венгров в войне, не говорилось и о том, что наши военные подразделения наравне с немцами участвовали в строительстве и охране концентрационных лагерей для советских военнопленных, в их пытках и физическом уничтожении. В качестве примера упомянем, что «в 1943 г. при отступлении из Чернянского района Курской области мадыарские воинские части угоняли с собой содержащихся в концлагере 200 человек военнопленных бойцов Красной армии и 160 человек советских патриотов. В пути следования фашистские

⁵⁶ *Háy* (1945). С. 49, 58.

⁵⁷ ВТЛ 3.1.9. V-14324. 25. При помиловании Миклоша Острогонаца в конце девятилетнего срока заключения совершённое им преступление было описано так: «Осенью 1941 г. осуждённый находился на советском театре военных действий. Однажды ротный командир вызвал из числа подчиненных добровольцев для казни гражданских лиц. Вышло 10 добровольцев, среди которых был и осуждённый. После этого ими было расстреляно приблизительно 70-80 гражданских лиц». Там же. С. 33.

⁵⁸ ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 297. Л. 1. В нижней части пожелтевшего печатного плаката видна надпись мелкими буквами «Ung 2».

варвары всех этих 360 человек закрыли в здании школы, облили бензином и зажгли. Пытавшихся бежать, расстреливали»⁵⁹.

Массовое уничтожение гражданского населения не следовало непосредственно из идеологического основ, оно вытекало прежде всего из того, что, с одной стороны, в борьбе с партизанами население рассматривалось как заложник, а с другой стороны, ограбление местных жителей представлялось естественной предпосылкой «выживания»⁶⁰. Прежде всего именно этими двумя факторами объясняется поразительно большое количество жертв. Особенно важным документом является сообщение ЧГК от 28 марта 1945 г., посланное 23 июня 1945 г. Европейским отделом НКВД СССР маршалу К.Е. Ворошилову, председателю Союзной контрольной комиссии в Венгрии⁶¹. Заставляет задуматься тот факт, что лишь в нескольких районах Черниговской области венгерскими войсками было убито почти 40 тысяч мирных советских граждан: «1. Гремячский, 2. Городнянский, 3. Корюковский, 4. Менский, 5. Новгород-Северский, 6. Понорницкий, 7. Сосницкий, 8. Семеновский, 9. Михайло-Коцюбинский, 10. Холменский, 11. Щорский и 12. Черниговский районы были ареной, где расправу над населением чинили исключительно венгры. На этих территориях было убито и замучено 38 611 советских граждан и 12 159 человек угнано в рабство»⁶². Центром массовых расправ был город Щорс, где в тюрьмах, парках и лесах в сопровождении страшных пыток было казнено много тысяч человек, брошенных в огромные ямы, выкопанные самими обречёнными на смерть людьми. «Массовые расстрелы производились в Щорском городском парке, где и обнаружено 30 ям-могил, в которых захоронено 3028 человек, и в молодом сосняке, прилегающем к парку (где был пионерский лагерь), обнаружено 20 ям-могил, где захоронено 2250 человек»⁶³.

⁵⁹ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 248.

⁶⁰ Историки тоже отмечают, что попавшие в плен венгерские солдаты были одеты в похищенные халаты, одеяла, шапки. См.: *Филоненко С.И.; Филоненко А.С.* Острогожско-россошанская операция — «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005. С. 164.

⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 237. Л. 131–138; Ф. 7021. Оп. 78. Д. 187. Л. 2-15.

⁶² Там же.

⁶³ Сообщение Черниговской областной комиссии содействия о злодеяниях венгров на территории 12-ти административных районов Черни-

Во многих местах наиболее частым видом казни и пытки было сожжение заживо. Жертвами большей частью были старики, женщины и дети, но убивали и грудных детей вместе с кормившими их матерями. А ведь Щорс был лишь одним из многих мест казней.

Массовые захоронения были обнаружены и в других местах. Например, акт от 15 апреля 1943 г.: «Сего числа в логу на территории поля колхоза им. Ворошилова 2-го Сине-Липяговского сельсовета обнаружено в мелко закопанной яме 12 трупов зверски замученных и убитых партизан, партийных и советских активистов нашего района. [...] Эту злодейскую работу означенные выродки проводили по заданию мадыарского коменданта Форкуш, помощника коменданта Лаюша, коменданта жандармского управления Баратх Короля»⁶⁴. Только в городе Кобрин Брестской области было убито 7 тысяч человек; несколько тысяч человек было вывезено на работы в Германию⁶⁵. Особенно часто в этих документах упоминается о зверствах солдат 105-й и 201-й венгерских пехотных дивизий. Многие документы, показания переживших эти события свидетелей с поразительной силой повествуют о множестве убийств, массовых ночных казнях, а также пытках мирных жителей и военнопленных, совершённых в Черниговской, Воронежской, Брянской, Брестской, Курской областях, на берегах и в окрестностях реки Оскол, а в 1944 г. снова на белорусских и закарпатских территориях⁶⁶.

говской области УССР. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 78. Д. 187. Л. 2-15. «Помимо уничтожения отдельных селений, с проживавшим там населением, венгры производили массовые аресты советских граждан, заключали их в тюрьму и там расстреливали. В г. Щорсе, который являлся одним из центров венгерского командования, в тюрьме было расстреляно около пяти с половиной тысяч человек».

⁶⁴ ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 321. Л. 2-2 об.

⁶⁵ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 21. Л. 452-470.

⁶⁶ О группах источников, хранящихся в Государственном архиве Курской области, см.: ГАКО Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 2850. Л. 91 (Свидетельство Беспалова). ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 258. Л. 45 (Группа свидетелей). ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 285. Л. 866 (Свидетель Ларина). ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 285. Л. 89-90 (Прокламация венгерского коменданта об оккупации данного населённого пункта).

Чем можно объяснить массовое и частое сожжение живьём взрослых и детей, массовое изнасилование женщин с их последующим жестоким избиением или убийством? Зачем нужно было уничтожать всех, кто оставался в живых после сожжения населённых пунктов?

Здесь нужно говорить о сложной цепи причин. Во-первых, определяющую роль в этом сыграл чреватый фашизмом авторитарный режим, давший венгерским солдатам моральное, духовное и культурное «воспитание». Имеется ввиду прежде всего упорная и глубокая *расистская и антикоммунистическая индоктринация*, в течение четверти столетия идеологически цементирувавшая режим Хорти.

Безусловно, следует упомянуть и непосредственное влияние ближайшего союзника Венгрии, нацистской Германии, ведь немцы были главными организаторами массовых злодеяний. Если же говорить об официальной венгерской идеологии, то на советских территориях однозначно наблюдалось влияние нацистской идеологии. С первой минуты был очевиден грабительский, аморальный характер войны. Из воспоминаний венгерских солдат выясняется, что под влиянием поражения на Дону у многих из них зародилось сомнение: с какой же целью они находятся почти за две тысячи километров от своей родины, в чужой стране, не понимая ни языка, ни чувств местных жителей? В мемуарах, дневниках и письмах вырисовываются картины мародёрства, грабежа мирного населения, к которому были «причастны» и фронтовые части 2-й венгерской армии⁶⁷.

Во-вторых, можно с полным основанием предположить, что к числу причин относится и постепенно охватившее всех чувство, связанное с безнадежностью войны, с неумолимым приближением смерти, с бессмысленностью происходящего, с «недоступностью» и «непостижимостью» противника, странностью его привычек, с муками совести, страхом совершивших злодеяния преступников, с желанием уничтожить свидетелей этих злодеяний. К этому нужно

⁶⁷ См.: *Pihurik, Judit. Naplók és memoárok a Don-kanyarból 1942-1943* (Дневники и мемуары из излучины Дона 1942–1943). Budapest: Napvilág, 2007. és *Dr. Somorjai, Lajos. Megjártam a Don-kanyart. Harctéri napló, Oroszország, 1942–1943* (Я побывал в излучине Дона. Фронтовой дневник, Россия, 1942–1943). Budapest: Rubicon, 2011.

добавить *алчность*, возможность свободного грабежа, сознание *безнаказанности*, больше того, стремление преподнести устрашение, терроризирование населения в виде героического мифа, который помогал обосновать все карательные акции. Как известно, на это обращал особое внимание и Хорти. Следует упомянуть и разрушение у солдат всех нравственных препон, осуществлённое также высшим руководством. К тому же кровавая война и сама по себе приглушает в людях, особенно в солдатах, моральные соображения.

В-третьих, чувство *мести*. Во многих документах говорится о том, что кровавые расправы и зверства особенно учащались после крупных поражений. Имеются в виду не только потери, понесённые в борьбе с партизанами, но прежде всего в ходе наступления Красной армии на рубеже 1942–1943 гг., прорыва у Сталинграда и Дона. Прекрасно информированный командир полка Бела Шафрань на допросе 28 октября 1947 г. сформулировал своё мнение так: «По моему мнению, применение Восточной оккупационной группой таких методов, как уничтожение населённых пунктов, расстрел невинных граждан и грабёж населения, объясняется следующими причинами:

1. Приказами, издаваемыми командованием Восточной оккупационной группы, т.е. генерал-лейтенантом Бакаи, и начальником штаба полковником Шандором Захаром, которые требовали применения жестоких репрессивных мер не только против партизан, но и против мирного населения, с тем, чтобы его утратить и добиться полного послушания немецким властям.
2. На основании изучения личного состава 251-го полка я сделал вывод, что часть солдат была недостаточно обученной, морально разложившейся и старалась использовать оккупационную службу в своих корыстных целях. Другая часть честных солдат, под их влиянием и благодаря попустительству командиров, также разложилась и в результате тоже стала походить на бандитов. Это же самое относится в одинаковой степени и к части офицеров венгерской оккупационной групп-

пы»⁶⁸. Ответственность венгерского военного руководства, генералов, офицеров и солдат была выяснена в ходе процесса над Алдя-Пап. После 1945 г. венгерское правосудие (и, конечно, политическое руководство) быстро осознало тяжесть и масштабы военных преступлений⁶⁹. Правда, до последнего времени венгерские историки не проявляли никакого интереса к многочисленным судебным процессам, состоявшимся в Венгрии в 1945–1956 гг. в связи с военными преступлениями, совершёнными на советских территориях, и обширными материалами этих процессов. Эти материалы, хранящиеся в Историческом архиве служб безопасности, до сих пор ждут своих исследователей. В настоящей статье упомянуто лишь несколько документов для иллюстрации того, какие сведения о геноциде могут быть доказаны с помощью венгерских архивов. При этом мы не касаемся проблемы юридической «чистоты» упомянутых процессов. Ранее неизвестные доку-

⁶⁸ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 8. Л. 6-9.

⁶⁹ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 21. Л. 380, 382. Сам Алдя-Пап Золтан в своём последнем слове на процессе указал на эту ответственность: «Мною и моими частями ущерб, нанесённый советскому украинскому народу, настолько велик, что я не защищаю, а обвиняю себя. [...] Я был исполнителем этой кровавой политики, вместо того, чтобы бороться против неё... По этой причине не защищаю, а обвиняю самого себя. И за свою вину ожидаю соответствующего наказания». Полковник Захар в своём последнем слове сказал: «Честь и мой долг как старого офицера — только мужественно принять на себя ответственность за совершённое нами преступление. Я искренне признаю свои ошибки и преступления и жду справедливого приговора советского трибунала, с таким чувством, что я заслужил своё наказание. Я знаю, что за то время, которое я буду работать в отбытии моего наказания, я только частично могу отслужить Советскому Союзу за совершённое мною преступление. Я надеюсь, если я когда-нибудь вернусь на свою родину, то я не только буду свидетелем преступлений, совершаемых венграми против мирного населения, но буду в то же время сильным агитатором и свидетелем того, что настоящая демократическая Венгрия избрала единственно правильный путь, и я буду благодарен тому, что советский народ освободил венгерский народ от фашистско-немецкого ига».

менты подтверждают содержание документов ЧГК как в целом, так особенно и в частности. Материалы венгерских процессов не только рассказывают о зверствах военной жандармерии, но и показывают, как теряют свой человеческий облик обычные люди, врач и земледелец, священник и рабочий, как «маленький человек» превращается в массового убийцу⁷⁰.

Во многих случаях выражение «борьба с партизанами» лишь прикрывало и оправдывало мародёрство, насилие и убийства. Кристиан Унгвари в своей уже цитированной книге правильно отмечает, что после ноября 1942 г. количество крупных операций против партизан постоянно сокращалось, поскольку ни у венгров, ни у немцев уже не было для этого необходимых сил. Однако в то время, как борьба с партизанами по существу прекратилась, снова умножились акции мести, репрессии против населения, дикие грабежи и массовые казни, убийства, видимо, мотивированные понесёнными поражениями.

Масса документов, составленных в Воронежской и ряде белорусских областей, рассказывает о множестве кажущихся невероятными зверских убийств. Типичным примером таких расправ стали события в с. Марки к югу от Воронежа: «При 40°С морозе мирных жителей и военнопленных красноармейцев гнали на работу. Военнопленные были одеты в рваное тряпье и изнурённые голодом, погибали от пуль венгерских мерзавцев. Всего в с. Марках было расстреляно более 100 человек мирного населения и более 300 военнопленных красноармейцев, не считая того, что умерли от истощения в результате изнурения и голода. Мадыро-фашистские звери издевались и глумились над женщинами, и многие из них были изнасилованы. За сопротивление удовлетворению похотей мадырских мерзавцев была расстреляна 17-летняя Бегочкина Маруся. Всё население, начиная с шести лет, вынуждено было носить на левой руке повязку с номером: за появление в селе без повязки мадыры сажали на трое суток в холодный амбар»⁷¹.

⁷⁰ Особенности геноцида отражаются, например, в следующих документах: ВТЛ 3. 1. 9. V – 14324, V - 34417, V – 115 720/a, V – 82992, V – 129238, V – 16919.

⁷¹ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 61. Л. 36-36 об.

Кровавые расправы продолжались с не меньшей интенсивностью в течение всего 1943 г. По показаниям свидетеля Г.М. Прищепа, жителя с. Солотино: «О зверствах венгров на территории села Солотино мне известно следующее: примерно в июле–августе 1943 г. в воскресенье в село Солотино первый раз прибыли венгры, около 50-ти человек. Сделав облаву в селе Солотино, произвели несколько выстрелов из орудия в направлении села Мальцы, возвратились в село Выступовичи. В этот день сожгли 2 дома в селе и больше ничего не тронули. Через неделю венгры прибыли к нам в село утром, окружили всё село Солотино, согнали всех мирных жителей села — детей, стариков и женщин — в один из сараев, установили у двери сарая станковый пулемёт и всех их расстреляли, затем сарай подожгли. Всего было согнано населения около 70 человек, но после того, когда они были расстреляны, а затем подожжены, среди них 8 человек остались в живых и после вылезли из-под трупов из сарая. [...] Расстреляв всех мирных жителей, венгры подожгли всё село до единого дома, забрали весь имеющийся скот и уехали в село Выступовичи. Всего было сожжено венграми 40 дворов, в число которых входили жилые дома и сараи. Сколько было всего скота забрано, я не могу сказать точно, не знаю, но не меньше 15-ти голов. Перед расстрелом мирных жителей села Солотино в числе, которых была и моя жена — Прищепа Лукерья, [...] население обратилось к венграм с просьбой о помиловании, поднялись ужасные крики детей, стариков и женщин, но никакие мольбы не могли помочь. Никто не обращал на это никакого внимания. Моя жена — Прищепа Лукерья, бросилась в отчаянии под ноги мадьяру, начала целовать ему ноги и просила, чтобы её не расстреливали, но стоявший перед ней мадьяр ударил её сапогом в лицо, выбил все зубы, а после чего выстрелил в неё из автомата. Так же погибла и жена моего сына — Прищепа Мария. Трудно передать, что делали в этот день венгры»⁷².

Житель с. Черевачицы Белюс Федор Яковлевич дал такие показания: «В ночь на 7 ноября 1943 г. так же был погром “мадьяр”, где проходили убийства кого только захватят в доме, а бежавших расстреливали, освещая ракетами; постройки жгли. Мой сын тогда находился у моего брата, так как постройки мои сожгли раньше,

⁷² ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 11. Л. 292-292 об.

захватили его в доме, так как не успел уйти, и убили. В этот день мадьяры убили и ранили 50 человек мирного населения дер. Огородники, Черевачицы и Мельники. Были случаи расстрелянных целыми семьями, как например, семья Козел: вся убита, из семьи осталась только одна девочка. В деревне Огородники из семьи Мельчун остался один только мальчик 8-ми лет и тот был ранен. Грабежом эти подразделения мадьяр занимались периодически, ежемесячно выезжали на хутора с подводами и грабили, что им заблагорассудится»⁷³.

О зверствах венгров рассказал и свидетель Троян П.С.: «В нашем селе Карпиловка чинили зверства, и злодеяния исключительно венгерские части (мадьяры), особенно в период май–август 1943 г. Название части я не знаю, но эта часть называлась венгерский карательный отряд. [...] В мае 1943 г. жители с. Карпиловка получили данные, что по направлению с г. Остера на Карпиловку движется крупный карательный отряд. Все жители села, в том числе и я, оставили свои квартиры и ушли в лес. Венгерский карательный отряд стал из орудий, танков и пулемётов обстреливать с. Карпиловку. Ворвавшись в село, мадьяры стали расстреливать стариков, тех, которые не успели удрать в лес. Так они расстреляли старика Троян Григория и других, фамилии которых я не могу вспомнить. Потом начали заниматься поджогом и повальными грабежами. Сожгли мою хату, в которой я только 2 года пожил. Забрали всё моё имущество: корову, свинью, одежду и всю домашнюю утварь. У моей матери всё забрали, вплоть до нательного белья, потом начались избиения селян и массовые расстрелы. 20 мая 1943 г. мадьярские солдаты совместно с полицаями стали ходить по дворам и забирать жителей села и уводить к старостату. Пришли и ко мне, но я со своей семьёй находился на пожарище своей догоравшей хаты, и меня не заметили. Всех собравшихся жителей села мадьяры и полицаи от старостата под усиленным конвоем отвели за село: к противотанковому рву и там их расстреляли. Позже мадьяры и полицаи начали ходить собирать вторую партию, в том числе забрали меня с семьёй и ещё человек до 30 или больше. Привели нас к старостату, но уже там никого не было,

⁷³ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 2. Л. 133-134. Протокол допроса Белюса Ф.Я. от 25 октября 1947 г.

то нам посчастливилось разойтись по домам. Приблизительно часа в 3–4 дня снова ко мне пришли мадьяры и полицаи Прохоренко Степан, приказали взять лопаты, собрали нас к противотанковому рву, человек 40, и приказали закапывать противотанковый ров с расстрелянными трупами. Возле противотанкового рва с трупами стояли мадьяры с пулемётами и собаками, охраняли нас, пока мы закончили весь ров с трупами, отпустили нас домой. [...] Ров был приблизительно 30 метров длины и 2 метра ширины. Трупы лежали в беспорядке, повалом, и трудно было установить следы огнестрельного оружия, ибо это было кровавое месиво из стариков, старух и подростков. Была жуткая картина, и я не мог присматриваться, где их раны и куда в них стреляли»⁷⁴.

В сентябре 1943 г. был ограблен и разрушен город Нежин: «14 сентября 1943 года взорвано и сожжено здание студобщежития по улице Богуна № 3, разграблена библиотека по Гоголевской улице № 4; часть книг сожжена. Разграблены кабинеты и лаборатории. Всего причинён ущерб на сумму 4 879 305 руб.»⁷⁵.

На основании архивных материалов ныне уже можно с уверенностью утверждать, что в 1941–1944 гг. венгерское хортистское государство и его армии осуществили на оккупированных советских территориях геноцид. Архивные материалы убедительно раскрывают перед нами «венгерскую главу» нацистского геноцида. Так как эти преступления принадлежат к категории преступлений против человечности, к ним не применяются никакие сроки давности. На послевоенном процессе над венгерскими генералами и старшими офицерами один из главных организаторов этих преступлений — генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап — был единственным из подсудимых, кто, не пытаясь найти смягчающих обстоятельств, признал факт геноцида и свою ответственность в его осуществлении⁷⁶.

⁷⁴ ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 5. Л. 80-81. Протокол допроса Трояна П.С. от 22 октября 1947 г.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 127. Д. 82. Л. 28.

⁷⁶ Согласно протоколам допросов, проведенных в октябре – ноябре 1947 г., Алдя-Пап сказал: «Да, признаю ответственным себя, как командир 105-й венгерской оккупационной дивизии, за все действия подчинённых мне частей на временно захваченной немцами территории советской Украины [...] Да, признаю, я действительно, как командир 105-й дивизии

Конечно, проблема ответственности за военные преступления лежит не на плечах потомков, современного поколения. Ныне наша ответственность состоит «лишь» в том, что всем нам, независимо от нашей национальности, необходимо, наконец, отчетливо осознать факты этих преступлений, огромного количества совершённых злодеяний, «смириться» с тем, что всё это действительно произошло, научно и психологически осмыслить произошедшее и извлечь из него соответствующие уроки. Сделать это отнюдь не просто.

Открытие доступа к российским архивам отнимет в будущем у политиков и историков возможность применения «восточноевропейской тактики», в соответствии с которой ответственность за геноцид повсеместно, от Австрии и Венгрии до Латвии, перекладывается на немцев. Как мы уже упоминали, современная венгерская мейнстримная академическая историческая наука практически обходит вниманием геноцид, преступления, совершённые на советских территориях, как будто эти преступления не являются органической частью венгерской истории. В последние семь десятилетий немцы не перекладывали ответственности на других, им пришлось до самого конца пройти мучительным, тернистым, чреватым множеством конфликтов путём национального самопознания. Наша задача тоже не может состоять ни в чем ином, как в том, чтобы в интересах сохранения национального самоуважения, пусть даже с опозданием на десятилетия, взглянуть на страшные события войны как на часть нашей собственной истории, восприняв их без пристрастия, так, как они произошли.

Понимающий читатель знает, что при составлении документов о геноциде военного времени проводившие расследования комиссии сосредоточивали своё внимание на событиях геноцида, на преступлениях, а не на поисках островков человечности в море бесчеловечности. И всё же всегда необходимо помнить и о тех сохранившихся в народной памяти, нередко ставших легендарными случаями, когда венгерские солдаты вызволяли несчастных из рук

венгерской восточной оккупационной группы, был исполнителем воли тогдашнего венгерского фашистского правительства и его генерального штаба и участником истребления и порабощения украинского советского народа. Кровавую деятельность этой гитлеровской политики и нашу деятельность я только сейчас вижу и глубоко её осуждаю». ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 1. Л. 28-39.

венгров или немцев, бескорыстно помогали нуждавшимся. Сбор этих редких, легендарных случаев особенно важен ещё и потому, что, как учит история, можно оставаться человеком и в бесчеловечном мире. Нужно всегда помнить о том, что всегда существует альтернатива бесчеловечности, даже если эта альтернатива, конечно, связана с риском⁷⁷. Всё это настоятельно заставляет нас взглянуть в лицо фактам — фактам геноцида и Холокоста против народов СССР, геноцида, осуществленного режимом Хорти.

⁷⁷ Возможность выбора существует и в экстремальной ситуации, как выясняется, например, из материалов начавшегося в 1949 г. судебного процесса над добровольным палачом, гонведом Каройем Белшё, рассказавшим в своё оправдание о казни советских граждан в 30 км от Воронежа следующее: «Сержант Бароди [перед казнью обречённых] угостил их сигаретами, от которых они отказались, а на вопрос сержанта Бароди, не бояться ли они смерти, старший по возрасту местный житель ответил, что он старый коммунист, остается коммунистом по сей день и ничего не боится. Тогда старший лейтенант Вильмош Йенеи пришел в ярость и отдал приказ об исполнении казни. Приказ приводили в исполнение гонвед Янош Чорба из поселка Татахаза и другой, неизвестный мне гонвед, имя которого я уже забыл. Янош Чорба немедленно исполнил приказ и выстрелил, в то время как другой гонвед не смог выстрелить, у него дрожали руки, поэтому Вильмош Йенеи закричал на него, что он трус, после чего сержант Бароди взял винтовку из рук испугавшегося гонведа и передал её мне, а я прикончил 65-летнего старика выстрелом в затылок...». — ВТЛ V - 34417. С. 14-15. Кто же был тогда храбрым, а кто трусом?..

ГУЛАГ И ОСВЕНЦИМ

СМЫСЛ И ФУНКЦИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

За последние шесть десятилетий по существу стала понятной и хорошо видимой двойная функция ГУЛАГа. После 1991 года в распоряжении ученых оказалась масса информации, документов, данных. По-прежнему очевидно, что одна из функций ГУЛАГа состояла в том, чтобы принудительно ввести население страны, в первую очередь сотрудников партийного и государственного аппарата, в иерархию личной диктатуры. С другой стороны, четко вырисовывается и рыночно-хозяйственная функция ГУЛАГа, стремление насильственными методами обеспечить выполнение тех видов трудовой деятельности, которые в действительности или по мнению правящей верхушки не могли регулироваться с помощью обычных средств государственного накопления капиталов. Таким образом, ГУЛАГ являлся средством, с помощью которого государство выжимало прибавочный продукт из возрастающего числа подневольных работников. Мысль о возможности сопоставления ГУЛАГа с нацистскими лагерями коренится в аналогии между гитлеризмом и сталинизмом, которая проводилась в различных исторических ситуациях. Размышления о ГУЛАГе в сопоставлении с Освенцимом и холокостом в целом представляют собой относительно позднее явление, о причинах которого стоит сказать несколько слов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНАЛОГИИ

Сама аналогия между сталинизмом и гитлеризмом возникла в среде антисталинской внутривластной оппозиции. В середине

* Эта работа была доложена на международной конференции, организованной кафедрой русистики Будапештского университета имени Лоранда Этвеша, в ноябре 1999 г. Первая публикация — 2000.

тридцатых годов она была выдвинута прежде всего Троцким в рамках первого варианта теории тоталитаризма. Хотя Троцкий с самого начала подчеркивал различие в социальном и экономическом содержании этих двух режимов, но в то же время указал и на то, что личные диктатуры, при всей разнице между ними, имеют сходство «по форме»... В то время функция этого сравнения состояла в дискредитации Сталина фашизмом подобно тому, как Сталин и Зиновьев еще в 1924 г. скомпрометировали социал-демократию, определив ее как «умеренное крыло фашизма». В долгу не остались и социал-демократы. Таким образом, взаимные поношения имеют давнее происхождение: фашистов называли «коричневыми большевиками», коммунистов — «красными фашистами», социал-демократов — «социал-фашистами», не говоря уже о более позднем, «непартийном» употреблении данной терминологии, например, о термине «ангельский фашизм», примененном Наомом Чомски к США.

В период холодной войны, развернувшейся после Второй мировой войны, теория тоталитаризма стала «популярной» прежде всего в Америке. Сторонники этой теории в конечном итоге отождествляли, выводили от одного корня все диктатуры, выдвигая на передний план форму правления и систему политических институтов. На Востоке отвечали тем, что вслед за Димитровым рассматривали фашизм как диктатуру международного финансового капитала, как будто финансовый капитал повсеместно финансировал фашистские движения и режимы. Позже, в 70-е и 80-е годы, историки обоих «лагерей» обратились уже к более взвешенному анализу. Однако эта тенденция трезвого научного исследования преломилась накануне и в процессе смены режима в странах Восточной Европы. Снова возросла популярность имевшего идеологический прицел отождествления «фашизма и коммунизма», подчеркивания родственных черт между ними. Тем самым началось определенное, иногда, вероятно, непреднамеренное моральное оправдание фашизма, все реже говорилось об антикоммунистическом, антисоциалистическом характере фашизма и гитлеризма. Более важным оказалось отождествление или сопоставление диктаторских черт личности Гитлера и Сталина, доказательство «вечного сходства» различных диктатур. Фундаментальными исходными поня-

тиями сделались выражения «диктаторы», «диктатуры», «однопартийная система», «многопартийная система». Были релятивизованы структурные и идеологические различия между «сходными» политическими режимами.

Что касается именно тематики ГУЛАГа, то вплоть до 1991 года источниковая база оставалась прежней. Отдельные важные историографические начинания потонули в море литературных обработок и мемуаров, не дав возможности познакомиться с настоящей историей и реальными масштабами ГУЛАГа. Автор этих строк в написанной им в соавторстве биографии Сталина, опубликованной в 1988 г. и через год переведенной на русский язык, заимствовал данные, общепринятые в исторической науке того времени и, как теперь понятно, не соответствующие действительности¹. В процессе смены режима в странах Восточной Европы ГУЛАГ стал предметом споров без научного изучения его истории. Таким образом, мы имеем дело с проблемой, сначала вовлеченной в политическую борьбу и лишь затем подвергшейся научному оформлению, причем эти два аспекта никогда не отрывались друг от друга². В 80-е годы новый импульс к изучению этой проблематики, главным образом в Европе, но также и в США, дала дискуссия в немецкой исторической науке. Для многих авторов «коммунизм» снова стал объектом сопоставления при интерпретации нацистского режима. Если отвлечься от политических и идеологических целей, можно сказать, что эта дискуссия, несомненно,

¹ *Béládi, L.; Krausz, T. Sztálin. Budapest, 1988. P. 179-180.* «Если историк все же со спокойной совестью публикует цифры, то он предпочитает обращаться к авторам, которые, насколько ему известно, свободны от предубеждений. К числу таких авторов принадлежит Рой Медведев. По его сведениям, в 1936–1939 годах политические чистки затронули 4–5 миллионов человек». В свете опубликованных данных очевидно, что эта цифра была завышена в 4–5 раз.

² Эта особенность присутствует даже и у старшего поколения венгерских историков. В связи с новой тематизацией аналогии между «коммунизмом и фашизмом» я хотел бы обратить внимание на дискуссию между академиками Палом Жигмондом Пахом и Марией Ормош. См.: *Ormos, M. Boldogság-ideológiák a XX. században // Magyar Tudomány. № 10 (1994).* Реакцию Пала Жигмонда Паха см.: *Pach, Zs. P. Széjegyzet a boldogság-ideológiákhoz // Ibid. № 1 (1995). P. 61-63.* Ответ М. Ормош: *Ibid. P. 63-65.*

имела важные научные последствия³. Однако по-настоящему значительное воздействие на подход к данной тематике оказала не дискуссия немецких историков, а крупная интеллектуальная «операция» — типично американское явление.

«ВЕЛИКАЯ ОПЕРАЦИЯ», ИЛИ ПОЧЕМУ КОНКВЕСТ ИЩЕТ ХОЛОКОСТ НА УКРАИНЕ?

Еще задолго до смены режима в странах Восточной Европы «великая операция» по отождествлению нацистского геноцида и ГУЛАГа или хотя бы установлению родства между ними началась и в области исторической науки. Тезис Рейгана об «империи зла» указал на то, что криминализация истории СССР вторглась в сферу политики. Как известно, методологическую основу для указанного выше отождествления обеспечила т.н. теория тоталитаризма, оказавшаяся адекватней идеологии эпохи холодной войны, пережившая со второй половины 80-х годов период возрождения⁴, а в Восточной Европе ставшая частью идеологического контекста смены режима. В сфере исторической науки *аналогия* превратилась в *тождество* прежде всего под влиянием книги «Жатва скорби» («The Harvest of Sorrow»), поздней, возникшей в атмосфере холодной войны работы Роберта Конквеста, автора «Большого террора», а также под влиянием той интеллектуальной среды, которая сложилась вокруг этой книги. «Жатва скорби» стала необычайно популярной и за пределами США. Тайная политическая история ее написания была обнародована еще в 1988 г. американским автором Джеффом Коплоном⁵.

³ Историографический обзор данной тематики можно найти в кн.: Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison / Ed. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge Univ. Press, 1977.

⁴ Критический анализ этого явления с некоторыми апологетическими нотами см.: Gleason, A. Totalitarianism. The Inner History of the Cold War. N. Y. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. В «Slavic Review» и других журналах снова начались старые споры о характере сталинизма в рамках аналогии с фашизмом.

⁵ Coplon, J. Soviet Holocaust? // Voice. Jan. 12 (1988). В венгерском переводе: Múltunk. № 1 (1990) (далее ссылки на это издание). P. 100-110.

Стоит кратко вспомнить эту историю. Суть в том, что голод 1932–1933 гг. на Украине нужно было показать как подобную нацистскому геноциду попытку сознательно уничтожить миллионы украинцев, причем количество жертв этой попытки должно было даже превышать 6 миллионов — число евреев, погибших в результате нацистского холокоста.

Сегодня уже многие забыли о том, что, вынужденные эмигрировать из-за сотрудничества с нацистами украинские националистические организации, подобные «Комиссии по расследованию голода на Украине», в начале 80-х годов выдвинули тему «советского холокоста», отчасти именно для того, чтобы отвлечь внимание от действительной роли украинских националистических групп в уничтожении евреев на Украине во время Второй мировой войны⁶. В связи с голодом на Украине необходимо было выяснить, что может быть, а что не может быть доказано, в конце концов нельзя отрицать и факта засухи, стихийного бедствия. «Общепринято мнение, — писал упомянутый критик более десяти лет назад, — что Сталин отчасти несет ответственность за все это. Но, даже обладая самой безудержной фантазией, нельзя назвать эту трагедию геноцидом»⁷. Проблема ответственности Сталина не может быть оторвана от проблемы механизма функционирования режима. Ведь за голод можно задним числом считать ответственным не только Сталина, ибо, как верно подчеркивал ранее Гетти, голод не может быть интерпретирован без учета роли множества десятков тысяч партийных функционеров, выполнявших постановления, к тому же, говоря о причинах, необходимо упомянуть и

⁶ Украинские эмигранты не случайно препятствовали розыску нацистов, ведь они могли быть разоблачены как пособники нацистов, как простые коллаборационисты. «Вероятно, не случайно, что расследование голода началось с особой силой именно тогда, когда в 1979 году было создано особое Бюро расследований». Тогда был поставлен вопрос об аресте Джона Демьянюка, военного преступника, получившего прозвище «Иван Грозный». См.: *Coplon, J. Op. cit.* P. 109.

⁷ После опубликования статьи Коплона известные представители американской и английской исторической науки доказали, что причины и следствия голода имели иной характер, чем думал Конквест. См., например, дискуссии на страницах «*Soviet Studies*», которые велись перед сменой режима в СССР.

о тех крестьянах, которые забили скот, пожгли земли и в знак протеста бойкотировали обработку земель⁸.

В «безудержной фантазии» нуждался Конквест для написания в 1987 г. книги «Жатва скорби»⁹. Для обоснования необходимого тезиса еще в 1983 г. был показан фильм «Harvest of Despair», в фотоматериалах которого была осуществлена изящная фальсификация. Картины голода 1921–1922 гг. в Поволжье были представлены как сделанные в период голода 1932–1933 гг. на Украине.

Устрашающая книга Конквеста оказалась находкой для средств массовой информации. Она была встречена овацией в политической и культурной публицистике, однако специалисты, по существу, с первой минуты отвергли тезисы ее автора. Известный советолог, профессор Стэнфордского университета Александр Далин высказал следующее мнение: «Нет доказательств того, что голод был сознательно направлен против украинцев... Это совершенно несовместимо с имеющимися у нас данными и не имеет никакого смысла»¹⁰. Дискуссия возобновилась в 90-е годы, в частности, можно указать на полемику Виткрофта и других с Конквестом, а также на ответ Конквеста, согласно которому книга действительно была написана с целью доказать, что Сталин сознательно вызвал голод, чтобы расправиться с кулаками¹¹.

⁸ Ср.: Stalinism and Nazism. P.101 и *Краус, Т.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота (1917–1928). Будапешт, 1997. С. 12-41. Нужно заметить, что даже такое крайне субъективное решение, как, например, осуждение Рудзутака и Тухачевского, родилось как коллективное решение на заседании Политбюро и приняло окончательную форму как постановление ЦК. См. соответствующий документ от 24 мая 1937 г. (Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995. С. 156).

⁹ В 1981 г. Украинский исследовательский институт предложил Конквесту написать книгу о голоде 1932–1933 гг. Это предложение было подслащено дотацией в 80 тыс. долларов от Украинской национальной ассоциации (Ukrainian National Assotiation), старой, отличающейся крайними правыми традициями группировки, чьи газеты были запрещены в Канаде во время Второй мировой войны из-за их пронемецкой ориентации. См.: *Coplon, J.* Op. cit. P. 104.

¹⁰ Ibid.

¹¹ *Whaetcroft, G.S.* More Light on the Scale of Repression and Excess Martality in the Soviet Union in the 1930s // *Soviet Studies*. Vol. 42. № 2 (1990); *Nove, A.* How many Victims in the 1930s? // Ibid.; *Davis, W.R.*;

В конце 80-х годов могло казаться удивительным, что в подготовке и пропагандировании этого обмана приняли участие высшие политические и культурно-просветительные форумы США. Книга Конквеста была созвучна не только сделанному в Канаде украинскому фильму 1983 года. С тех пор его одиозная концепция благодаря фильмам и научно-популярным телевизионным сериалам превратилась в своего рода «священное писание», пропагандируемое и в качестве учебного материала для школьников. Государственная учебная программа, которую популяризировал представлявший консервативную партию член государственной комиссии по образованию Уильям Ларкин, была сильнее всего дискредитирована при оценке жертв украинского голода. «Общепринято, — писал он, — что приблизительно 7 миллионов украинцев, то есть 22% всего украинского населения, умерли от голода по плану и под контролем правительства»¹². Оценка количества жертв начинается с ужасных полутора миллионов и взлетает до упомянутых выше семи миллионов человек. Книга Конквеста и сегодня окружена благоговейным почтением. Так, например, весной этого года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала рецензию на телепрограмму об ужасах ГУЛАГа, в которой рецензент обнаружил «голос аутентичности» в голосе Роберта Конквеста¹³.

Tauger, B.M.; Whaetcoft, G.S. Stalin, Grain Stocs and the Famine of 1932–33 // *Slavic Review* (Fall, 1994). Эта работа является ответом на статью Р. Конквеста, в которой автор утверждал, что при желании Сталин мог бы предотвратить голод, как будто у него были некие «секретные склады зерна». Три оппонента Конквеста писали: «Государство снабжало зерном города и армию, если бы из подготовленных для этой цели запасов, пригодных для 4–6-недельного снабжения, была послана помощь в деревню, в городах возобладали бы массовый голод, эпидемии и неразбериха».

¹² Ср.: *Coplon, J.* Op. cit. P. 106-108. «Они всегда стремятся получить цифру больше шести миллионов, — заметил Эли Розенбаум, эксперт Всемирного конгресса евреев, — им хочется, чтобы читатель думал: “Боже мой! Это было хуже холокоста!..”».

¹³ *Goodman, W.* Living to Tell about the Horror of Stalin's Camps (Stolen years PBS, N. Y., Channel 13. 1999. 2. March). «Аналогично высказался Роберт Конквест, британский историк, который разоблачил преступления сталинизма до того, как это стало модным; и ничто из того, что мы слышим сегодня, не противоречит множеству свидетельств о ГУЛАГе, появившихся после Солженицына» (New York Times. 1999. 2. March).

Нужно отметить, что несколько лет спустя нечто подобное произошло и в России, где после 1991 года официальные лица в Министерстве просвещения рассматривали советскую историю как своего рода аберрацию, а профессиональные историки и бывшие руководящие работники ЦК КПСС, как, например, А. Ципко, приняли участие в «криминализации» и «реэтнилизации» советской истории¹⁴. В то время как и в России распространялось морализирование с политической подоплекой, в публицистике были подорваны позиции беспристрастного научного исследования, ГУЛАГ превратился в символ, в символ социализма. Как удачно выразился Марк фон Хаген, «на основании моральной оценки Солженицына для миллионов его читателей ГУЛАГ стал доминирующим символом СССР, а советские граждане были разделены на две группы: на заключенных и надзирателей». Эта точка зрения укрепилась после перевода работы Конквеста на русский язык¹⁵.

В венгерском контексте нелегко реконструировать тот историографический момент, когда отождествление нацистского геноцида и ГУЛАГа стало в Венгрии сначала терпимым, а затем чуть ли не естественным приемом. В соответствии с приведенной выше схемой эта аналогия и здесь была превращена в идеологический дискурс смены режима с нескрываемой целью криминализации истории социализма. В интеллектуальной сфере произошло нечто подобное метаморфозе идола «советского воина-героя». Образ советского солдата, воевавшего с нацистской Германией, был стилизован в страшный фантом «советского захватчика», и подобное разрушение кумира произошло и в области исторической науки. Влиятельные историки при поддержке политиков покрывают дымкой романтического героического мифа роль Венгрии во Второй мировой войне и катастрофу, постигшую воевавшую на Дону венгерскую армию, в то время как по инициативе одной из легально функционирующих парламентских партий на повестку дня выдвинута политическая реабилитация главных военных преступников. С этой политической и духовной атмосферой неразрывно связаны новейшие исследования венгерских историков, как по тематике фа-

¹⁴ Ср.: *von Hagen, M. Stalinism and the Politics of Post-Soviet History // Stalinism and Nazism. P. 285-310; Краус, Т. Указ соч. С. 12-41.*

¹⁵ *Von Hagen, M. Op. cit. P. 298.*

шизма, так и в области русистики. Таким образом, политическая подоплека упомянутой выше «аналогии» указанного в заглавии «сравнительно-исторического исследования» является частью «демократического» дискурса периода смены режима и радикального поворота вправо, наблюдающегося в венгерской духовной жизни. В результате криминализации истории старого режима, государственного социализма происходит релятивизация роли крайних правых, венгерской политической элиты в осуществлении нацистского геноцида и прежде всего в уничтожении венгерских евреев¹⁶. Между тем другие историки на основании архивных данных указывают на то, что хортистская власть еще в 1941 г. принимала участие в нацистском геноциде, сыграв решающую роль в депортации закарпатских евреев, осуществленной в связи с территориальной ревизией, и явившейся «“репетицией” холокоста 1944 года»¹⁷.

«АНАЛОГИЯ ГИТЛЕР — СТАЛИН» ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Даже несмотря на давнее происхождение аналогий «фашизм — сталинизм» или «фашизм — коммунизм», историки лишь изредка подчеркивают, что все эти интеллектуальные конструкции создаются путем многократного смещения понятий. Я не буду говорить здесь о смысле различения фашизма и нацизма, о

¹⁶ 31 октября 1999 г. был поставлен памятник «донским героям», что является лишь одним из моментов в процессе политической реэвалюации хортистской и ультраправой традиции и кажется незначительной мелочью по сравнению с памятником венгерской жандармерии, принимавшей участие в осуществлении холокоста. Роль первопроходца в этом вопросе играет возглавляемый Шандором Шарой телеканал «Дунай», в многосерийной программе которого умахалась роль венгерских жандармов в нацистском геноциде. В подготовке этой программы «увенчал себя лаврами» военный историк Шандор Сакай. В октябре 1999 г. парламентский депутат Партии венгерской истины и жизни потребовал реабилитации венгерского премьер-министра Ласло Бардоши, казненного в 1946 году за военные преступления.

¹⁷ Об этом см. интересную статью Агнеш Шагвари: *Ságvári, Á. Holocaust Kárpátalján 1941-ben // Múltunk. № 2 (1999). P. 116-144.*

котором в Венгрии писала как раз Мария Ормош¹⁸. Но важно отметить, что нельзя спекулировать понятиями, а между тем именно с помощью этого приема и происходит смешение «фашизма и коммунизма».

Сталинизм — это конкретно-историческая форма *государственного социализма*, сложившаяся в 30–50-е годы в СССР; *коммунизм* же представляет собой пока нигде не реализованную теорию, основы которой, в отличие от легитимационной идеологии сталинизма, были разработаны Марксом. Марксова теория коммунизма, как бы мы ее ни оценивали, резко отличается от осуществленного государственного социализма тем, что она является концепцией такого способа производства, который опирается на непосредственную общественную демократию и выходит за рамки как государственной экономики, так и рыночного способа производства. На это нужно указать в связи с первым компонентом смешения понятий. Другая очевидная фальсификация в данной конструкции осуществляется тогда, когда сталинизм смешивается с *постсталинскими режимами*. Конечно, фундаментальная структура данного способа хозяйствования действительно сложилась в 30-е годы, однако как в системе политических институтов, в политической жизни в целом, так и в структуре производства произошли такие модификации, которые делают упомянутое выше отождествление бессодержательным. Попутно замечу, что в постсталинских режимах прекращает свое существование именно ГУЛАГ как институт, что никак не может считаться незначительной переменной. Наконец, в третьей плоскости понятийных искажений происходит смешение всех режимов, провозглашающих социалистическую идеологию, от венгерского до камбоджийского и южноафриканского¹⁹. Идеологический и политический смысл смешения такого типа ясен, цель состоит в том, чтобы отождествить со сталинизмом со-

¹⁸ См. цитированные работы Марии Ормош на страницах журнала «Magyar Tudomány», а также: *Ormos, M.; Krausz T. Hitler — Sztálin*. Budapest, 1999.

¹⁹ Об этой проблематике см. мою статью, полемизирующую с интерпретацией социализма, принадлежащей Яношу Корнаи: *Krausz, T. A történetietlen politikai gazdaságtan // Eszmélet. № 24 (1994). P. 157-178*. На английском языке: *Historical Political Economics // Social Scientist (New Delhi). Vol. 24. № 1-2 (1996). P. 111-127*.

циалистическое теоретическое мышление и культурную традицию, которые по своей сущности противостояли и противостоят сталинизму, и тем самым дискредитировать все, что связано с культурным, духовным наследием социализма. В области исторической науки эта тенденция была углублена новым «разоблачительным» произведением известного и публиковавшегося в Венгрии французского историка Ф. Фюре²⁰. Историки так называемых французских неоправых являются, главным образом, экс-марксистами и экс-коммунистами, которые с рвением неопитов, но, в отличие от Конквеста, с помощью более тонких теоретических приемов разоблачают «преступления» коммунистов, среди которых центральное место, конечно, занимает история ГУЛАГа. В этом смысле так же хорошо заметно, что анализ аналогии «ГУЛАГ — Освенцим» может быть методологически обоснованным лишь в том случае, если мы будем исходить из сравнительного анализа нацистского и сталинского режимов, ведь как немецкие лагеря смерти, так и ГУЛАГ представляют собой явления, специфические для этих режимов. Для такого сопоставления двух режимов я предлагаю четыре нижеизложенных тезиса.

1. Происхождение, духовные и идеологические истоки нацистского фашизма следует искать в среде немецкой романтики, в требовании *жизненного пространства*, выдвинутом в процессе германской имперской экспансии, экспансии германского капитала. Историографической очевидностью представляется и то, что возникновение фашистского движения и фашистского режима неотделимо от борьбы за экономический и территориальный раздел мира, от Первой мировой войны и военного поражения Германии. В то же время нацистский режим является и

²⁰ См. работу Фюре в: Magyar Tudomány. № 1 (1996), а также обмен мнениями между Тамашем Краусом, Марией Ормош и Палом Жигмондом Пахом в №№ 6 и 7 того же журнала. См. также критику взглядов Фюре по поводу его книги (Le passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XX siècle / Editions R. Laffont, S.A., Paris, 1995); *Maler, H.* A múltat véggképp eltörölni? A kommunizmus felboncolása // Eszmélet. № 37. P. 58-71. Ср. еще критический отклик на одиозную, ныне выходящую на венгерском языке «Черную книгу» (*Courtois, S.* Le livre noir du communisme. Paris, 1997); *Perrault, G.* A kommunizmus: egy fekete könyv hamisításai // Eszmélet. № 37. P. 82-92.

продуктом мирового экономического кризиса капитализма, а также кризиса рабочего движения в Германии.

Сталинизм представляет собой совершенно иную политическо-идеологическую амальгаму. Его духовные корни можно обнаружить в рационализме Просвещения, в имеющей немецкое происхождение социал-демократической идее «попечительского народного государства», в вобравшем в себя марксизм *антикапиталистическом большевизме*, а также в антагонистически противостоящем этому духовном и политическом наследии русского националистического *этатизма* и *цезаризма*, российской *державности* (и мессианского сознания). В отношении исторических предпосылок, связанных с конкретной ситуацией, сталинизм является продуктом *изоляции* русской революции и советского строя в рамках мировой системы²¹.

Однако эти формы правления находятся в тесной связи с изменениями, происходившими в самой мировой системе. На смену довоенному капитализму, основанному на свободной конкуренции, «мировой системе либерализма» пришел государственный капитализм, который уже своим названием указывает на то, что за время Первой мировой войны роль государства чрезвычайно возросла. Этот факт имел важнейшее значение для всего мира. С точки зрения интересующей нас аналогии особое значение имеет и то, что в годы войны сложилась своеобразная

²¹ Э. Буллок, автор наиболее пространных параллельных жизнеописаний Гитлера и Сталина, выводит аналогию между психикой двух вождей, между прочим, и из того социально-исторического факта, что они оба возвысились из маргинального социального положения и оба боролись с комплексом неполноценности. Это важно, однако кто станет отрицать определяющую роль исторических различий между кавказской и австрийской культурами, между двумя движениями, между их целями, между совершенно непохожими национальными традициями и т.д.? Таким образом, любое «тождество» может быть воспринято лишь в свете различий, что, между прочим, с полной ясностью проявилось в «призвании» этих двух исторических личностей. Как подчеркивали многие исследователи, в случае Сталина нельзя недооценивать определенную традицию кровавой мести, в то время как в случае Гитлера убийства функционируют на гораздо более «рациональной» основе (*Bullock, A. Hitler and Stalin*. L.: Harper-Collins, 1991. P. 383).

форма содержания заключенных, в то время прежде всего военнопленных: концентрационный лагерь. Кроме этого, появились все те средства, от химического оружия до самолетов, которые позже так или иначе сыграют решающую роль.

2. Нацистское государство служило прежде всего делу защиты интересов крупного германского капитала и в конечном счете обеспечения господства частной собственности в противовес реальной и воображаемой угрозе со стороны коммунистического и вообще марксистского коллективизма. В этом смысле итальянский и немецкий фашизм представляют собой превентивные контрреволюции. Гитлеровское государство одновременно защищало и подчиняло себе позиции крупного германского капитала. В обмен на сказочные прибыли крупный германский капитал, прежде всего, крупные собственники тяжелой промышленности, неотступно финансировали институты и «авантюры» фашистской власти. Поэтому в научных кругах не принято игнорировать предупреждение Адорно: «Кто не хочет говорить о капитализме, тот не должен говорить о фашизме».

Сталинский поворот (1929–1933) был инспирирован прежде всего политическим стремлением к самосохранению. Режим, возникший, с одной стороны, на развалинах революции и рабочего самоуправления, а с другой стороны, на обломках НЭПа и государственного капитализма, создал свою экономическую базу путем *государственного накопления капиталов* (Преображенский²²: «первоначальное социалистическое накопление», «неравный обмен» между промышленностью и сельским хозяйством в ущерб последнему). В конечном итоге это накопление капиталов финансировало *догоняющую индустриализацию* и соответствующее ей государство личной диктатуры. В качестве составной части этого процесса произошло перемещение собственности, в результате чего государственная собственность была формально названа «собственностью трудящихся». Эта собственность перешла под контроль различных бюрократических институтов и группировок диктатуры, которые, однако, не могли передавать ее по наследству.

²² Преображенский Е. Новая экономика. М., 1924.

В отличие от гитлеровского и рузвельтовского государств, в сталинском СССР возникла не экономика с повышенным предложением и перепроизводством (рыночное хозяйство), а экономика с повышенным спросом (бюрократическое командно-административное хозяйство), «дефицитная экономика» (Я. Корнай), которая содержала в себе определенные эгалитарные тенденции. Нацистская рыночная экономика, в отличие от ее американского варианта, создала для тяжелой промышленности «общественные работы» с помощью конъюнктуры, порожденной военными целями, и тем самым нацистское государство «оправдало» грандиозную поддержку со стороны крупного капитала. Следовательно, нацистская Германия была одним из центров процесса всемирного накопления капиталов, в то время как сталинский СССР практически был вытеснен из мировой системы, был вынужден осуществлять накопление «своими силами», и этого было недостаточно для того, чтобы советское государство могло финансировать поставленные им перед собой социальные цели.

3. В отличие от Гитлера, Сталин практически с самого начала вынужден был скрывать главные мотивы своих поступков и значительную часть своих конкретных дел, массовых политических убийств. Правда, оба они использовали в качестве средств свои идеологические воззрения, однако Сталин и в этой области должен был постоянно «конспирировать», то есть затушевывать тот факт, что он фальсифицирует первоначальную политическую и идеологическую миссию революции. Идеологическая легитимация режима в определенной степени ограничивала вождя в его официальных выступлениях. Сталин должен был всегда учитывать, что он является руководителем многонационального общественного движения и государства, которые определили свои конечные цели в достижении экономического и социального равенства между людьми.

Вся история сталинизма прошла именно в тисках идеологической миссии революции и советского режима, проявлением этого была борьба с бюрократизмом и поглощающие собственные силы чистки («поиски врагов», ГУЛАГ). Официальный культ Сталина (имидж «вождя мирового пролетариата», «службы на благо народа», «справедливого и заботливого отца») был

призван подкрепить именно это представление об авторитарном «демократе».

Гитлер не прикрывался демократией, выступал в качестве ее открытого врага и разрушителя: его теория *жизненного пространства* выразилась в самоцельном грабеже и геноциде. Гитлеру не нужно было скрывать свои убийства и преступления против человечества. Он тоже сохранил особенности своего движения, движения национал-социализма, которое рассматривало своим главным противником антикапиталистический «коммунизм», немецкое и европейское рабочее движение, а также институты терявшей свою дееспособность буржуазной демократии. Геноцид (уничтожение неполноценных народов, прежде всего евреев) фигурировал в качестве идеологической цели (хотя ведется спор о том, когда *Endlösung* (окончательное истребление) превратился в конкретную задачу практической политики)²³. Сталин, именно из-за сущности своего режима, не смог бы выступить с подобными целями. Сталинские убийства противоречили целям режима и самой «сталинской» Конституции. Для Гитлера идеология и наука не играли самостоятельной, ограничительной роли. Антимарксизм, расистская теория и антисемитизм давали ему достаточный идеологический стимул для воздействия на массы. Как правильно заметил Э. Буллок, «идеология имела для Гитлера значение, но не составляла особой темы в нацистской партии. Большинство склонялось к тому, чтобы сказать: «Наша идеология — Гитлер»». В Коммунистической партии Советского Союза идеология играла совершенно другую роль и опиралась на иную традицию. Ста-

²³ В связи с этим сошлемся на работу: *Bartov, O. From Blitzkrieg to Total War: Controversial Links between Image and Reality // Stalinism and Nazism*. P. 158-184. Ср.: P. 173. В противоположность многим историкам автор этой статьи доказывает, что нацизм пришел к «окончательному решению» еврейского вопроса не после нападения на СССР и не в связи с этим нападением. Геноцид порождался режимом в целом, был его непременным условием. Сталинизм происходил из борьбы с местными центрами власти, из потребностей центрального культа и из упомянутой выше логики «сохранения режима», из стремления «обуздать» внешних врагов и преодолеть внутренние трудности, что неотделимо как от экономических целей, так и от ликвидации личных противников Сталина.

лин занял более или менее самостоятельную теоретическую позицию в различных научных областях от языкознания до философии и политической экономии. Однако описанный выше «конспиративный» характер режима *ab ovo* предполагал существование внутреннего врага, поскольку его отсутствие сделало бы излишним как «конспирацию», так и саму личную диктатуру.

Гитлеризм был свободен от всякой двусмысленности²⁴. Гитлеру не нужно было «выдумывать» врагов, потому что экономика, по крайней мере процесс производства, регулировалась прежде всего не политическим принуждением, а логикой прибыли. Это не означает, что Гитлер не считал важным непосредственный политический контроль над рабочей силой, но политическое и производственное управление на предприятиях были отделены друг от друга. Гестапо, если не говорить о неприкрытом рабском труде, обычно не вмешивалось в производственные вопросы. За сталинской политикой «поиска врагов» стояло нечто иное.

Сталин выделил две категории «главных» врагов. В первую группу входили противники коллективизации (на самом деле против нее выступили сотни тысяч людей), по обобщающей терминологии того времени это были *кулаки*. Другая группа врагов — «пятая колонна», которая изнутри «вредительски подрывала» политику и неограниченные диктаторские устремления Сталина или не соглашалась с ними. В эту вторую категорию входили личные враги Сталина, которые нередко уничтожались

²⁴ Я. Кершо и М. Левин сжато сформулировали эту проблему так: «В то время как правление Сталина, при всех его ужасах, было, тем не менее, совместимо с ограниченными рациональными целями, правление Гитлера таковым не было. Поэтому у сталинизма была способность к воспроизводству после смерти деспота, который, казалось бы, стремился к уничтожению всего, что напоминало системную власть. Нацизм по природе своей был и бессистемным, и саморазрушающимся. Эти тенденции были заложены в несовместимости “харизматического правления”, составлявшего сущность “системы”, и бюрократического правления, на которое наложился нацизм, но которое нацизм не смог заменить» (Stalinism and Nazism. Introduction: The Regimes and Their Dictators: Perspectives of Comparison. P. 13).

им вместе с семьями; те, кого включил сюда режим, «множество маленьких Сталиных» (Лукач), но прежде всего в эту категорию входили те, кто был зачислен сюда в ходе кампаний по поиску врагов. Они были т.н. политзаключенными, не совершившими никаких преступлений.

4. Нарциссический индивидуализм Гитлера родился под знаком расового коллективизма, напротив, «героизм» Сталина имеет бюрократическое и социально-коллективистское происхождение. Несомненно, что между двумя мировыми войнами и диктаторы, и лидеры буржуазных демократий уже сознавали тот факт, что подавляющее большинство населения может быть мобилизовано на выполнение практически любых задач под влиянием «соответствующей» психической и политической «обработки», в проведении которой «вождь» играет необычайно важную роль. Подобный опыт мог быть получен прежде всего в ходе Первой мировой войны, когда миллионы солдат (при поддержке своих родственников) с песнями отправлялись в кровавую баню, не считаясь со своими жизненными интересами. Положение Гитлера облегчалось массовым психозным национализмом, сложившимся в результате военного поражения. Диктаторские функции Сталина определялись массовым явлением иной природы: революция высвободила огромную социальную энергию, в результате чего впервые в истории население целой империи (множество больших и малых народов) смогло пережить «великое национальное дело» как свое собственное. Благодаря этому Сталин, в отличие от Гитлера, смог выступить и в роли «создателя культуры». Нацизм не оставил прогрессивного культурного наследия, у него не было Бабеля и Шолохова, Петрова-Водкина и Родченко, Эйзенштейна и Эренбурга, как не было у него и Шостаковича, Святослава Рихтера и Давида Ойстраха. Существовал советский балет, но не было балета нацистского. Нацизм вовсе не располагал аутентичными культурными достижениями, если к их числу не отнести разрушение.

С падением Гитлера нацизм окончательно оказался на свалке истории, в то время как идеи и культура социализма, даже несмотря на сталинские преступления, и сегодня содержат для многих людей возможность прихода лучшего, более гуманного

общественного строя. Гитлер считал «Endlösung» смыслом и результатом своей жизни. Сталин, как уже подчеркивалось выше, пытался приписать ГУЛАГу воспитательную, «гуманизирующую» функцию, как будто старался завуалировать осуществленный им поворот, скрыть разницу, дисконтинуитет между 20-ми и 30-ми годами²⁵, что, между прочим, отражается и в факте становления ГУЛАГа.

Все это следует учитывать, размышляя о смысле аналогии между гитлеризмом и сталинизмом.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГУЛАГА И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ ОСВЕНЦИМА

Уже из проведенного выше *сравнительного* анализа выяснилось, что, отходя от модных ныне привычек, мы хотим показать различия между сравниваемыми явлениями. Аналогия между ГУЛАГом и Освенцимом, сталинскими политическими убийствами и холокостом представляет собой политически еще более щекотливую тему, чем сравнение гитлеровского и сталинского режима. Хрущев начал завышать данные, чтобы еще сильнее дискредитировать сторонников Сталина, и с тех пор произошел сдвиг в сторону еще более крупных цифр, но об этом — позже. Несомненно одно: при изучении тематики ГУЛАГа непредвзятость является еще более важным требованием, потому что эта тематика окружена таким количеством фальсификаций, мифов и антимифов, что чувство неуверенности охватывает уже даже преподавателей истории. Спутаны данные, смешаны понятия. Публицистика наложила глупую печать и на взгляды представителей науки.

²⁵ Современные консервативные, воинствующие историки-антикоммунисты и сами идут по стопам Сталина, между тем в 80-е годы большинство американских ученых, в отличие от консервативных сторонников теории тоталитаризма, четко описали этот дисконтинуитет развития и смогли различить «культуру» сталинизма и советскую культуру, то есть события 20-х и 30-х годов. Ср., например: *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution* / Ed. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1985.

Геноцид, массовые политические убийства, военная бойня и массовое уничтожение невинных людей имеют трагически богатую историю. От уничтожения американских индейцев до Первой мировой войны и резни армян, от Освенцима и ГУЛАГа до хиросимской атомной бомбы геноцид осуществлялся во многих формах и самыми различными средствами. Необходимо поставить вопрос: где надо искать истоки *массового, поставленного на промышленную основу уничтожения людей* в рамках эпохи модерна? Давая объективный ответ на этот вопрос, можно рассматривать возможность массового геноцида в качестве результата развития современной западной цивилизации. История *модерна*, полутысячелетия глобализации может быть представлена и как история все более масштабного уничтожения людей посредством все более эффективных средств²⁶. Именно в свете опыта Первой мировой войны, в свете появления концентрационных лагерей и отравляющих газов ясно видно, что в конечном итоге вся логика промышленного уничтожения людей, истоки *современного* геноцида кроются в промышленной цивилизации развитых стран центра. Эта «культура» коренилась в первую очередь в Германии, во всяком случае именно здесь проявились все характерные черты «индустриализованного» геноцида: 1) идеологически обоснованное уничтожение целых народов (евреев, цыган, славян и т.д.), невзирая на пол и возраст уничтожаемых; 2) отравление газами людских масс в теоретически неограниченном количестве и почти полное уничтожение гор трупов, организованное на промышленных началах; 3) институциональное и моральное подавление сопротивления, которое успешно осуществлялось практически в течение всего периода изоляции обреченных на уничтожение рас и народов и существования нацистского режима. Эта «совокупность» технико-инфраструктурных, идеологических и институциональных факторов, «мера» и «масштаб» явления составляют ту основу, которая делает Освенцим несравнимым с другими формами геноцида. Суть заключается именно в его *уникальности*.

В связи с этим очень удачно наблюдение Энзо Траверзо, согласно которому «уникальность», несравнимость Освенцима мож-

²⁶ Эта особенность нашего века очень убедительно показана в кн.: *Hobsbawm, E. Szélsőségek kora. Budapest, 1998.*

но видеть и в том, что все другие формы геноцида связаны с какой-либо экономической или военной «рациональностью». История знает лишь одно исключение — уничтожение евреев в нацистских лагерях смерти. Следовательно, нацистский геноцид не обосновывался никакими рациональными соображениями экономического или военного характера, уничтожение одной из рас человеческого рода, евреев, может быть интерпретировано лишь с точки зрения идеологических потребностей режима: «Освенцим является, с одной стороны, продуктом слияния антисемитизма и расизма, а с другой стороны, — комбинацией тюрьмы, капиталистической фабрики и рационально-бюрократической администрации. При изучении этого явления можно сослаться на Ханну Арендт, Мишеля Фуко, Карла Маркса или Макса Вебера. В этом смысле уничтожение евреев конституирует парадигму современного варварства. Освенцим выражает тенденцию западного рационализма к диалектическому перевоплощению в аппарат власти, а затем — в один из источников истребления человечества»²⁷.

Конечно, нацистский геноцид распространялся не только на евреев, но и на цыган и в значительной степени на русских. Таким образом, в этом смысле он исторически беспрецедентен. Одно систематическое истребление еврейского и русского *гражданского населения* привело в 1941–1945 годах к уничтожению газом, бомбами или ручным оружием более двадцати миллионов человек²⁸.

²⁷ *Traverso, E.* Understanding the Nazi Genocide. Marxism after Auschwitz. L.: Pluto Press, 1999. P. 74-75, 89-90.

²⁸ Даже самые скромные подсчеты свидетельствуют об уничтожении на «газовых фабриках» более пяти миллионов человек (я не буду учитывать здесь грязную политическую литературу, в которой отрицается факт холокоста или делается попытка приуменьшить его значение). Однако эту цифру значительно превышает количество мирных жителей (русских, евреев и представителей других национальностей), убитых (застреленных, заживо сожженных, задушенных газом, замученных и т.д.) нацистами на территории СССР. Число лиц, казненных нацистами в СССР, превысило 6 миллионов 390 тысяч человек, среди которых, по неполным данным, было 218 431 лиц детского возраста. Ср.: *Sevjakov, A.* A Hitleri népirtás a Szovjetunió területén. Nacistskij genocid v SSSR. Népirtás a Szovjetunióban. GULAG, kuláktalanítás, náci genocídium az adatok tükrében // Szovjet Füzetek V. Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1992. P. 69. Первая публикация: Социологические исследования. № 12 (1991). С. 3-11.

Таким образом, дискуссия об *уникальности* Освенцима длится уже много лет, политическая цель этой дискуссии заключалась в попытке релятивизовать тяжесть преступлений нацистского геноцида. Однако это не может служить доводом против сопоставлений, ведь корни «сравнительно-исторического исследования» в исторической науке очень глубоки. Достаточно сослаться на то, что уже в 20-е годы этот метод получил права гражданства в СССР²⁹, а после войны, вслед за сталинским «интермеццо», в Венгрии возникла целая историческая школа³⁰. Конечно, необходимо помнить, что в аналогиях всегда скрывается идеология. Для одних *аналогия* призвана доказать тождество между явлениями, другие подчеркивают различия, ведь каждое отдельное явление становится таковым благодаря отличию от других явлений. Но это может быть показано только путем сравнения.

Однако при исторических сопоставлениях некоторые историки выбирают произвольные исходные точки. «Классическим» представителем такого подхода в исторической науке является немецкий консервативный историк Э. Нольте. Стремясь исторически обосновать свою аналогию, Нольте в конце концов дошел до того, что «перенес» проблему фашизма из немецкой и европейской истории на русскую периферию. В 80-е годы в ходе т. н. дискуссии немецких историков Нольте многократно излагал свою точку зрения, которую позже обобщил в целой книге³¹. В Венгрии тоже по-

²⁹ Подробнее об этом см.: Krausz, T. *Pártviták és történettudomány*. Budapest, 1989.

³⁰ Упомяну лишь самых известных историков этой школы: Золтан И. Тот, Эмиль Нидерхаузер, Ласло Катуш, Дердь Ранки, Иван Беренд Т. и др.

³¹ Nolte, E. *Der Europäische Bürgerkrieg 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolshevismus*. Frankfurt: Ullstein Propilaen, 1987. Критику Нольте см., например: Travezzo, E. *Understanding...* P. 76-77; Roth, K.H. *Revisionist Tendencies in Historical Research into German Fascism // International Review of Social History*. Vol. 30. № 3 (1994). P. 428-455. В Германии в середине 80-х годов появилась теория, согласно которой нацистский расистский геноцид может считаться ответом на более ранний «классовый геноцид» большевиков. См.: Nolte, E. *Zwischen Geschichtslegende und Revisionismus in Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung*. München, 1987; *Idem*. *Forever in the Shadow of Hitler?* N. Y.: Atlantic Highlights, 1993.

пулярен тезис Нольте, согласно которому исторически конкретное появление фашизма не следует выводить из Первой мировой войны и рассматривать как продукт разложения старой, довоенной «мировой системы либерализма». Анализ исторического генезиса фашизма Нольте начинается с 1917 года, то есть с русской революции. Вследствие этого историческое грехопадение человечества в XX веке перемещается из западноевропейской истории в историю русского социализма. Таким образом, эта историческая школа преследует две цели: с одной стороны, она путем историзации оправдывает преступления фашизма, а с другой стороны, возлагает «ответственность» за фашизм на социализм, объявляя последний «источником зла». В соответствии с этим представители этой школы считают нацистский геноцид ответом большевикам, выводят преступления нацистов из казней, совершенных большевиками, а большевизм превращается у них в модель фашизма. Отрицание или релятивизация «уникальности», «исторической исключительности» Освенцима постепенно соскальзывает к его отождествлению с ГУЛАГом.

Другой путь аргументации в рамках данной аналогии был затронут мной выше, это — расширение понятия геноцида, например, в связи с голодом на Украине, который часто описывают в качестве сознательного геноцида³². С чисто научно-профессиональной точки зрения совершенно неприемлемо отождествление исторической комбинации катастрофической политики и стихийной катастрофы со спланированным, систематическим и методичным уничтожением целой этнической группы. Цель такого отождествления однозначна: внушить мысль о сходстве или тождестве лагерей ГУЛАГа и нацистских лагерей смерти.

Так чем же является на самом деле советский ГУЛАГ?³³

³² Эта аналогия в виде «общей основы» появляется и в аргументации Траверзо, а между тем он очень корректно анализирует эту проблему. Приводимые им данные отражают характерную для Конквеста односторонность 80-х годов и сегодня уже не соответствуют элементарным критериям критики источников.

³³ Об историографических источниках см.: *Ritternsborn, G.T. Simplifications staliniennes et complications sovietiques: tensions sociales et conflits politiques en URSS 1933–1955.* Paris, 1988, Editions des Archives Contemporaines, 1988. Из новейшей литературы см.: *Россу Ж.* Справочник

В свете сравнительного изучения гитлеровского и сталинского режима уже стало ясно, что ГУЛАГ, в отличие от нацистского фашизма, не содержал в себе геноцида, осуществляемого на промышленном уровне и не имевшего никакой правовой основы. Если «Endlösung» — продукт немецкой капиталистической культуры, то ГУЛАГ может быть размещен в более традиционной среде *государственного произвола*. В данном случае вера в возможность перевоспитания людей сочеталась с уголовными преступлениями (разоблаченными только после смерти Сталина) безудержно циничной элиты, узурпировавшей власть и поддерживавшей культ вождя. С другой стороны, политическая природа сталинизма *eo ipso* исключала геноцид, опирающийся на расовую теорию. Вообще, антисемитизм и погромы, геноцид предшествовали победе русской революции, ранее не было речи об идее или необходимости какого-либо «классового геноцида»³⁴.

Сталин и его режим почерпнули из функционирования лагерей военнопленных во время Первой мировой войны не меньше опыта, чем из существования каторжных лагерей царского режима, в то время как геноцид коренился именно в культуре германского национал-социализма. При сталинском режиме казнь лиц, обвиненных в политических преступлениях, происходила в полной тайне еще до отправки в ГУЛАГ, хотя в большинстве случаев приговорам пытались известными способами дать юридическое обоснование. Выразительную картину сталинских лагерей рисовали в прошлом не столько научные труды, сколько литературные произведения, которые делают очевидным, что Освенцим и ГУЛАГ не родственные явления. Мы имеем в виду такие произведения, как «Один день Ивана Денисовича» Солженицына или книга «Чародей» венгра Йожефа Лендьела. Даже отношение заключенных к работе совершенно иное, чем в нацистских трудовых лагерях, не говоря уж, естественно, о лагерях смерти.

по Гулагу: исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / Предисл. А. Безансона. М., 1987; Jakobson, M. *Origins of the GULAG: the Soviet Prison Camp System, 1917–1934*. Georgetown: The Univ. Press of Kentucky, 1993.

³⁴ Кершо и Левин излагают этот вопрос в рамках уже цитированного Предисловия.

ГУЛАГ как система лагерей, служивших для изоляции противников режима, преследовал официально (в том числе и юридически) сформулированные цели. Нацистский геноцид — идеологическая необходимость. Далее, в нацистских лагерях смерти не велось хозяйственной деятельности, предметом бизнеса были лишь мертвецы и их имущество, а также выбитые у жертв золотые зубы³⁵. ГУЛАГ был экономическим фактором, к заключенным здесь относились как к рабочей силе³⁶.

ПОД ГИПНОЗОМ ЦИФР

Значительная часть огромного количества данных, относящихся к ГУЛАГу, естественно, до сих пор вызывает споры, поскольку в связи с ними возникает множество профессиональных проблем. Однако в отношении количества людей, содержавшихся в заключении в ГУЛАГе, *пропорции по существу* «устоялись». На современном уровне развития науки и доступности статистических данных уже практически не оспаривается³⁷, что у нацистского ге-

³⁵ Это утверждение остается в силе, даже если мы знаем, что золотые предметы и золотые зубы, считающиеся «побочным продуктом» нацистского геноцида, охотно принимались швейцарскими банками в качестве своего рода средств платежа, а прибыль от них инкассируется по сей день. Этот факт подтверждает или как минимум уточняет наше мнение о природе финансового капитала. Об этом см.: *Bauer, T. Nazi Gold. The Full Story of the Fifty-year Swiss-Nazi Conspiracy to Steal Billions from Europe's and Holocaust Survivors.* N. Y.: Harper Collins Publishers, 1997.

³⁶ Об этом см. новейшую работу: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е годы. Сборник документов / Сост. М.И. Хлусов / Под ред. В.П. Дмитренко. М., 1998. В Венгрии этой проблемой занимается молодой историк Золтан Це. См.: *Czeh, Z. A GULAG mint gazdasági jelenség // Eszmélet.* № 28 (1995). P. 193-217.

³⁷ Другой вопрос, что по сей день средства массовой информации сознательно искажают данные о ГУЛАГе. Прошел медовый месяц смены режима, когда все говорили что хотели, однако и сегодня еще часто повторяют цифру в несколько десятков миллионов человек, впервые услышанную мной от телерепортера в телевизионной дискуссии, в которой я сам принимал участие и которая была посвящена запрещению красной звезды вместе с нацистскими символами. Репортер начал с 60-ти миллионов жертв ГУЛАГа и, даже несмотря на мои настойчивые уговоры, не

ноцида было около 6 миллионов жертв еврейской национальности и по крайней мере 27 миллионов граждан, в первую очередь русской национальности, потерял СССР в годы Великой Отечественной войны. В результате нацистского геноцида по крайней мере две трети людских потерь СССР в 1941–1944 гг. приходится на долю мирного населения³⁸. Эти цифры стоит запомнить, если мы проводим «расчеты» относительно ГУЛАГа. Критическая обработка имеющихся источников практически уже состоялась. Многие измеряют профессиональную достоверность тем, не фальсифицированы ли по политическим причинам опубликованные данные, которые, между прочим, были известны (во всяком случае, в узком кругу) со времени XX съезда³⁹.

Посмотрим, что же такое ГУЛАГ в свете цифр. На основании данных из архива КГБ, официальная российская историческая наука за период с 1921 по 1954 год зарегистрировала около *десяти миллионов* человек, которые по разным причинам, как уголовные преступники или политические осужденные, оказались в лагерях, колониях и тюрьмах ГУЛАГа. Хотя ГУЛАГ официально существовал только с 1934 года, для простоты мы все же относим сюда и «перевоспитательные лагеря», и политические «изоляторы» 20-х

согласился спуститься ниже сорока миллионов, сказав, что эта цифра общепринята. Напрасно Венгерский институт русистики опубликовал на венгерском языке наконец-то доступные данные о ГУЛАГе, это не изменило положения: *Zemskov, V.N.* A GULAG tényekben, adatokban // Szovjet Füzetek. Budapest. № IV. 1992; *Makszudov, V.* Ez nem lehet igaz, mert ilyen egyszerűen nincs... // Népiértés a Szovjetunióban. Szovjet Füzetek. Budapest. № V. 1992; *Rogovin, V.* A tömeges megtorló intézkedések áldozatainak statisztikája // 1917 es ami utána következett. Budapest, 1998.

³⁸ Ср.: *Sevjakov, A.* Op. cit. P. 61-77. В результате практически полной обработки данных, между прочим, проясняется и вопрос, сколько человек было казнено на советской территории: 6 390 113; 8,2% населения оккупированных территорий. 5 622 336 мирных граждан были вывезены в немецкие лагеря, где половина из них погибла. Согласно выводу А.А. Шемякова, в результате массового геноцида, голода, вызванного на оккупированных территориях, и вывоза на принудительные работы СССР потерял 18,3 миллиона граждан.

³⁹ См. публикацию и отчасти новую публикацию этих материалов: «Массовые репрессии оправданы быть не могут» // Источник. Вестник архива Президента Российской Федерации. № 1 (1995). С. 117-132.

годов. Численность узников ГУЛАГа даже в период больших чисток не превышала одного процента населения СССР. Столько людей побывало в лагерях ГУЛАГа, хотя, конечно, были и осужденные, которые попадали в лагерь или колонию неоднократно, особенно часто такие примеры встречались среди политзаключенных.

В данном случае нас в первую очередь интересуют *политические* заключенные, осужденные за так называемые контрреволюционные преступления, поскольку именно по отношению к ним совершались *массовые политические убийства*. С 1921 года по 1 февраля 1954 г. в СССР было осуждено 3 777 380 (по другим данным — 3 778 234) человек, из которых было казнено 786 098 человек⁴⁰. Большинство этих убийств было совершено в 1937–1939 гг., и здесь мы, конечно, еще не находим сотрудничавших с нацистами военных преступников, власовцев, осуждение и часто казнь которых за военные преступления были справедливыми и бесспорными. Из более полутора миллионов человек, арестованных в 1937–1938 гг., было казнено 681 692 человека. Иначе говоря, значительное большинство казненных за весь советский период ушли из жизни в течение этих двух лет. С 1932 по 1936 г. было казнено менее десяти тысяч человек, в то время как в одном 1937 году было расстреляно более 350 тысяч человек. В 1938 г. смертной казни подверглось более 328 тысячи человек, в 1939–1940 гг. число казненных резко упало до 4 201 человека. Эта серия казней, нередко подкреплявшаяся юридическими основаниями, при терминологически точном подходе к ней в традиционном смысле не может быть названа геноцидом, поскольку она не была направлена против какой-либо расы⁴¹, больше того, в действительности она не была нацелена и на классового врага. Речь идет о массовых политических убийствах, исторически беспрецедентных в условиях

⁴⁰ Ср.: *Zemskov, V.N. Op. cit.; Rogovin, V. Op. cit.* P. 139, 141.

⁴¹ По чисто национальному признаку в ГУЛАГе не может быть обнаружена расистская или националистическая тенденция или концепция. Соотношения отдельных национальностей в ГУЛАГе определялись интересами политической власти (например, обвинением в сотрудничестве с нацистами /кавказские народы, немцы и т.д./ или советизацией Прибалтики). Данные относительно национального состава ГУЛАГа см.: *Zemskov, V.N. Op. cit.* P. 78, 85-86, 88-89.

мирного времени. Жертвы этих убийств, по указанным во Введении причинам, главным образом, принадлежали к числу наиболее преданных сторонников режима. Следователи-истязатели и ни в чем не повинные ортодоксальные коммунисты погибали вместе со старыми интеллигентами и крестьянами, воспротивившимися коллективизации, кулаками. «По самым скромным подсчетам более половины жертв большого террора составляли коммунисты»⁴². В соответствии с логикой своего режима, Сталин сменил политический и военный аппарат, а также значительную часть интеллигенции, чтобы окружить себя подданными, максимально преданными ему и его власти. Таким образом, при сравнении с нацистским геноцидом выясняется, что в данном случае речь идет об убийствах, совершенно иных как по происхождению и функциям, так и по средствам, характеру и следствиям, больше того, по их влиянию. С чисто научной точки зрения эти различия не могут быть релятивизованы⁴³. Каждый из нас, следуя своему нравственному чувству, может не только оценить качество аналогии между ГУЛАГом и Освенцимом, но и ответить на вопрос, можно ли превращать оценку геноцида и массовых политических убийств в средство партийной борьбы.

⁴² Rogovin V. Op. cit. P. 145.

⁴³ Численность заключенных ГУЛАГа сильно флуктуировала, достигнув максимума в 1950 году (более двух с половиной миллионов человек). Эта флуктуация была наиболее сильной в годы войны, когда прибывали и убывали миллионы людей. См. новую статью В. Булдакова «Феномен ГУЛАГа», опубликованную на венгерском языке в: *Eszmélet*. № 45. 2000. P. 122-139.

О ВЕНГЕРСКИХ РАБОЧИХ СОВЕТАХ 1956 ГОДА*

ПРЕДПОСЫЛКИ¹

История рабочих советов 1956 года не может быть понята без знания истории рабочего класса в Венгрии. Духовно-политический и социокультурный облик рабочего класса в Венгрии между двумя мировыми войнами складывался под воздействием многообразных и сложных исторических процессов.

Контрреволюционный режим Хорти разрушил и объявил преступными сложившиеся в 1918–1919 гг. революционные, советские традиции венгерских рабочих, поставил вне закона коммунистическую партию и, ссылаясь на святость частной собственности, считал «греховной» собственность общественную, которую многие, от Маркса и Ленина до Жигмонда Кунфи, Юстуса и Лукача, определяли как сущность социализма. В качестве основной проблемы венгерского народа официальная христианско-националистическая идеология поставила в центр национальной политики и национальной памяти стремление к ревизии «трианонских территориальных потерь», выражавшее политику господствующих классов. Позже, во время второй мировой войны, это стало фунда-

* Первая публикация на русском языке — 2007 г.; Hungarian publication — 2006.

¹ По этой проблематике см. след. работы: *Hajdu, Tibor. Közép-Európa forradalma 1917–1921.* Бп.: Gondolat, 1989; *Sipos, Péter. Legális és illegális munkásmozgalom (1919-1944).* Бп.: Gondolat, 1988; *Uő. A munkásarisztokrácia sanyargatása // História 4 (2006). Sz. 20-22.* *Kende, János. Forradalomról forradalomra. Az 1918-1919-es forradalmak Magyarországon.* Бп.: Gondolat, 1979, *Pittaway, Mark.* A “munkásállam”/ Рукопись.

ментом союза с нацистской Германией. Многонациональный по своему составу контингент квалифицированных рабочих венгерской промышленности, составлявший костяк примерно стотысячной массы организованных рабочих, несмотря на осуществлявшееся националистами многолетнее промывание мозгов, даже в самые тяжелые времена сохранял верность социал-демократии. В то же время в конце 30-х гг., главным образом в окраинных районах Будапешта, на периферии слоя работников мелкой промышленности и в среде безработных, не в последнюю очередь под влиянием укреплявшего свои позиции нацизма, пустили корни и крайне правые нилашистские группировки, расистско-антисемитские идеологические организации.

В конце войны антивоенные усилия социал-демократической и коммунистической партий пользовались симпатией широких слоев рабочего класса. И хотя в Венгрии не вспыхнуло народное восстание против нацистов и их прислужников, к 1945 г. идеи марксизма и социализма утвердились в сознании интересовавшихся политикой, правда, относительно узких слоев населения. Наилучшим доказательством существования в глубине общества сил обновления служило спонтанное возникновение национальных комитетов и других народных органов самоуправления. Освободившие Венгрию советские войска разрушили военную машину нацистов и изгнали нилашистские и иные крайне правые силы, принявшие участие в осуществлении холокоста. Тем самым венгерским левым и немногочисленным буржуазным антифашистским силам были созданы условия для проведения дефашизации страны. Однако в процессе «дефашизации» коммунистическая партия, пользовавшаяся поддержкой СССР, и сама играла на струнах национализма и авторитаризма. При этом в своей повседневной политике коммунистическая партия все в большей степени механически копировала советскую модель развития и зачастую пренебрегала национальными традициями и условиями, а также прежними традициями венгерского рабочего класса. Поворот в сторону холодной войны, происшедший летом 1947 г., окончательно толкнул руководство коммунистической партии (ВКП, а позже — Венгерской Партии Трудящихся) на эту вынужденную траекторию. Форсированная индустриализация по существу привела к формированию нового крупнопромышленного пролетариата, который, согласно легитима-

ционной идеологии нового режима, должен был сыграть роль «ведущего класса социализма», «нового господствующего класса». Однако прежде всего именно этот «господствующий класс» должен был оплатить всю стоимость форсированного развития в «государстве рабочих» со всеми вытекающими из этого известными последствиями. Половинчатая «десталинизация», начавшаяся с 1953 г., высвободила стихию гнева и возмущения, и в 1956 г. дух бунта против личной диктатуры вырвался из бутылки.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА РАБОЧИХ СОВЕТОВ

Возникновение рабочих советов в России 1905 и 1917 годов и в Венгрии 1918–1919 годов было связано с двумя неотрывными друг от друга моментами: всеобщим политическим кризисом и поиском путей выхода из этого кризиса. В центре деятельности этих советов стояло разрушение старой политической системы путем организации всеобщей забастовки и перестройки-возобновления производства на новых основах. Деятельность рабочих советов в Венгрии 1956 года также главным образом была связана с реорганизацией процесса производства и установлением рабочего контроля над заводами и производством, что сопровождалось проявлением традиционного духа рабочего коллективизма и определенных черт революционного анархизма. Однако в то время как рабочие советы в России и в Венгерской Советской Республике восстали против старого капиталистического режима, венгерские рабочие советы 56-го года исходили, с одной стороны, из стремления к «обобществлению» государственного социализма, а с другой стороны, из желания предотвратить реставрацию капитализма. Возникновение рабочих советов в Венгрии объяснялось не только тяжелыми экономическими проблемами и резким падением уровня жизни, вызванными политической тиранией, не только последствиями политического гнета, но и тем, что борющиеся друг с другом группировки политической элиты не смогли справиться со сложившимся кризисом даже по «польскому образцу», иначе говоря, руководство компартии распалось на враждующие фракции.

В Венгрии рабочие советы тоже возникли стихийно. Как известно, на них непосредственное всего повлияло развитие югославских рабочих советов, на опыт которого можно было ссылать-

ся, тем более что другого живого опыта тогда не существовало. В глазах «коммунистов-реформистов», размышлявших о «гуманизации» социализма, эти рабочие советы были лучами надежды, которые свидетельствовали о стремлениях к рабочему самоуправлению, сохранившихся даже в рамках бюрократической системы государственного социализма. Короткая история рабочих советов (окт. 1956 – янв. 1957) доказывает, что в сознании определенной части рабочих укоренилось представление о социализме в его самоуправленческой форме². Однако развитию советов в Югославии способствовало то, что эта страна — в отличие от Венгрии — освободилась практически без советской помощи. В свою очередь венгры получили возможность социалистического развития, так сказать, в готовом виде и «унаследовали» его «сталинистскую, государственно-социалистическую» форму. Несмотря на это, заинтересованные в реставрации частной собственности и старого режима хортистские силы, сгруппировавшиеся в ходе восстания 1956 г. под знаменем кардинала Миндсенти, не осмелились открыто и ясно сформулировать свои антисоциалистические цели и выступили с туманным обещанием создания смешанной экономики.

О деятельности венгерских рабочих советов 1956 г. сохранилась масса документов³, свидетельствующих прежде всего о

² По существу это признал и Янош Кадар, который на заседании президиума КПСС 1 января 1956 г., именно учитывая поддержку восстания значительными массами рабочих, несколько раз назвал его «национально-демократической революцией», одновременно указав на опасность контрреволюции как со стороны клики Ракоши-Герё, так и со стороны стремящихся к реставрации хортистских сил. Ср.: Президиум ЦК КПСС 1954-1964. Том. I. Черновые записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003. С. 196.

³ Важнейшие работы: Magyar munkástanácsok 1956-ban. Dokumentumok. Sajtó alá rendezte: Kemény István és Bill Lomax. Magyar Füzetek. Párizs, 1986, Bill Lomax: Magyarország 1956. Aura, 1989. Tóth Eszter Zsófia: A Csepel Vas- és Fémművek munkástanácsainak története és a munkástanács emlékezete. Рукопись, 2006; Feitl István: Parlamentarizmus és öngazgatás az 1956-os forradalomban. Múltunk, 2005. 2. sz. P. 231-243. Uő.: A magyar munkástanácsok és az öngazgatás 1956-ban. Eszmélet, 2.sz. (1989.) P. 42-52. Molnár János: A Nagybudapesti Központi Munkástanács. Akadémiai Kiadó, Bp., 1969. A forradalom előzményei, alakulása és utóélete. Tanulmányok és kronológia. Párizs-New Jersey, 1987. Ripp Zoltán: 1956. Forradalom és szabadságharc Magyarországon. Korona Kiadó, Bp., 2002.

стремлении сложившихся и централизующихся снизу вверх организаций установить непосредственный рабочий контроль над производственной и государственной бюрократией. Иначе говоря, советы выдвинули на повестку дня обобществление государственного социализма. Парламент рабочих советов, собравшийся 31 октября для решения стихийно возникших вопросов и включавший в себя 24 крупнопромышленных и 5 областных крестьянских союзов, а также несколько советов, созданных интеллигенцией, принял следующий классический и характернейший документ о правах и принципах функционирования рабочих советов:

- «1. Заводы принадлежат рабочим. На основании выпущенной заводом продукции рабочие платят государству налог, а также определенную долю полученной заводом прибыли.
2. Высшим органом управления заводом является рабочий совет, демократически выбранный трудящимися.
3. Рабочий совет выбирает из своего состава директорский комитет из 3-8 членов, являющийся постоянным органом рабочего совета и выполняющий функции, которые будут подробно определены позже.
4. Директор является служащим завода. Директор и другие служащие, занимающие важные должности, выбираются рабочим советом. Выборам предшествует конкурс, публично объявленный директорским комитетом.
5. Директор занимается делами предприятия и ответствен перед рабочим советом.
6. Рабочий совет сохраняет за собой следующие права:
 - А) Утверждает все планы предприятия.
 - В) Выносит решения об определении и использовании фонда заработной платы.
 - С) О заключении всех международных поставочных договоров.
 - Д) О проведении всех кредитных операций.
7. В спорных случаях рабочий совет выносит решения относительно принятия на работу и увольнения трудящихся.

8. Он утверждает финансовые балансы и выносит решения об использовании остающейся в распоряжении предприятия прибыли.
9. Берет в свои руки решение социальных вопросов на предприятии»⁴.

Помимо выдвижения общих политических требований (вывод советских войск, национальная независимость, демократические парламентские выборы), политическая деятельность рабочих советов носила скорее местный характер и расширилась лишь после того, как 4-го ноября началось вторжение советских войск, и снова наметились контуры кризисной ситуации. В этой деятельности усилилось направление, представители которого видели перспективу страны в соединении рабочего самоуправления с системой многопартийной демократии, в которой основы социализма должны были быть защищены от угрозы капиталистической реставрации конституционными гарантиями. 6-го ноября государственный министр правительства Имре Надя, известный венгерский юрист Иштван Бибо сформулировал эти идеи в специальном проекте, который был принят возникшим 14-го ноября Рабочим советом большого Будапешта. Согласно этому проекту, после вывода советских войск «общественной формой Венгрии станет социальная система, основанная на запрещении эксплуатации (социализм), что конкретно означает... сохранение земельной реформы 1945 г. с максимальным наделом в 20–40 хольдов... сохранение национализации шахт, банков и тяжелой промышленности, общественную собственность на заводы, основанную на рабочем самоуправлении и предоставлении рабочим акций предприятия или доли прибыли, полную свободу частного или кооперативного предпринимательства с гарантиями, обеспеченными запрещением эксплуатации...» Все это должно было быть одобрено учредительным собранием, определяющую роль в котором должны были играть рабочие советы⁵. Профсоюзы, поддерживавшие сформированное с непосредственной помощью Советского Союза правительство Кадара, обратились к Революционному рабоче-крестьянскому правительству с похожим предложением, в котором

⁴ Magyar munkástanácsok 1956-ban... P. 42-43.

⁵ Magyar munkástanácsok 1956-ban... P. 132.

предусматривалось создание двухпалатного парламента: «С этой целью предлагаем правительству рассмотреть вопрос о создании Совета Производителей. В качестве одной из палат парламента Совет Производителей мог бы стать новым органом государственной власти... Необходимо создать Палату Представителей, избранную тайным голосованием по территориальному принципу... и избранный также тайным голосованием Совет Производителей, состоящий из делегатов различных производственных коллективов». Главной задачей последнего в документе было названо «управление производством и распределением». «Таким образом, непосредственные участники производства должны определять как, каким образом и на что расходует государство свои финансовые средства и ценности... В политических вопросах Совету необходимо обеспечить широкие права по внесению предложений... в Палату Представителей»⁶.

Не случайно, что Кадар еще в течение нескольких недель после 4-го ноября вел переговоры (и не только по тактическим соображениям)⁷ с представителями рабочих советов, на что получил полномочия из Москвы⁸. С этой точки зрения очень поучителен ход переговоров между рабочим советом крупнейшего завода страны (в октябре 1956 г. в 18 цехах Чепельского металлургиче-

⁶ См.: *Eszmélet* 2. sz. P. 48-49.

⁷ От декабря 1956 г. осталось множество документов, свидетельствующих о стремлении государственной власти включить в реформированную систему управления рабочие советы, наделив их достаточно широкими функциями в области производства, что привело бы к смещению развития в направлении своего рода корпоративизма. Ср., напр.: *Magyar munkástanácsok 1956-ban... A kohó — és gépipari minisztérium tervezete*. 1956. dec. 13. P. 139-150; там же: *A vegyipari minisztérium tervezete*. 1956. nov. 21. P. 150-157.

⁸ Ср.: *Feitl, I. Parlamentarizmus és öngazgatás...* P. 241. Еще 30-го ноября на заседании чепельского рабочего совета присутствовал советский офицер, против чего, конечно, немедленно запротестовал участвовавший в заседании представитель Рабочего совета велосипедного завода, но все же это свидетельствовало о том, что даже и тогда еще не было принято окончательного решения о рабочих советах. «Конечно, выступление ничего не изменило, и офицер остался как “интересующийся практическим осуществлением модели рабочих советов”». Ср.: *Tóth, E. Zs. A Csepel Vas-és Fémművek...*

ского комбината работало 30500 человек) и правительством Кадара. Хотя рабочие советы Чепельского металлургического комбината (представлявшие собой целую сеть местных заводских советов с приблизительно 700 членов, работавших на общественных началах) и заявили, что не признают правительства Кадара и ждут возвращения Имре Надя на пост премьер-министра, в качестве основы переговоров они все же потребовали, чтобы правительство в газетах и по радио объявило о своем намерении опираться в своей работе на рабочие советы, а кроме этого предоставило им права по управлению предприятиями. «На бумаге это было реализовано в указе, напечатанном в газете “Непсабадшаг” 14 ноября 1956 г., по которому рабочим советам обеспечивались следующие полномочия: распространение рабочего самоуправления на все сферы заводской жизни, право принятия постановлений, разработка системы заработной платы на заводах, право на распределение части чистой прибыли предприятия среди трудящихся. В течение трех недель при участии всех трудящихся завода должны были быть проведены выборы окончательного состава рабочих советов, окончательные и детальные инструкции относительно выборов и функционирования рабочих советов должны были быть разработаны профсоюзами»⁹.

ПАДЕНИЕ

В следующем месяце участь рабочих советов была решена. Как выразился один из представителей чепельцев, советы функционировали в условиях «двоевластия», однако такое положение не могло быть продолжительным. Указ Президиума от 22 ноября обеспечивал рабочим советам относительно широкие права в области государственного планирования и согласования местных планов, на производстве и в управлении экономическими процессами на местах, начиная с определения эффективности и распределения прибыли вплоть до выплаты заработной платы, определения организационной структуры предприятий и, по существу, права вето при назначении директоров. Возник вопрос, «каким образом можно приспособить систему государственного управления промышленностью к системе самоуправления предприятий? Сами министерские аппараты, находившиеся в состоянии брожения, однозначно скло-

⁹ *Tóth, E. Zs. A Csepel Vas- és Fémművek...*

нялись к тому, чтобы сделать эту проблему архимедовой точкой опоры при осуществлении всей реформы. Таким образом, диалог с собственными аппаратами также побуждал правительство серьезно отнестись к рабочим советам и заключить с ними соглашение»¹⁰. В свете документов вырисовывается концепция, в которой предусматривалась возможность своего рода смешанной экономики, сосуществования различных хозяйственных секторов, государственного, самоуправленческого и ограниченного частного.

Однако основные практические вопросы были решены в плоскости политической борьбы. Ни Центральный рабочий совет большого Будапешта, ни рабочие советы вообще не пошли навстречу, собственно говоря, компромиссному стремлению представителей власти считать органы рабочего самоуправления чисто производственными организациями. Янош Кадар говорил о том, что рабочие советы должны руководить заводами, но им не следует заниматься политикой, поскольку это не их дело¹¹. Осуществляемая Кадаром концентрация власти все в большей степени делала ненужными рабочие советы, находившиеся между министерством и отчасти представлявшей его интересы дирекцией.

Центральный рабочий совет большого Будапешта подкрепил свои политические требования забастовками, однако эти требования уже оказались неприемлемыми для правительства Кадара (и, конечно, для стоявшего за ним советского руководства). На предприятиях все более явной властной альтернативой местным рабочим советам становилась реорганизованная партия, ВСРП¹². Так же смотрели на себя и на ВСРП и сами рабочие советы¹³. В ходе

¹⁰ *Kis, János. Az 1956-57-es restauráció — 30év távlatából // A forradalom előzményei... P. 133.*

¹¹ Там же. Эти слова были сказаны в ответ на вопрос представителей чепельского и других рабочих советов, которые 27 декабря 1956 г. в последний раз вели переговоры с Кадаром и руководителями ВСРП.

¹² *Molnár, János. A Nagybudapesti Központi Munkástanács. P. 90-91.*

¹³ Там же. См. еще: *Tóth, E. Zs. A Csepel Vas- és Fémművek... и Ripp, Z. 1956. P. 234.* 9-го декабря правительство поставило территориальные рабочие советы вне закона, после чего начались аресты руководителей рабочих советов. 11-го декабря был арестован Шандор Рац, руководитель Центрального рабочего совета, на забастовки и демонстрации правительство ответило расширенным применением средств террора.

острой политической и вооруженной борьбы вопрос о новой системе власти и о «многопартийной» форме социализма в конце концов был снят с повестки дня, даже несмотря на то, что рабочие советы до последнего дня своего существования подчеркивали, обращаясь не только к правительству, но и к силам капиталистической реставрации: «завод и земля принадлежат народу, мы никому не вернем их». Реставрация государственного социализма и предотвращение Советским Союзом появления «второй Югославии» оказались важнее стихийного стремления опробовать новые формы социализма. Логика политической борьбы привела к реставрации однопартийной системы, в рамках которой венгерским рабочим советам не досталось даже той ограниченной роли, которые играли аналогичные организации в югославской системе, где они еще долгие годы продолжали свое существование в тисках бюрократии и капитала. Менее чем через 30 лет, в 1990 г. рабочие советы постигла такая же судьба и в условиях буржуазного парламентаризма, многопартийной системы¹⁴.

Таким образом, венгерский опыт доказал, что рабочие советы были способны управлять производством, приступить к осмыслению и введению социалистической коллективной системы самоуправления, однако эта локальная попытка в конкретных политических условиях того времени оказалась недолговременной. Повторим, что ни однопартийная, ни восстановленная 30 лет спустя многопартийная система не проявили терпимости к противовесу, созданному общественной властью. Думается, что как по экономическим, так и по политическим причинам успешное и прочное введение самоуправления как альтернативной общественной системы возможно лишь в результате международного сотрудничества.

Властные группировки, празднующие 50-летнюю годовщину событий 1956 г., молчат о переосмыслении этой традиции, об экономических и теоретических возможностях самоуправления, фальсифицируя тем самым по-настоящему социалистические аспекты истории восстания 1956 года.

¹⁴ Принятая в 1989 г. поправка к конституции на историческое мгновение дала место самоуправленческим экспериментам, однако в 1990 г. первый «демократический» парламент принял новую поправку к конституции, уничтожившую параграф № 12/2, который фиксировал понятие коллективной собственности трудящихся.

1968 — МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ «СЛУЧАЙ» (ЭССЕ)*

1968 год был важнейшим переломным пунктом во многослойном и многозначном ряду событий, происшедших в исторический период с 1945 по 1989–1991 гг. В нем нелегко разобраться, поскольку в этом году, сконцентрировавшем в себе многочисленные — политические землетрясения —, имели место студенческие демонстрации в Варшаве и Париже, самоуправленческий эксперимент рабочих часового завода ЛИП и «пражская весна», военное вторжение в Чехословакию и введение нового экономического механизма в Венгрии, война во Вьетнаме и протестовавшее против него американское движение мира, движение хиппи и полицейский террор в Беркли, не говоря уже о событиях китайской культурной революции.

ИЗМЕНЕНИЯ И ПОСТОЯНСТВО МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

По всей видимости, к числу определяющих моментов международного фона «землетрясения» 1968 г. можно отнести: вырисовывавшуюся смену циклов развития мировой экономики (1968–73 гг.), окончательный распад колониальной системы, движения протеста против капиталистической системы «всеобщего благосостояния» и системы государственного социализма, тесно связанные с внутренними экономическими проблемами этих систем. В том, что центр мировой экономики подошел к концу очередного цикла накопления в долгой и кровавой истории глобального распространения капитала, к фазе сужения рынков, многие авторы и

* Первая публикация — 2008 г.

сегодня видят эмпирическое подтверждение существования циклов Кондратьева. Постепенно выдыхался ярчайший в мировой истории капитализма период экономического процветания, который после 1945 г. принес важные социальные результаты, как в капиталистических странах центра, так и в регионе, находившемся под контролем СССР: речь идет об известных достижениях «кейнсианского государства всеобщего благосостояния» и государственного социализма. Международные политические, властные и экономико-финансовые центры и представители их интересов поняли, что на стадии нового цикла могут открыться возможности для капиталистического, рыночного освоения, приватизации государственных структур, государственной собственности, для развертывания новых, глобальных форм господства капитала, что якобы означало бы своего рода «обновление» общества потребления. Время созрело для переворота: ведь, начиная с 1848 г., все крупные смены циклов сопровождались значительными экономическими и политическими кризисами, революциями и войнами (1848–49, 1870–73, 1918–19, 1939–45 гг.). В этот ряд укладывается и 1968–73 гг., как позже и 1989–91 гг., завершившие в Восточной Европе эпоху государственного социализма.

Таким образом, 1968 год не сводится к простому перечню локальных вспышек¹. Он стал своего рода «бунтом» в мировой политике против обусловленных «двумя мировыми системами» новых иерархий, против новых видов зависимости в экономике и мировой политике, против ограниченных великими державами скудных возможностей, причем этот бунт вышел далеко за пределы Европы (и, конечно, Восточной Европы). Две великие державы, Соединенные Штаты и СССР, старались определить конкретные географические границы мировых систем путем поддержания международного *status quo*, в основе которого лежал ядерный пат. Это было одной из важнейших очевидностей парижского, явно антикапиталистического и антиимпериалистического восстания студентов: ведь среди его — крупных — целей было и изменение существующего мирового порядка. Западноевропейские студенческие

¹ Яркими проявлениями крупных процессов были война во Вьетнаме, советско-китайский конфликт, арабо-израильская война 1967 г., не говоря уже о более поздних ангольско-мозамбикско-португальских событиях 1970-х.

восстания и восточноевропейские перемены, пусть и по-разному, были направлены против обеих великих держав, однако танки де Голля и Брежнева поддержали *status quo* мирового порядка. Эти крупные социальные волнения, национальные, региональные и мировые потрясения и усиливали, и парадоксальным образом в то же время ослабляли друг друга. И США, и СССР, и Китай следовали своим хорошо поддававшимся описанию интересам, которые на каждом шагу вступали в противоречие с провозглашавшимися этими странами идеалами. СССР и Китай оправдывали свою политику революционным мессианизмом, а США — легитимационной идеологией, провозглашавшей «демократию». В то же время уничтожение колониальной системы не принесло (и не могло принести) процветания странам т.н. Третьего мира, и, принимая во внимание страшные страдания колониального прошлого, модель двух государственно-социалистических великих держав могла казаться «привлекательной» на этих территориях.

Поддержание сложившегося биполярного мирового порядка отвечало интересам Соединенных Штатов, поскольку и в сфере их интересов возникло множество конфликтов, которые «изнутри» поставили под вопрос существующую систему. Среди прочего этим и объясняется то, что, помимо громких заявлений, Запад не сделал никаких конкретных шагов для противодействия военной интервенции вооруженных сил Варшавского договора в Чехословакию. Как не случайно и то, что советская сторона рассматривала выступления в Западной Европе и Америке в качестве простых — студенческих волнений, в то время как это были действительно серьезные социальные движения. Если вспомнить всеобщую забастовку во Франции, крупные рабочие демонстрации в Италии или широкое движение за мир, за гражданские права негров и феминистское движение в США, то становится понятно, что речь шла не о немногочисленных бунтовавших от скуки длинноволосых молодых людях, как представляли, — и, конечно, тем самым дискредитировали, — появление западноевропейских новых левых в восточноевропейской прессе. Обеим великим державам было гораздо важнее сохранить свои международные позиции, чем оказать поддержку революционным, бунтарским движениям. В мировой политике США сыграли еще более консервативную роль, чем СССР. Последний поддерживал Вьетнам в его войне против США

и революционную Кубу, хотя, конечно, угроза непосредственного военного конфликта между СССР и США ради осуществления каких-либо революционных или контрреволюционных целей ни на минуту не становилась реальной. У США, которые были сильнее в экономическом и военном отношении, было несколько своих «Чехословакий», гораздо более кровавых и крупных, чем советское вмешательство 1968 г.: путч «черных полковников» в Греции в 1967 г., военные акции на Ближнем Востоке, диктатура фашистского типа, установленная переворотом Пиночета в Чили, или вторжение на Гренаду в 1983 г.²

Вторжение в Чехословакию особенно повредило СССР, с одной стороны, потому, что оно произошло в период экономического подъема, когда экономика крепла, а уровень жизни повышался, а с другой стороны — потому, что советская военная акция понизила или окончательно подорвала международный авторитет СССР в глазах различных групп левых сил. К тому же престижу СССР был нанесен удар именно тогда, когда его авторитет возрастал, а авторитет США, наоборот, падал, прежде всего, из-за войны во Вьетнаме и поддержки военных диктатур. Этот шаг стал тяжелым потрясением для всего западноевропейского коммунистического движения, поскольку создавалось впечатление, что СССР окончательно завершил поиск новых путей социалистического развития. Ответом на это стал итальянско-испанский эксперимент, получивший название «еврокоммунизма».

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА — РАЗНООБРАЗИЕ ИЛИ ЕДИНСТВО?

В 1968 г. В Восточной Европе существовали общие устремления, в разных формах и с разной интенсивностью выражавшиеся в разных субрегионах и социальных группах. Определенные круги польской, чехословацкой, венгерской и югославской городской

² Кроме этого, имели место и другие поддерживаемые Вашингтоном заговоры, такие, как неудачная попытка крайне правого государственного переворота под руководством Боргезе в 1970 г. в Италии, не говоря уже о множестве иных военных путчей и поддержке режимов средневекового типа.

молодежи услышали в доносившемся из Западной Европе шуме элементы контркультуры, противостоявшей «истэблишменту». Но этот шум лишь слабо просачивался из-за железного занавеса, и политический андерграунд, феминистская и антирасистская культура не затронули сколько-нибудь значительные массы общества. В отличие от Восточной Европы, в Западной Германии «нацистская культура» отцов и «отмывание» нацистского прошлого стали предметом публичной дискуссии. Протестовавшее против войны во Вьетнаме официальное движение за мир в Восточной Европе получило сильные импульсы с Запада. Однако для представителей власти самоуправленческая ревизия государственного социализма, старая программа рабочих советов, предусматривавшая самоорганизацию общества, казались большей опасностью, чем присутствовавшее в обществе требование буржуазно-демократических свобод и основанное на иллюзиях стремление к «ценностям» общества потребления.

Может показаться парадоксальным, что на Востоке желавшие изменений социальные силы стремились «к Западу», а на Западе — «к Востоку», в том смысле, что они пытались подтолкнуть общество потребления в сторону коллективистского общества («назад к “Государству и революции” Ленина»). В то же время в странах третьего мира целью стало достижение национальной независимости и создание своего рода государственной экономики, что кое-где называли «социалистической ориентацией», а в других местах на почве племенных и других традиций снабдили национальными или религиозными определениями и характеристиками — от «исламского социализма» до «кооперативной» системы в Кении.

В Восточной Европе волнения варшавских студентов в марте 1968 г., «пражская весна» и введение в Венгрии нового экономического механизма в январе 1968 г. в той или иной форме ломали идеологические и политические рамки государственного социализма советского типа. Однако в некоторых важных отношениях ломка шла *именно в противоположном направлении по сравнению с западными бунтарями*. Восточноевропейский 68-й год был скорее приспособлением к условиям и ценностям западного буржуазного мира, «капитализма центра». Прежде всего это характерно для Чехословакии, где, правда, реформисты выступили против

чрезмерной государственной власти и авторитарного правления под лозунгами «демократического социализма» и «социализма с человеческим лицом», но в конце концов пришли к многопартийной системе, а в области экономики — к попыткам расширения роли рынка в направлении своего рода «рыночного социализма». Дьердь Лукач в статье «Настоящее и будущее демократизации», написанной еще в 1968 г., но опубликованной «только» двадцать лет спустя, на заре смены общественного строя, обратил внимание на саморазрушительный характер несовместимых друг с другом реформ. В Чехословакии «пражская весна» началась в надежде на расширение буржуазных свобод, в то время как перестройка экономического механизма в Венгрии — в надежде на «децентрализацию предприятий» и создание «материальной заинтересованности». Во всяком случае, участие венгерских войск в военном вторжении сил Варшавского договора указывало на политические границы реформ.

Отказавшись от участия во вторжении 68-го года, Румыния подчеркивала свою национальную автономию, националистическую обособленность, стремясь показать Западу и Востоку свою важность, а главное — консервировать авторитарный режим, который уже тогда получил название «национального коммунизма». Югославия также выдвигала на передний план свою оригинальность, идя по «югославскому пути социализма». Однако в то время как румынский «национальный коммунизм» увяз в национализме, который служил именно цели отказа от реформ, югославское руководство, наоборот, прилагало усилия для рыночного «разрыхления» системы самоуправления в интересах менеджерской бюрократии предприятий и, конечно, в ущерб рабочим советам. Здесь была создана смесь либерализма и коммунизма в ее классической форме.

Югославская левая оппозиционная группа «Праксис» в Загребе, «союзная» с ней т.н. Будапештская школа Лукача, франкфуртская школа, Колаковский и Маркузе — вот составные части теоретико-философской базы, на которой были сформулированы критика реформ — и в то же время неприятие военного вторжения в Чехословакию. Быть может, под влиянием Лукача (или, скорее, последних работ Ленина) осуществление *рыночных реформ без введения рабочей демократии рассматривалось в качестве под-*

готовки почвы для капитализма, а непродуманность реформ виделась в их бесперспективности, то есть частном, *партикулярном* характере, в том, что они подготавливают реставрацию капитализма. При этом, как мы уже подчеркивали, вторжение в Чехословакию оценивалось как авторитарный удар по социализму, как доказательство невозможности реформировать государственный социализм. В этой ситуации Лукач указал на существование третьей возможности, состоявшей в возвращении к традиции рабочих советов.

После событий 1956 г., то есть после XX съезда партии и венгерского восстания, СССР, главным образом, интересовали три вопроса, касающиеся его восточноевропейских союзников. Во-первых, внутренняя стабильность коммунистического режима — ведь его неустойчивость затронула бы соотношение сил в Восточной Европе. Во-вторых, неприкосновенность «ялтинских» сфер влияния. А в-третьих, необходимо было оценить, в какой степени реформы могут повлиять на внутренние политические отношения и интересы СССР. Во всем регионе не было более националистического и антисоветского правительства, чем правительство Чаушеску в Румынии, однако не было и речи о возможном вмешательстве, ведь не существовало ни военной, ни политической возможности выхода Румынии из «социалистического лагеря». Совершенно иным было положение в 1980–81 гг., когда тоже не было речи о военной оккупации Польши, но на этот раз потому, что по сравнению с 1956 или 1968 г. изменилось внутреннее и международное соотношение сил, причем — не в последнюю очередь из-за вторжения в Афганистан — не в пользу СССР. Оглядываясь назад, можно сказать, что в 1968 г. СССР был на вершине своего могущества.

Таким образом, при определении различий решающим элементом было отношение к СССР. Из документов того времени однозначно выясняется, что чехословацкие реформы, в отличие от венгерских, были полностью независимы от стимулов со стороны СССР. Это отразилось и в том факте, что практически все просоветские политики были удалены из состава руководства. Положение в Румынии не грозило перспективой перестройки буржуазного типа, зато именно такой возможности советские руководители боялись в Чехословакии, наблюдая за событиями «пражской вес-

ны». В то время кремлевские политики не могли представить альтернативный социалистический режим, поскольку изменения в направлении программы самоуправления, сформулированной на XXII съезде партии в 1961 г., сопровождались бы для них потерей власти. 20 лет спустя *рыночный социализм «с человеческим лицом» à la Горбачев* показал, что распространение рыночной экономики неизбежно ставит на повестку дня разрушение централизованных властных структур государственного социализма, что открывает путь капитализму и в то же время дает возможность старой элите сохранить свои привилегии. Руководители советской номенклатуры еще не видели этой возможности, однако такие предположения уже были сформулированы в связи с венгерской реформой. Когда Лукач размышлял о возможностях рабочей демократии в рамках смешанной экономики, он предлагал именно альтернативу буржуазной демократии и «чистой» рыночной экономике. К этой идее присоединились многие из тех, кто исходил из теории «нового класса». Указанный теоретический опыт подкреплялся опытом югославских рабочих советов: рыночную экономику нельзя совместить с демократией рабочих советов.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВЫЗОВА

При взгляде с традиционной точки зрения представляется, что в 1968 г. «революционизированное поколение молодежи взбунтовалось» против всей системы капитализма центра. Однако рабочее движение было неразрывно связано с коммунистическими и/или социал-демократическими партиями, которые отвергали любые революционные решения, саму мысль о свержении капитализма и культуру революции в целом. Организованные массы рабочих во всей Европе предпочитали обеспеченность жизни и достижения системы всеобщего благоденствия боевой миссии спонтанного студенческого бунта. Молодежь бунтовала против консервативного мировоззрения и привычек своих отцов и матерей и, в конечном итоге, против ограничивающего фантазию и свободу личности «патерналистского государства»; и вообще — против биполярного мирового порядка, основанного на своего рода соглашении и борьбе между двумя великими державами. К тому же связанная с этим симпатия французской и отчасти немецкой молодежи к мао-

изму получила особенно негативное освещение в рамках советско-китайского конфликта. Происходившая в основном из средних классов молодежь Парижа и Берлина, Будапешта и Праги с рождения привыкла к «социальным завоеваниям», которые были для нее так же естественны, как свобода слова или безработица для восточноевропейской молодежи после 1989 г. Со своей стороны, рабочие, в основном на Западе, считали «завоевания» государства «всеобщего благосостояния» своей заслугой и отнюдь не желали свержения этого государства, в то время как молодежь ставила судьбу человеческой свободы во всем мире в зависимость от разрушения «техно-бюрократического государства».

В государственно-социалистической Восточной Европе и в «развитых» странах антибюрократическая борьба развернулась на двух очень разных уровнях. Как уже упоминалось, с одной стороны, надо отметить демократическую и рыночную устремленность пражской весны, а с другой стороны, рыночно-децентрализующие целевые установки венгерского нового экономического механизма. В то же время западные требования свободы образа жизни, выбора музыки, а также сексуальной свободы не могли «прижиться» в консервативной атмосфере, характерной для коммунистических партий Восточной Европы. С точки зрения коммунистических властных структур при государственном социализме, эти стремления к свободе казались (или действительно были) элементами подрыва и дестабилизации режима. К тому же, быть может, было упущено из виду, что кейнсианство не ослабило, а укрепило приемлемость капитализма центра, буржуазной цивилизации в широких слоях общества. Больше того, сложилась парадоксальная историческая ситуация, когда именно *«антигосударственная» революция 1968 года подготовила неолиберально-неоконсервативное обновление этой буржуазной цивилизации*. Символическим выражением этого может считаться то, что парижский герой Кон-Бендит в 70-е годы превратился в буржуазного политика, а основатель левацко-маоистской партии Мишель Рокар даже стал премьер-министром, не говоря уже об известной карьере Йошки Фишера.

Провозглашение ценностей и идеалов 1968 г. быстро «ревоплотилось» в идеологическое обоснование неолиберального капитализма, глобальной системы «общества потребления», удовлетворив требованиям рынка капиталов, свободного перемещения

капиталов и практически неограниченного господства «свободного рынка». С другой стороны, в противоположность своим первоначальным целям, 1968 год, сломив веру во «всемогущее» государство, отнюдь не проложил путь для «разрушения буржуазного государства», произошло как раз обратное. Неолиберальный поворот был украшен такими перьями из наследия 1968 года, как антирасизм, мультикультуральность, защита прав меньшинств, защита прав человека, — хотя при этом у общества были отняты возможности самообороны. 1968 год и кейнсианские идеи были преданы забвению. Логика капитала «вызвала к жизни» антисоциальную систему свободного рынка, которая превознесла до небес социальное неравенство. В резком отличии от 1968 года, этот поворот «закрыв систему слева» и предоставил возможность для развертывания оппозиционного потенциала в сторону рынка и «тотальной» приватизации. Таким образом, в действительности капитал и его институты извлекли выгоду из антигосударственных устремлений 1968 года; конечно, как мы уже хорошо знаем сегодня, цель заключалась в том, чтобы урезать или полностью ликвидировать не само государство, а только его общественные функции, его учреждения и меры в сфере социального обеспечения («благосостояния»).

Таким образом, в этом смысле 1968 год подготовил почву для неолиберально-неоконсервативного поворота, первой экспериментальной площадкой для которого стала диктатура, прокладывавшая себе путь, шагая по трупам социалистического президента Альенде и еще многих тысяч людей, сначала в Латинской Америке, а потом во всем мире. Не более успешной была и мечта Брандта о примирении Востока и Запада: она подготовила почву для мирной перекачки накопленных и требовавших вложения в виде капитала нефтедолларов в Восточную Европу в форме кредитов, — подобно тому, как в конечном итоге около 100 стран обремененного долгами мира были заперты в долговой ловушке. Около пятнадцати лет спустя глобальная «революция» капитала снесла вместе с государством «всеобщего благосостояния» всю восточноевропейскую государственно-социалистическую постройку, в чем, несомненно, приняли активное участие «реабилитировавшиеся» герои, буржуазные интеллектуалы 1968 года. Настоящих же наследников 1968 года в наши дни скорее всего можно найти на левом крыле антиглобалистских движений.

На основании сказанного ясно, что, несмотря на все первоначальные прогрессивные гуманистические коллективистские устремления, слабым местом в наследии революционеров 1968 года было то, чем и воспользовался неолиберализм в своей своеобразной версии «антиэтатизма». А именно: у них не было никакой серьезной и самостоятельной *экономической политики и экономической концепции, которую они могли бы передать будущим поколениям*. Как ни позитивен для настоящего времени их пример, состоявший в способности поставить под вопрос всю систему «в целом», извлеченный из этого урок все же заключается в том, что «целое» без его частей может превратиться в ничто. Однако в наши дни *буржуазная партикулярность* как раз уничтожает способность видеть *целое, тотальность* даже из основных областей теоретического мышления, — хотя новый капиталистический кризис опять ставит на повестку дня вопрос системы в целом, опять придает динамизм не имеющим равных до сего времени теоретическим подходам Блоха и Лукача, Грамши и Маркузе, Сартра и Месароша.

ПЕРЕСТРОЙКА И ПЕРЕДЕЛ СОБСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ПОСЛЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА*

Известно, что у государственной собственности глубокие, вековые корни в российской истории. В конце XIX - начале XX вв. Ключевский и Ковалевский, Милуков и Павлов-Сильванский, Плеханов и Ленин, Маслов и Троцкий изучали это явление со своих теоретических позиций. Без его изучения нельзя обойтись и сегодня¹. Современные историки² подчеркивают решающую роль государственной собственности в развитии промышленности и сельского хозяйства России: от Ивана IV до Сталина через эпоху Петра Великого. Разумеется, дабы избежать поверхностных, упрощенных толкований, «характерные особенности» развития страны следует рассматривать в контексте меняющихся и структурно различных исторических условий. Однако и для исследования этих характеристик развития все же придется коротко обратиться к общеизвестным темам.

* Первая публикация — 2011 г.; Hungarian publication — 2003.

¹ Четверть века назад мы попытались рассмотреть все эти взгляды в исторической перспективе, но не могли и представить, что поднятая проблема в конце концов окажется живым историческим опытом, что спустя сто лет вопрос об отношениях власти и собственности снова возникнет в результате смены общественно-политического строя. См.: Pártviták és történettudomány. Вр.: Akadémiai Kiadó, 1989. См. также ряд материалов моей монографии: Lenintől Putyinig Вр.: La Ventana Kiadó, 2003.

² Вся историческая литература не может быть охвачена в рамках небольшой статьи. Недавно российскими учёными была проделана значительная работа по обзору литературы о собственности — в сборнике, посвящённом 80-летию академика В.А.Виноградова. См.: Собственность в XX столетии. М.: РОССПЭН, 2001.

Важно понять, что существенную роль государства и государственной собственности предопределили геостратегические нужды властей, обусловленные необходимостью присваивать, удерживать, объединять и администрировать огромные территории Российской империи. Заинтересованность правителей в присвоении труда населения, рассеянного по этим огромным территориям, привела к концентрации собственности в руках государства. Параллельно в правление Петра Великого появилась, хоть и в зачаточном виде, новая структура сельской общины, вдохновившая Маркса на развитие идей о будущем коллективной собственности. Сохранение общины в дальнейшем зависело от полупериферийного положения России в «современной мировой системе», где индустриальные гиганты центра отвели российскому сельскому хозяйству роль поставщика зерна в европейском «разделении труда». С совершенствованием современного капитализма в России возникли идеи «подтягивания к Западу» и «модернизации». Конкуренция с Западом тоже приводила к усилению власти государства и концентрации собственности в его руках, поскольку экономические и военные задачи государства были таковы, что их невозможно было разрешить без исключительной роли государственной собственности в различных её формах. Конечно, были и другие факторы. Например, в России не было завершено первоначальное накопление капитала, и буржуазия осталась слабой и подчиненной самодержавию, а от экономико-производственных функций самодержавного государства требовалась небывалая мощь, чтобы «заместить» отсутствующий всероссийский национальный рынок.

Государственная собственность в Советском Союзе была не просто исключительной по масштабам, при Сталине она была назначена «экономической основой». «Социалистическое» государство полностью уничтожило капиталистическую частную собственность, и мало кто думал, что в короткий срок может произойти обратное превращение, хотя Троцкий ещё в 1936 г. предупреждал, что «класс» привилегированных государственных бюрократов, почувствовав угрозу своему могуществу, не замедлит конвертировать государственную собственность, то есть собственность рабочих, в наследственную частную. И всё же эта грандиозная трансформация произошла, и почву для нее подготовила перестройка. Сегодня еще существуют некоторые формы государственной собственности, но

функционируют они ровно как капиталистическая частная собственность. К 1 января 2000 г. российское государство владело лишь 4,8% всех заводов и предприятий, хотя в сельском хозяйстве такая стремительная перемена не могла произойти из-за сильных традиций многослойного крестьянского общества³.

Поэтому стоит проанализировать некоторые из наиболее интересных аспектов смены строя в Советском Союзе в ракурсе отношений перестройки к государственной собственности: это ясно продемонстрирует, что определяющей проблемой «переходного» периода был вопрос собственности. Раскрыть историю ожесточенных прений о государственной собственности — важное дело не просто для историка-профессионала, но и для социальных наук в целом⁴.

МЕСТО ПЕРЕСТРОЙКИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

За семь десятилетий существования Советского Союза отношения власти и собственности претерпели ряд изменений, которые, тем не менее, нельзя определить как «смену строя». Они происходили тогда, когда, помимо решения внутренних проблем,

³ См.: *Латина С.Н.; Лелюхина Н.Д.* Государственная собственность России: некоторые исторические уроки // *Собственность в XX столетии*. С. 216-223; *Кознова И.Е.* Крестьянские представления о земельной собственности: история и современность // Там же. С. 667-685.

⁴ Собственность есть совокупность человеческих отношений, которая возникает в ходе производства и, более широко, воспроизводства человеческой жизни, включая и процесс присвоения произведенного. Ни один вид собственности не был просто экономическим, наоборот, они обязательно включали властные (политико-правовые) отношения и определяли иерархическую структуру общества. Я подчеркиваю это в интересах методологии. Ведь некоторые социологи по идеологическим причинам стараются разделить экономический и политический аспекты, а то и противопоставить их. Они часто относят частное (капиталистическое) владение к «чистой экономике» и наделяют его экономическим рационализмом, тогда как государственная собственность у них считается иррациональной и ведомой лишь логикой власти. Игнорируя многовековой опыт, общественную собственность они отвергают как утопию или видят в ней извращенную форму государственной.

советское государство должно было реагировать на перемены мирового масштаба. Октябрьская революция, которая смела правящие классы, не была вооружена экономической концепцией, подходящей для послереволюционной России. Первая экономическая система, военный коммунизм, возникла по большей части спонтанно — но также частично основывалась на зачатках самоорганизации и самоуправления (немедленно внедренных в общество), которые возникли в теории и на практике еще до революции, и ещё на рабочем контроле. Основными управленческими ячейками революционной «системы» стали фабричные и заводские советы, придавшие организованную форму процессу унификации местной власти и собственности.

Однако с самого начала сочетание внешней военной угрозы с внутренними политическими трудностями и стремлениями выявило незаменимость организационных возможностей центрального аппарата и бюрократизацию «власти рабочих». Военный коммунизм был вызван гражданской войной и стал советской версией немецкой милитаристской экономики. С начала 1919 года при военном коммунизме (национализации экономики в военных целях) оказались сведены к минимуму финансовые и рыночные отношения, а частная торговля — запрещена. В это же самое время под новую экономическую систему стал подводиться идеологический базис. Казалось, коммунизм — натуральная безденежная экономика с производством для прямого удовлетворения потребностей — может действительно быть построен. Эта идея отражена в знаменитом труде Бухарина и Преображенского «Азбука коммунизма», и на какой-то момент подобное эйфорическое мышление повлияло на самого Ленина. Но спешно национализированная промышленность неожиданно для всех оказалась под путанным бюрократическим руководством управлений, трестов, комиссариатов, демонстрирующим признаки, «присущие» как условиям гражданской войны, так и известным русским традициям.

По окончании гражданской войны и под давлением крестьянских восстаний военный коммунизм утратил основу своего существования. Во имя сохранения советской власти весной 1921 г. X съезд партии восстановил многие элементы капиталистической экономики в рамках новой экономической политики (НЭП). Частная торговля, рынок и денежная экономика были воскрешены, и

даже зашла речь о приватизации некоторого госимущества. Вновь возник не только частный капитал, но и некоторые формы распоряжения государственной собственностью (арендные соглашения, концессии, торговля государственных предприятий, децентрализация управления). Другое дело, что по политическим мотивам концессионная политика Ленина не была благосклонно принята на международной арене, а с ослаблением европейских революционных движений внешнеполитическая изоляция Советского Союза стала совершенно определенной.

В глазах тех, кто отправлял власть, «частичная реставрация» капитализма не сделала излишней диктатуру Коммунистической партии. Напротив, они стремились усилить свое влияние. Большевики постоянно думали об угрозе, которую представлял собой новый государственный капитализм, и опасались, что «стихийные силы» рынка сметут их с добытых «железом и кровью» мест в государственных структурах. Плывая посреди 25-миллионного океана мелких крестьянских хозяйств, большевики более всего страшились «приватизации» государственной собственности, считая её (не без оснований) почвой для спонтанного порождения капиталистических отношений.

Эксперименту Советского Союза со «смешанной экономикой» положил конец «великий перелом» 1929 года, совпавший с началом Великой депрессии. Коллективизация и индустриализация, проводившиеся одновременно и одинаково стремительно, имели две цели (обусловленные политическими соображениями). Первая состояла в том, чтобы уничтожить все следы «спонтанной капиталистической реставрации» и её приверженцев, то есть укрепить и расширить советскую власть в деревне. Вторая — в том, чтобы выжать капитал из сельского хозяйства и сосредоточить его для обслуживания потребностей промышленного производства. Достижение целей требовало применения насильственных мер и введения командной плановой экономики.

Результатом этого известного процесса стало господство институционализированных форм государственной собственности и соответствующая социальная структура. Тотальной национализации при таком подходе оказались подвержены даже коллективные хозяйства. Исчезла не только частная собственность, но и формы коллективной собственности, включая те, что имели глубокие кор-

ни в сельском хозяйстве. Тогда же диктатура партии «возвысилась» до личной диктатуры Сталина и зацементировалась в форме централизованной бюрократической власти. Военный коммунизм, НЭП, сталинские индустриализация и коллективизация — все эти преобразования имели в основе различные факты, страхи и геополитические проблемы, вертевшиеся вокруг международной изоляции Советского Союза и необходимости железной рукой ухватить власть, как в центре, так и на местах. Поэтому ничего удивительного нет в том, что недавние крупные трансформации собственности в России были тоже связаны с международными событиями и кризисом внутренней механики власти.

После смерти Сталина (хотя частично и с его собственной подачи) началась реформа государственно-бюрократического управления экономикой, чаще всего ассоциируемая с Хрущёвым. Как будто вернулся НЭП: шли дебаты о возможности развития децентрализованной «смешанной экономики», «рыночного социализма», противопоставленного бюрократическому управлению плановой экономикой. Однако сопротивление бюрократии и недостаток материальных стимулов в конечном итоге оказались непреодолимыми проблемами. Примечательно, что даже когда реформы плановой экономики действительно осуществлялись — например, в Венгрии в 1968 г. был введен новый экономический механизм, — вопрос о собственности все равно не стоял. В Советском Союзе два враждующих лагеря, «рыночники» и «плановики», достигли теоретического компромисса в 1961 г. на XXII съезде. Практические противоречия между «плановой» и «рыночной» системами были примирены в умозрительном понятии производственного самоуправления, отдававшем дань марксистской теоретической традиции, которой следовал и Ленин. Борясь за экономическую политику, два лагеря — в интересах сохранения власти — все же могли существовать полюбовно, в то время как обобществление собственности продолжало числиться в реестре теоретических диковин.

После Великой Отечественной войны военно-промышленный комплекс приобрёл серьезное экономическое значение и решительно противостоял любой серьезной попытке отчуждения роли государства. Послевоенное восстановление Советского Союза, проведенное за счет собственных ресурсов, исключение из плана

Маршалла, завязка холодной войны законсервировали «имперское» мышление. Политические ожидания западной власти в отношении Советского Союза всегда выходили за приемлемые для последнего рамки, однако это не мешало периодическому экономическому и коммерческому сотрудничеству между Западом и СССР, временами весьма существенному, как, например, во время «разрядки» в 70-е⁵. Вопреки распространённому мнению, изоляция государственного социализма от остального мира была не продуманным и заранее спланированным решением советской элиты, а на самом деле адаптацией к обстоятельствам, средством выживания. В течение второй половины 20-х возникла культура изоляции, чьим идеологическим выражением стала концепция «социализма в отдельно взятой стране»⁶. Крах Советского Союза и государственного социализма в Восточной Европе следует оценивать, учитывая отказ от этой культуры.

Расширение гонки вооружений до масштабов космоса явилось логическим следствием биполярного мирового порядка и привело к провалу попыток внутренних реформ в условиях холодной войны, усугубленному поднимающейся оппозицией, как бюрократии, так и рабочих, социализированных по большей части при сталинском режиме. Да и хрущёвский прагматичный политический стиль означал, что очень немногое может быть достигнуто в области создания добровольных производственных предприятий, рабочего контроля на заводах, обобществления государственной собственности. Командная экономическая система оставалась не-вредимой, если не считать легких кивков в сторону незначительных рыночных элементов, некоторой бюрократической реорганизации и попыток децентрализации по случаю. Кубинский кризис и советско-китайский конфликт обнаружили, что стабильность не

⁵ За десятилетия гонки вооружений европейская ориентация прочно вошла в сознание советской элиты и политической бюрократии. В эйфории перестройки иллюзорная идея Европы как «общего дома» заставляла советскую, а потом и российскую элиту мечтать о «европейской интеграции». *Hough, Jerry*. *Russia and the West. Gorbachev and the politics of reform*. Second ed., N.Y. – Sidney, etc. Показательная книга издательства Simon and Schuster Inc., 1990. P. 232.

⁶ См. нашу монографию: *Font, M.; Szvák, Gy.; Niederhauser, E.; Krausz, T.* *Oroszország története*. Bp., 1997. Ch. 5.

может далее строиться в расчете на сглаживание международных противоречий. Другими словами, внутренние и внешние политические трудности оказались весомее любых устремлений, направленных на обобществление государственной собственности.

Другим фактором был постепенный подъём жизненного уровня, послуживший увеличению престижа государства даже среди сельского населения. А внутренние борцы за обобществление не могли самоорганизоваться, как можно увидеть на примере подавления рабочего восстания в Новочеркасске в 1962 г. Обобществление сделало бы большинство государственных и партийных чиновников, бюрократических управленцев, лишними, поставило бы под вопрос их привилегированное общественное положение. Провал хрущёвской «перестройки» означал уход в небытие даже возможности такого поворота событий. С этих пор в Восточной Европе реформы государственной собственности свелись к расширению рыночных отношений, а венгерские рабочие советы в 1956 г. и польское «рабочее самоуправление» 1980-х погибли в огне борьбы за власть.

При Брежневе бюрократия снова окрепла, чтобы приспособиться к новым условиям и вести более агрессивную внешнюю политику. Это — в сочетании с неблагоприятным международным климатом — стало причиной снижения экономического роста. Попытки Либермана и, позднее, Косыгина реформировать государственный социализм при помощи рыночных «дополнений» с условием неприкосновенности государственной собственности были обречены на провал⁷. Когда в октябре 1964 г. Брежнев пришёл к власти, мировая экономика ещё расширялась, и уверенно можно было говорить обо всех шансах для СССР преодолеть экономическое и социальное отставание от Запада, лишь бы Союз ухватился за них. Однако начиная с середины 70-х разрыв стал увеличиваться, это замедление экономического развития столкнуло советских

⁷ Природа развития государственного социализма обсуждалась в некоторых публикациях на венгерском языке; последние из них можно найти в *Eszmélet*. Началом этих последних дебатов стала основополагающая статья: *Szigeti, P. Experiences of state socialism and historical lessons // Eszmélet. № 58 (2003). P. 37-73.* См. также: *Államszocializmus. Értelmezések — viták — tanulságok (Eszmélet könyvtár, L'Harmattan). Bp., 2007.*

людей с до сих пор неведомым «застоем», и оставалось совсем немного времени до того момента, когда обнаружатся реальные корни проблемы.

Во второй половине 80-х кризис советского режима сделал неизбежным использование уже накопленного опыта размышлений о собственности. Вопрос о ней не рассматривался всерьез ни в венгерских, ни в чехословацких реформах 1968 г., но всегда оставался теновой идеей, скрывающейся на задворках любой концепции реформ на протяжении десятилетий. И вот в конце 80-х годов кризис в Советском Союзе достиг такой глубины, что вопроса о частной и общественной собственности нельзя было избежать ни в теории, ни на практике. Мир сильно изменился с 60-х, а основы советского государства, промышленности и сельского хозяйства, равно как и отношений собственности, по-прежнему лежали в 30-х, времени совершенного иных глобальных экономических условий. В отличие от 60-х, когда мировая экономика быстро развивалась, а советская эффективно наверстывала отрыв от Запада, неолиберальная глобализация 80-х запустила СССР по нисходящей спирали, и любые надежды окончательно поровняться были утрачены. «Разрядка» 70-х основывалась на относительном военном паритете, но в следующем десятилетии Советский Союз был уже неспособен поддерживать этот паритет, и, соответственно, ничто не могло оставаться по-старому.

Перестройка стартовала в 1985 году с целью реформировать систему государственного социализма, а закончилась коллапсом этой системы — как, собственно, и самого Советского Союза — и реставрацией капитализма. В первоначальном всплеске эйфории, которым встретили горбачевскую инициативу, было забыто, что центральные капиталистические страны в конце 80-х завершили цикл, начавшийся десятилетия назад с кейнсианского «государства благосостояния». Тогда мало кто видел общемировое значение этого процесса, но, оборачиваясь сегодня на шестилетнюю историю перестройки, мы можем куда яснее увидеть этапы, характеристики и причины ее провала.

В рамках подготовки к XXVII съезду 26 октября 1985 г. был опубликован набросок новой редакции программы партии, отбросивший доктрину «развитого социализма» и в некотором смысле вновь обратившийся к долгосрочной перспективе «социализма са-

моуправления». Все выглядело так, будто перестройка обнаруживает свои предпосылки в хрущёвском периоде⁸. Вначале не было особенных разногласий насчет наследия прошлого. Затем, в первые два-три года, в КПСС устоялись два основных противоборствующих направления — хотя внутрипартийное брожение то и дело приводило к различным размежеваниям. Одно из них можно было бы назвать «консервативным» (то бишь «правым»): оно отталкивалось от идеи сохранения государственного социализма и остро противостояло так называемым «демократам» (и другим критикам системы), которые относились к «левому крылу» и стояли за радикальные реформы, за введение демократического самоуправления на основе социализма⁹.

С годами в обоих лагерях произошли существенные изменения. «Консерваторы» двинулись в сторону националистической, этатистской реставрации, а «демократы» ушли слева на позицию поддержки либерального «гражданского общества», включая многопартийность и разнообразие форм собственности. Некоторые из них даже образовали правое крыло этой позиции, ратуя за политику восстановления капиталистических отношений. Внутри оба ла-

⁸ Западная литература зачастую ассоциирует (и этому есть причины) источники перестройки с эпохой Хрущёва, но в том числе воспринимает перестройку и в качестве своего рода продолжения НЭПа. См.: *Perestroika: The Historical Perspective*. Ed. C. Merridale, King's College Edward Arnold, London - N.Y., 1991, главным образом ch. IV, «The New Economic Policy and Contemporary Economic Reform». История перестройки подробно изучена М. Малиа: *Советская трагедия*. Москва, РОССПЭН, 2000 г. Необходимо сослаться также на ряд важных трудов по предыстории перестройки: *Reform in Modern Russian History. Progress or Cycle*. Ed.: Theodor Taranovski, Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1995. Thomas C. Owen. *Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika*. New York, Oxford, Oxford Univ. Press, 1995. Jerry Hough, *ibid.* и т.п.

⁹ Научно-идеологический фон перестройки происходит из сборника под названием «Иного не дано», в котором главные идеологи, специалисты по «реструктуризации», указали на тогдашние и будущие альтернативы. Концепция, на которую я сослался, наиболее серьезно разработана в теоретической реконструкции в: *Сколько моделей социализма было в СССР? // Иного не дано. Перестройка, гласность, демократия, социализм /* Ред.: Ю.Н. Афанасьев. М.: «Прогресс», 1988. С. 354-369.

геря, впрочем, представляли собой сложную картину столкновения широкого круга общеинтеллектуальных и политических взглядов.

Существовали идеологические противоречия среди тех, кто был против реставрации капитализма, то есть среди «социалистического лагеря». Радикальные левые — анархисты, троцкисты и проч. — видели в «сталинизме» главную причину капиталистической реставрации. С другой стороны, в письме, опубликованном в «Советской России» 13 марта 1988 г., группа Нины Андреевой (представляющая тех, кто хотел бы сохранить государственный социализм без существенных изменений) доказывала, что «агенты капитализма» — это как раз те, кто нападает на бюрократию и командную экономику.

В основе политических разногласий лежало множество различных представлений о реформировании экономики страны и отношений собственности, представлений, то и дело меняющихся в ходе практических действий и внутренних столкновений. В этом смысле 1988 г. стал переломным: 1 января вступил в силу новый закон о предприятиях, по которому около 60% промышленных предприятий перешли на хозрасчёт. А уже в июне того же года Советский Союз установил рабочие отношения с Международным валютным фондом и Всемирным банком. И, скорее всего, неслучайно тогда же — в свой столетний юбилей — был реабилитирован Бухарин, отец «рыночного социализма». При этом экономика страны достигла низшей точки; так, согласно исследованию ЦРУ, ВВП вырос всего на 1,5%, а сельскохозяйственное производство сократилось на 2,5 %¹⁰.

В мае 1988 г. Верховный Совет принял закон о кооперативах, давший последним права, равные с правами государственных предприятий. Появилась также официально продвигаемая теория производственного самоуправления, допускавшая только рыночную экономику, держашуюся на прибыли с личного труда. В смысле отношений собственности идея была такова: наделить властью органы коллективов рабочих и противопоставить их бюрократии и технократии. На самом же деле частный капитал потихоньку пускал корни на почве теневой экономики.

¹⁰ Oroszország és a Szovjetunió XX. századi képes történeti kronológiája. Bp.: Akadémiai Kiadó, 1992. P. 266.

В июне 1988 г., Горбачёв предложил объединить должности секретаря партии и президента СССР для усиления общественного контроля над партийным аппаратом. Во имя демократии после семидесятилетнего перерыва вновь всплыл лозунг «вся власть советам». В процессе воскрешения революционного прошлого выяснилось, что однопартийный крейсер пробит ниже ватерлинии. В течение года Союз прекратил глушить вещание радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода». 300 тысяч членов вышли из КПСС, осталось более 18 миллионов.

Ситуация, обещавшая либо все, либо ничего, омрачалась фундаментальной проблемой, которая и определила поведение советского руководства: экономической мощности не хватало ни чтобы поддержать внешнеполитическую позицию, ни чтобы обеспечить внутреннее благосостояние. Реализация любого из реформистских обещаний была лишена объективной основы, и идея растущей «демократии» мало занимала подавляющее большинство населения перед лицом ухудшающихся экономических условий.

В 1988 г. ещё было неясно, примут ли местные и центральные элиты и управленческая бюрократия политику интеграции в мировую экономическую систему и тотальной реставрации рыночной экономики в качестве выхода из кризиса, если это будет стоить статуса сверхдержавы и подчинит страну Западу. Так собственность и стала ключевой проблемой, хоть не было ещё ни одного официального документа о приватизации. Наоборот, пока преваляла тенденция преобразования государственной собственности в общественную. Для полного понимания переходных процессов и внутренних катаклизмов в Советском Союзе далее следует обратиться к существенным политическим и идеологическим отличиям двух наиболее влиятельных протагонистов этого периода.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГОРБАЧЁВА И ЕЛЬЦИНА

На XXVII съезде КПСС в конце февраля-начале марта 1986 г. Горбачёв и Ельцин совместно работали над «обновлением социализма к XXI веку», над «наращиванием» борьбы против «бюрократического консерватизма», «привилегий», «коммунистического чванства». Ссылаясь на Ленина, оба верили в возможность реформирования бюрократической доктрины государственного социа-

лизма, но разница во мнениях так или иначе проявлялась, отражая сложные взаимоотношения, выросшие из личных и политических баталий¹¹.

Серьезные трения между ними стали объектом национально-го и международного внимания после письма Ельцина к Горбачеву от 12 сентября 1987 г., где он сообщал об отставке с поста секретаря московского горкома. Было очевидно, что имеются значительные разногласия, хотя даже сами действующие лица едва ли осознавали их истинные причины. С целью ускорить перестройку Ельцин бросил перчатку, требуя практической и идеологической борьбы против бюрократии, в том числе за счёт смены кадрового состава Политбюро, а особенно отстранения Егора Лигачёва.

В том году Ельцин уже бил Горбачёва в самое уязвимое место, усиленно атакуя бюрократические привилегии и делая тем самым более умеренного генсека защитником старой номенклатуры. На пленуме ЦК в феврале 1988 г. Ельцин заговорил о собственном определении социализма, укрывшись за риторическим вопросом: «Куда мы идём?». Он заверил аудиторию, что говорит не об отказе от социализма, а, наоборот, о его переопределении, о защите его достижений и расширении рабочей демократии. На самом деле здесь он шёл по следам Горбачёва, который в речи во Дворце съездов 2 ноября 1987 г. назвал целью перестройки не что иное, как возвращение к теории и практике ленинской концепции социализма.

В феврале-марте 1989 г. Ельцин уже объединял «исторический шанс создать многопартийную систему» с концепцией социализма, где общество не будет «расслоено по уровням благосостояния». В одной из предвыборных речей он заметил, что «необходимо ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость»¹². На первом съезде народных депутатов 30 мая 1989 г. Горбачёв снова подписался под призывом переопределения социализма, указав, правда, границы понимания последнего. Горбачёв отсылал к «живому соревнованию всех форм собственно-

¹¹ Их антагонизм проиллюстрирован документами в: Горбачёв — Ельцин. 1500 дней политического противостояния / Сост. Доброхотов Л.Н., Горшков М.К. М.: Терра, 1992. С. 9-13.

¹² Там же. С. 116-117.

сти»¹³, напоминая в то же время: «вся власть советам». И ничего не было сказано им о примирении советской демократии с существованием независимых экономических единиц, использующих альтернативные формы собственности. А Ельцин в то время уже шел на иной манер. Обостряя борьбу за власть, он в течение 1989 г. постепенно отошел от идеи самоуправляющегося, антибюрократического социализма в пользу рыночной экономики как таковой. Горбачёв продолжал клеймить Ельцина за «левачество», не замечая радикальной смены его позиции¹⁴. Генсек не хотел уступить Ельцину роль «радикального реформатора», обеспечившую ему само высокый престиж на Западе (пусть и не в своей стране).

Горбачёв бился на два фронта — против консерваторов и против «горластого левака» Ельцина¹⁵. Ему приходилось все больше уходить в защиту, поскольку после 1989 г. с разных сторон на него нападали все сильнее и сильнее. В интервью «Гардиан» 15 марта 1990 г. Горбачёв все ещё настаивал, что он коммунист, хоть и передал часть партийной власти Съезду народных депутатов, который в знак признательности избрал его президентом СССР, в чём он увидел возможность оживления демократии. Первое признание Горбачёвым серьезности кризиса прозвучало в мае 1990 г., когда он обвинил ельцинскую фракцию в «угрозе социализму». Но главным противником «социалистических реформ» был всё равно назван «консерватизм». Очевидно, Горбачёв оценивал расстановку сил вовсе не исходя из политических разногласий, составляющих основу конфликта, поскольку он даже не понял, насколько «левый» Ельцин ушел вправо навстречу рыночной экономике. В борьбе за власть он предпочёл пренебречь сутью разногласий. И выглядел неспособным разобраться в ситуации даже тогда, ко-

¹³ Горбачёв М.С. Октябрь и перестройка. Революция продолжается. М., 1987. С. 31-32.

¹⁴ То, что в своих дискуссиях с венгерскими лидерами Горбачёв говорил только о «левизне» Ельцина, подтвердил Карой Грос в июле 1988 г. В марте 1989 г. в разговоре с Миклошем Неметом Горбачёв отозвался о Ельцине как о «типичном леваке», и в том же месяце повторм представил Гросу Ельцина в качестве «левака». См.: Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőikkel. Dokumentumok az egykori SZKP és MSZMP archívumaiból. Bp., 1956-os Intézet, 2000. P. 150, 156, 181.

¹⁵ Там же. P. 129-130, 181.

гда, будучи президентом СССР, противостоял Ельцину в вопросе о независимости России. То ли не осмыслив теоретически, то ли руководствуясь тактическими соображениями, он так и не провел различия между «модернизацией» и «социализмом» как разными путями развития. А ведь теория модернизации отражает ценности капиталистического центра, тогда как согласно изначальной посылке перестройки, которую Горбачёв лично отстаивал, «основа социализма» и «общественное самоуправление» — синонимы.

В конце концов, несмотря на формальную победу Горбачёва на референдуме 17 марта 1991 г. о сохранении Советского Союза, распад государства лишь ускорился: местные элиты боролись за существование, и напряжённость между центром и регионами возросла. Государственное разложение было катализировано горбачёвской потребностью в союзниках на всесоюзном и местном уровнях — они вовлекли его в нужные только им политические маневры. Федеральная власть стала просто разменной монетой; генсек, он же президент, не имел поддержки ни центральной элиты, ни региональной, а потому и недовольство им росло на обоих уровнях.

Как принципиальный противник Горбачёва, Ельцин умышленно ускорял процесс дезинтеграции СССР, используя возможности президента России. Горбачёв оказался лишен весомых аргументов, так как он рассматривал вопрос государственной структуры только в политико-правовом поле, отделяя ее от структуры общества¹⁶. Это играло на руку Ельцину, который в 1990 г. ничтоже сумняшеся заключил союз с региональными элитами. Десятилетиями за формальным федеративным устройством скрывалась фикция суверенитета союзных республик. Все прекрасно понимали, что необходимость накопления капитала в центре из-за роли последнего в распределении благ обусловила централизованную государственную структуру. И перестройка не могла обойти стороной принцип, лежащий в основе государственного строительства. Для защиты интересов республик и прочих регионов этническая идентичность была провозглашена высшей ценностью, а

¹⁶ См.: *Миронов В.А.* Российское государственное строительство в постсоюзный период (1991–1994) // «Кентавр» (историко-политологический журнал). № 3 (1994). С. 3-4.

местные элиты — её естественными выразителями. Центральная власть Российской Федерации тоже провозгласила курс на националистическую защиту «русских ценностей».

12 июня 1990 г. в «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» было объявлено о приоритете местных республиканских законов над законами федерации. Так началась трансформация централизованного государства, и это ознаменовало не его «модернизацию», но уничтожение. Российская «декларация независимости» громко возвестила распад Советского Союза и еще раз подтвердила, что его разделение по линии национальных государств облегчит интеграцию в глобальную экономику. Изоляция же Горбачёва в партии всё росла. Хотя в секретном документе 27 августа 1990 г., написанном во время размежевания платформ внутри КПСС, заместитель генерального секретаря Владимир Ивашко предупреждал своего шефа о партийном расколе¹⁷. Горбачёв всегда пытался занять центральную позицию, как в партии, так и в стране, но никакого «центра» больше не было. Он дистанцировался от «ностальгических» коммунистов, будучи при этом на ногах с «демократами».

На пленуме ЦК в декабре 1989 г. Горбачёв ещё более сузил круг сочувствующих, отметив как «консервативную» исходящую снизу критику структурных проблем государства. Первый секретарь Кемеровского обкома А.Г. Мельников выразил сомнение в правильности направления перестройки и указал на то, что процесс реформ, едва начиная привлекать на свою сторону некоторые слои населения, всякий раз в конце концов оказывался дискредитированным¹⁸. Он предупреждал об опасном положении партии, которая повернулась спиной к населению в то время, когда внутри неё искусственно разжигаются конфликты между аппаратчиками и

¹⁷ РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории), Ф. 89. оп. (перечень) 8. Д. 69. Л. 1-5. Документ № Ст-4/61г от 27.08.09. Секретариат КПСС, «О рекомендациях партийным комитетам в связи с требованиями представителей демократической платформы». Речь идет о Координационном совете демократической платформы, представляющем «часть демократической платформы» и продолжающем «курс на разделение КПСС и формирование самостоятельной политической партии» (Л. 2).

¹⁸ Кемеровская область в то время была очагом недовольства рабочих.

рядовыми членами, национальными и центральными партийными организациями, партийными комитетами и партийной прессой, а также между коммунистами и народными депутатами. Он твердил членам Центрального комитета: «Заметьте, за эту критическую обстановку в стране (товары народного потребления исчезли из магазинов, во многих местах остановились все производственные предприятия, обычными стали забастовки, национальные конфликты, продолжался экономический спад и пр. — *Т. К.*) нас хвалит весь буржуазный мир, все бывшие и настоящие противники, благословляет папа. Над всем этим ЦК пора задуматься...»¹⁹.

Это была единственная речь на пленуме, заставившая Горбачёва занять кафедру и произнести длинный ответ, в котором говорилось об «опасности» точки зрения кемеровского партийного секретаря, усомнившегося в правильности направления перестройки: «Я никогда не соглашусь... с утверждением, что то, что мы делаем, то, что мы осуществляем — подарок буржуазии! И папа доволен, одобряет! Это, я вам скажу вообще, — такой провинциализм в теории и политике, что я решительно отвергаю. Это вообще не отвечает существу дела! Это попытка, понимаете, посеять здесь, в Центральном Комитете, сомнение в нашем главном выборе — идти дорогой перестройки! Это попытка призвать или начинать топтаться на месте, или вообще возвращаться назад!» Горбачёв продолжил обвинять Мельникова и дальше, вплоть до заключительного слова пленума²⁰.

Интересно, что за несколько дней до опереточного путча в августе 1991 г. Горбачёв в газетной статье настаивал, что его нельзя считать предателем, так как те, «кто считает недавние события предательством социализма, выражают наследие пост-сталинизма, которое ещё далеко не исчерпано». Те, кто мыслит тупиковыми понятиями прошлого, должны понять, что «революция в сознании людей — очень медленный и трудный процесс»²¹. Учитывая только это «мышление понятиями прошлого», Горбачёв никогда действительно не задумывался о возможных негативных последствиях

¹⁹ Протокол Пленума ЦК 9 декабря 1989 г. // Известия ЦК КПСС. № 4 (1990). С. 58-59.

²⁰ Там же. С. 94, 112.

²¹ *Gorbachev, M. The August Coup.* Harper Collins Publisher, Ipswich, 1991. P. 47, 107.

собственной политики, несмотря на множество сигналов со всей территории Советского Союза, в огромных количествах публиковавшихся в журнале ЦК²². В борьбе за власть он обращал гораздо больше внимания на мнение международных кругов, чем на «чрезмерную восприимчивость» членов Коммунистической партии. Его заикленность на «ускользающей» власти привела постоянным уступкам в вопросах, где он предпочел бы их не делать, в том числе и в ключевом вопросе о собственности и выживании Советского Союза. Конечно, Горбачёва хвалили не только западные политики и папа: многие западные марксистские интеллектуалы переоценили возможности социалистического прогресса. Даже выдающийся марксистский экономист и троцкистский теоретик Эрнест Мандель выразил значительный оптимизм насчёт обобществления государственной собственности как части процесса демократизации, хотя он изменил свои взгляды в свете дальнейшего развития²³.

²² Многие, посвятившие свою жизнь партии, отчетливо увидели, что она в «смертельной опасности». Одним из примеров такой обеспокоенности было заявление о восстановлении в партии, направленное Горбачёву 28 сентября 1990 г. Роза Михайловна Глушкова, со средним образованием и тремя годам изучения марксизма-ленинизма в университете, слесарь завода имени Калинина, так обозначила причины своего желания: «Главная причина, которая не даёт мне покоя и заставила задуматься о моём прежнем выходе из партии, это то, что сейчас подлые нападки уже направлены против Ленина, основателя советского государства, против него начата целая кампания клеветы... Несколько «демократов» желают завершить дело, начатое ещё Сталиным, то есть разрушить всё, что сделали Ленин и большевики. В городе Кемерово, в издании «Наша газета» Л. Балашов — народный депутат! — опубликовал статью под названием «Ленин — палач народов». Это уже совсем не плюрализм мнений, а, на мой взгляд, настоящая контрреволюция... Поэтому я считаю, что мне следует вернуться в ряды КПСС, потому что дела оборачиваются плохо для партии... Поэтому я сейчас считаю, Михаил Сергеевич, что надо восстановить моё членство в рядах Коммунистической партии Советского Союза... чтобы я могла защищать имя Ленина и чтобы КПСС на деле стала выразителем подлинных интересов рабочих и крестьян». Известия ЦК КПСС. № 3 (1990). С. 149.

²³ *Mandel, E. Beyond Perestroika. The Future Gorbachev's USSR. Verso. London - N.Y., 1989.*

СОБСТВЕННОСТЬ И СИСТЕМА

За политическими битвами скрывался фундаментальный вопрос смены режима: что будет с государственной собственностью? Внутри КПСС дебаты шли по трём отдельным, но взаимосвязанным направлениям. Первое: о допустимости включения широкой частной собственности в «социалистическую рыночную экономику». Второе: приведет ли приватизация и перераспределение собственности росту независимости республиканских элит, размыванию центральной власти и, в конечном счёте, к разрушению Советского Союза. Наконец, третье: для советского руководства главной проблемой в отношении изменения форм собственности была проблема будущего социально-экономического статуса высших государственных и партийных чиновников. Недавно открытые архивные источники ясно показывают, что даже весной 1990 г. советское руководство не вполне ощущало социальные, политические и экономические последствия своей «революции», и того, что, вопреки своему изначальному посылу, перестройка очень быстро превратилась в средство антисоциалистической «смены режима».

Самый жесткий «обмен взглядами» имел место перед XXVIII съездом КПСС (хотя съезд сам по себе уже имел ничтожное значение и просто ускорил процесс распада). ЦК заседал на подготовительном пленуме с 5 по 7 февраля 1990 г. и выработал проект своей платформы. Документы встречи показывают, что Центральный комитет в своём видении будущего, отражённом в платформе «Гуманный и демократический социализм», которая была принята после долгих дискуссий с более чем сотней выступлений, — оказался неспособен уяснить ни в теории, ни на практике тот факт, что Советский Союз не развивается в русле социализма, а стоит на пороге реставрации капитализма.

Примечательно, что в течение дискуссии был лишь единожды поднят вопрос о системных проблемах социализма — «главным реформатором», Станиславом Шаталиным; но и он ограничился его эмоциональной и текстологической постановкой. Касательно собственности Г. Разумовский зачитал следующее положение чернового документа: «Коммунистическая Партия Советского Союза считает, что современному этапу экономического развития страны не противоречит и наличие индивидуальной трудовой и групповой собственности, в том числе и на средства производства. Использо-

вание любой формы собственности должно исключать эксплуатацию человека человеком»²⁴. Реакция Горбачёва на этот пассаж была следующей: отбросить идею частной собственности, потому что «многие товарищи из рабочих коллективов, секретари партийных комитетов поставили бы вопрос о том, что в народе, в массах это вызвало бы негативное отношение». И все-таки генсек одобрил текст, так как он «выражает позицию партии: мы против эксплуатации», и призвал Верховный Совет принять эту позицию в форме общественного обсуждения.

В ответе Шаталина вскрылась легендарная горбачёвская наивность и его неопытность в экономических делах (которую отметил среди прочих президент США Буш²⁵). Как «демократ» и основной автор программного документа смены режима, Шаталин мог себе позволить утереть нос Горбачёву. Он заметил, что все термины, используемые документом ЦК для обозначения коллективной собственности — групповая собственность, кооперативная, общественная, гражданская — «абсолютно некорректные» понятия. Академик также обратил внимание, что «есть понятие акционерной собственности. И если я и товарищ Горбачёв вдруг покупаем акции, ценные бумаги этого акционерного общества, то, простите, Михаил Сергеевич, мы с Вами начинаем, так сказать, как и все другие, кто захочет купить эти акции, эксплуатировать человека человеком».

К чести Шаталина, он единственный прямо говорил о том, что происходит в Советском Союзе. Он высказал свое мнение о

²⁴ Стенограммы Пленумов ЦК КПСС. 5-7 февраля 1990 года // Известия ЦК КПСС. № 3 (1990). С. 46.

²⁵ На неофициальной встрече во время саммита на Мальте Горбачёв со своей обычной самонадеянностью сказал президенту Бушу, что Советский Союз от национализированной собственности движется к социализированной. Согласно американским экспертам, оказавшимся свидетелями его замечаний, Горбачёв сослался на шведскую модель, доказывая, что собственность, принадлежащая более чем одному, не является частной. В своем ответе Буш обратил внимание генсека на то, что «в Швеции именно частная собственность делает деньги». Горбачёв указал, что в Соединённых Штатах почти нет частной собственности. «Да и откуда ей взяться, — спросил он, — ведь в вашей стране множество фирм с более чем двадцатью тысячами акционеров!». См.: *Beschloss, M.R.; Talbott, S. At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War. London: Wames Books, 1994.*

том, что должно быть включено в документ, касающийся понятия частной собственности, напомнив, что вопрос обсуждался ведущими экономистами страны в ЦК в октябре-ноябре 1989 г. «Мы с Михаилом Сергеевичем даже немножко спорили. И дошли тогда до такого консенсуса: частная собственность — тоже не страшно, но не надо делать из неё программного документа. Правильно я говорю, Михаил Сергеевич?». Горбачёв согласился, и Шаталин продолжил свой почти скандальный, но кристально ясный анализ: «Если я на своей работе, я никого не эксплуатирую, кроме своих сотрудников. Но если я покупаю акции, я эксплуатирую труд. Если я получаю проценты по вкладам, я тоже частный собственник»²⁶.

В итоге мнение участников встречи обратилось против Шаталина, указавшего на прямую связь между частной собственностью, владением акциями и эксплуатацией труда, тем самым «разоблачив» капиталистическую природу «социалистической рыночной экономики». Посреди неразберихи Горбачёв вызвал экономиста академика Леонида Ивановича Абалкина, и тот выступил: «Я думаю, что надо исключить из проекта упоминание о частной собственности... и пользоваться понятием индивидуальной трудовой собственности». Фактически Абалкин внёс ещё большую неразбериху, перечислив «кооперативную, арендную, акционерную» собственность как формы коллективной собственности. «Таким образом, — суммировал он, — будет трёхступенчатая система: индивидуальная собственность или личная, коллективная и государственная формы. Я думаю, что надо подчеркнуть вполне определённо положение о недопустимости эксплуатации человека человеком». И хотя академик особо заметил, что «если собственность бюрократизирована... то эта собственность — не социалистическая», в то же время он согласился, что «исключение всех форм частной собственности» есть всего лишь вопрос определений²⁷. Горбачёв ли заблуждался больше, Абалкин ли — Шаталин определённо наслаждался компанией.

²⁶ Известия ЦК КПСС. № 3 (1990). С. 48.

²⁷ Там же. С. 48-49. Горбачёвская позиция в отношении создания Коммунистической партии РСФСР была такой же незрелой. Те, кто утверждал, что ее возникновение будет означать конец КПСС, были названы им «придирами» и «буквоедами», не могущими понять, что «отказ от создания КПРФ есть неуважение к русскому народу». Там же. С. 66-69.

Мы сфокусировались на данной дискуссии, потому что она иллюстрирует, насколько ничтожное влияние оказывали партийные собрания на ход событий, насколько малое влияние в дебатах имели мнения генерального секретаря и ведущего экономиста²⁸. Если «индивидуальную собственность» или «акционерную собственность» можно понимать и как коллективную, и как частную собственность, тогда в «понимании» решающим фактором становится сущность самой системы, но о ней никаких дебатов не было.

В итоге документ, принятый пленумом, был составлен так, чтобы успокоить общественность, умалчивая об истинном положении дел. Он продвигал принцип множественности форм собственности — ведущую роль общественной собственности, «дебюрократизацию» или обобществление государственной собственности и поддержку собственности рабочих и коллективной собственности при гармоничном сосуществовании плановой и рыночной экономик. В то же время был взят курс на интеграцию в глобальную экономику, конвертируемость рубля, развитие рыночных стимулов²⁹. Другими словами, соединялись положения, несовместимые ни в теории, ни на практике.

Понять, почему подобное произошло, позволяют уже упоминавшиеся материалы встреч Горбачёва с лидерами Венгрии. В июле 1988 г. партийная делегация во главе с Кароем Гросом прибыла в Москву для переговоров с генсеком, который считал венгерскую модель развития универсальной. И тогда, и позже он утверждал, что целью перестройки является «укрепление социализма», и видел схожие социалистические тенденции в реформах Венгрии и СССР: «Сегодня среди всех социалистических стран опыт Венгрии наиболее близок к действиям Коммунистической Партии Советского Союза»³⁰.

²⁸ Пленум обсуждал вопрос собственности и в связи с сельскохозяйственным развитием, достигнув примерно того же качества соглашений, что и описанные. См. обмен мнениями между Пономарёвым и Горбачёвым там же, с. 80-81.

²⁹ Там же. С. 100-101.

³⁰ См. отчёт Политбюро Венгерской социалистической рабочей партии о визите Кароя Гроса в Москву 4-5 июля 1988 г. в: Gorbacsov tárgyalásai. P. 149, 153.

Ни Горбачёв, ни венгерская верхушка — в соответствии с видением своей роли в реформах как флагманской — не сомневались в том, что «правильной дорогой идут». В ходе визита Миклоша Немета в Москву в марте 1989 г. советский генсек не один раз упомянул: «Самая важная для нас задача — поставить в центр интересы человека, то есть обновить социализм». Эти секретные документы (кто мог представить, что десятилетием позже они перейдут в общий доступ?) не оставляют сомнений насчет искренности горбачёвских утверждений. Впрочем, и в них обнаруживается удивительное непонимание Горбачёвым экономических принципов, особенно касающихся собственности. Рассказывая генеральному секретарю о законе о коммерческих компаниях, прошедшем в Венгрии 5 октября 1988 г., Немец объяснил, что в частном секторе компании могут нанимать не более 500 работников, оговорившись: «подобных предприятий ещё и нет». Горбачёв задал ему неожиданный вопрос: «А такой наниматель — частный ли собственник?» На что получил вполне определенный ответ венгерского премьер-министра, который, несмотря на признание собственности работодателя, сделал акцент на создание возможностей для «демократического» накопления капитала. Далее Горбачёв заговорил о сдаваемых в аренду государственных сельскохозяйственных землях как о «кооперативах кооперативов» (в то время в Советском Союзе все маленькие частные предприятия, действующие на основе арендных соглашений с госпредприятиями, называли кооперативными) — полностью проглядев при этом экономические и социальные проблемы и последствия накопления капитала, характерные для данного сектора³¹.

Тремя неделями позже, 23-24 марта 1989 г., Карой Грос снова посетил Горбачёва, и — как следует из строго секретного документа — наивность Гроса оказалась сравнима с горбачёвской: «Товарищ Грос указал на развитие долгосрочной программы как на приоритетную задачу» и добавил, что «спор не о социализме, а о его определении, и здесь мы имеем уже очень много различных мнений»! В разговорах о разных путях социализма Грос убеждал Горбачёва, что в борьбе за власть «мы хотим удержать власть только политическими средствами, находить решения проблем и

³¹ *Ibidem*. P. 160-161. Запись встречи Михаила Горбачёва и Миклоша Немета 3 марта 1989 г.

избежать вооружённого конфликта»³². Получается, никому из них не пришло в голову следующее: как может возникнуть опасность «вооружённого конфликта» из-за дебатов, посвященных единственно различению форм социализма. Куда там: Горбачёв информировал руководителя венгерской партии о том, что КПСС ставит на повестку дня осеннего пленума ЦК «вопрос теоретического и философского обновления социализма», когда в Венгрии однопартийная система уже почти распалась. Рассуждая о важности подачи теоретических вопросов в «гибкой» манере, чтобы не нанести ущерба практике, Горбачёв попробовал определить главный критерий социализма: «социализм соотносится с интересами народа и имеет целью повысить жизненные стандарты населения, уничтожить любые формы несправедливости и эксплуатации. Он гарантирует участие народа в принятии решений, их исполнении и контроле»³³. Понятно, чего стоит это умозаключение: к такому же пришёл «левак» Ельцин до того, как стал сторонником рынка.

24-25 июля того же года Режё Нерш и Карой Грос посетили Горбачёва в Москве. Хотя Нерш доказывал, что реформа собственности есть важнейший элемент всей программы реформ и подчёркивал стремление Венгрии «демократизировать общественную собственность», он объяснил Горбачёву: «Мы думаем о системе, которая использовала бы имеющийся капитал более эффективно. Мы планируем усилить роль частного капитала — и привлечь иностранный капитал»³⁴. Реакция Горбачёва показала, что его мысли совпадают с задумкой венгерских руководителей одновременно защитить и систему общественной собственности, и интеграцию в мировой рынок. Снова проявилось непонимание сущностного противоречия между двумя этими вещами. В лучшем случае делались выводы о сохранении политической власти в условиях усиления западного влияния. На самом деле Горбачёв надеялся, обеспечив принятие закона о хозрасчёте и самоуправлении II Съездом народных депутатов (планировавшимся на март 1990 г.), создать устойчивую стартовую площадку для реформы собственности³⁵.

³² *Ibidem*. P. 178-179.

³³ *Ibidem*. P. 185.

³⁴ *Ibidem*. P. 190.

³⁵ *Ibidem*. P. 191-193.

7 марта 1990 г. председатель Верховного Совета А. Лукьянов направил в Центральный Комитет КПСС для утверждения черновые исправления к Конституции страны, касающиеся собственности, которые предлагалось принять на уже III Съезде народных депутатов³⁶. Примечательно, что понятие частной собственности не возникает среди предложенных исправлений, предназначенных сдвинуть экономическую систему в сторону «обобществления» государственной собственности: «Экономическая система Советского Союза развивается на основе собственности советских граждан, коллективной и государственной собственности». Упоминание «собственности граждан» предполагает возможность «самостоятельного ведения хозяйственной и иной не запрещённой законом деятельности». Однако нет ни слова о прибавочной стоимости и доходах с капитала — только о «трудовых доходах» и «других законных основаниях». Задним числом ясно, что такая формулировка обеспечивала лазейку для доходов с владения капиталом. В предложенной 12 статье дано интересное определение коллективной собственности (см. сноску 36), отражающее приведенную выше путаницу Горбачёва и Абалкина в предмете — и похожую, но более раннюю путаницу Богомолова и Шмелёва³⁷. На-

³⁶ РГАНИ, Ф. 89. Оп. (перечень) 30. Д. 28. Л. 1-4. Постановление Верховного Совета СССР «О проекте Закона СССР об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР по вопросам собственности». Изменения в конституции относились к 10, 11, 12 и 13 статьям второй главы «Экономическая система». Л. 2 об.: «Статья 12. Коллективной собственностью является собственность арендных предприятий, коллективных предприятий, кооперативов, акционерных обществ, хозяйственных обществ и товариществ, хозяйственных ассоциаций, общественных ассоциаций и других объединений. Коллективная собственность создается путём преобразования предусмотренными законом способами государственной собственности и добровольного объединения имущества граждан и ассоциаций».

³⁷ Непонимание того, что составляет коллективную собственность, имеет глубокие корни. Это можно увидеть в «совершенно секретном» документе, подготовленном Гезой Котаи для московского визита делегации Отдела международных отношений ЦК ВСРП в декабре 1988 г.: «Товарищи Богомолов и Шмелёв подчёркнули, что мы уже испытываем совмещение двух систем. В связи с этим мы должны отметить, что на данный момент у нас нет ответа на вопрос, что такое социализм или что

ряду с различными ассоциациями, обществами и объединениями трудящихся и граждан, «акционерные общества» причисляются к формам коллективной собственности без единого упоминания о доходах, поступающих в такие компании исключительно с капитала. Коллективная собственность «создается путём преобразования... государственной собственности» и «добровольного объединения имущества граждан и ассоциаций». Соответственно, приватизации (то есть частному присвоению государственной собственности) не было места в исправленной советской конституции. В самом деле, приватизация проходила не путём «добровольного объединения» «трудящихся/граждан», а посредством административной «маркетизации» или по прямому политическому приказу, хотя иногда — в меньшей степени — через зарубежные инвестиции.

В конечном счёте, истинными проводниками перемен в этой области стали элиты союзных республик, особенно стремящиеся к независимости российские политические игроки. Во второй половине 1990 г. множество интеллектуалов, экспертных и политических групп, формировавших ядро централизованной советской власти, постепенно оставили Горбачёва ради службы в новом, российском центре власти, возглавляемом Ельциным. Идеологи перестройки вроде Аганбегяна и Заславской отбросили её изначальный лексикон, внезапно «поняв», что экономическое самоуправление и демократизация самоуправляющегося общества несовместимы с рыночной экономикой. Руководствуясь обычным в таких случаях принципом *realpolitik*, они стали поборниками так называемой

такое социалистические отношения собственности. Мы знаем, что нам нужно выйти за пределы сталинской и постсталинской моделей, но не знаем, как. Совмещение не означает, что Советский Союз, США и Венгрия станут Швецией... Можно представить, и что акционерные общества в США содержат семена социализма. Во многих отношениях, согласно товарищу Богомолову, Швеция сегодня более «социалистична», чем социалистические страны как таковые. Мы должны начать в качестве эксперимента изменение форм собственности, используя возможности семейных предприятий, арендных соглашений, акционерных обществ... Ситуация усложняется тем фактом, что иной раз уничтожение сталинского наследия воспринимается как попытка уничтожить социализм». См.: Gorbacsov tárgyalásai. P. 238.

«чистой» рыночной экономики. Одним из политических последствий их шагов стало то, что 15 ноября 1991 г. многие бывшие близкие советники и сторонники Горбачёва, такие как Юрий Афанасьев, Павел Бунич, Татьяна Заславская и кинорежиссёр Элем Климов сами потребовали отставки дискредитированного президента.

В сентябре 1990 г. Ельцин принял программу Шаталина, которая работала на него как незаменимая организационная сила, поскольку Горбачёв противился её принятию, означавшему немедленный распад Советского Союза, — не говоря уже о том, что «программа социалистического обновления привела к прямо противоположным результатам» (Шаталин). Благодаря всему этому политическая инициатива перешла к Ельцину. Анатолий Черняев, один из советников генсека, день за днем делал в своем дневнике записи о Горбачёве и вообще о ситуации, прослеживая смену режима:

«1 сентября

Ельцин сегодня на пресс-конференции был милостив к Горбачёву, но заявил: Рыжков должен уйти сам, а если не уйдёт, мы его «уйдём». Очень хвалил программу Шаталина и обещал её положить в основу российских реформ.

Программа (я её изучил) — это даже не европейский «Общий рынок», а скорее ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли — перев.). От Союза мало что остаётся...

Злоба и ненависть к Горбачёву в очередях. Сегодня в «Правде» подборка писем, брызжущих слюной на перестройку и на Горбачёва. Да. Начинается путь на Голгофу.

Ельцин получил кредит по крайней мере на два года, а у Горбачёва кредит с каждым днём приближается к нулевой отметке. Ельцин паразитирует на идеях и заявлениях и на непоследовательности Горбачёва. Всё, что он сейчас провозглашает, всё это говорил М.С. на соответствующих этапах пяти лет перестройки. Но не решался двигать, держала его за фалды идеология. Он и до сих пор от неё не освободился.

В Крыму в этом году опять начал с того, что задумал статью, в которой хотел оправдаться, доказывая, что он за социализм. И одновременно патронировал программу Шаталина, Петракова и др., где и слов таких нет: «социализм», «социалистический выбор», «идеология» и пр.

Он, наконец, раскидал всех, с кем начинал перестройку, кроме Яковлева и Медведева. Все оказались за бортом, и все стали его яростными врагами, за которыми определённые группы и слои. Но растянул этот “процесс” на 3 года. А надо было делать эту революцию так, как полагается делать революции.

2 сентября

Что-то будет с Рыжковым? Что с экономической программой? Что с Союзом? Думаю, что к Новому году мы страны иметь не будем. Будем ли иметь Горбачёва? Наверное, да.

4 сентября

“Известия” печатают программу Шаталина. Российский парламент начинает её принимать. И одновременно съезд Российской компартии (второй этап) называет всё это антисоветчиной, предательством социализма и сдачей страны капитализму. И это на фоне «последнего дефицита» (за которым в России может быть только бунт) — дефицита хлеба. Тысячные очереди у тех булочных, где он есть. Что-то невероятное случилось с Россией. Может, и впрямь мы стоим на пороге кровавой катастрофы?

Горбачёв, кажется, растерян. Власть на глазах уползает из рук. А он целыми днями совещается с разными представителями по экономической платформе и по Союзному договору, вместо того, чтобы ждать, когда это сделают парламенты. И присутствует по полдня на съезде Компартии РСФСР. Чего он от этих-то ждёт? Совсем потерялся и не знает, что и куда. Не видит, что делать»³⁸.

История перестройки завершилась XXVIII съездом партии, и начался новый процесс, называемый «тихой сменой режима». Его частью стало драматическое провозглашение политической независимости России под властью Ельцина. Куда меньше внимания привлекла экономическая независимость России, провозглашённая законами, которые Ельцин подписал в конце декабря: в них советское имущество в целях приватизации становилось «российской собственностью». Это сразу вынесло вопрос собственности на

³⁸ Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника президента СССР (1990-991). М., 1997. С. 44-46.

первый план³⁹, а до большинства советских руководителей наконец-то дошло, что существование Советского Союза, равно как и их политическая власть, находятся в угрожающем положении.

Центральный Комитет, а еще пуще его секретариат, подняли тревогу. Глубокая взволнованность прозвучала на встрече в начале января 1991 года, получившей известность в партийных кругах как «совещание министров»; Бакланов, Власов и Шенин сообщили о ней генеральному секретарю партии, членам Политбюро и в секретариат ЦК. Их сообщение⁴⁰, датированное 5 января 1991 г., говорит о том, что на совещании при участии министров промышленности, строительства, транспорта и обороны была особо подчеркнута «чрезвычайная» ситуация, возникшая во многих отраслях промышленности и требующая «решительного, оперативного выступления». Между строк можно прочесть недвусмысленное предупреждение Горбачёву, что распад Советского Союза неизбежен без концентрации власти. В свете событий августа 1991 г. не остаётся сомнений в том, что участники совещания подразумевали под «чрезвычайными методами» концентрации власти и «решительными мерами», призванными перевернуть ход событий. Поскольку здесь можно увидеть первый задокументированный шаг по дороге к августовскому путчу, сообщение стоит процитировать:

«Участники совещания видят выход из создавшегося положения в решительном, оперативном выступлении против деструктивного поведения руководства страны, против подрыва суверенитета и экономической самостоятельности республик, против сил, стремящихся разрушить Советский Союз, подорвать его экономику. Жизнь требует — в рамках широких полномочий президента СССР — чрезвычайных мер для восстановления и упрочения государственной власти, преодоления экстремизма и сепаратизма, сохранения территориальной целостности страны и экономики. В то же время авторы вырази-

³⁹ Закон «О собственности в РСФСР», подписанный Ельциным 24 декабря 1990 г., вступил в силу 1 января 1991 г. В нем впервые зашла речь о частной собственности как равноправной с остальными формами собственности.

⁴⁰ РГАНИ, Ф. 89. Оп. (пер.) 33. Д. 1. Л. 1-4. «О совещании министров».

ли серьёзную озабоченность в связи с всё более тяжёлым кризисом народного хозяйства, который усугубляется сепаратистскими тенденциями во многих республиках и регионах, разрушительной деятельностью отдельных партий и движений, антисоветскими проявлениями и нападениями на КПСС... Согласно оценке участников совещания, уменьшение общественно-политической стабильности ведёт к ослаблению управления экономикой, разрыву хозяйственных связей, к сокращению производительности труда и росту социальной напряжённости в коллективах трудящихся. Они отметили, что меры по преодолению кризисной ситуации пока не принесли ощутимых результатов... Опираясь на мнение коллективов трудящихся, министры выразили возмущение в связи с деятельностью отдельных руководителей республиканских советов и правительств. Кончилось время призывов к сотрудничеству, к конструктивной работе. Необходимы жёсткие и решительные меры, чтобы воспрепятствовать авантюризму определённых политиков, которые в пылу митингов всплыли на поверхность политической жизни... во многих регионах политическая ситуация делает необходимой введение президентского правления и чрезвычайного положения в секторе энергетики и транспорта, а также в других важных отраслях народного хозяйства».

Через несколько недель Лучинский, член Политбюро, Бакланов, советник Горбачёва по вопросам обороны и секретарь ЦК, а также Александр Власов представили руководству партии документ с несколько зловещим названием «О социально-экономических последствиях законодательной деятельности по вопросам собственности и приватизации в РСФСР», датированный 19 февраля 1991 г. Он выявил историческую проблему еще полнее и чётче⁴¹. Похоже, это был первый документ, где в отношении ельцинского законодательства делается вывод, что на кону теперь само

⁴¹ РГАНИ, Ф. 89. Оп. (пер.) 4. Д. 20. Л. 2-9. Документ, подписанный В. Ивашко, был направлен центральным комитетам республиканских коммунистических партий. Л 3: «...Введение новых законов РСФСР, отмена общесоюзного законодательства о собственности и предприятиях, прямое посягательство на общенародное достояние затрагивают интересы десятков миллионов людей, тысяч трудовых коллективов, существенным образом влияют на дальнейший ход перестройки, судьбу страны».

существование социальной системы и Советского Союза. Авторы говорили, что в конце декабря 1990 г. под флагом независимости России Ельцин и его команда фактически отвергли советские законы. Лучинский и Бакланов убедительно доказывали, что либо советские, либо российские законы являются нелегитимными:

«Верховный Совет РСФСР принял и ввёл в действие с 1 января 1991 года Закон “О собственности в РСФСР”, который направлен на существенное изменение социально-экономической основы общественного строя в РСФСР, ущемляет и игнорирует интересы Союза ССР. Постановлением Верховного Совета республики на территории РСФСР были отменены Закон СССР “О собственности в СССР” и Закон СССР “О предприятиях в СССР”... Законодательством РСФСР однозначно введена частная собственность. Сфера её действия не ограничивается ни размерами, ни отраслями. Признаётся право частной собственности на землю, капитал и средства производства, могут создаваться частные предприятия любых размеров и с широким диапазоном деятельности. Предприниматель получает право привлекать любое количество наёмных работников. Неизбежно глубокое классовое расслоение общества, появление наёмного рабочего класса. В Законе “О собственности в РСФСР” не фиксируется право коллективной собственности трудящихся, а в Законе “О предприятиях в РСФСР” нет статуса коллективного, народного предприятия. Учитывая, что соответствующие союзные законы Верховным Советом РСФСР на её территории отменены, следует сделать вывод, что коллективная собственность трудящихся, коллективные народные предприятия законодательством РСФСР не признаются. Разгосударствление, приватизация и формирование новых предприятий законодательство втискиваются в русло капиталистической собственности и буржуазного бизнеса. Никакого равноправия форм собственности не наблюдается.

...Таким образом, новое российское законодательство направлено на решение двух главных задач: во-первых, на овладение всем производственным потенциалом, находящимся на территории республики, изъятие его из ведения Союза ССР; во-вторых, осуществление необратимого поворота в общественных отношениях посредством неограниченного развития частнокапиталистической собственности».

Поскольку по решению Совета Министров РСФСР от 22 января собственность на все промышленные предприятия на российской территории была передана республике, у Советского Союза больше не было экономической базы (у КПСС, согласно указу 24 декабря 1990 г. о вступлении в силу закона «О собственности в РСФСР», тоже). Хотя Лучинский и Бакланов указывали на то, что «введение новых законов РСФСР, отмена общесоюзного законодательства о собственности и предприятиях, прямое посягательство на общенародное достояние затрагивают интересы десятков миллионов людей, тысяч трудовых коллективов, существенным образом влияют на дальнейший ход перестройки, судьбу страны», Горбачёв возлагал все надежды на мартовский референдум, призванный решить дальнейшую судьбу Советского Союза.

Вывод Лучинского и Бакланова о том, что «действительная и неделимая собственность Союза ССР, созданная трудом многих поколений, отчуждается диктаторскими методами и разбрасывается по государственному и региональным границам, что означает появление основы для противоречий и конфликтов из-за собственности, в том числе между национальностями, по всей стране», напрашивался сам собой. Несмотря на архаический язык документа, он чётко обрисовал главные интересы и заинтересованные стороны, поставив Горбачёва перед проблемой: на чью половину встать? Он не смог решить, и это привело его к падению. Ни верившие в него и в сохранение социалистического строя, многие из которых впоследствии участвовали в путче, ни ельцинисты, принявшие капитализм, не поддерживали его больше. Те, кто искал «третьего пути» между государственным социализмом и капитализмом, потеряли свою веру ещё раньше. Практическая беспомощность фундаментальных положений демократического социализма (многопартийная система, рабочая демократия, плюрализм собственности, общественное самоуправление, рыночные стимулы) подтвердили, что они являются пустыми идеологическими догмами.

Вообще-то даже авторы цитированных документов (в том числе и Бакланов, заместитель председателя Совета обороны, ставший затем одной из ключевых фигур путча) были неспособны предложить эффективные контрмеры. Вот одно из их предложений: «дать указания Центральному Комитету Коммунистической партии РСФСР начать работу в коллективах трудящихся для ней-

трализации противоправных мер властей РСФСР, направленных на перевод союзного имущества в республиканское, познакомить их с социально-экономическими последствиями этих мер». Другое предложение предполагало уже более «авторитарное» решение: Горбачёва просят рассмотреть, пользуясь своей президентской властью (на основании 124 статьи, касающейся защиты Советского Союза и советского народа), законы РСФСР «О собственности в РСФСР» и «О предприятиях в РСФСР» на предмет легитимности и соответствия советскому законодательству. Вдобавок авторы убеждают опубликовать президентский указ об аннулировании пункта 3 решения Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1990 года (в котором с 1 января 1991г. закон «о собственности в СССР» объявляется недействительным на территории России). Наконец, они настаивают на блокировании экспорта производственного потенциала с территории Советского Союза — при поддержке республиканских коммунистических партий. Однако местные руководители на самом деле были гораздо более заинтересованы в защите своего положения, и их интересы, мягко говоря, уже не совпадали с установкой на сохранение государственной экономической структуры Советского Союза. Ситуация только усугубилась после августовского путча, также не имевшего положительного значения: выход из кризиса с помощью военных мер был невозможен ни во внутренних, ни во внешних делах.

Борясь за федеральную собственность, КПСС не могла защитить или хотя бы демократически национализировать свою. Усилилось давление «снизу», как со стороны Демократической платформы в КПСС, надеющейся стать независимой политической партией, так и со стороны теперь уже «оппозиционных» политиков, желавших разделить партийную собственность на референдуме⁴². В итоге раздел имущества партии был всё-таки инициирован «сверху», когда её лидеры начали раздавать различные объекты, например, партийные школы⁴³. «Национализация», как и привати-

⁴² РГАНИ, Ф. 89. Оп. (пер.) 11. Д. 86. Л. 1-3. «О проводимой оппозиционными КПСС партиями кампании по сбору подписей граждан о назначении референдума по национализации собственности КПСС». Речь идёт о кампании, организованной Демократической партией России.

⁴³ РГАНИ, «Об обращениях в ЦК КПСС по использованию материальной базы партийных учебных заведений и других объектов собствен-

зация советской государственной собственности, оказалась тесно привязана к альтернативе существования или исчезновения Советского Союза и КПСС. За несколько недель до путча партия пыталась выскочить из кризиса, всецело восприняв дух рыночной экономики и занявшись производственно-торговой деятельностью для пополнения баланса, расширив издательское дело и даже решив обратиться к благотворительности⁴⁴.

Даже когда стало очевидно, что государственная и партийная собственность переходят в руки кругов, контролировать которые невозможно⁴⁵, теоретические дебаты о собственности не сошли на нет. Напротив, благодаря гласности сложилась атмосфера интеллектуального поиска, и многие думали, что в итоге будет выработана действительно научная программа. Однако даже самые глубокомысленные предложения не выходили за рамки признания фундаментального противоречия между рынком и социалистической экономикой. Поистине, это противоречие в конечном счете превратило перестройку в смену режима, как мы покажем ниже.

ПРОГРАММЫ СМЕНЫ РЕЖИМА РЫНОК: ПРОТИВ САМОУПРАВЛЕНИЯ И СОБСТВЕННОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

Первой конкретной программой вхождения в рыночную экономику стал так называемый «план Шаталина» (май 1990 г.), где говорилось о внедрении рынка в Советском Союзе за 500 дней. Иными словами, целью плана был переход «от тоталитарной общественно-политической системы к рыночной экономике» за срок более чем вдвое короче того, что Сталин закладывал на коллекти-

ности КПСС». Копия оригинального документа без индивидуального архивного номера.

⁴⁴ РГАНИ, Ф. 89. Оп. (пер.) 12. Д. 28. Л. 1-3. «О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений».

⁴⁵ Шаталин среди прочих активно участвовал в «распределении» учебных центров КПСС, принимая во внимание интересы своих учреждений. См.: «Протоколы заседания Государственной комиссии Совета министров СССР по экономической реформе». № 11-12 (октябрь 1990). С. 1-19, особенно, 1-5 и 9-10.

визацию⁴⁶. Академик-математик Шаталин тогда считался одним из «экономических гениев» эпохи.

Теперь всем понятно, что план являлся невероятной смесью популистской демагогии и политической программы, построенной на дихотомии государства и рынка: именем народа государство должно было обратить изменения против себя. Преамбула программы была обращена прямо «к народу», минуя государство, и вместе с тем сразу декларировала, что по сравнению со всеми предшествовавшими реформами «главное отличие состоит в том, что по своим принципам она строится на новой экономической доктрине. Переход к рынку — прежде всего задача государства, а не простых людей... Программа выдвигает задачу всё возможное отобрать у государства и отдать людям. Концепция основана на том, что если большая часть имущества и источников при соответствующих условиях вернётся к людям, то это приведёт к значительно лучшим экономическим результатам и сделает возможным искоренение многих негативных явлений в процессе перехода к рынку».

Во вводной части под названием приватизация определяется как возвращение государственной собственности «людям» и «народу». Не сильно преувеличу, если скажу: язык и тональность этого введения в систему капиталистической частной собственности таковы, как будто на самом деле речь идёт об общественном самоуправлении: «Право на собственность осуществляется через разгосударствление и приватизацию, когда государственное имущество переходит в руки граждан. Именно в этом, в обретении народом

⁴⁶ Переход к рынку. Концепция и программа. М., 1990. На спешку в деле публикации этого издания указывает его выход в издательстве «Детская книга». Оно было сдано в набор 9 апреля и ровно через месяц подписано в печать. Издательская коллегия состояла из Шаталина, Н. Петракова, Г. Явлинского, С. Алексашенко, А. Вавилова, Л. Григорьева, М. Задорнова, В. Мащица, А. Михайлова, В. Фёдорова, Е. Ясина. Отдельные представители республик принимали участие в работе над книгой: если даже не участвовали в написании, то позволяли использовать свои имена, чтобы придать книге всесоюзный авторитет. Использовались труды многих известных или ставших таковыми впоследствии авторов, таких как Н. Шмелёв, В. Мусатов, Е. Гайдар, Т. Заславская, А. Аганбегян и многие другие.

собственности проявляется в первую очередь социальная направленность экономики. Это не есть акт реванша, а восстановление социальной справедливости, укрепление прав человека на получение доли из национального богатства страны».

В действительности шаталинская программа, которую собирались обнародовать в августе, означала, что кое-кто из советского руководства готов был задвинуть изначальную экономическую концепцию перестройки (программу производственного самоуправления), развитую Абе́лом Гезевичем Аганбе́гяном. Один из ключевых экономических советников Горбачёва, он разработал глубокую теорию перестройки. О значении его книги говорит её поспешный выход на английском языке в 1988 г. с предисловием одного из самых известных теоретиков «рыночного социализма» Але́ка Нове⁴⁷. Самые оптимистичные левые социалисты надеялись, что это сигнал к началу трансформации «государственного социализма» в социалистическое самоуправление. Такой подход не учитывал (или наивно игнорировал), что куда большим приоритетом, чем стремление быстро «подтянуться к Западу», теперь в Советском Союзе было новое направление, ставшее решающей политической силой и диаметрально противоположное антибюрократической и основанной на самоуправлении реформе социализма.

Идея самоуправления возникла ранее за пределами СССР. В Венгрии, например, практическая база самоуправления после распада рабочих советов в 1956 г. была слаба, но сама эта крепкая идея жила в теории. Относительно разработанные концепции были как в социальной философии, так и в экономике. Ещё до смены режима и возвращения к рыночной экономике (основанной на капиталистической частной собственности) большинство оригинальных теоретиков самоуправления указывали на три момента: 1) югославская модель самоуправления провалилась; 2) те члены польской «Солидарности», что стояли за самоуправление, потерпели поражение в 80-х; 3) международные условия изменились в пользу транснационального капитала и международных финансовых центров (одержала верх «глобализация»). Нужно подчеркнуть и четвёртый момент: отказ от самоуправления отражал изменение

⁴⁷ *Aganbегian, A.G. The Challenge Economies of Perestroika. London – Sidney - Hutchinson, 1988.*

интересов экономических и политических элит и, собственно, самих управленцев (о чём бывшие сторонники самоуправления говорят неохотно). После 1985 г. ни научная теория, ни политическая практика самоуправления уже не были «реалистическими», поскольку государственно-социалистические элиты озаботились новыми возможностями выживания. В Венгрии большинство последователей Дьёрдя Лукача с 1968 г. пришли — вразрез со взглядами своего учителя — к поддержке либеральной экономики, оправдываясь необходимостью интеграции в глобальные процессы.

Подобные интеллектуальные приключения имели место и в Советском Союзе, только заняли меньше времени. Основные положения здешней концепции самоуправления были обнаружены в 1988 году и пали в течение 1990 года, когда возникли рабочие комитеты, противостоящие и демократам (либералам), и аппаратчикам, и силам консервативной реставрации⁴⁸. С лета 1990 г. приверженцы «самоуправления» были представлены в Центральном Комитете КПСС так называемой марксистской платформой, во главе которой стоял молодой профессор экономики Александр Бузгалин. Эта группа первой увидела фундаментальную особенность ситуации: перестройка открывает широкую дорогу для неолиберального решения экономических проблем. Марксистская платформа полагала, что только благодаря поощрению рабочего самоуправления партия получит такую массовую поддержку, которая приведёт не в доперестроечные времена, но к новой экономической системе, в которой миллионы трудящихся прямо заинтересованы.

«Рыночники» тоже упирали на то, что люди «кровно заинтересованы» в системе, но только другой, с денежными отношениями и товарообменом. Хотя слов говорилось немного, их действия побудили высшие слои общества, управленцев, значительные фракции номенклатуры, финансовой бюрократии и т.д. обеспечить себе выгодные позиции, чтобы реализовывать собственные инте-

⁴⁸ Левые экономисты и теоретики (А. Бузгалин, А. Колганов и Борис Кагарлицкий) подвели теоретическую базу под движение. Об организации этой платформы см.: *Бузгалин А.* Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри. М., 1993. С. 59-76. См. также: *Mandel, D.* Perestroika and the Struggle for Power in the Soviet Economy: A New Phase in the Labour Movement. 1991. P. 117-154.

рессы за счет «непосредственных производителей». Весь подобный «переход», особенно приватизация государственной собственности (в отличие от социалистического самоуправления или другого коллективистского решения) задумывался ради вписывания в международные коммерческие нормы. Сторонники «самоуправления» не имели приемлемого ответа на это требование, поскольку большинство населения (включая многих из почти 19 миллионов членов КПСС) было «неготово» к рыночной модели реального самоуправления. Мол, в столь короткий срок невозможно отбросить вековую связку капитала и государственной власти (ну, по крайней мере, веру в неё), хотя в Советском Союзе существовали традиции устойчивой антипатии к частной собственности⁴⁹.

Эмоциональное отвержение частной собственности — это одно дело, но вот гораздо более серьезной проблемой для защитников самоуправления было то, что возможности общества едва развились из-за слишком сильного присутствия государства. Ведь не случайно рабочие государственную собственность не защитили. Сталинская конституция провозгласила «собственность трудового народа», но и в форме «всенародной собственности» при Хрущёве она была под надзором и контролем огромного числа бюрократов (управленческой бюрократии, государственной и партийной, военной и т.п.), гарантируя привилегированный социальный статус этих групп⁵⁰. Даже в период распада перестроечной политики лидеры КПСС не инспирировали забастовочное или какое-либо другое массовое движение, могущее «спасти» советскую собственность путем её захвата для прямого управления. На самом деле Горбачёв и его последователи больше боялись массовых движений, чем ельцинской «смены режима», резонно рассчитывая, что настоящая революция для них куда более рискованное предприятие, чем проводимая элитами смена политической системы. Ельцин показал, что можно снести с массами и поверх бюрократи-

⁴⁹ Уже существующие самоуправленческие инициативы проваливались из-за непредвиденных проблем «дефицита», бюрократического сопротивления, разрыва связей между производителями, а также потому, что международная обстановка способствовала дискредитации коллективных предприятий.

⁵⁰ См.: *Krausz, T. Stalin's socialism. Today's debate on socialism: theory, history, politics // Contemporary politics. V. 11 № 4 (Dec. 2005). P. 87-106.*

ческих голов, но вызвать истинно массовое движение значит подвергаться громадному риску — впрочем, неизвестно ещё, сработали бы тут старинные методы элит. Осталось только указать, что установление самоуправления сверху — это само по себе противоречие в терминах.

Бюрократия за десятилетия своего существования воздвигла монументальную систему институтов. В 1987 г. советская экономика кормила 38 государственных комитетов, 33 всесоюзных министерства и более 300 региональных министерств и ведомств⁵¹. В соответствующей литературе со ссылкой на Аганбегяна подчёркивается, что названные почти 400 органов обладали собственной бюрократией: отделами, директоратами, управлениями и другими подразделениями. Миллионы служащих работали примерно на 1,3 млн. производственных подразделений (43 000 государственных предприятий, 26 000 строительных организаций, 47 000 сельскохозяйственных организаций, 260 000 обслуживающих учреждений и более миллиона магазинов). Всего 17 млн., 15% трудоспособного населения. Один только высший уровень управления насчитывал почти 3 миллиона человек.

Инициаторы перестройки надеялись осадить этот бюрократический бункер с помощью рабочего самоуправления и гласности. Аганбегян говорил о той или иной степени успешности выборов директоров заводов самими рабочими (в соответствии с предложенными программами управления и видением экономического развития). В результате не рабочие коллективы были подчинёнными директора, а наоборот — по крайней мере, налаживалось плодотворное сотрудничество. Казалось, эти успехи обеспечат социалистическую направленность экономической реформы, поскольку управленцы не могут встать в оппозицию рабочим как независимая сила, а на произвольное и чрезмерное вмешательство в экономику наложены ограничения.

Какое-то время держалась уверенность, что перестроечные тенденции самоуправления стоят на прочном фундаменте. Ещё в 1983 году Андропов⁵² (чей венгерский опыт [посол СССР в

⁵¹ См.: *Paul, R. Gregory. Restructuring the Soviet economic bureaucracy. Cambridge University Press, N.Y. – Melbourne - Sydney, 1990. P. 2.*

⁵² *Андропов Ю.В. Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // «Коммунист». № 3 (1983).*

1954-1957 гг.]) позволяет предположить его знакомство с предметом) допустил некоторое самоуправление, чтобы сбалансировать и удержать и бюрократию, и последствия рыночных реформ. Однако аренда небольших государственных фирм показала, что потребительские товары мигрируют в частный, «капиталистический» сектор, сопровождаясь трехкратным повышением цены. Андропов попробовал контролировать это с помощью дисциплины и «социальной бдительности».

Начиная с 1988 г., перестройка предоставила возможность для попыток ослабить централизованный контроль с помощью введения рыночных механизмов, центральное место среди которых занимал хозрасчёт независимых предприятий, к которому обращались как «рыночники», так и апологеты самоуправления (по-разному понимая вопрос). Этот ключевой элемент «рыночного социализма» замещал центральные плановые директивы политикой местных цен и стимулов, предполагал значительную степень автономии отдельных предприятий и, в целом, децентрализацию. Мы уже видели, что с 1988 г. встала проблема многообразия собственности — в связи с разрешением создавать «кооперативы». Новые формы экономической организации были небольшими частными (потенциально) предприятиями, и с 1988 г. могли нанимать (по венгерскому образцу) работников вне коллектива кооператоров. Это направление фактически принадлежит к предыстории приватизации, ведь единственной целью подобных кооперативов была рыночная прибыль.

Главную опасность для официоза представлял список товаров, разрешённых к свободной продаже. В декабре 1988 г. кооперативам запретили торговать видеопродукцией и производить алкоголь, в других областях тоже оказались введены запреты. Тогда для государства не было никакого резона расчищать дорогу частному капиталу, и новая «частная» сфера включала около 3,1 млн. человек, то есть приблизительно 2,4% общей рабочей силы, и выдавала 3% ВВП страны⁵³. «Самофинансирование» предоставило директорам предприятий ощутимую автономию в использовании прибылей, и столкнуло их с самоуправлением производителей,

⁵³ *Dyker, D. Restructuring the Soviet Economy. London - N. Y.: Routledge, 1992. P. 94-97.*

поскольку директора не заинтересованы делить власть с коллективами подчинённых. Управленцы должны были вести «войну на два фронта», против центральной и местной бюрократии и против советов и других организаций работников (производственных советов, профсоюзов и т.п.). Чтобы противостоять государственной централизации, они блокировались со своими работниками — и полагались на рыночные механизмы и поддержку властей, когда нужно было противостоять стремлениям работников. Как мы уже обращали внимание, главным нерешённым вопросом всей концепции самоуправления было то, каким образом оно может приспособиться к мировой экономике, интегрироваться в неё или выпасть из неё — а то и сочетать все три варианта сразу. Либерализм (неолиберализм) чувствовал себя особенно защищённым в этой точке, потому что у марксистов не было адекватного ответа на «вызов глобализации».

Под влиянием в том числе Михаила Элмана и Яноша Корнаи, один из крупнейших либералов, Г. Явлинский, сформулировал собственную концепцию собственности, с включением элементов социализма и «государственного (национального) капитализма», находящуюся в довольно тесной связи с практикой того времени⁵⁴. Явлинский не принял неолиберальный подход к государственной собственности, называя «спонтанную приватизацию» неограниченным грабежом. Ища место «управленческой бюрократии», он не смог понять, что в Советском Союзе и в Восточной Европе в целом возможна только полупериферийная форма капитализма. Позволение управленцам «выйти из-под государственного контроля», против которого протестовал Явлинский, привело к опыту двойной бухгалтерии, получившей широкое хождение на предприятиях и способствовавшей продаже нелегально приобретенных товаров на чёрном рынке и премиальным платежам за несуществующую продукцию. Между директорами предприятий и управленцами плелась неформальная корпоративная сеть, особенно привольно раскинувшаяся во время перестройки. Да она и пережила перестройку, добравшись до чиновников среднего звена, и в 1987 г. директора и управленцы открыто выступили против собст-

⁵⁴ Явлинский Г. Уроки экономической реформы. М.: ЭПИцентр, 1993.

венника подвластных им предприятий, ослабевшего государства. После двух постановлений от 7 апреля 1989 г. практика реформы собственности представляла фактически использование арендной системы, когда частным лицам, но не государственным компаниям, сдавались в аренду государственные предприятия и прочее госимущество. Как только в августе 1991 г. пал бывший собственник (советское государство), место государства заняли управленцы, сосредоточив управление и власть в своих руках⁵⁵. В прошлом они набивали карман нелегально, а теперь могли богатеть в рамках закона.

«Бунтарь» Явлинский заклеил эту систему как «мафиозный капитализм» и отказал ей в праве называться частью либеральной реформы. Явлинский и либералы думали о «реальных» собственниках, не тех, кто приватизирует ради собственной выгоды, а тех, кто покупает акции (имея в виду, без сомнения, местные «инвестиционные институты», иностранный капитал или банки — кто же ещё мог обладать капиталом?). Ну а директора предприятий и региональные государственные учреждения вместе приобрели большинство акций, отчего денационализированные предприятия стали ни государственной собственностью, ни классическими частными компаниями. «Новое» государство даже не попыталось наладить контроль, ведь его «новое» чиновничество было слишком непрофессионально, необразованно и коррумпировано для таких задач, что особенно отчётливо прослеживалось в неславянских республиках. Внедрение «шоковой терапии» в начале 90-х упало на директоров как манна небесная, и они стали самыми воодушевлёнными последователями дерегуляции — и самыми крупными получателями прибыли с неё.

Согласно запоздалым — но вполне правильным — мыслям Явлинского, суть проблемы управленческой собственности со-

⁵⁵ Пониманию этой проблемы могут значительно помочь работы Ивана Селени и его соавторов, а также Эржебет Салаи. См.: *Szelényi, I.; Gyl, E.; Townsley, E. A posztkommunista gazdasági vezetés (menedzserizmus) A gazdasági intézmények átforgalmazása és a társadalom szerkezetében végbemenő változások a posztkommunista átmenet idején // Rendszerváltás és társadalomkritika / Ed.: Krausz T. Bp.: Napvilág, 1998. P. 153-193. Szalai, E. Gazdasági elit és társadalom a magyarországi újkapitalizmusban. Bp.: Aula Kiadó, 2001.*

стояла в отсутствии рыночной структуры, способной гарантировать регулярную коммерческую активность. Возникшая система напоминала скорее особую лотерею, где можно сыграть только раз. Раз «нет современной рыночной структуры, (то) бесконтрольно забирают огромные прибыли, ничем не связанные с реальным функционированием предприятия или его полезностью». Он сделал заключение, что чёрный рынок не был уничтожен: это видно по повсеместному уклонению от уплаты налогов, различным способам отмывания денег, продолжению практики «двойной бухгалтерии». Сюда следует включить и известный в Восточной Европе обычай приватизировать наиболее доходные части предприятия, доводя остальные до банкротства. В России недопустимо основывать экономику только на экспорте. Для Явлинского «эффективный собственник» не тот, кто взял государственную собственность, а потом, чтобы избавиться от проблем, передал другому. Он указал на огромную пропасть между теорией и практикой российского рынка. «Собственность, — убеждал он, — надо передать в надёжные руки». В этом отношении он — выученик международного капитала, желающий восстановить ответственность менеджмента перед «реальным собственником»⁵⁶.

В «стерильной» позиции Явлинского полностью отсутствует понимание того факта, что коллективная собственность трудящихся могла стать настоящим решением проблемы. С одной стороны, российские либералы / неолибералы не без причины опасались любых форм такой собственности, даже на капиталистической основе. В то же время они были одержимы утопическим представлением о принципиальной совместимости приватизации, «справедливости» и «общности». В советском обществе существовало мощное интеллектуальное и моральное сопротивление приватизации, пусть позднее, представленная в рамках антикоммунистической доктрины, она гладко прошла на практике (само по себе это требует отдельного исследования).

Кажущиеся сегодня наивными идеи общественного контроля над приватизацией и приоритета общественных и производственных коллективов были включены в президентский указ Горбачёва от 19 мая 1990 г. и в советское парламентское законодательство о

⁵⁶ Явлинский (1993). С. 60.

собственности. Несмотря на желание сохранить основную часть государственной собственности (что обсуждалось ранее), в постановлениях Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии КПСС от 25 апреля 1991 г. подчёркивалось предпочтение общественных и коллективных форм собственности и предписывалось «широкое участие коллективов по месту работы и профсоюзов» в процессе приватизации. Показательно: сила требований обобществления государственной собственности была такова, что описания приватизации производили впечатление планов по созданию именно обобществлённой, народной собственности. На учредительном съезде антикоммунистического оппозиционного движения «Демократическая Россия» 20-21 октября 1990 г. проблемы приватизации и защиты системы социальной помощи трудящимся обсуждались так, будто их решения вполне можно совместить (на ум приходит морализаторский популизм шаталинской программы). В последующих штудиях экономической истории данного периода подобное поведение рассматривалось не как наследие определённого исторического опыта общественного самоуправления⁵⁷, а как рудимент иррациональной привязанности к государственному социализму и коллективной собственности на дешёвом контрасте по отношению к экономической рациональности «чистой» частной собственности⁵⁸.

При более объективном изучении собственности трудящихся, опирающемся на дальнейший опыт приватизации в Советском Сою-

⁵⁷ В начале 90-х годов под президентством Ельцина чубайсовская «ваучерная приватизация» стремилась манипулировать общественным настроением и идеологией как раз под лозунгом «народной доли», обернувшись, конечно, лишь обманом трудящихся. Мне самому как-то раз в закуской предложили обменять мой стакан пива на такой вот ваучер. В конце концов, ваучерная схема была всего лишь одним из способов отчуждения общества от его достояния.

⁵⁸ Подобную идеологическую позицию см.: *Александров Ю.Г.* Приватизация общественной собственности в России и экономическая теория // *Собственность в XX столетии*. С. 490-506. Превалирующая неолиберальная ортодоксия принуждает, ведёт автора к принятию сталинской логики, где нет существенной разницы между государственной собственностью и общественной, коллективной. Коллективная собственность у него просто растворяется в эмпиреях.

зе и рассматривающем роль мелких акционеров по отношению к производству, можно прийти к заключению, что истинным смыслом приватизации была приватизация власти, нацеленная не только на отмену государственной собственности, но и на разрушение любого осмысленного значения «собственности трудящихся». В новой системе такая собственность могла бы существовать только в качестве формы частной собственности и, будучи отчуждённой от непосредственных производителей, исключала бы их из дел предприятия и даже из участия в распределении прибыли. Многие пристрастные аналитики настаивали, что без прямого участия в управлении предприятием и в контроле над менеджментом рабочий-владелец не может исполнять свои функции собственника, хотя «коллективное владение акциями» может оставаться серьезным фактором сохранения рабочего места, помимо всего остального. В завершение мысли можно сказать, что в рыночной экономике «собственник «формальный» становится «реальным», когда интересы собственника заменяют собой интересы производителя».

Неразрешимое противоречие системы означает, что собственник-производитель не может играть ту роль на заводе, какую играли рабочие советы в России 1917 г. или в Венгрии 1956 г., когда как органы рабочих коллективов они распоряжались собственностью (то бишь процессом производства), а заводские управляющие действовали под общим контролем трудящихся⁵⁹. Широкое распространение «собственности трудящихся» само по себе означает опасность в условиях капитализма, так как во времена кризиса может возникнуть и угрожать системе частной собственности требование самоуправления. Вот таким образом тесно связаны собственность и власть. По большому счёту, судьба коллективной собственности в СССР была предрешена, однако этого нельзя понять во всей полноте без отсылки к международному контексту, который имел решающее влияние на смену режима в Советском Союзе в целом и на перемещение собственности в частности.

⁵⁹ *Гаврилова Т.В.* Акционерная собственность и корпоративное управление // *Собственность в XX столетии.* С. 628-631; *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Аиро-XX, 1998.

РЕЦЕПТ МВФ

В декабре 1990 г. в США было опубликовано «неофициальное» и «ни к чему не привязанное» исследование, подготовку коего инициировали лидеры великих держав с подачи Большой Семёрки на июльском Хьюстонском саммите. Сотрудники Международного валютного фонда, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, а также советники президента Европейского банка реконструкции и развития подготовили обширный документ, который в свете последующих событий фактически стал программой смены советского режима в СССР⁶⁰. После его публикации популистская программа Шаталина утратила свой особый интерес, поскольку советское руководство и международное сообщество отыскивали верный *modus vivendi*. Тогда власть уже перешла от Горбачёва к Ельцину, и тем самым были устранены все остававшиеся реальные препоны для смены режима. Написанное с таким расчётом, чтобы избежать идеологических формулировок, исследование МВФ продвигалось как «модель» и «источник» для экономических концепций и политики советской смены режима.

Не забывая о важности внешних факторов, следует сказать, что краха Советского Союза и падения системы государственного социализма не было бы без решающей роли внутренних экономических и политических кризисов и без активной помощи советских властных элит. Сегодня уже очевидно, что распад СССР и государственного социализма связан с безоговорочным принятием глобальной экономики властями, желавшими сохранить свое положение, свой роскошный образ жизни, забронировать за собой государственную собственность навеки. Опасаясь за свой статус, элиты были открыты любому решению, которое сможет его укрепить. Наиболее влиятельные группы в Советском Союзе заключили очевидный и открытый союз с международными центрами власти и денег. Мысль, что смена режима произрастала из внешнего «заговора» (до сих пор популярная в некоторых кругах) совершен-

⁶⁰ См.: The Economy of the USSR: a study undertaken in response to a request by Houston Summit: summary and recomandations. IMF. Washington: World Bank etc., 1990.

но несостоятельна, поскольку в штудиях МВФ были явно провозглашены намерения, в том числе сотрудничество с советскими руководящими органами, «тайный союз» с ними.

Исследователи «взялись за детальный анализ советской экономики, предложение реформ и определение критериев, при которых помощь западной экономики сможет наиболее эффективно поддержать эти реформы». Такая существенная аналитическая работа и сбор материала не могли быть завершены без активной поддержки советских властных структур, что указывает на истинный замысел. В опубликованных материалах (включающих лишь «основные выводы» исследования) выражена особая благодарность советским федеральным и республиканским институтам за их «всестороннюю и значительную поддержку и помощь». Также поминённо благодарятся отдельные «спонсоры», в том числе Министерство иностранных дел и Государственный комитет внешнеэкономических связей Совета Министров СССР (организовавшие множество обсуждений), Государственный банк, Государственный комитет по образованию, Госплан, Министерство финансов, Министерство внешнеэкономических связей, Государственный комитет по реформам Совета Министров и многие другие руководящие органы. Упоминаются многие встречи, проходившие в Москве, Брюсселе, Париже и Вашингтоне.

Летом 1990 г. авторитетные американские политики и бизнесмены уже открыто говорили, что Советский Союз не может больше сам вызволять себя из неприятностей, что требуется прямое международное вмешательство. Переписка того времени Джорджа Сороса с Борисом Ельциным особенно познавательна. В коротком письме накануне встречи Большой Семёрки Сорос сделал два важных замечания.

«Это в интересах всего мира — чтобы мы избежали хаотического коллапса. В отличие от нормальной практики, далеко идущее вмешательство во внутренние дела Советского Союза жизненно важно. Единственный вариант, при котором вмешательство может быть и эффективным, и приемлемым одновременно, это направление его по пути создания денежной системы, которая превратит Советский Союз в федерацию независимых республик, а балтийские республики — в независимые государства... успех или провал — это зависит от того, сможет ли денежная система

интегрироваться в экономику, определить метод оживления разваливающейся экономики... Советское руководство прекрасно понимает, что такую валюту невозможно учредить без внешней поддержки. Нужен не только кредит, но и кредитоспособность, которая может заинтересовать Запад. Если Большая Семёрка изъявит желание поддержать валютную систему, способную вернуть Советский Союз к жизни, такое предложение должно быть принято с энтузиазмом... Поддерживать нужно определённые программы и новых людей. Выход для всей страны — в России»⁶¹.

Ельцин ответил в тот же день. Нет, он не загорелся идеей новой денежной системы, она ему не понравилась вовсе. Зато как главный «сменщик режима» он просил поддержки Сороса, указывая на себя как подходящего, «нового человека», которому надо дать денег, потому что, чего уж ходить вокруг да около, он единственный способен дать независимость республикам. Больше того, он выражал беспокойство по поводу президента СССР, получающего финансовую помощь: её неэффективное использование может дискредитировать Горбачёва⁶².

По контрасту с Соросом, исследование МВФ сфокусировалось не на финансовой системе, а на идеологическом старте — освобождении от плановой экономики. Программа придерживалась стремительного перелома, как эхо повторяя лозунги творцов перестройки об «ускорении», «прорыве». Однако разница заключалась в недвусмысленной цели провозглашения капиталистической рыночной экономики, хотя термин «капитализм» сам по себе еле используется в документе.

Аналогично предложениям Шаталина и Явлинского, в работе МВФ представлен «демократический капитализм» на основе рыночной экономики (как если бы утопический капитализм заменил утопический («реальный») социализм, как это было в шаталинской программе). В смысле применения программы, думаю, допустимо провести параллель между нею и сталинским «большим скачком». Программа Шаталина была первой, где были заявлены ныне хорошо известные методы «реконструкции»: быстрые и радикальные

⁶¹ См.: *Soros, G. A lehetetlen megkísértése. A kelet-európai forradalmak és a Soros alapítvány.* Вр., 1991. P. 117-120.

⁶² Там же.

изменения, перелом. Программа МВФ назвала критерии строительства «рыночной экономики»: либерализация цен в связи с условиями внутренней и внешней конкуренции, поощрение частной собственности, приватизация госпредприятий».

В принципах регуляции деятельности коммерческих предприятий, вошедших в проект Основного закона СССР в 1990 г., уже содержится возможность частного сектора на базе плюрализма собственности, поскольку «установление рыночных отношений» предполагает «свободное предпринимательство», включая предпринимательскую активность государственной собственности; есть и предписание удаления статьи «за частную предпринимательскую деятельность» из уголовного кодекса. В преамбуле наброска закона, созданного комиссией во главе с Абалкиным, декларируется «свободный выбор формы собственности и формы хозяйствования», а также «свободная и здоровая конкуренция». «В условиях рыночной экономики на предприятиях, имущество которых находится в госсобственности, назначаемые государством (или избираемые коллективом трудящихся) руководители (директора) выполняют функции предпринимателей с предоставленными им ограниченными правами для осуществления коммерческой, инновационной и связанной с рисками деятельности». Одновременно документ даёт только количественное различие между частными и коллективными коммерческими предприятиями⁶³. Таким образом, довольно трудно различить «социалистическое» советское законодательство и российское.

Неслучайно программа МВФ превознесла принципы, очерченные Горбачёвым (их авторы были среди тех, кто создавал упомянутый законопроект), как курс на установление рыночной экономики. И всё же внимание советского руководства по-прежнему заострялось на «особых мерах, служащих гарантией успешности перехода».

В первую очередь была обещана «техническая поддержка» Запада, под которой подразумевалось быстрое формирование институциональной инфраструктуры рыночной экономики. Однако существовали резкие и глубокие различия между формированием этой структуры в России и функционированием развитого капита-

⁶³ РГАНИ, Ф. 89. Оп. (пер.) 12. Д. 28.

лизма в экономиках центра. Разница отражала тот факт, что интеграция в глобальную экономику и превращение в сектор капиталистического центра есть два несхожих круга вопросов⁶⁴. Эксперты МВФ полагали, что «частный сектор мог бы играть ключевую роль» уже в связи с упомянутой «технической поддержкой»⁶⁵. «Рыночная экономика», «платёжный баланс», «систематические реформы» — всё это посодействует окончательному решению, «более тесной интеграции Советского Союза в мировую экономику». Центральный Комитет согласился с этой целью, и в декабре, в соответствии с древней традицией, последовало приглашение американского бизнесмена русского происхождения, потомка царского министра Дмитрия фон Витте — дабы продемонстрировать приверженность партийного руководства новым формам международного экономического сотрудничества. Встреча (с согласия В. Ивашко) подавалась как декларация перехода к рыночной экономике. Но из документа встречи следует, что главной целью для зарубежного капитала вообще и американского в частности было поддержать «радикальные меры президента СССР М.С. Горбачёва по стабилизации экономической и социально-политической ситуации в стране»⁶⁶.

Программа МВФ возражала против и решительно отвергала лишь одну вещь в связи с перераспределением собственности: собственность трудящихся и коллективную собственность как таковую. Значительный объём текста был посвящён критике разрешения работникам владеть собственностью (разрешения любых форм коллективной собственности), испробованного в Советском Союзе (и в других восточно-европейских странах). Как будто бы без малейшего напора сделано замечание о неутешительном опыте других стран, хотя в это время им должно было быть известно, что венгерское правительство и политические партии использовали

⁶⁴ Исторический и теоретический анализ этого явления был принят в 70-х Иммануилом Валлерстайном. См.: *Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century.* New York: Academic Press, 1974.

⁶⁵ *The Economy of the USSR...* (1990).

⁶⁶ РГАНИ, Ф. 89. Оп. (пер.) 11. Д. 67. Л. 1-3. «О встрече с Дмитрием фон Витте 3 дек. 1990 г.».

всю свою власть, чтобы удержать и парализовать коллективное присвоение собственности трудящимися, и неутешительный опыт могли иметь разве что последние. Главные составляющие концепции МВФ в бывшем Советском Союзе были реализованы в той степени, в какой новая власть укоренилась в оппозиции рабочим и всем трудящимся, пытающимся стать коллективными собственниками, за чей счёт богатели управленцы, директора и номенклатурщики, те, кто пользовал государственные мероприятия и в советские времена.

Дальнейший опыт приватизации показал, что там, где есть нехватка капитала, приватизация может происходить только при помощи грубого захвата. Мошенничество наиболее ярко проявилось в «ваучерной» схеме, или «народной приватизации», вполне соответствовавшей духу программы Шаталина, но входившей в противоречие с более осторожной программой МВФ. Любимым методом приватизации стала «менеджерская приватизация», проводимая альянсом банкира, управленца и государственного функционера: пользуясь государственной санкцией, данной только на том основании, чтобы «каждый остался при наваре», чиновники государственных банков берут максимальную сумму кредита на «покупку» наиболее прибыльных частей компаний по минимально возможной цене⁶⁷. Может показаться, будто советники из МВФ — если воспользоваться классической марксистско-ленинской терминологией — хотели создать «социальную базу» для реализации своей программы путём продвижения класса «влиятельных особ». Этим людям фактически вручили государственные предприятия, что на «научном» языке обосновывалось как «перевод крупных предприятий на коммерческие рельсы и обеспечение их функционирования в таком режиме, как если бы они продолжали находиться в общественной собственности». Согласно программе предприятия должны были работать как акционерные общества, «свободные от контроля государства, а государственные холдинговые компании должны следовать модели холдинговых компаний частного сектора»⁶⁸. Как известно, из-за нехватки капитала конеч-

⁶⁷ См. подробнее: The Privatisation Scandals in Russia // Socialist Economic Bulletin (Dec. 1997).

⁶⁸ The Economy of the USSR... (1990). P. 27.

ным итогом стало быстрое «освобождение» государственной собственности, вылившееся в оргию её дележа и присвоения элитами (россияне назвали это «прихватизацией»).

Как только началось частное присвоение государственной собственности, перестройка закончилась. Вместо нового «демократического капитализма» возникла очередная версия «русского капитализма», напоминающая о начале XX века⁶⁹ — в символическом обрамлении «опереточного путча» августа 1991 г. и «восемнадцатого брюмера Бориса Ельцина» 4 октября 1993 г. Первая дата подытожила существование системы государственного социализма, вторая ознаменовала победу рыночной экономики. Путч был осуществлён частью властной элиты, не желавшей падения старого режима; «восемнадцатое брюмера», направленное против социальных групп, оставшихся в стороне во время «перераспределения» собственности, профинансировал международный капитал⁷⁰. Государство осталось прямым гарантом отношений собственности, обуславливая «госзависимость» новой российской буржуазии и формируя политико-институциональные условия нового классового общества.

⁶⁹ Об этом явлении см.: *Krausz, T.* Putyin és az orosz kapitalizmus. Utószó a jelicinizmus kérdéséhez // *Lenintől Putyinig*. P. 129-138.

⁷⁰ *Moses, J.W.* Borisz Jelcin brumaire tizenhatalmadikája // *Eszmélet*. № 29 (spring, 1996). P.165-182.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ*

(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

1

Советский человек — «продукт» семидесятилетней истории советского государства, государственного коллективизма. Он существовал до тех пор, пока существовали советское государство и система государственного социализма и был сложным «продуктом», являясь результатом истории, носителем и отчасти творцом государственной политики и советской культуры. *Советский человек* мог иметь любую национальность. Поначалу он был рабочим и красноармейцем, позже стал простым трудящимся, интеллигентом или заводским рабочим, колхозным крестьянином или служащим. Это воспетая, воплощенная в живописи, описанная в литературе «порода человека». В последней фазе своей эволюции *советский человек* предстает перед нами большей частью в образе мещанина.

По этой теме родилось много работ, начиная с советской пропагандистской литературы вплоть до первого философского анализа Александра Зиновьева (*Homo sovieticus*, 1981) и постсоветской специальной литературы. Для всех этих работ отнюдь не характерна взвешенность подхода. Страстностью пропитана и классическая в своем роде книга А. Зиновьева, в чем автор честно признается уже в предисловии: «Эта книга — о советском человеке как о новом типе человека, о гомо советикусе, или, короче говоря, о гомососе. Моё отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно ненавижу, уважаю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Я сам есть гомосос. Потому я жесток и беспощаден в его описании».

* Первая публикация — 2020. — <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13569770701246195> (сентябрь, 2020).

Советский человек и сегодня остается предметом непримиримой идеологической борьбы, которая неразрывно связана с отношением к распавшемуся почти три десятилетия назад СССР и новому олигархическому капитализму. Понятно, что в легитимационной идеологии нового режима нарисован односторонне язвительный, отрицательный образ *советского человека*, поскольку объективно она исходит из необходимости доказать превосходство современного капитализма, «второго издания капитализма» над советским строем. О большой сложности этой задачи хорошо свидетельствует то, что в 1993 г. именно тот же А. Зиновьев назвал новый режим «колониальной демократией»¹ и не принял его, подвергнув «бешеной» критике. В то же время эта критика в принципе во многих отношениях представила в новом свете *советского человека*, всю его историю и достижения. Преимущественно осуждающе-разоблачительный тон литературы по данной тематике² (здесь я не упоминаю о работах, написанных с религиозной точки зрения) в значительной степени выдвигает на передний план своеобразный, имеющий давнее происхождение методологический тупик, который создавал уже и Зиновьев в 1981 г. Дело в том, что в основе критики лежал человеческий идеал западного капитализма, в центре которого находятся «святыня частной собственности» и апофеоз ориентированного на рынок индивидуализма. Горизонт подходов такого типа формируется примитивной антиномией «тоталитаризм или свобода», которая ныне является господствующей критической точкой зрения при мейнстримных подходах³. Этому противостоит противоположная крайность, некритическое превоз-

¹ См.: <http://kunalab.ru/stati/zolotaja-biblioteka/aleksandr-zinovev-okolonialnoi-demokrat.html> (сентябрь, 2020). Зиновьев: О колониальной демократии. Этот текст был опубликован и в венгерском переводе: A kommunizmustól a gyarmati demokráciáig. Eszmélet, 25. sz. 1995. (tavasz).

² См. работу, написанную с претензией на объективность, точнее с видимостью объективности: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С критикой такого подхода выступил, например, Кургиян. См.: <https://www.bing.com/videos/search?q> (сентябрь, 2020).

³ В этом отношении типичными можно считать, например, интерпретации Левады–Центра, см. интерпретацию Льва Гудкова: <https://storm100.livejournal.com/3075150.html> (сентябрь, 2020).

ношение, апологетика «советского человека», согласно которой крах советского государства, государственного социализма в конечном итоге стал результатом некоего «заговора», «предательства». При этом объективность научного исследования приносится в жертву на алтаре державности и государственного национализма⁴. *Советский человек* предстает перед нами как жертва коварства Запада. Это дает возможность избежать постановки вопроса о том, почему советский человек не защитил СССР и систему государственного социализма.

На мой взгляд, исходной точкой объективного, научно обоснованного анализа может быть не что иное, как совокупность ценностей системы, от которой в принципе никогда не отказывались, и постоянное столкновение с ней, которое, собственно говоря, вытекало из революционного преобразования 1917 г., хотя основные черты развития устоялись под влиянием «сталинского поворота» (1929–1933). Советский человек родился на фронтах революции, интервенции и гражданской войны⁵ из множества подданных царя, более 80% которых в 1917 г. не умели читать и писать. Многие, как сам Чапаев, осваивали основы азбуки уже будучи красногвардейцами, в перерывах между боями. Хотя очевидно, что и на революционерах сказалась историческая работа предыдущих десятилетий и столетий, все же, несмотря на континуитет исторического развития, «более весомым моментом» (Г. Лукач) может считаться *дисконтинуитет*, если мы хотим понять это явление в его специфике⁶. Первым фундаментальным противоречием *in statu nascendi*

⁴ Такое отношение к вопросу уже обошло интернет и в форме песни Харченко: Сталин-отец и Родина-мать. — <https://www.youtube.com/watch?v=WAXOzhLzvP0> (сентябрь, 2020).

⁵ В связи с этим часто ссылаются на многие работы Ленина или на статьи Троцкого о культуре, на литературные произведения Горького и Маяковского и гораздо реже вспоминают о «культовом» фильме А. Михалкова-Кончаловского «Первый учитель», в котором средствами гуманистического искусства показаны романтические и болезненные «моменты» этого рождения. Из этого фильма интересующийся человек поймет больше, чем из множества научных статей (Это был первый фильм режиссера, снятый в 1965 г.).

⁶ Lukács György és Mészáros István. Filozófiai útkeresés — levelezésük tükrében. См. об этом вступление к книге, написанное Т. Краусом и П. Сигети. Вр.: Ezmélet Zsebkönyv, 2019.

может считаться столкновение всеобщего «спасения революцией» и безграмотности. «Тихий Дон» Шолохова и «Белая гвардия» Булгакова объясняют многое из «необъяснимого», на что способно только искусство. Говорят, что Троцкий однажды сказал, что «красноармеец скорее пожертвует жизнью, чем вычистит сапоги». Не знаю, правда ли это, я не видел документальных доказательств, но в этом изречении определенно выражается исторически закодированное столкновение архаичных и современных отношений как проблема вхождения в новую систему разделения труда. Нельзя с уверенностью утверждать и того, что зарождающийся советский человек разгадал глубинный смысл общеизвестных слов Ленина о том, что социализм нельзя «ввести», нужен целый ряд переходных периодов⁷. Советский человек — продукт и историческое выражение этих «переходных периодов».

Но с первой минуты в принципе все должны были работать, официально это был первый шаг на пути создания общества без эксплуатации. В центре жизни советского человека стоял труд. Это было настолько характерно, что уже с самых ранних времен популярным газетным разделом стали «письма рабочих». В советские времена печатное слово имело необычайное значение, оно было самой реальностью. В определенном смысле советский человек сам был автором «рабочей прессы», поскольку все, в том числе и пресса, начиналось с работы. Как однажды отметил Вальтер Беньямин, в отличие от западной буржуазной прессы и литературы «разделение между автором и публикой (...) в советской прессе начинает исчезать. Читатель готов там в любое время стать пишущим. (...) Работа сама дает ему слово»⁸. Это способствовало тому, что *советский человек* был не только «подданным государства», но и сам чувствовал результаты своего труда: тысячи заводов, построенных в 30-е годы, плоды восстановления страны в 50-е годы и победу в войне.

⁷ Подробнее см. в моей книге: Ленин. Социально-теоретическая реконструкция / Перевод с венгерского Сергея Филиппова. М.: Наука, 2011. Гл. 8. См. также: Булавка Л.А. Советский человек: от героя к мещанину // «Застой». Дисконтенты СССР / Под ред. Л. Булавки, Р. Крумма. М., 2010.

⁸ Беньямин В. Автор как производитель // Логос. № 4 (2010). С. 126-127. На мнение Беньямина обратил мое внимание Ласло Тютё.

Можно сослаться на появление «сознания подданного» как результата «вековой отсталости», на государственно-бюрократические традиции⁹, на изоляцию от других стран, на «культуру» бешеного пьянства и другие особенности, ставшие уже общими местами, однако «воспитание» советского человека радикально отличается от всего этого. Это *особое* историческое развитие¹⁰. Едва ли нужно доказывать это ссылками на исторические источники, ведь мое поколение еще хорошо помнит, что советский человек в течение семи десятилетий, вплоть до 1991 г., даже в самые ужасные периоды сталинского «культы личности», когда власть во главе со Сталиным втаптывала в грязь собственную конституцию 1936 г., всегда учил и слышал, что в основе всех ценностей лежит труд, и все накопленные ценности, имущество, заводы, земля, больницы и школы принадлежат ему, человеку, являются достоянием «рабочих и крестьян». Больше того, советская пропаганда и наука в период самой отчужденной властной деспотии вплоть до распада СССР провозглашали борьбу с бюрократией, протекцией и взяточничеством, тяготившими трудящихся.

В конечном итоге советский человек не сумел осознать и разобратся в этом и подобных противоречиях. Он привык к властному принуждению и добровольно подчинялся ему. Конечно, не лучше и даже «хуже» был и «западный человек» как в его немецком, так и американском образе. И все же создалась иная видимость, ведь советского человека больше нет. Нет больше и идеологических аппаратов, которые защитили бы «интересы» советского человека в сфере «политики памяти». Советский человек отдан на произвол различных деятелей, формирующих эту политику.

Все, что осталось от советского человека в новом мире, уже является частью, элементом чего-то иного. Остался лишь глобальный и господствующий образец «западного человека», против которого восставал Зиновьев в своей упомянутой выше статье. Формально «западный человек» (в его немецком, французском и англосаксонском образе) ставит превыше всего свободу личности,

⁹ См. попытку интерпретации преемственных процессов Дюлы Свака: Szvák, Gyula. *Mi az orosz?* Вр.: Russica Pannonica, 2016. 152 о.

¹⁰ Об этом см.: Krausz, Tamas. *Deutscher Lecture: Deutscher, Lenin and the East-European Perspectives // Historical Materialism*. London, 2017. Volume 25. Issue 2. См. также с. 102-128 в настоящей книге.

но сохраняет при этом господствующую позицию «богатых народов» в мировой системе пусть даже ценой войн и геноцида¹¹. Мы часто упускаем из виду, что крупные колониальные империи, в том числе и США, тоже родились в крови и насилии, только раньше. Таким образом, и «британский человек», и «немецкий человек», и «американский человек» родились в насилии и благодаря насилию. А *советский человек* мог бы смотреть на себя как на апостола деколонизации, если бы (и) этого не сделало за него советское государство.

В своем типичном виде и развитии *советский человек* был горожанином. Он прошел через «школы» пионерского движения, Комсомола, а часто и Коммунистической партии. Его официальная мораль¹², преданность советской родине, солидарность с нуждающимися и самоотверженность, отражалась в таких детских книгах, как «Тимур и его команда», которые помнит и старшее поколение восточноевропейских стран. Не следует забывать о том, что в 1989 г. в КПСС насчитывалось 19 миллионов членов. Однако одновременно с этим, в период перестройки, «современный» *советский человек* осознал, что между советскими целями и картиной

¹¹ Богатую историю этого явления см. в кн.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004.

¹² Стоит упомянуть известные 12 пунктов «Морального кодекса строителя коммунизма» из известного документа ЦК КПСС (1961): 1. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма. 2. Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест. 3. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния. 4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов. 5. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного. 6. Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат. 7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни. 8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей. 9. Непримируемость к несправедливости, тунеядству, дурости, нечестности, карьеризму, стяжательству. 10. Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни. 11. Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов. 12. Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

коммунистического будущего, с одной стороны, и фактами и возможностями реальной жизни, с другой, существует непреодолимая разница, все больше людей теряли веру в социализм и социалистическую систему. А ведь первейшим качеством *советского человека* была именно его вера, вера в возможность построения лучшего общества, основанного на равенстве. А когда власть, представавшая перед людьми в свете коммунизма (как идеологии и морали), вдруг сама инициировала разрушение СССР и взяла на себя непосредственный контроль над государственной собственностью, превратив последнюю в свою частную собственность, *советского человека* охватил паралич. Больше того, многие вообразили, что наступает эпоха «настоящей демократии», что теперь удастся догнать и перегнать Запад, ведь первая историческая попытка достичь этого была связана еще с именем Сталина. Однако в эпоху перестройки *советский человек* уже не понимал, что он должен защищать. Зная, что по конституции государственная собственность принадлежит ему, он не знал, каким образом можно добиться этого в действительности.

2

Советский человек жил среди диких противоречий. Какой здравомыслящий человек смог бы отрицать беспримерный в истории культурный подъем, который пережили более 100 народов СССР? Можно ли оставить без внимания культурные и научные достижения советского государства, которыми — упомяну для примера — еще «похвасталась» советская академическая интеллигенция в репрезентативном издании, выпущенном в последней фазе развития советского строя, в 1987 г.¹³ И действительно, при любом международном сравнении ошеломляющее впечатление производит то культурное развитие, которое произошло на периферии мировой системы невзирая на опустошения, причиненные нацистской Германией и ее сателлитами.

Советский человек был легендарно начитанным человеком, столь массовый интерес к русской и всемирной литературе также, видимо, беспримерен в истории человечества... Да, советское па-

¹³ Советская культура. 70 лет развития. К 80 летию академика М.П. Кима / Отв. редактор академик Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1987.

терналистское государство формировало душевный склад советского человека и таким путем! Пик «большой чистки», 1937 год, был «годом Пушкина», своеобразной общенациональной демонстрацией одновременно русской классической и советской антифашистской культуры. Возможно ли более жесткое противоречие? Насильственная коллективизация и индустриализация с их огромным количеством жертв были проявлениями возникновения новой, обладающей всемирноисторической миссией нации (государства), которую *советский человек* создал своими руками ценой хорошо известных лишений и сознавал это, хотя и приписывал многие свои заслуги абстрактному Сталину.

В плоскости политики идеи французского Просвещения, материалистическая традиция и борьба с религией переплелись с насильственной культурой «поиска врагов»: граница между разумным и бессмысленным оказалась размытой. *Советский человек* одновременно мог стать охранником и заключенным в каком-нибудь из лагерей Гулага, в свое время все это хорошо знали Варлам Шаламов и Йожеф Лендьел. Но знают ли еще люди их имена?

Сухие факты, беспримерные в истории 27 миллионов жертв антифашистской Отечественной войны, быть может, красноречивее всего выражают самоотверженность *советского человека* как гражданина (или гражданки!), его преданность родине, а ведь он вовсе не родился солдатом! В конце концов во время Отечественной войны образ Родины был воплощен в женской фигуре общеизвестного плаката «Родина-мать зовет!». *Победа* была связана с прославлением *советского человека*, который наконец-то начал гордиться своей исторической ролью, смог (и должен был) отличить себя от государства.

«Советская вера» формировалась бесчисленным количеством литературных произведений и оказывавших сильное воздействие художественных фильмов, однако в 60-е гг. советские романы, поэзия и киноискусство все глубже показывали *противоречия* советской жизни. Ценой каких человеческих жертв строился СССР! Множество творений от «Судьбы человека» Шолохова до повести Быкова «Дожить до рассвета», от поэзии Евтушенко до испытывавшего границы легальности барда Высоцкого или Окуджавы, «Сорок первый», «Летят журавли», «Баллада о солдате» и «Чистое небо» Григория Чухрая — все это ощутимые, классические приме-

ры советского гуманизма, советской нравственности, высшие формы выражения нравственности *советского человека*. Но осознанию упомянутых *противоречий* служили и фильмы Ларисы Шепитько, молодого Михалкова, Элема Климова и Тарковского¹⁴. Симонов и Эренбург, Бабель и Гроссман, Пастернак и Паустовский, Цветаева и Ахматова — можно без конца перечислять имена советских писателей, поэтов, без которых не было бы *советского человека*, и которых не было бы без *советского человека*.

Под влиянием этого осознания *советский человек* начал отделяться от своего родителя, советского государства. Советское киноискусство запечатлело именно этот процесс, в котором *советский человек* обрел (мог обрести) свою индивидуальность, самостоятельность. Во время войны, как и во время революции, он осознал свою силу и важность, хотя речь идет о разных исторических воплощениях *советского человека*. *Советский человек* партизанского движения вынужден был день за днем принимать самостоятельные решения, красноармейцы, оторвавшиеся от центра своей армии, вынуждены были постоянно проявлять инициативу. За спиной *советского человека* не было заботливой руки государства. Эволюция советского человека еще раз доказывает, что чрезмерное, вынужденное уважение к государству и боязнь его — взаимосвязанные явления.

В культурном отношении *советский человек* был «всеядным». Социальное расслоение советского общества — от заводских социалистических бригад до сотрудников Института истории АН СССР — имело сложную структуру, но представители всех этих слоев встречались на столичных концертах советской эстрады. Ничто не могло соревноваться с популярностью специальной советской эстрады. Однако все социальные разновидности советского человека были представлены практически во всех «храмах» культуры от эстрадных концертов до концертов музыки Шостаковича, от спектакля «Дядя Ваня» до балетных и оперных представлений в Большом театре.

Конечно, в конечном итоге жизненный горизонт *советского человека* определялся не советским искусством, ставшим частью

¹⁴ Отличную информацию по этой теме дает одна из новейших работ: Русина Ю. История советского кино. Екатеринбург, 2019.

мировой культуры, а скорее государственной и партийной бюрократией. СССР стал мировой державой, и это заставило забыть многие явления бюрократической действительности эпохи Брежнева: *советский человек* простил бесконечное стояние в очередях, ужасные жилищные условия, бюрократическую волокиту, коррупционные махинации. Правда, он мог сказать, что его бесконечное терпение оправдало себя, ведь после смерти Сталина жизнь все время становилась «немного лучше», рос уровень жизни, крестьяне тоже получили пенсию, безработица и неуверенность в завтрашнем дне были практически неизвестными явлениями, а оптимизм в отношении будущего долго обещал ясную перспективу, символически отражавшуюся в двух непосредственно не связанных друг с другом событиях 1961 г. — космическом полете Гагарина и оказавшемся в центре отечественного и международного внимания провозглашении обозримой перспективы построения коммунизма (ориентированного на потребности общественного самоуправления и благосостояния) на XXII съезде КПСС¹⁵. Не думаю, что все это было связано с «наивностью» *советского человека*, однако ясно, что его «доверчивость» отчасти проистекала из многолетнего приспособления к государственной власти и с течением времени превратилась скорее в своего рода компромиссное поведение. Вера в советское государство имела мало общего с религиозными явлениями, хотя в вере в Сталина многие видят религиозную основу. В советском государстве *советский человек* узнал самого себя, долго сохраняя веру в СССР и в конечном итоге считая его своим «творением», которое во время развала оставило его на произвол судьбы.

Все это справедливо, даже несмотря на то, что в глазах *советского человека* «коммунистические перспективы» заслонялись тяжелыми фактами, о которых здесь нет возможности говорить подробнее. Имеет смысл лишь отметить, что и официальная тематизация повседневной жизни определялась мифами и реальностью «советского величия», «славы советской мировой державы», успехами советского спорта, массовым распространением

¹⁵ Подробнее об исторических предпосылках см.: Краус, Тамаш. Краткий очерк истории России в XX веке. СПб.: Мир и семья; Интерлайн, 2001. С. 166-182; см. также: Альтернативы (Москва). № 3 (2001).

дач, появлением «советского общества потребления». «Современная женщина», освободившись от «единообразной одежды», как казалось, освобождалась и от традиционных ограничений, связанных с господством мужчин, путем подражания западной моде и взяв на вооружение идеи официального советского феминизма. Быть может, послевоенный «недостаток мужчин» вынудил ее пойти на такое количество компромиссов, что в итоге ей пришлось «капитулировать».

В советской пропаганде, которой хорошо было верить, светом были покрыты даже теневые стороны повседневной жизни: например, *советский человек* знал, что пить нельзя, что пристрастие к спиртному, алкоголизм — вредное явление, с которым нужно бороться, как и с бюрократизмом, ростом неравенства, коррупцией и другими негативными явлениями, — конечно, эта борьба должна вестись средствами и под руководством государства. Несмотря на это, *советский человек* пил, ведь это давало значительную часть государственных доходов. Вот и еще одно противоречие! Политическая индоктринация *советского человека* начиналась с Маркса и Ленина и — в прямом значении слова — закончилась Брежневым и Горбачевым, а потом Ельциным и Волгогоновыми, «калифами на час». И все же следование «указаниям» государства и партии казалось более надежным путем, чем автономное мышление и самоорганизация, старые революционные или военные традиции которых затерялись во мраке прошлого. Идеи Маркса и Ленина преподносились так, будто они сошли на землю для воплощения с ангельских высот при посредничестве партии. Не случайно, что в настоящих политических спорах в дружеских компаниях, за границей или с иностранцами *советский человек* оказывался просто безоружным.

3

Советский государственный патриотизм и апофеоз однопартийной системы¹⁶ предполагали запрещение «инакомыслия». Сам-

¹⁶ Впервые однопартийная система была узаконена в СССР в конституции 1977 г. Согласно прежней зафиксированной на бумаге «революционной легитимации», вся власть принадлежала рабочим и крестьянским советам.

издат, диссидентское движение¹⁷, развернувшееся в первой половине 60-х гг., с трудом находило дороги к советскому человеку, наиболее известные авторы-диссиденты напрасно ссылались на возможности, предоставляемые советской конституцией и законами, и на факты преследований. За редкими исключениями (как, например, Р.А. Медведев или альтернатива Солженицину, Шаламов), диссиденты переставали быть советскими людьми, превращаясь в «антисоветчиков». Точнее, все же не переставали быть ими в том смысле, что, опять-таки за некоторыми исключениями, во многих случаях просто становились некритичными последователями других идей. Исключения — например, бард Высоцкий — нашли путь к сердцу *советского человека*. Чтобы понять это явление, необходима некоторая эмпатия, потому что *угол зрения диссидента* (в основном интеллигента) определялся не самим самиздатом, а — как бы пантрагично это ни звучало — глобальными геополитическими условиями, во многом детерминировавшими положение, судьбу СССР. *Советский человек* безусловно сознавал это. Поначалу и критика Солженицина («Один день Ивана Денисовича»), а долго и критика отмеченного наградами советского генерала Григоренко была советской критикой. Критика «демократической оппозиции», А. Синявского и Ю. Даниэля очень скоро произвела такое впечатление, будто ее авторы являются рупорами Запада, прежде всего США, ведь их поддерживали не представители социалистических движений. Буковского выменял на руководителя Компартии Чили Луиса Корвалана темный режим поддерживаемого американцами генерала-путчиста, ответственного за массовые убийства. Во второй половине 60-х гг. во Франции, ФРГ и прежде всего в США, где расовая дискриминация была в то время частью повседневной жизни, развернулось антисистемное, отчасти правозащитное, общественное революционное движение. К тому же международный престиж США был подорван империалистической войной старого образца, которую они вели во Вьетнаме. Эта «кровавая зона» в Юго-Восточной Азии, ставшая местом осуществления геноцида, вызвала к жизни беспрецедентное в исто-

¹⁷ Из литературы по этой проблематике см.: содержательное исследование Юлии Русиной: *Русина Ю.А.* Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб.: Алетей - Екатеринбург: Издат. Уральского Университета, 2019.

рии США движение за мир. *Советский человек*, солидарный с международными антиамериканскими протестами, был неспособен понять смысл диссидентского движения. До него дошла лишь патриотическая инвектива Шолохова в советской прессе, в которой диссидентское движение по существу истолковывалось как подрывная деятельность иностранных агентов. В то время как западные страны публиковали самиздат и защищали диссидентское движение, представители этого движения снова и снова представляли перед советским населением как представители иностранных интересов, которых спонсируют с Запада. В то же время *советский человек* часто сталкивался с финансовыми преградами своего развития и в прессе, в программах радио и телевидения. Он сознавал, что «финансирует» советскую внешнеполитическую экспансию и антиколониальную борьбу, которая символически воплощалась в московском Университете имени Патриса Лумумбы с его своеобразной интернационалистической миссией. Это тоже было частью повседневной «советской гордости». Диссидентское движение нанесло удар по этой *гордости*.

История научила *советского человека* быть покорным гражданином и улаживать свои конфликты в рамках и по правилам, заданным государственной властью. Это явление также было запечатлено для потомков в бесчисленном количестве литературных и музыкальных произведений. Аксенов или Высоцкий, несомненно, могут считаться хорошим примером того, что с течением десятилетий диссидентская культура и культура советского человека могли находить точки соприкосновения. Безусловно, советская высокая гуманистическая культура в ходе столкновения с бюрократической властью никогда не принимала рыночно-капиталистической системы ценностей, не мирилась с социальным неравенством и поэтому сумела стать близкой массам советских людей. Именно по этой причине либеральная оппозиция позже презирала *советского человека*, «не продавшегося дьяволу». Он принял рыночное товарное хозяйство, но отверг вытекающие из него следствия. Эта двойственность, это противоречие глубоко закодировано и в сегодняшнем россияnine.

Двойственностью отличалась и советская цензура: ее не было, хотя она была. Власть, осуществлявшая цензуру (которой в формально-юридическом смысле действительно не было), часто под-

держивала тех же самых советских авторов, которых в других случаях ограничивала и запрещала: шла властная закулисная борьба за разрешение запрещенных произведений, о чем у простого советского человека не могло быть ясных представлений. Для *советского человека* добывание насущной пищи, стабильная работа, видимость и реальность социального равенства были важнее свободы личности и интеллектуального и политического освобождения от государственной власти. Даже аналитики, отождествляющие рынок и свободу частного собственника, политический плюрализм со *свободой* как таковой, во многих случаях восхищались историческими достижениями *советского человека*, восстановлением страны, ставшей мировой державой даже после беспримерных военных опустошений. Магистральная дорога «советской цивилизации» вела от Магнитогорска через Сталинград к Звездному городку. Но в действительности судьба и личность *советского человека* формировалась и историей Новочеркасска и Чернобыля. Эти катастрофы могут рассматриваться не только как трагедии их жертв, но и как вехи освобождения от государства. Часто трудно провести границу между *советским* и не-советским человеком. В развитой форме примером этого может быть то, что во время перестройки было уже много таких, кто, принадлежа к привилегированным слоям советской системы, взял на себя задачу уничтожить жизненные условия *советского человека*, чтобы утвердить в России режим олигархического капитализма, больше того, стал страстным защитником и бенефициаром этого режима. В итоге изучения истории *советского человека* мы усвоили, что истинная этансипация — это *одновременно* экономическое, социальное и политическое понятие. Лавируя между «спасающей мир свободой», великими целями экономического и социального освобождения и «мелочами» мелкобуржуазной повседневной действительности, *советский человек* попал под власть последних. Несмотря на это, советская культура оставила потомкам жизненные «памятники», составляющие неистребимую часть прогрессивной мировой культуры, элементы эмансипации культуры.

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 31-51.
2. Своеобразие русского исторического процесса: О дискуссии Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского / Т. Краус // Историческая наука России в XX веке. [Сб. статей] Ин-т российской истории РАН / Редкол.: Г.Д. Алексеева, А.Н. Сахаров, Л.А. Сидорова / Отв. ред. Г.Д. Алексеева / Предисл. Г.Д. Алексеевой. М.: Скрипторий, 1997. С. 200-216.
3. RussianStudiesHu: DOI: [10.38210/RUSTUDH.2020.2.1](https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2020.2.1)
4. Social Scientist. Vol. 24. No. 1/3 (Jan. - Mar., 1996). P. 111-127.
5. HISTORICAL MATERIALISM 25. (2017). P. 23-28.
DOI: [10.1163/1569206X-12341662](https://doi.org/10.1163/1569206X-12341662)
6. RussianStudiesHu DOI: [10.38210/RUSTUDH.2019.1.2](https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2019.1.2)
7. Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 2. С. 604-620.
DOI: [10.15826/qr.2020.2.483](https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.483) УДК 94(439).07"1941/1945"
8. Варга Е.М., Краус Т. Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза // Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главархива Москвы, 2013. С. 285-312.
9. Rossija XXI. 2000. 3. С. 70-95.
10. АЛЬТЕРНАТИВЫ 2007. № 4.
11. АЛЬТЕРНАТИВЫ 2008. № 4.
12. Скепсис 2011 (April, 19).
13. "Homo soveticus", Izdat Urfu (in press) Eszmélet, 2019. ősz, No. 123.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Тамаш КРАУС

СУДЬБА ИДЕЙ В ИСТОРИИ СССР И ПОСЛЕ...

Под общей редакцией
Майи Станиславовны Петровой

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *П.М. Булле*

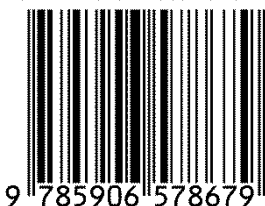
Подписано к печати 01. 02. 2020 г.
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 25. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: www.aquilopress.com

Отпечатано в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978–5–906578–67–9

На обложке: фрагмент снимка Мишеля ТАРТЛА (*Michael TURTLE*)
«Низвержение советских символов» (“Dumping the Soviet Symbols”), 14.05.2020
<https://www.timetravelturtle.com/soviet-statue-graveyard-tallinn-estonia/>
(октябрь, 2020)

На фронтисписе: фотография автора, выполненная Агнес Евой ВАРГОЙ
(*VARGA Ágnes Éva*), 2019 г. — Из личного архива автора